

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

Факультет
государственного
управления

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ISSN 2070-1381

ЭЛЕКТРОННЫЙ ВЕСТНИК

PUBLIC ADMINISTRATION
E-journal (Russia)

96

2023

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Издатель:

Факультет государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Редакция:

Никонов В.А. — главный редактор, доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова;

Петрунин Ю.Ю. — зам. главного редактора, доктор философских наук;

Сухарева М.А. — ответственный секретарь, кандидат экономических наук;

Федько М.В. — редактор, кандидат филологических наук;

Ребрикова А.Г. — технический редактор.

Редакционная коллегия:

Никонов В.А. — доктор исторических наук (МГУ, Россия);

Петрунин Ю.Ю. — доктор философских наук (МГУ, Россия);

Ван Слайк Д. — PhD (Сиракузский университет, США);

Ван Яарсвелд Л.С. — PhD (Университет Южной Африки, ЮАР);

Барабашев А.Г. — доктор философских наук (НИУ ВШЭ, Россия);

Воронов А.С. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Глазьев С.Ю. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Григорьева Н.С. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Дубровская Ю.В. — кандидат экономических наук (ПНИПУ, Россия);

Зайцева Т.В. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Зуб А.Т. — доктор философских наук (МГУ, Россия);

Кудина М.В. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Купряшин Г.Л. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Лексин И.В. — доктор юридических наук (МГУ, Россия);

Леонтьева Л.С. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Лившин А.Я. — доктор исторических наук (МГУ, Россия);

Логинов А.В. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Машкова А.Л. — кандидат технических наук (ОГУ, Россия);

Михайлова О.В. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Осипов В.С. — доктор экономических наук (МГУ, Россия);

Осипов Е.М. — доктор социологических наук (МГУ, Россия);

Полюшкевич О.А. — кандидат философских наук (ИГУ, Россия);

Попова С.С. — кандидат юридических наук (МГУ, Россия);

Сидоров А.В. — доктор исторических наук (МГУ, Россия);

Соловьев А.И. — доктор политических наук (МГУ, Россия);

Сторчевой М.А. — кандидат экономических наук (НИУ ВШЭ, Россия);

Судас Л.Г. — доктор философских наук (МГУ, Россия);

Сухарева М.А. — кандидат экономических наук (МГУ, Россия);

Угнич Е.А. — кандидат экономических наук (ДГТУ, Россия);

Федько М.В. — кандидат филологических наук (МГУ, Россия).

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре как сетевое издание (свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Эл № 77-6880 от 10 апреля 2003 года и Эл № ФС77-56592 от 26 декабря 2013 года).

Международный стандартный серийный номер журнала **ISSN 2070-1381**.

Издание входит в систему РИНЦ на платформе eLIBRARY.ru (сублицензионный договор № 19-10/09 от 12 ноября 2009 года). Журнал входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией России (ВАК РФ) при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по экономике, социологии, и политологии (с 22 октября 2010 года).

Журнал выходит 6 раз в год. Все номера находятся в свободном доступе на сайте: e-journal.spa.msu.ru/.

Статьи журнала доступны в открытом доступе на основании принятой Лицензии Creative Commons: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Адрес редакции: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, каб. А-701.

Тел.: +7 (495) 930-85-71. E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Founding Organization:

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University.

Publisher:

School of Public Administration Lomonosov Moscow State University.

Editors:

Vyacheslav A. Nikonov — Editor-in-chief, DSc (History), Dean of School of Public Administration;

Yury Y. Petrunin — Deputy editor-in-chief, DSc (Philosophy);

Maria A. Sukhareva — Executive Secretary, PhD;

Maria V. Fedko — Editor, PhD;

Anastasia G. Rebrikova — Layout editor.

Board of Editors:

Vyacheslav A. Nikonov — DSc (History), Dean of School of Public Administration (MSU, Russia);

Yury Y. Petrunin — DSc (Philosophy) (MSU, Russia);

David Van Slyke — PhD (Syracuse University, USA);

Liza Ceciel van Jaarsveld — PhD (University of South Africa, RSA);

Alexey G. Barabashev — DSc (Philosophy) (HSE, Russia);

Aleksandr S. Voronov — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Sergey Yu. Glaziev — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Natalia S. Grigorieva — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Julia V. Dubrovskaya — PhD (PNRPU, Russia);

Tatyana V. Zaytseva — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Anatoliy T. Zub — DSc (Philosophy) (MSU, Russia);

Marianna V. Kudina — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Gennady L. Kupryashin — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Vladimir I. Leksin — DSc (Juridical Sciences) (MSU, Russia);

Alexander Y. Livshin — DSc (History) (MSU, Russia);

Lidiya S. Leontieva — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Andrey V. Loginov — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Aleksandra L. Mashkova — PhD (OSU, Russia);

Olga V. Mikhailova — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Vladimir S. Osipov — DSc (Economics) (MSU, Russia);

Egor M. Osipov — DSc (Sociological Sciences);

Oxana A. Polyushkevich — PhD (ISU, Russia);

Svetlana S. Popova — PhD (MSU, Russia);

Alexander V. Sidorov — DSc (History) (MSU, Russia);

Alexander I. Solovyev — DSc (Political Sciences) (MSU, Russia);

Maxim A. Storchevoy — PhD (Political Sciences) (MSU, Russia);

Larisa G. Sudas — DSc (Philosophy) (MSU, Russia);

Maria A. Sukhareva — PhD (MSU, Russia);

Ekaterina A. Ugnich — PhD (DSTU, Russia);

Maria V. Fedko — PhD (MSU, Russia).

The journal is officially registered with the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation. International serial number of the magazine is ISSN 2070-1381.

“E-journal. Public Administration (Russia)” is included into RISC (Russian Index of Scientific Citation) and a Higher Attestation Commission (VAK) list.

The goal of “E-journal. Public Administration (Russia)” is to use the possibilities of Internet to promote cutting-edge theoretical and practical developments in public, municipal and corporate administration. All issues are available on the website: ee-journal.spa.msu.ru/.

The articles published in the journal are available on the basis of Creative Commons: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Address: 119992, Moscow, Lomonosovskiy prospekt 27/4, room A-701.

Telephone: + 7 (495) 930-85-71. E-mail: ee-journal@spa.msu.ru

Содержание

Экономические вопросы управления
Economic issues in administration

Арбатский Михаил Спартакович; Воронов Александр Сергеевич
Некоторые вопросы оценки экономической эффективности инновационных
продуктов регенеративной медицины..... 7

Mikhail S. Arbatsky ; Aleksandr S. Voronov
Some Issues of Assessing Economic Efficiency of Innovative Products of Regenerative
Medicine

Жиряков Виталий Андреевич
Экономические кризисы и смена управленческой парадигмы 23

Vitaly A Zhiryakov
Economic Crises and Change of Management Paradigm

Осипов Владимир Сергеевич ; Толмачёв Михаил Николаевич ; Цыпин Александр Павлович
Оценка воздействия ковид-кризиса на уровень безработицы в постсоветских
странах 35

Vladimir S. Osipov; Michael N. Tolmachev; Alexander P. Tsypin
Assessment of COVID Crisis Impact on the Unemployment Rate in Post-Soviet Countries

Панова Екатерина Андреевна
Влияние санкций на деятельность российских производственных предприятий... 48

Ekaterina A. Panova
The Impact of Sanctions on Russian Manufacturing Enterprises

Сенотрусова Светлана Валентиновна ; Сибирякова Яна Вадимовна
Параллельный импорт и другие экономические меры как ответ на санкции
в отношении российского импорта..... 64

Svetlana V. Senotrusova; Iana V. Sibiriakova
Parallel Import and Other Economic Measures as Response to Sanctions against
Russian Import

Социология управления
Management sociology

Лиходей Елена Максимовна
Разработка молодежной политики Российской Федерации в 1990-е гг..... 74

Elena M. Likhodey
Development of Youth Policy in the Russian Federation in the 1990s

Селезнева Елена Владимировна
Представления российских государственных служащих о ценности общественного
служения 88

Elena V. Selezneva
The Value of Public Service in Representations of Russian Civil Servants

**Правовые и политические аспекты управления
Legal and political aspects of governance**

Купряшин Геннадий Львович ; Дробышева Екатерина Сергеевна; Стародубцев Алексей Сергеевич
Латентное в публичном: изъяны регулирования лоббизма в США..... 104

Gennady L. Kupryashin ; Ekaterina S. Drobysheva ; Aleksey S. Starodubtsev
Latent in Public Mechanisms: Flaws in Lobbying Regulation in the USA

Полунов Александр Юрьевич
Общероссийская гражданская идентичность: концептуальные основы и региональное воплощение 124

Alexander Yu. Polunov
All-Russian Civic Identity: Conceptual Foundations and Regional Implementation

Привалов Владимир Араевич
Нагорно-Карабахский конфликт: особенности процесса международного урегулирования и участие в нем России (1991–2022)..... 134

Vladimir A. Privalov
The Nagorno-Karabakh Conflict: Particularities of International Settlement Process and Russia's Involvement in It (1991–2022)

Резниченко Сергей Анатольевич ; Гавришев Алексей Андреевич
Государственная система поддержки деятельности российских СМИ по продвижению их продукции на зарубежные информационные рынки в условиях информационных войн 148

Sergey A. Reznichenko ; Aleksey A. Gavrishev
State Support System for Russian Mass Media Activities to Promote Their Products to Foreign Information Markets in the Context of Information Wars

**Проблемы управления: теория и практика
Administrative problems: theory and practice**

Наумов Александр Олегович ; Белоусова Марина Владимировна ; Андреева Наталья Вадимовна
От пропаганды к публичной дипломатии: история появления и развития оригинального концепта 163

Alexander O. Naumov ; Marina V. Belousova ; Natalia V. Andreeva
From Propaganda to Public Diplomacy: The Emergence and Development of an Original Concept

**Стратегия цифровой экономики
Digital economy strategy**

Исаева Айгуль Эрнстовна
Инновационная цифровая образовательная экосистема как база перехода к Индустрии 4.0 177

Aigul E. Isaeva
Innovative Digital Educational Ecosystem as a Basis for Transition to Industry 4.0

Гумерова Гюзель Исаевна ; Шаймиева Эльмира Шамилевна
Активизация инновационной деятельности образовательных организаций в цифровой экономике 193

Guzel I. Gumerova ; Elmira Sh. Shaimieva
Activation of Educational Organizations' Innovative Activity in Digital Economy..... 193

**Подготовка управленческих кадров
Administration personnel training**

Зайцева Татьяна Вячеславовна

Факторы готовности к написанию и защите диссертационных работ..... 212

Tatiana V. Zaytseva; Anna A. Suvorova

Motivational Factors for Writing and Defending Scientific Papers

Экономические вопросы управления
Economic issues in administration

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-96-7-22

**Некоторые вопросы оценки экономической эффективности инновационных
продуктов регенеративной медицины**

Арбатский Михаил Спартакович

Заведующий лабораторией искусственного интеллекта и биоинформатики, Российский геронтологический научно-клинический центр, ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России; соискатель, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова; лаборант-исследователь, факультет фундаментальной медицины, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: algenubi81@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [5840-3595](#)

ORCID ID: [0000-0003-4188-1898](#)

Воронов Александр Сергеевич

Доктор экономических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: voronov@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [4606-5045](#)

ORCID ID: [0000-0003-0058-9217](#)

Аннотация

Проблема оценки экономической эффективности от внедрения инновационных лекарственных препаратов замедляет развитие отрасли регенеративной медицины. Отсутствие примеров применения биомедицинских препаратов затрудняет доказательство снижения экономического бремени. Можно перечислить несколько основных причин такого положения. Во-первых, большинство исследований не рассматриваются как потенциальные для дальнейшего трансфера в клиническую практику. Во-вторых, сам процесс внедрения новых разработок занимает очень длительное время, и в этот момент нет возможности произвести такие оценки, так как стоимость лечения такими препаратами неизвестна. В-третьих, крайне сложно экстраполировать оценки сравнения имеющихся и предлагаемых методов лечения на западе, так как формирование стоимости сильно отличается. В представленном исследовании приводится информация об эпидемиологии, имеющихся зарубежных препаратах и отечественных разработках, стоимости лечения за рубежом и тарифах на текущие варианты лечения таких нозологий, как цирроз печени, мужское бесплодие и повреждение периферических нервов. Приводится также информация об экономическом бремени данных заболеваний для экономики России. Несмотря на очевидную экономию бюджетных средств при использовании инновационных лекарственных препаратов по сравнению с малыми молекулами, их внедрение требует развития инфраструктуры, обучения специалистов по новой специальности, внесения изменений в существующие регуляторные документы. Включение высокотехнологичных лекарственных препаратов по указанным заболеваниям в клиническую практику занимает много времени по причине отсутствия доказательств экономической эффективности от их применения. В связи с этим основной задачей представленного исследования является рассмотрение вопросов и возможностей оценки экономического эффекта от внедрения инновационных продуктов регенеративной медицины в практику здравоохранения.

Ключевые слова

Регенеративная медицина, экономическое бремя, экономическая эффективность, инновационные продукты, цирроз печени, мужское бесплодие, повреждение периферических нервов, ишемия конечностей.

**Some Issues of Assessing Economic Efficiency of Innovative Products of Regenerative
Medicine**

Mikhail S. Arbatsky

Head of Artificial Intelligence and Bioinformatics Laboratory, The Russian Clinical Research Center for Gerontology, Pirogov Russian National Medical University; PhD applicant, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University; Research assistant, Faculty of Fundamental Medicine, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: algenubi81@mail.ru

ORCID ID: [0000-0003-4188-1898](#)

Aleksandr S. Voronov

DSc (Economics), Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: voronov@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0003-0058-9217](#)

Abstract

The problem of assessing the economic efficiency of introducing innovative drugs slows down the development of the regenerative medicine industry. The lack of examples of biomedical products use makes it difficult to prove that the economic burden has been reduced. There are several main reasons for this situation. First, most studies are not considered as potential for further

transfer to clinical practice. Secondly, the process of introducing new developments takes a very long time and at this moment it is not possible to make such estimates, since the cost of treatment with such drugs is unknown. Thirdly, it is extremely difficult to extrapolate estimates of the comparison of available and proposed methods of treatment in the West, since the cost formation is very different. The presented study provides information on epidemiology, available foreign drugs and domestic developments, the cost of treatment abroad and tariffs for current treatment options for such nosologies as cirrhosis of the liver, male infertility and damage to peripheral nerves. Information is also provided on the economic burden of these diseases for the Russian economy. Despite the obvious savings in budgetary funds when using innovative drugs compared to small molecules, their implementation requires infrastructure development, training of specialists in a new specialty, and changes to existing regulatory documents. The inclusion of high-tech drugs for these diseases in clinical practice takes a long time due to the lack of evidence of cost-effectiveness from their use. In this regard, the main objective of the presented study is to consider the issues and opportunities for assessing the economic effect of introducing innovative products of regenerative medicine into healthcare practice.

Keywords

Regenerative medicine, economic burden, cost-effectiveness, innovative products, liver cirrhosis, male infertility, peripheral nerve damage, limb ischemia.

Введение

Доступность инновационных лекарственных препаратов зависит от того, включены ли они в список жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов для медицинского применения (ЖНВЛП) и клинико-статистическую группу заболеваний (КСГ) системы обязательного медицинского образования (ОМС) и возможно ли включение в план лечения таких препаратов по программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи¹. При отсутствии таких препаратов в этих списках их использование ограничено проведением клинических испытаний в клиниках и испытаниями в научно-образовательных и научно-клинических центрах. Однако включение высокотехнологичных препаратов занимает много времени по причине отсутствия доказательств экономической эффективности от их применения. Основной задачей данного исследования является оценка экономического эффекта от внедрения инновационных продуктов регенеративной медицины — биомедицинских препаратов. Ряд таких лекарственных препаратов представлен в Таблице 1 в зависимости от этапа разработки и механизма действия.

Таблица 1. Биомедицинские препараты регенеративной медицины, находящиеся на различных этапах разработки²

Название препарата/действующая субстанция	Направление воздействия
Клинические исследования	
Корвиан (ген VEGF)	Восстановление кровеносных сосудов.
Иннервин (ген BDNF)	Восстановление периферических нервов.
Юпикор (ген урокиназы)	Восстановление кровеносных сосудов.
Завершенные доклинические исследования	
Васкопоэтин (сочетание генов ангиопоэтина и HGF)	Восстановление кровеносных сосудов.
Гепатофибrol (сочетание генов урокиназы и HGF)	Восстановление внутренних органов.
Сочетание генов урокиназы и BDNF	Восстановление периферических нервов.
Доклинические исследования	
Секретом стволовых клеток с коллагеновым матриксом	Восстановление функции половой системы и целостности наружных покровов.
Секретом мультипотентных стромальных клеток человека	Восстановление целостности наружных покровов и кровеносных сосудов.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 года № 2497 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405965459/> (дата обращения: 20.11.2022).

² Составлено авторами.

В исследовании представлена информация об эпидемиологии, имеющих зарубежных препаратов и отечественных разработках, стоимости лечения за рубежом и тарифах на текущие варианты лечения таких нозологий, как цирроз печени, мужское бесплодие и повреждение периферических нервов; рассматриваются вопросы оценки экономического эффекта и перспективного внедрения в практику здравоохранения представленных инновационных продуктов (лекарственных препаратов) по каждому из указанных заболеваний.

Цирроз печени (ЦП)

Мировой рынок лечения болезней печени, по оценкам экспертов, с 900 млрд рублей в 2022 году увеличится до 1,6 трлн рублей к 2027 году при совокупном среднегодовом темпе роста 11,72% за прогнозируемый период³.

По данным ВОЗ, на долю смертности от ЦП приходится до 1,8% случаев в европейских странах, что составляет 170 000 человек в год. Самыми распространенными причинами формирования ЦП являются хронический вирусный гепатит С (ХГС) и алкогольная болезнь печени. Ежегодно от причин, связанных с употреблением алкоголя, умирает 2,5 млн человек, среди которых 320 000 — люди в возрасте от 15 до 29 лет. С 2001 г. в России ежегодно регистрируется более 40 тыс. впервые выявленных случаев ХГС, а доля гепатита С в структуре хронических вирусных гепатитов составляет более 60%. Заболеваемость хроническим гепатитом С в 2016 году в России составила 5,8 млн человек [Mukomolov et al. 2016].

По данным отчета Европейской ассоциации по изучению печени, около 40% трансплантаций печени в Европе проводится по поводу ЦП вирусной этиологии, 33% — алкогольной и еще 5% — вследствие сочетания этих этиологических факторов, при этом процентное соотношение может варьировать в зависимости от страны [Angeli et al. 2018; Ивашкин и др. 2021].

В течение последних 20 лет трансплантация печени стала распространенной практикой лечения большинства тяжелых заболеваний печени. В США около 16 000 пациентов находятся в листе ожидания на трансплантацию печени. Только 38% из них смогут получить трансплантацию из-за нехватки органов. Была предложена модель, предсказывающая потребность в трансплантации печени через 20 лет. Для расчетов была использована текущая стоимость трансплантации при имеющихся технологиях. Затем эта стоимость сравнивалась со стоимостью трансплантации аутологичной печени [Nabka et al. 2015].

Снижение стоимости лечения цирроза печени и трансплантации может быть достигнуто разработкой и внедрением клеточных методов для получения гепатоцитов и печеночной ткани. Предложено использование для генетической терапии экспериментального фиброза печени невирусных плазмидных конструкций, несущих гены фактора роста гепатоцитов (HGF) и урокиназы (uPA), комбинация которых одновременно стимулирует деление гепатоцитов и способствует разрушению межклеточного матрикса. Биохимическими и гистологическими методами доказана эффективность разработанной комбинации генов HGF и uPA при лечении экспериментального фиброза; установлена безопасность использованных кДНК человека в составе содержащих их экспрессионных векторов для лабораторных животных [Евсеева, Рубцов 2015].

³ Global Liver Disease Treatment Market Size, Share, Trends, COVID-19 Impact & Growth Analysis Report — Segmented by Treatment Modality, Disease Type and Region — Industry Forecast (2022 to 2027) // MarketDataForecast [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marketdataforecast.com/market-reports/liver-disease-treatment-market> (дата обращения: 14.11.2022).

Обзор инновационных биомедицинских компаний показал, что существуют разработки методов лечения цирроза печени стволовыми клетками, в частности стволовыми клетками менструальной крови и мезенхимальными стволовыми клетками (МСК) (Таблица 2).

Таблица 2. Мировые разработки препаратов для лечения цирроза печени⁴

Компания	Препарат	Тип
Regenerative Medicine Limited	UC-MSC infusion	Мезенхимальные стволовые клетки пуповины
S-Evans Biosciences, Inc	MenSC transplantation	Стволовые клетки менструальной крови (MenSCs)
Vigconic (International) Ltd	Vitaliver ⁵	Китайская народная медицина
Alliancells Bioscience Corporation Limited ⁶	МСК	Стволовые клетки

Коллективом авторов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ) был зарегистрирован патент на лекарственное средство для лечения фиброза печени, способ его получения и способ лечения фиброза печени с рабочим названием «Васкопоэтин» (сочетание генов урокиназы и HGF)⁷. Лекарственное средство по анализируемому заболеванию разрабатывалось в Московском университете при финансовой поддержке российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 14-24-00086 «Механизмы регуляции направленного роста нервов и сосудов компонентами фибринолитической системы и GPI-заякоренными навигационными рецепторами». Размер финансирования грантов этого типа конкурса составляет от 5 до 20 млн руб/год⁸. Как правило, подобные гранты продлеваются до трех лет. Таким образом, на этап исследований может быть затрачено до 60 млн руб.

Для того, чтобы оценить экономический эффект инновационного клеточного препарата или способа лечения, нужно знать его стоимость. Рынок инновационных продуктов регенеративной медицины только начинает формироваться, поэтому у специалистов таких данных пока еще нет. Стоит обратить внимание на стоимость текущего варианта лечения. Она может варьировать в широком диапазоне, в зависимости от ценовой политики клиники. Для ориентировочных расчетов можно использовать тарифы ОМС (Таблица 3). Список медицинских услуг ОМС включает далеко не все варианты диагнозов. Несмотря на это, можно сформировать примерное понимание порядка стоимости того или иного заболевания при использовании текущих вариантов его лечения. Так, законченный случай лечения цирроза печени при хроническом гепатите стоит 90 тыс. руб., один день нахождения пациента в дневном стационаре терапевтического или хирургического профиля — 618 и 845 руб. соответственно (Таблица 4). Консервативное лечение на начальных стадиях недорогое, но при прогрессировании заболевания необходимо применение альбумина, стоимость которого составляет до 3300 руб. за 100 мл. В случае необходимости трансплантации печени стоимость лечения составит около 1,2 млн руб. (Таблица 5).

⁴ Составлено авторами.

⁵ A Phase II, Double-blinded, Randomized, Controlled Study to Evaluate the Efficacy and Safety of Vitaliver in Patients with Decompensated Cirrhosis // Clinical Trials [Электронный ресурс]. URL: <https://clinicaltrials.gov/ct2/show/NCT00562783> (дата обращения: 10.11.2022).

⁶ Safety and Efficacy Study of Umbilical Mesenchymal Stem Cells for Liver Cirrhosis (LC) // Clinical Trials [Электронный ресурс]. URL: <https://clinicaltrials.gov/ct2/show/NCT01573923> (дата обращения: 10.11.2022).

⁷ RU2615445C2.

⁸ Карточка проекта, поддержанного российским научным фондом // РФФИ [Электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/14-24-00086/> (дата обращения: 10.11.2022).

Таблица 3. Тарифы на оплату медицинской помощи, оказываемой в стационарных условиях по законченным случаям лечения заболевания в рамках территориальной программы ОМС⁹

№	Код услуги	Наименование услуги	Тариф, руб.
208	71060	Хронический гепатит, цирроз печени , портальная гипертензия	89 978,04
1018	171060	Хронический гепатит. Цирроз печени	76 530,37
1019	171061	Хронический гепатит. Цирроз печени (при совместном нахождении с ребенком одного из родителей, иного члена семьи или иного законного представителя)	85 280,43
1492	183080	Острая печеночная недостаточность (вирусный гепатит, цирроз печени , отравления)	25 264,56
1493	183081	Острая печеночная недостаточность (вирусный гепатит, цирроз печени , отравления) (при совместном нахождении с ребенком одного из родителей, иного члена семьи или иного законного представителя)	25 514,57

Таблица 4. Тарифы на оплату медицинской помощи, оказываемой в условиях дневного стационара в рамках территориальной программы ОМС, применяемые в том числе для осуществления горизонтальных расчетов¹⁰

№	Код услуги	Наименование услуги	Тариф, руб.
1	97001	Дневной стационар хирургического профиля	845,28
2	97002	Дневной стационар терапевтического профиля	618,59

Таблица 5. Консервативное и хирургическое лечение цирроза печени¹¹

Лечение	Комментарий	Максимальная розничная цена, руб.
Спиронолактон (калийсберегающий диуретик) [Ивашкин и др. 2021]	100 мг/сутки	От 60 до 105 (20 таблеток)
Фуросемид/Торасемид («петлевые» диуретики)	40/5 мг сутки	От 10 до 80 (10 таблеток)
Альбумин человека	8 г. на каждый удаленный литр асцитической жидкости	От 1800 до 3300 (100 мл., 10%)
Трансплантация печени ¹²	Хирургическое лечение	1 171 200

Особую проблему в оценке экономической эффективности инновационных методов лечения цирроза печени составляет увеличивающаяся с каждым годом необходимость в органах для трансплантации. Поэтому здесь необходимо особо отметить роль клеточных методов лечения подобных заболеваний. Такие подходы решают проблему нехватки органов, так как для получения ткани или органа можно использовать собственные клетки пациента. Это не только повышает шансы пациента на выживание, но и создает условия для постепенного отказа от трансплантации органов.

Стоимость стационарного лечения одного больного циррозом печени составляет примерно 350 тыс. руб. [Жданов, Козлов 2016]. Стоимость лечения цирроза печени с использованием клеточной терапии на текущий момент неизвестна. Наблюдаемые результаты применения клеточных технологий позволяют сделать вывод о том, что при широком внедрении этого метода лечения затраты на лечение данной патологии можно будет снизить минимум в два раза. В основном этот эффект связан с особенностью клеточной терапии. Она оказывает

⁹ Составлено авторами на основе: Приложение № 8.1 к Тарифному соглашению на оплату медицинской помощи, оказываемой по территориальной программе обязательного медицинского страхования, на 2022 год от 30 декабря 2021 года.

¹⁰ Составлено авторами на основе: Приложение № 8.1 к Тарифному соглашению на оплату медицинской помощи, оказываемой по территориальной программе обязательного медицинского страхования, на 2022 год от 30 декабря 2021 года.

¹¹ Составлено авторами.

¹² Программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи.

стимулирующее влияние на клетки печени, способствуя восстановлению их функции. Кроме того, после прохождения данной терапии не требуется повторное лечение [Коткас, Земляной 2020; Liu et al. 2022]. Неоспоримым преимуществом терапии стволовыми клетками является возможность отказа от трансплантации, стоимость которой, согласно тарифам ОМС, составляет около 1,2 млн рублей.

По результатам поперечного исследования в России изучено экономическое бремя гепатита С, и суммарные затраты в ценах 2010 года составили 48,47 млрд руб., или 0,108% от внутреннего валового продукта (ВВП). Оценка производилась исходя из того, что к концу 2010 года официально было зарегистрировано 555 009 больных хроническим гепатитом С [Ющук и др. 2013]. С тех пор крупных исследований не проводилось. Расчет экономического бремени цирроза печени не является целью данной работы, однако необходимо отметить, что, по официальным данным Роспотребнадзора, заболеваемость острым вирусным гепатитом в 2014 году составляла 1449 случаев, а хроническим вирусным гепатитом — 6263 случая. В 2018 году эти показатели составили 7132 и 61866 соответственно¹³. Объем ВВП России за III квартал 2022 г. составил в текущих ценах 36,8 трлн рублей. Исходя из этого, можно предположить, что экономическое бремя на текущий момент может составлять уже около 0,5% ВВП, что равно приблизительно 185 млрд рублей. Постепенное наращивание исследований, разработок и производства клеточных препаратов может снизить расходы приблизительно в половину.

Мужское бесплодие

Мировой рынок медицинских технологий вспомогательной репродукции на текущий момент оценивается в 2,3 трлн рублей (по курсу на 15.12.2022) с прогнозом увеличения до 3,5 трлн рублей через 10 лет¹⁴. Мужской фактор бесплодия в семейных парах составляет примерно 40% и оценивается примерно в 700 млрд рублей от общемирового рынка [De Jonge et al. 2022].

В опубликованном в 2020 году опросе приняли участие 145 пациентов. Большинство пациентов зарабатывали от 230 до 465 тыс. рублей в месяц. Стоимость амбулаторного визита колебалась от 9 до 18 тыс. рублей. Стоимость гормонального исследования составила 11,5 тыс. рублей, а исследования с визуализацией — от 630 до 800 тыс. рублей. Большинство пациентов (62,8%) получили медикаментозную терапию стоимостью более 70 тыс. рублей. Стоимость варикоцелэктомии колебалась от 230 до 465 тыс. рублей, а стоимость извлечения спермы из яичка — от 115 до 230 тыс. рублей. Большинство пациентов (96,3%) не имели медицинской страховки от бесплодия. В среднем пациенты тратят около 18% своего годового дохода на лечение бесплодия, не считая серьезных хирургических вмешательств [Al-Kandari, Alenezi 2020].

Если говорить о попытках излечения мужского бесплодия и женского бесплодия, комбинированного с мужскими факторами, то на сегодняшний день в мире проходят клинические испытания препаратов с различными механизмами действия, среди которых можно назвать такие препараты, как стимуляция фолликулов агонистами гормональных рецепторов, активация

¹³ Инфекционная заболеваемость в Российской Федерации за январь-декабрь 2018 г. // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/activities/statistical-materials/statistic_details.php?ELEMENT_ID=11277 (дата обращения: 20.10.2022).

¹⁴ Fertility Market (By Offering: Assisted Reproductive Technology (IVF, Artificial Insemination, Surrogacy, and Others), Fertility Drugs (Gonadotropin, Anti-estrogen, and Others), Others; By End user: Fertility Clinics, Hospitals, and Clinical Research Institutes) — Global Industry Analysis, Market Size, Share, Growth, Trends, Regional Outlook and Forecasts, 2021–2027 // Precedence Research [Электронный ресурс]. URL: <https://www.precedenceresearch.com/fertility-market> (дата обращения: 14.11.2022).

обратной транскриптазы теломеразы, агонисты рецепторов андрогенов, заместительная терапия нелизосомальной глюкозилцерамидазой, ингибитор фосфодиэстеразы 3, ингибитор члена 11 суперсемейства лигандов фактора некроза опухоли (Таблица 6).

Таблица 6. Мировые разработки препаратов для лечения мужского бесплодия¹⁵

Компания	Препарат	Тип
Aprilbio Co Ltd	APB-R2	Антитело
Igyxos SA	IGX12	Моноклональное антитело
Ferring Pharmaceuticals Inc	rFSH	Рекомбинантный гормон
Neuromagen Pharma Ltd	AGS-534	Малая молекула
Prokrea BCN SL	PKB-171	Ингибитор фосфодиэстеразы

Наиболее интересным направлением терапии мужского бесплодия является применение технологий регенеративной медицины. Изучения влияния секретома МСК на сперматогониальную нишу человека пока не проводилось, но начали появляться подобные исследования на крысах. В экспериментальной модели двустороннего крипторхизма при воздействии секретомом МСК примерно через 1 месяц восстанавливается масса яичек, уменьшается склерозирование и атрофия семенных канальцев, восстанавливается сперматогенез, вызванный моделированием нарушений сперматогенеза [Sagaradze et al. 2022].

Лекарственное средство для лечения мужского бесплодия (биомедицинский клеточный препарат) разрабатывалось в Московском университете при финансовой поддержке российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) №-18-315-00403 «Роль паракринных эффектов мезенхимных стромальных клеток в регуляции сперматогенной ниши». Размер финансирования грантов этого типа конкурса составляет от 5 до 20 млн руб/год¹⁶. Как правило, подобные гранты продлеваются до трех лет. Таким образом, на этап исследований может быть затрачено до 60 млн руб.

В Таблице 7 указана стоимость медицинских услуг урологического профиля. Согласно тарифам, стоимость лечения пациента с диагнозом «варикоцеле» будет включать консультацию врача-уролога, консультацию врача-эндокринолога, назначение гонадотропина хорионического и проведение манипуляций в стационаре. Общая стоимость составит приблизительно 30 тыс. руб.

Таблица 7. Тарифы на оплату медицинской помощи, оказываемой в стационарных условиях по законченным случаям лечения заболевания в рамках территориальной программы ОМС¹⁷

№	Код услуги	Наименование услуги	Тариф, руб.
1218	175110	Врожденные и приобретенные болезни мошонки и яичка	30 059,95
63	1161	Прием врача-уролога лечебно-диагностический, первичный, амб.	71,79
31	1071	Прием врача-эндокринолога лечебно-диагностический, первичный, амб.	111,77
134	1705	Консультация врача-эндокринолога	180,56
1378	101723	Консультация врача-генетика	494,07
928	101905	Консультация врача-уролога в стационаре	131,82
138	1709	Консультация врача-уролога	174,57
371	75090	Варикоцеле, гидроцеле, гипоспадия, эписпадия, врожденные аномалии мочевых путей	27 334,34

¹⁵ Составлено авторами.

¹⁶ Карточка проекта, поддержанного российским научным фондом // РНФ [Электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/14-24-00086/> (дата обращения: 14.11.2022).

¹⁷ Составлено авторами на основе: Приложение № 8.1 к Тарифному соглашению на оплату медицинской помощи, оказываемой по территориальной программе обязательного медицинского страхования, на 2022 год от 30 декабря 2021 года.

Текущий вариант лечения мужского бесплодия при гипогонадотропном гипогонадизме для индукции сперматогенеза предполагает применение гонадотропина хорионического и менотропинов [Dwyer et al. 2015; Rastrelli et al. 2014] (Таблица 8).

Таблица 8. Консервативное лечение мужского бесплодия¹⁸

Лечение	Комментарий	Максимальная розничная цена, руб.
Гонадотропин хорионический ¹⁹	2–3 раза в неделю в/м	2911, 5 шт. (1 мл.), 1500 МЕ

Данных о стоимости законченного случая лечения мужского бесплодия в отечественной литературе не встречается. Объясняется это тем, что вопросы репродукции в семейных парах решаются с помощью экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) и все фармакоэкономические анализы посвящены именно этому. Нарушения со стороны мужчины формулируются в международной классификации болезней как мужской фактор женского бесплодия. С 2016 года проведение ЭКО осуществляется в рамках базовой программы ОМС, что существенно снижает расходы семейных пар. Однако это не решает проблемы собственно мужского бесплодия, причинами которого может быть очень много факторов. Поэтому, если первичной причиной все же является нарушение сперматогенеза, требуется применение восстанавливающих методов лечения. В данном случае клеточная терапия будет единственным способом восстановления созревания половых клеток, так как существующая терапия направлена в основном на стимуляцию сперматогенеза, а не на восстановление функции.

За период 2000–2018 гг. в Российской Федерации, по данным официальной статистики, отмечено увеличение общего количества зарегистрированных мужчин с бесплодием: с 22 348 до 47 886, прирост в 2,1 раза. Первичная заболеваемость увеличилась с 8 993 в 2000 году до 16 357 в 2018 году, прирост в 1,8 раза [Лебедев и др. 2019, 10]. В 2019 году выполнено 79 566 циклов ЭКО, что составило 113,7% от плана (не менее 70 000 циклов ЭКО). Объем израсходованных средств на оказание медицинской помощи с применением ЭКО в 2019 году составил 9,8 млрд рублей, или 103,3% от предусмотренных базовой программой ОМС (9,5 млрд рублей)²⁰.

Объем ВВП России за III квартал 2022 г., как уже отмечалось выше, составил в текущих ценах 36,8 трлн рублей. Исходя из этого, можно предположить, что экономическое бремя на текущий момент может составлять около 0,02%. Постепенное наращивание исследований, разработок и производства клеточных препаратов может снизить расходы приблизительно в половину.

Повреждения периферических нервов

Мировой рынок терапии повреждений периферических нервов, по оценке экспертов, к 2030 году составит 190 млрд. рублей с совокупным среднегодовым темпом роста, равным 7,65%²¹.

На долю поражений периферической системы, по данным разных авторов, приходится 5–10% общей заболеваемости населения. В структуре неврологических больных патология периферической нервной системы составляет 48–52%, занимая при этом первое место по степени потери трудоспособности [Filler et al. 2005]. Это больные с травматическими поражениями

¹⁸ Составлено авторами.

¹⁹ Клинические рекомендации по лечению мужского бесплодия // Disuria [Электронный ресурс]. URL: http://disuria.ru/ld/10/1013_kr21N46mz.pdf (дата обращения: 14.11.2022).

²⁰ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ эффективности расходования средств обязательного медицинского страхования в 2019 году и истекшем периоде 2020 года при проведении процедуры экстракорпорального оплодотворения» // Счетная палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/9b0/9b06bc06ddedb49a807822ad7cd21621.pdf> (дата обращения: 05.11.2022).

²¹ Peripheral Nerve Injuries Market Worth \$2.58 Billion by 2030: Grand View Research, Inc. // PR Newswire [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/peripheral-nerve-injuries-market-worth-2-58-billion-by-2030-grand-view-research-inc-301590976> (дата обращения: 06.11.2022).

периферических нервов и плечевого сплетения, туннельными синдромами, опухолью периферической нервной системы, болевыми синдромами, вертеброгенными заболеваниями периферической нервной системы.

Травматические поражения периферических нервов верхних конечностей составляют более 70% всех травм нервных стволов, из них чаще всего повреждаются срединный и локтевой нервы [Hall 2005]. Наиболее неблагоприятными из этих поражений являются проксимальные поражения в связи с большой протяженностью внутриневральных изменений, а также поражения нервов со значительными диастазами. Все это требует специального внимания к проблеме хирургического лечения посттравматических поражений периферических нервов.

Среди повреждений периферических нервов травма плечевого сплетения по частоте занимает третье место и составляет 1,3%, увеличиваясь до 5% при мотоциклетных несчастных случаях. Степень и тяжесть инвалидизации, достигающие 75%, ставят этот вид патологии на первое место [Kline et al. 1986]²².

В опубликованном в 2020 году исследовании были проанализированы данные 250 пациентов с 268 производственными травмами нервов верхних конечностей, включающие случаи от неотложной помощи до длительного наблюдения в период реабилитации, получения больничного листа и получения пенсии по инвалидности. Лечение в стационаре острого (одиночного) повреждения срединного нерва составило 66% с возмещением больничных расходов в размере 270 тыс. рублей, повреждение локтевого нерва — 24% и 200 тыс. рублей, повреждение лучевого нерва — 10% и 240 тыс. рублей, все включая повреждения пальцевого нерва. Остальные повреждения нервов были комбинированными со значительно более высокими затратами на лечение, особенно в сочетании с повреждением сухожилий (390 тыс. рублей) или повреждением сосудов (370 тыс. рублей). В зависимости от локализации повреждения нервов, стоимость лечения повреждений проксимальнее запястья составила в среднем 400–490 тыс. рублей, на уровне запястья и пясти — 200–269 тыс. рублей и на уровне фаланг — 250–260 тыс. рублей. В 16% случаев потребовалась реабилитация со средней стоимостью 445 тыс. рублей и пребыванием в больнице в течение 41 дня (± 21 день). Отпуск по болезни составлял от 11 до 1109 дней, в среднем 147 дней с социально-экономическими затратами 15 тыс. рублей в день, что в среднем равнялось 1,3 млн рублей. В 30% случаев участники исследования получали среднегодовую пенсию по инвалидности в размере 240 тыс. рублей, что составляет около 8 млн руб. за всю жизнь начиная с выхода на пенсию [Bergmeister et al. 2020].

Повреждение периферических нервов является часто встречаемым вторичным травматическим повреждением, составляющим примерно 2,8% от всех травматических повреждений. В развитых странах распространенность составляет от 13 до 23 человек на 100 000. В США ежегодно проводится около 360 000 процедур и тратится 10,5 трлн рублей. Таким образом, повреждения периферических нервов являются серьезной индивидуальной и социальной проблемой, стоимость которой для первичного пациента составляет 2,8–5,3 млн рублей [Li et al. 2022].

В отличие от подходов к лечению двух предыдущих нозологий, текущие варианты лечения повреждений периферических нервов являются более разнообразными (Таблица 9). Помимо клеточных препаратов, для лечения используются также конструкции для сопоставления поврежденных стволов, что делает выбор лечения более гибким.

²² Клинические рекомендации по диагностике и лечению повреждений и заболеваний периферической нервной системы. М.: Ассоциация нейрохирургов России, 2015.

Таблица 9. Мировые разработки препаратов для лечения повреждений периферических нервов²³

Компания	Препарат	Тип
Neuraptive Therapeutics Inc	NTX-001 ²⁴	Аппликация полиэтиленгликоля (ПЭГ) сразу после кооптации нерва.
Bioness Inc	StimRouter Neuromodulation System ²⁵	Устройство для стимуляции периферических нервов, которое помогает пациентам уменьшить хроническую боль в нервах, направляя мягкие электрические импульсы непосредственно на источник боли в периферических нервах.
Polyganics BV	NEUROLAC, VIVOSORB, NEUROCAP ²⁶	Синтетический материал; сополимер лактида и капролактона.
Axogen	Avance Nerve Graft	Децеллюляризованная и стерильно обработанная ткань периферических нервов человека.
	Axoguard Nerve Connector	Изготовлен из предобработанных свиных мезенхимальных стволовых клеток.
	Axoguard Nerve Protector	Изготовлен из предобработанных свиных мезенхимальных стволовых клеток.
	Axoguard Nerve Cap	Переработанная оболочка пуповины человека.
	Avive Soft Tissue Membrane	Мезенхимальные стволовые клетки подслизистой оболочки свиньи.
	Axotouch Two-Point Discriminator	Два алюминиевых диска, каждый из которых содержит ряд зубцов, расположенных на расстоянии от 2 до 15 миллиметров друг от друга.

Фармакоэкономических анализов эффективности методов лечения повреждений периферических нервов найдено не было. Объясняется это тем, что эти повреждения могут быть очень разнообразными и рассчитать даже приблизительно стоимость в целом невозможно. В этом случае можно ориентироваться на стандарт специализированной медицинской помощи при поражениях отдельных нервов, нервных корешков и сплетений²⁷ (Таблица 10). По сравнению с предыдущими двумя нозологиями, тарифы на восстановление поврежденных периферических нервов являются более дорогими. Этот факт является хорошим стимулом для более быстрого внедрения инновационных клеточных препаратов для восстановления целостности поврежденных нервов. Немаловажен тот факт, что повреждения нервов, как правило, являются следствием несчастных случаев, связанных с повреждением конечностей. Это увеличивает число пациентов с повреждениями периферических нервов, а сложность в восстановлении требует ускорения внедрения восстановления целостности нервных стволов с помощью клеточных препаратов.

²³ Составлено авторами.

²⁴ NTX-001 // Neuraptive Therapeutics [Электронный ресурс]. URL: <https://www.neuraptive.com/technology> (дата обращения: 14.11.2022).

²⁵ Pain Treatments // Bioness [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bioventus.com/products/paintreatments/> (дата обращения: 14.11.2022).

²⁶ Peripheral Nerve Repair // Polyganics [Электронный ресурс]. URL: <https://polyganics.com/portfolio/peripheral-nerve-repair/> (дата обращения: 14.11.2022).

²⁷ Приказ Минздрава России от 7 ноября 2012 г. № 616н «Об утверждении стандарта специализированной медицинской помощи при поражениях отдельных нервов, нервных корешков и сплетений» // Минздрав России [Электронный ресурс]. URL: <https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/025/796/original/%.pdf?1430303287> (дата обращения: 14.11.2022).

Таблица 10. Тарифы на оплату медицинской помощи, оказываемой в стационарных условиях по законченным случаям лечения заболевания в рамках территориальной программы ОМС²⁸

№	Код услуги	Наименование услуги	Тариф, руб.
109	66180	Полиневропатия и другие поражения периферической нервной системы	43 154,95
1570	187040	Родовая травма с повреждением спинного мозга и периферических нервов	110 677,80
1374	101717	Консультация врача-невролога	268,04
89	1301	Прием врача-невролога лечебно-диагностический, первичный, амб.	111,70
1388	101745	Консультация врача-нейрохирурга	219,04
108	66170	Поражения нервов, нервных корешков и сплетений	27 796,31
109	66180	Полиневропатия и другие поражения периферической нервной системы	43 154,95
110	66190	Болезни нервно-мышечного синапса и мышц	40 488,74

Обсуждая применение продуктов регенеративной медицины для лечения повреждений периферических нервов, приведем в пример данные, которые указывают на секреторную активность МСК как на основной механизм стимуляции восстановления поврежденных нервных волокон. Результаты исследований института регенеративной медицины медицинского научно-образовательного центра МГУ демонстрируют целесообразность использования мезенхимальных стволовых клеток для стимуляции восстановления травмированного периферического нерва и позволяют предположить, что улучшить способность МСК стимулировать восстановление поврежденной ткани можно за счет усиления их секреторной активности. Этого можно добиться с помощью генетической модификации МСК конструкциями, кодирующими факторы роста, или с помощью предтрансплантационного культивирования МСК в условиях гипоксии [Lopatina et al. 2011; Карагяур и др. 2017].

Лекарственное средство по анализируемому заболеванию разрабатывалось в Московском университете при финансовой поддержке российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) №-16-45-03007 «Стимуляция регенерации с помощью конструкций из пластов модифицированных стволовых клеток, экспрессирующих нейротрофические факторы». Размер финансирования грантов этого типа конкурса составляет от 5 до 20 млн руб/год²⁹. Как правило, подобные гранты продлеваются до трех лет. Таким образом, на этап исследований может быть затрачено до 60 млн руб.

Среди множества неврологических заболеваний травматическая патология периферической нервной системы занимает особое место, так как составляет примерно половину от всех заболеваний периферической нервной системы человека и занимает 1-е место по степени утраты трудоспособности. Частота повреждений периферических нервов в мирное время составляет от 1,5 до 13%. Травмы периферических нервов, в соответствии с различными данными, составляют 1–10% от общего числа травм [Маргасов 2018]. Раны конечностей сопровождаются повреждением нервных стволов в 1,5% случаев, а переломы — в 20% случаев. Каждый год в России до 7 тыс. человек нуждаются в хирургическом лечении, показанием к которому является травма периферического нерва [Иванов и др. 2019]. Средняя стоимость лечения одного больного

²⁸ Составлено авторами на основе: Приложение № 8.1 к Тарифному соглашению на оплату медицинской помощи, оказываемой по территориальной программе обязательного медицинского страхования, на 2022 год от 30 декабря 2021 года

²⁹ Карточка проекта, поддержанного российским научным фондом // РФФИ [Электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/14-24-00086/> (дата обращения: 14.11.2022).

с посттравматической нейропатией составляет 55 тыс. руб. При этом стоимость лечения отдельных больных находится в интервале от 27 тыс. руб. (в 1,89 раза ниже среднего показателя) до 92 тыс. руб. (в 1,78 раза выше среднего значения) [Кабакова и др. 2014].

Травмы влекут за собой огромные экономические потери ввиду высокого процента инвалидизации, особенно лиц трудоспособного возраста, длительного дорогостоящего лечения [Скороглядов, Лядова 2016]. Так, в России экономические потери вследствие травм могут оцениваться в 2,6% от ВВП [Гуманенко 2006]. Исходя из объема ВВП России за III квартал 2022 г. (36,8 трлн рублей), можно предположить, что экономическое бремя на текущий момент может составлять приблизительно 957 млрд рублей. Постепенное наращивание исследований, разработок и производства клеточных препаратов может снизить расходы приблизительно в половину.

Выводы

После проведения исследований производится забор биологического материала, выделение клеток, получение однородной популяции и ее паспортизация. Ориентировочная стоимость этих этапов — около 1 млн руб. В общей структуре затрат этапы от проведения исследований до паспортизации составляют примерно 25%.

Следующая и самая основная статья затрат — доклинические испытания, точную стоимость которых рассчитать невозможно по причине высокой вариативности дизайна исследований. Так, например, АО «Генериум» первым провел доклинические испытания и получил разрешение на проведение клинических испытаний. По оценке экспертов, расходы на проведение этих этапов составляли около 200 млн руб. Подтвердить такую информацию невозможно, так как она является коммерческой тайной. Широкий диапазон стоимости этих этапов зависит от количества сотрудников, стоимости оборудования, лабораторных животных, количества включенных центров для проведения исследований, количества участников исследования и т.д. В общей структуре затрат этапы от доклинических испытаний до регистрации составляют примерно 58%.

Самой несущественной по затратам является регистрация инновационного лекарственного препарата. Однако несформированная нормативная база и особенности регуляции могут значительно усложнить вывод продукта на рынок. В структуре затрат регистрация составляет около 6%.

Общие расходы на перечисленные этапы могут достигать 1–1,5 млрд рублей. Необходимо отметить, что указанный размер издержек варьируется в широком диапазоне по причине отсутствия достаточного количества промышленных линий и производственных участков. Развивающиеся биомедицинские компании вынуждены рассматривать контрактное производство, что еще больше увеличивает стоимость конечного продукта.

В России попытки оценки экономической эффективности препаратов регенеративной медицины предпринимали только две компании — ПАО «ИСКЧ» и «Генериум». В публикации 2014 года ПАО «ИСКЧ» оценивает стоимость и эффективность геннотерапевтического препарата «Неоваскулген» [Плавинский 2014]. Оценка экономической эффективности других препаратов крайне затруднительна, так как не существует даже ориентировочной стоимости лечения биомедицинскими клеточными препаратами, вследствие чего сравнение экономической эффективности с текущими методами лечения не представляется возможным. Однако принимая опыт внедрения инновационных продуктов регенеративной медицины за рубежом, можно с уверенностью сказать, что лечение некоторых заболеваний такими препаратами оказывается

не только экономически более выгодным, но и оказывает влияние на здоровьесбережение, то есть необходимость повторения курсов лечения, снижая финансовую нагрузку на систему здравоохранения.

Постепенно появляющаяся информация о стоимости разработки препаратов регенеративной медицины и их применении на базе лечебных учреждений позволит доказать значительный экономический эффект инновационных препаратов по сравнению с текущими вариантами лечения. По мере появления информации о стоимости лечения препаратами регенеративной медицины и включения их в меры государственной поддержки авторами запланирована серия статей, посвященных расчетам экономической эффективности инновационных продуктов регенеративной медицины по сравнению с текущими вариантами лечения.

Список литературы:

Гуманенко Е.К. Политравма. Актуальные проблемы и новые технологии в лечении // Новые технологии в военно-полевой хирургии и хирургии повреждений мирного времени: материалы международной конференции. СПб.: [б.и.], 2006. С. 4–14.

Евсеева М.Н., Рубцов Ю.П. Лечение экспериментального фиброза печени комбинацией генетических конструкций HGF и UPA человека // Технологии живых систем. 2015. Т. 12. № 4. С. 29–34.

Жданов К.В., Козлов К.В. Клинические преимущества и экономическая эффективность противовирусной терапии у больных хроническим гепатитом С в условиях бюджетного здравоохранения // ВИЧ-инфекция и иммуносупрессии. 2016. Т. 8. № 2. С. 77–83.

Иванов С.А., Иванова М.Ю., Сорокин А.С., Цепляева А.П. Травматические повреждения периферических нервов. Тактика лечения // Многопрофильный стационар. 2019. Т. 6. № 2. С. 192–195.

Ивашкин В.Т., Маевская М.В., Жаркова М.С., Жигалова С.Б., Киценко Е.А., Манукьян Г.В., Трухманов А.С., Маев И.В., Тихонов И.Н., Деева Т.А. Клинические рекомендации Российского общества по изучению печени и Российской гастроэнтерологической ассоциации по диагностике и лечению фиброза и цирроза печени и их осложнений // Российский журнал гастроэнтерологии, гепатологии, колопроктологии. 2021. Т. 31. № 6. С. 56–102. DOI: [10.22416/1382-4376-2021-31-6-56-102](https://doi.org/10.22416/1382-4376-2021-31-6-56-102)

Кабачкова Т.И., Попов А.В., Давидов С.Б., Гончарова Л.В. Фармакоэкономический анализ лечения стационарных больных неврологического профиля, пострадавших в чрезвычайных ситуациях // Фундаментальные исследования. 2014. № 6–1. С. 109–112.

Карагяур М.Н., Макаревич П.И., Шевченко Е.К., Стамбольский Д.В., Калинина Н.И., Парфёнова Е.В. Современные подходы к регенерации периферических нервов после травмы: перспективы генной и клеточной терапии // Гены и клетки. 2017. Т. 12. № 1. С. 6–14. DOI: [10.23868/201703001](https://doi.org/10.23868/201703001)

Коткас И.Е., Земляной В.П. Эффективность использования стволовых клеток в лечении цирроза печени (Экспериментальное исследование) // Таврический медико-биологический вестник. 2020. Т. 23. № 1. С. 54–61. DOI: [10.37279/2070-8092-2020-23-1-54-61](https://doi.org/10.37279/2070-8092-2020-23-1-54-61)

Лебедев Г.С., Голубев Н.А., Шадеркин И.А., Шадеркина В.А., Аполихин О.И., Сивков А.В., Комарова В.А. Мужское бесплодие в Российской Федерации: статистические данные за 2000–2018 годы // Экспериментальная и клиническая урология. 2019. № 4. С. 4–12. DOI: [10.29188/2222-8543-2019-11-4-4-12](https://doi.org/10.29188/2222-8543-2019-11-4-4-12)

Маргасов А.В. Актуальные проблемы травмы периферических нервов // РМЖ. 2018. Т. 26. № 12–1. С. 21–24.

Плавинский С.Л., Шабалкин П.И., Исаев А.А., Деев Р.В. Оценка стоимости-эффективности геннотерапевтического препарата «Неоваскулген» в лечении хронической ишемии нижних конечностей // Вестник Северо-Западного государственного медицинского университета им. И.И Мечникова. 2014. Т. 6. № 2. С. 54–59.

Ющук Н.Д., Знойко О.О., Якушечкина Н.А., Дудина К.Р., Шутько С.А., Козина А.Н., Сафиуллина Н.Х., Федосеева Н.В., Белый П.А., Луговских Е.А., Рахманова А.Г., Хубутия М.Ш., Пименов Н.Н., Чуланов В.П., Чесноков Е.В., Огарев В.В. Оценка социально-экономического бремени гепатита С в Российской Федерации // Эпидемиология и вакцинопрофилактика. 2013. № 2(69). С 18–33.

Al-Kandari A.M., Alenezi A. Cost Burden of Male Infertility Investigations and Treatments: A Survey Study // Urology Annals. 2020. Vol. 12. Is. 4. P. 314–318. DOI: [10.4103/UA.UA.48.20](https://doi.org/10.4103/UA.UA.48.20)

Angeli P, Bernardi M, Villanueva C, Francoz C, Mookerjee R.P, Trebicka J, Krag A, Laleman W, Gines P. EASL Clinical Practice Guidelines for the Management of Patients with Decompensated Cirrhosis // Journal of Hepatology. 2018. Vol. 69. Is. 2. P. 406–460. DOI: [10.1016/j.jhep.2018.03.024](https://doi.org/10.1016/j.jhep.2018.03.024)

Bergmeiste K.D., Große-Hartlage L., Daeschler S.C., Rhodius P., Böcker A., Beyersdorff M., Kern A.O., Kneser U., Harhaus L. Acute and Long-Term Costs of 268 Peripheral Nerve Injuries in the Upper Extremity // PloS One. 2020. Vol. 15. Is. 4. DOI: [10.1371/journal.pone.0229530](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0229530)

De Jonge C.J., Barratt C.L., Pacey A.A. Counting the Hidden Costs of Male Reproductive Health // World Journal of Men's Health. 2022. Vol. 40. Is. 2. P. 344–345. DOI: [10.5534/wjmh.210181](https://doi.org/10.5534/wjmh.210181)

Dwyer A.A., Raivio T, Pitteloud N. Gonadotrophin Replacement for Induction of Fertility in Hypogonadal Men // Best Practice & Research Clinical Endocrinology & Metabolism. 2015. Vol. 29. Is. 1. P. 91–103. DOI: [10.1016/j.beem.2014.10.005](https://doi.org/10.1016/j.beem.2014.10.005)

Filler A.G., Kline D.G., Toussaint C.P. Management of Peripheral Nerve Disorders // Youmans Neurological Surgery. 2005. Vol. 6. P. 2361–2546.

Habka D., Mann D., Landes R., Soto-Gutierrez A. Future Economics of Liver Transplantation: A 20-Year Cost Modeling Forecast and the Prospect of Bioengineering Autologous Liver Grafts // PloS One. 2015. Vol. 10. Is. 7. DOI: [10.1371/journal.pone.0131764](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0131764)

Hall S. The Response to Injury in the Peripheral Nervous System // The Journal of Bone & Joint Surgery. 2005. Vol. 87–B. Is. 10. P. 1309–1319. DOI: [10.1302/0301-620X.87B10.16700](https://doi.org/10.1302/0301-620X.87B10.16700)

Kline D.G., Hackett E.R., Happel L.H. Surgery for Lesions of the Brachial Plexus // Archives of Neurology. 1986. Vol. 43. Is. 2. P. 170–181, DOI: [10.1001/archneur.1986.00520020058023](https://doi.org/10.1001/archneur.1986.00520020058023)

Li A., Pereira C., Hill E.E., Vukcevic O., Wang A. In Vitro, In Vivo and Ex Vivo Models for Peripheral Nerve Injury and Regeneration // Current Neuropharmacology. 2022. Vol. 20. Is. 2. P. 344–361. DOI: [10.2174/1570159X19666210407155543](https://doi.org/10.2174/1570159X19666210407155543)

Liu P., Mao Y., Xie Y., Wei J., Yao J. Stem Cells for Treatment of Liver Fibrosis/Cirrhosis: Clinical Progress and Therapeutic Potential // Stem Cell Research & Therapy. 2022. Vol. 13. DOI: [10.1186/s13287-022-03041-5](https://doi.org/10.1186/s13287-022-03041-5)

Lopatina T., Kalinina N., Karagyaur M., Stambolsky D., Rubina K., Revischin A., Pavlova G., Parfyonova Y., Tkachuk V. Adipose-Derived Stem Cells Stimulate Regeneration of Peripheral Nerves: BDNF Secreted by These Cells Promotes Nerve Healing and Axon Growth De Novo // PloS one. 2011. Vol. 6. Is. 3. DOI: [10.1371/journal.pone.0017899](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0017899)

Mukomolov S., Trifonova G., Levakova I., Bolsun D., Krivanogova E. Hepatitis C in the Russian Federation: Challenges and Future Directions // Hepatic Medicine: Evidence and Research. 2016. Vol. 8. P. 51–60. DOI: [10.2147/HMER.S50172](https://doi.org/10.2147/HMER.S50172)

Rastrelli G, Corona G, Mannucci E, Maggi M. Factors Affecting Spermatogenesis upon Gonadotropin-Replacement Therapy: A Meta-Analytic Study // Andrology. 2014. Vol. 2. Is. 6. P. 794–808. DOI: [10.1111/andr.262](https://doi.org/10.1111/andr.262)

Sagaradze G., Monakova A., Basalova N., Popov V., Balabanyan V., Efimenko A. Regenerative Medicine for Male Infertility: A Focus on Stem Cell Niche Injury Models // *Biomedical Journal*. 2022. Vol. 45. Is. 4. P. 607–614. DOI: [10.1016/j.bj.2022.01.015](https://doi.org/10.1016/j.bj.2022.01.015)

References:

Al-Kandari A.M., Alenezi A. (2020) Cost Burden of Male Infertility Investigations and Treatments: A Survey Study. *Urology Annals*. Vol. 12. Is. 4. P. 314–318. DOI: [10.4103/UA.UA.48.20](https://doi.org/10.4103/UA.UA.48.20)

Angeli P., Bernardi M., Villanueva C., Francoz C., Mookerjee R.P., Trebicka J., Krag A., Laleman W., Gines P. (2018) EASL Clinical Practice Guidelines for the Management of Patients with Decompensated Cirrhosis. *Journal of Hepatology*. Vol. 69. Is. 2. P. 406–460. DOI: [10.1016/j.jhep.2018.03.024](https://doi.org/10.1016/j.jhep.2018.03.024)

Bergmeiste K.D., Große-Hartlage L., Daeschler S.C., Rhodius P., Böcker A., Beyersdorff M., Kern A.O., Kneser U., Harhaus L. (2020) Acute and Long-Term Costs of 268 Peripheral Nerve Injuries in the Upper Extremity. *PLoS One*. Vol. 15. Is. 4. DOI: [10.1371/journal.pone.0229530](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0229530)

De Jonge C.J., Barratt C.L., Pacey A.A. (2022) Counting the Hidden Costs of Male Reproductive Health. *World Journal of Men's Health*. Vol. 40. Is. 2. P. 344–345. DOI: [10.5534/wjmh.210181](https://doi.org/10.5534/wjmh.210181)

Dwyer A.A., Raivio T., Pitteloud N. (2015) Gonadotrophin Replacement for Induction of Fertility in Hypogonadal Men. *Best Practice & Research Clinical Endocrinology & Metabolism*. Vol. 29. Is. 1. P. 91–103. DOI: [10.1016/j.beem.2014.10.005](https://doi.org/10.1016/j.beem.2014.10.005)

Evseeva M.N., Rubtsov Y.P. (2015) Human HGF and UPA Gene Combination to Treat Experimental Liver Fibrosis. *Tekhnologii zhivikh system*. Vol. 12. No. 4. P. 29–34.

Filler A.G., Kline D.G., Toussaint C.P. (2005) Management of Peripheral Nerve Disorders. *Yomans Neurological Surgery*. Vol. 6. P. 2361–2546.

Gumanenko E.K. (2006) Politravma. Aktual'nye problemy i novye tekhnologii v lechenii. *Novyye tekhnologii v voyenno-polevoy khirurgii i khirurgii povrezhdeniy mirnogo vremeni: materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. Saint Petersburg: [without publisher]. P. 4–14.

Habka D., Mann D., Landes R., Soto-Gutierrez A. (2015) Future Economics of Liver Transplantation: A 20-Year Cost Modeling Forecast and the Prospect of Bioengineering Autologous Liver Grafts. *PLoS One*. Vol. 10. Is. 7. DOI: [10.1371/journal.pone.0131764](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0131764)

Hall S. (2005) The Response to Injury in the Peripheral Nervous System. *The Journal of Bone & Joint Surgery*. Vol. 87–B. Is. 10. P. 1309–1319. DOI: [10.1302/0301-620X.87B10.16700](https://doi.org/10.1302/0301-620X.87B10.16700)

Ivanov S.A., Ivanova M.Yu., Sorokin A.S., Tseplyayeva A.P. (2019) Travmaticheskiye povrezhdeniya perifericheskikh nervov. Taktika lecheniya. *Mnogoprofil'nyy statsionar*. Vol. 6. No. 2. P. 192–195.

Ivashkin V.T., Maevskaya M.V., Zharkova M.S., Zhigalova S.B., Kitsenko E.A., Manukyan G.V., Trukhmanov A.S., Maev I.V., Tikhonov I.N., Deeva T.A. (2021) Clinical Recommendations of the Russian Scientific Liver Society and Russian Gastroenterological Association on Diagnosis and Treatment of Liver Fibrosis, Cirrhosis and Their Complications. *Rossiyskiy zhurnal gastroenterologii, gepatologii, koloproktologii*. Vol. 31. No. 6. P. 56–102. DOI: [10.22416/1382-4376-2021-31-6-56-102](https://doi.org/10.22416/1382-4376-2021-31-6-56-102)

Kabakova T.I., Popov A.V., Davidov S.B., Goncharova L.V. (2014) Pharmacoeconomic Analysis of Inpatients Neurological Suffered in Emergencies. *Fundamental'nyye issledovaniya*. No. 6–1. P. 109–112.

Karagyaur M.N., Makarevich P.I., Shevchenko E.K., Stambolsky D.V., Kalinina N.I., Parfyonova Ye.V. (2017) Modern Approaches to Peripheral Nerve Regeneration after Injury: The Prospects of Gene and Cell Therapy. *Geny i kletki*. Vol. 12. No. 1. P. 6–14. DOI: [10.23868/201703001](https://doi.org/10.23868/201703001)

Kline D.G., Hackett E.R., Happel L.H. (1986) Surgery for Lesions of the Brachial Plexus. *Archives of Neurology*. Vol. 43. Is. 2. P. 170–181, DOI: [10.1001/archneur.1986.00520020058023](https://doi.org/10.1001/archneur.1986.00520020058023)

Kotkas I.E., Zemlyanoy V.P. (2020) Efficacy of Stem Cell Use in the Treatment of Liver Cirrhosis (Experimental Study). *Tavrisheskiy mediko-biologicheskiy vestnik*. Vol. 23. No. 1. P. 54–61. DOI: [10.37279/2070-8092-2020-23-1-54-61](https://doi.org/10.37279/2070-8092-2020-23-1-54-61)

Lebedev G.S., Golubev N.A., Shaderkin I.A., Shaderkina V.A., Apolikhin O.I., Sivkov A.V., Komarova V.A. (2019) Male Infertility in the Russian Federation: Statistical Data for 2000–2018. *Ekspierimental'naya i klinicheskaya urologiya*. No. 4. P. 4–12. DOI: [10.29188/2222-8543-2019-11-4-4-12](https://doi.org/10.29188/2222-8543-2019-11-4-4-12)

Li A., Pereira C., Hill E.E., Vukceovich O., Wang A. (2022) In Vitro, In Vivo and Ex Vivo Models for Peripheral Nerve Injury and Regeneration. *Current Neuropharmacology*. Vol. 20. Is. 2. P. 344–361. DOI: [10.2174/1570159X19666210407155543](https://doi.org/10.2174/1570159X19666210407155543)

Liu P., Mao Y., Xie Y., Wei J., Yao J. (2022). Stem Cells for Treatment of Liver Fibrosis/ Cirrhosis: Clinical Progress and Therapeutic Potential. *Stem Cell Research & Therapy*. Vol. 13. DOI: [10.1186/s13287-022-03041-5](https://doi.org/10.1186/s13287-022-03041-5)

Lopatina T., Kalinina N., Karagyaur M., Stambolsky D., Rubina K., Revischin A., Pavlova G., Parfyonova Y., Tkachuk V. (2011) Adipose-Derived Stem Cells Stimulate Regeneration of Peripheral Nerves: BDNF Secreted by These Cells Promotes Nerve Healing and Axon Growth De Novo. *PloS One*. Vol. 6. Is. 3. DOI: [10.1371/journal.pone.0017899](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0017899)

Margasov A.V. (2018) Actual Problems of Peripheral Nerve Injuries. *RMZh*. Vol. 26. No. 12–1. P. 21–24.

Mukomolov S., Trifonova G., Levakova I., Bolsun D., Krivanogova E. (2016) Hepatitis C in the Russian Federation: Challenges and Future Directions. *Hepatic Medicine: Evidence and Research*. Vol. 8. P. 51–60. DOI: [10.2147/HMER.S50172](https://doi.org/10.2147/HMER.S50172)

Plavinskij S.I., Shabalkin P.I., Isaev A.A., Deev R.V. (2014) Cost-Effectiveness of Genotherapeutic Drug Neovasculgen in Treatment of Chronic Lower Limb Ischemia. *Vestnik Severo-Zapadnogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta im. I.I Mechnikova*. Vol. 6. No. 2. P. 54–59.

Sagaradze G., Monakova A., Basalova N., Popov V., Balabanyan V., Efimenko A. (2022) Regenerative Medicine for Male Infertility: A Focus on Stem Cell Niche Injury Models. *Biomedical Journal*. Vol. 45. Is. 4. P. 607–614. DOI: [10.1016/j.bj.2022.01.015](https://doi.org/10.1016/j.bj.2022.01.015)

Safiullina N.Kh., Fedoseeva N.V., Bely P.A., Luhauskikh E.A., Rahmanova A.G., Hubutiya M.Sh., Pimenov N.N., Chulanov V.P., Chesnokov E.V., Ogarev V.V. (2013) Assessment of the Socio-Economic Burden of Hepatitis C in the Russian Federation. *Epidemiologiya i vaksinoprofilaktika*. No. 2(69). P. 18–33.

Skoroglyadov A.V., Lyadova M.V. (2016) Problems in Medical Standardization Expert Assessment of Quality of Care and Victims with Concomitant Multiple Injuries. *Kafedra travmatologii i ortopedii*. No. 2. P. 30–33.

Yushchuk N.D., Znoyko O.O., Yakushechkina N.A., Dudina K.R., Shutko S.A., Kozina A.N., Rastrelli G, Corona G, Mannucci E, Maggi M. (2014) Factors Affecting Spermatogenesis upon Gonadotropin-Replacement Therapy: A Meta-Analytic Study. *Andrology*. Vol. 2. Is. 6. P. 794–808. DOI: [10.1111/andr.262](https://doi.org/10.1111/andr.262)

Zhdanov K.V., Kozlov K.V. (2016) Clinical Benefits and Cost-Effectiveness of Antiviral Therapy for Chronic Hepatitis C under Governmental Funding of Health Care. *VICH-infektsiya i immunosupressii*. Vol. 8. No. 2. P. 77–83.

Дата поступления/Received: 29.11.2022

Экономические кризисы и смена управленческой парадигмы

Жиряков Виталий Андреевич

Аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: ZhiryakovVA@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [8927-3800](#)

ORCID ID: [0000-0002-2075-9140](#)

Аннотация

Нынешний характер развития экономики как на национальном, так и наднациональном уровне подчиняется определенным законам. В современной России, которая после распада СССР отказалась от плановой системы и перешла на так называемую модель свободного рынка, определяющими законами экономического развития стали законы капиталистической системы. Неотъемлемым атрибутом эволюции капиталистической экономики считаются кризисы. Предполагается, что кризисы в своей основе выполняют положительную функцию, давая возможность экономике «оздоровиться». Однако опыт последних лет дал понять, что разрушительный потенциал кризисов будет только нарастать. Причем угроза существует как для России, для которой вопрос смены системы управления и планирования не назрел, а скорее «перезрел», так и для европейских стран, для которых коронакризис внезапно усугубился энерго-продовольственным кризисом. Существование большинства экономик мира в рамках монетарной концепции становится все более тяжким бременем, поскольку кризис в этих условиях неотвратим, а устранение его последствий из раза в раз становится все более сложной задачей. В этой связи возможности смены принципов управления экономикой становятся в высшей степени актуальными. В работе определены сущностные аспекты экономического кризиса как неотъемлемого атрибута капиталистической системы хозяйствования, а также влияние нынешнего глобального кризиса на производительные силы общества. В работе подчеркивается, что глобальный кризис фактически дискредитировал действующую монетарную модель управления, поскольку ее меры на сегодняшний день не позволили нейтрализовать негативные последствия для экономик государств Европы и России. В этой связи на повестке дня стоит вопрос, кто ранее остальных примет решение относительно кибернетики как основы системы управления новой экономикой, способной предложить пути выхода из глобального кризиса.

Ключевые слова

Глобальный кризис, стратегическое планирование, экономическая кибернетика, производительные силы общества, монетаризм.

Economic Crises and Change of Management Paradigm

Vitaly A Zhiryakov

Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: ZhiryakovVA@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-2075-9140](#)

Abstract

The current nature of economic development at both the national and supranational levels is subject to certain laws. In modern Russia, which, after the collapse of the USSR, abandoned the planned system and switched to the so-called free market model, the laws of the capitalist system became the defining laws of economic development. Crises are considered an integral attribute of the capitalist economy evolution. It is assumed that crises basically perform a positive function, enabling the economy to “recover”. However, the experience of recent years has made it clear that the destructive potential of crises will only increase. Moreover, the threat exists both for Russia, for which the issue of changing the management and planning system is not ripe, but rather “overripe”, and for European countries, for which the coronacrisis was suddenly aggravated by the energy and food crisis. The existence of most of the world’s economies within the framework of the monetary concept is becoming an increasingly heavy burden, since the crisis in these conditions is inevitable, and eliminating its consequences from time to time becomes an increasingly difficult task. In this regard, the possibilities of changing the principles of economic management become highly relevant. The paper identifies the essential aspects of the economic crisis as an integral attribute of the capitalist economic system, as well as the impact of the current global crisis on the productive forces of society. The paper emphasizes that the global crisis has actually discredited the current monetary management model, since its measures to date have not allowed neutralizing the negative consequences for the economies of the state, primarily Russia and Europe. In this regard, the question on the agenda is who will make a decision earlier than the others regarding cybernetics as the basis of a new economy management system capable of offering ways out of the global crisis.

Keywords

Global crisis, strategic planning, economic cybernetics, productive forces of society, monetarism.

Введение

Для каждого государства первостепенными являются вопросы обеспечения благосостояния своего населения. Обеспечение благосостояния достигается прежде всего мерами экономической политики, реализуемой государством. Однако наступают моменты, когда складывается объективная необходимость пересмотра действующей концепции управления

в пользу более новой и актуальной, в полной мере отвечающей вызовам реальности и способствующей долгосрочному развитию личности, общества и государства. Глобальный экономический кризис набирает обороты особенно на фоне нестабильной геополитической обстановки, сложившейся в 2022 году. Сегодня этот кризис в равной степени затрагивает Российскую Федерацию и страны коллективного Запада, что создает необходимость как для одних, так и для других реформировать систему управления экономикой и искать более адекватную нынешним условиям модель. Таким образом, научное сообщество предпринимает попытки поиска новых моделей управления, более устойчивых к кризисам, которые в последнее время сменяют друг друга и держат экономики стран в непрерывном напряжении. Складывающаяся сложная экономическая ситуация в России и на Западе доказывает, что проблема поиска новой модели управления выходит за рамки национальной экономики и становится проблемой глобального управления. В этой связи не возникает каких-либо сомнений в актуальности настоящего исследования.

Цель исследования состоит в установлении и изучении объективных предпосылок изменения действующей в абсолютном большинстве государств мира модели управления экономикой в условиях продолжающегося глобального кризиса.

Исходя из этого формулируются и решаются основные задачи: определение сущности кризиса как переходного процесса, предполагающего изменение качества производительных сил; изучение специфики влияния продолжающегося глобального кризиса на развитие производительных сил на фоне продолжения пандемии коронавирусной инфекции, а также санкционной политики западных государств в отношении России; определение возможностей смены управленческой парадигмы на основе имеющего отечественного опыта управления и планирования.

Экономический кризис как переход к новому качеству производительных сил

Проблематика кризисного развития или, вернее будет сказать, развития посредством кризиса давно и прочно вписалась в предметную область многих экономических исследований. Большую известность имеет теория больших циклов конъюнктуры Н.Д. Кондратьева, в рамках которой экономическое развитие государства подчинено определенному алгоритму и включает в себя череду повышательных и понижательных волн [Кондратьев 2020, 375]. В целом эти периоды характеризуются значительной нестабильностью и напряженностью политической и экономической жизни общества.

Цикличность развития признана многими учеными как данность, что было соответствующим образом воспринято лицами, принимающими управленческие решения на уровне государства. Сегодня существует достаточно много теорий, в той или иной степени объясняющих закономерности общественного развития через циклический характер всей окружающей человека действительности (Рисунок 1). Одновременно с представлением о цикличности формировалось аналогичное убеждение, что и экономическое развитие государства имеет волнообразную структуру, для которой кризис — неизбежный этап, который не имеет смысла избегать или предотвращать, а, напротив, следует пытаться управлять его ходом.

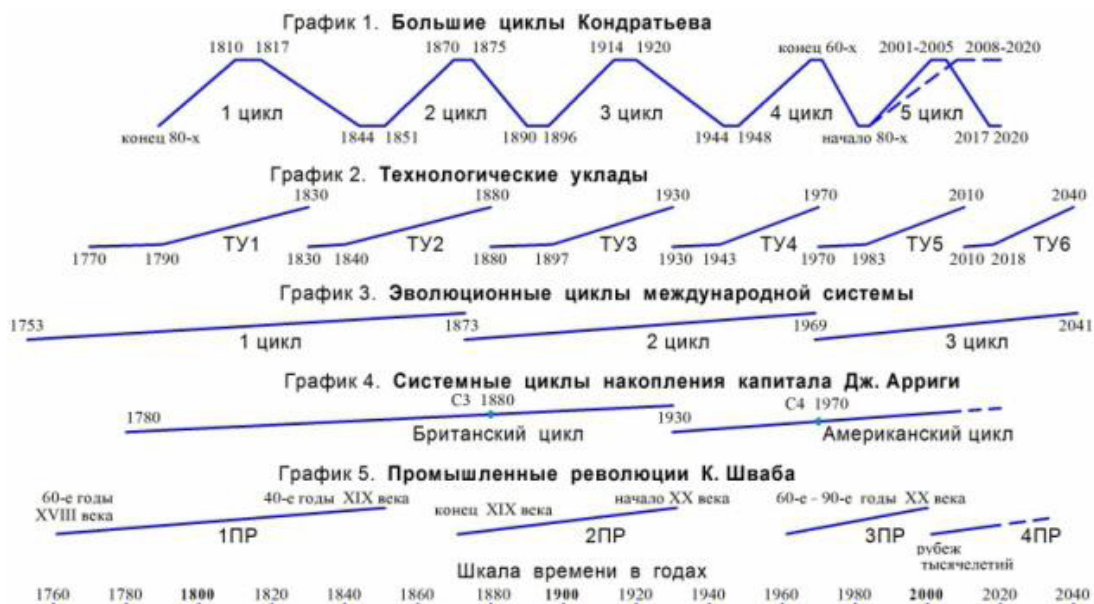

Рисунок 1. Совокупность доминирующих представлений о цикличности экономического развития¹

При достаточном многообразии типологии причин кризисов доминирующей на сегодняшний день считается технократическая концепция. Ее в той или иной степени придерживается значительная часть научного сообщества. Все технократические теории, несмотря на различия в используемом языке, в оценке длины цикла, в количестве фаз цикла и некоторых других деталях, имеют сходство в главном: их авторы причины циклического хозяйственного развития (и, соответственно, периодичности кризисов) сводят к «техническому прогрессу», точнее, к цикличности процессов замещения основных фондов на новой технической (технологической) основе [Катасонов 2015, 889]. Созвучным представляется тезис академика С.Ю.Глазьева о том, что кризис возникает в момент перехода системы к новому мирохозяйственному укладу. Он отмечает, что переходный процесс неизбежно протекает в агрессивной форме, результатом чего выступает смена мироустройства, прежде всего его экономических основ. Так, в результате Первой мировой войны рухнул монархический строй, сдерживавший экспансию национального капитала. В результате Второй мировой войны развалились колониальные империи, ограничивавшие международное движение капитала. С крахом СССР вследствие холодной войны свободное движение капитала охватило всю планету [Глазьев 2016а, 15]. Генезис мирохозяйственного уклада тесно увязан с так называемой страной-лидером, которая всячески стремится этот уклад распространить в виде соответствующей системы институтов, которые поддержат устойчивость уклада. Странам периферии не остается ничего, кроме как заимствовать эти институты, тем самым еще больше укрепляя положение лидера мирохозяйственного уклада. Таким образом, развитие мирохозяйственного уклада носит, согласно С.Ю.Глазьеву, ярко выраженный экспансионистский характер вплоть до момента «накопления напряжений в системе как национальных, так и международных экономических, социальных и политических отношений» [Глазьев 2016б, 27]. Далее наступает уже описанный выше процесс попытки реставрации устаревшего мирохозяйственного уклада и недопущения возникновения новых

¹ Источник: Большие циклы Кондратьева // ИА REX [Электронный ресурс]. URL: <https://iarex.ru/articles/72956.html#:~:text=Согласно%20докладу%20Н.%20Д.%20Кондратьева%20С.равновесия%20изменяется%20остановится%20более%20высоким> (дата обращения: 22.09.2022).

лидеров — потенциальных носителей нового уклада. В развитие обозначенного тезиса следует уточнить, что мирохозяйственный уклад есть не что иное, как соответствующее состояние производительных сил и их текущая взаимосвязь с производственными отношениями.

Теоретическая трактовка кризиса как естественного явления, характеризующего развивающуюся экономическую систему, давно обозначила сущностную природу неравномерности экономического роста, выделяя ключевым фактором подобных трансформаций цикличность. И в известной степени этот тезис подтверждается положениями научных теорий, прежде всего марксистской. К. Маркс и Ф. Энгельс дают вполне конкретное обоснование кризису и заключают, что сам по себе кризис в достаточной мере присущ капиталистической системе хозяйствования. Кризис определяет переходный характер существования капиталистической системы. Природа экономического кризиса как макроэкономического явления неразрывно связана с производительными силами данного общества. Стоит вспомнить, что производительные силы — это система личных, субъективных (человек) и технических (предметных) элементов, осуществляющих «обмен веществ» между человеком и природой в процессе общественного производства. Они выражают активное отношение людей к природе, заключающееся в материальном и духовном освоении, видоизменении, развитии и присвоении ее богатств. Но в контексте исследования важнее то, что производительные силы образуют ведущую сторону способа производства. Каждой ступени их развития соответствуют определенные производственные отношения, выступающие в качестве социально-экономической формы их движения.

Для понимания сущностной стороны экономического кризиса необходимо выделить структурные элементы производительных сил общества:

- квалификация рабочей силы;
- средства производства;
- организация общественного производства.

Эта структура ясно показывает процесс возникновения кризиса: по мере развития общества происходит развитие человека (то есть его знаний, умений, навыков), а также технических средств, которыми он располагает, но не менее важным представляется то, как организовано производство в данной системе.

Производительные силы в капиталистической системе рассматриваются К. Марксом и Ф. Энгельсом в качестве сферы возникновения кризиса и одновременно как инструмент их трансформации. Ф. Энгельс подчеркивает, что «способность современных машин к усовершенствованию, доведенная до высочайшей степени, превращается, вследствие анархии производства в обществе, в принудительный закон, заставляющий отдельных промышленных капиталистов постоянно улучшать свои машины, постоянно увеличивать их производительную силу» [Энгельс 1961, 219]. К. Маркс выделял три основные восходящие ступени производительных сил: первичные, или архаические; вторичные, антагонистических формаций; третичные, коммунистической формации. Сегодня общество находится в ситуации затянувшегося пребывания в антагонистических формациях, которые соответствующим образом охарактеризованы экономическим либерализмом и прочими родственными ему концепциями. Последние десятилетия показали, что существование антагонистической формации (какой, очевидно, выступает капитализм) фактически срослось с чередой кризисов, предвещающих затухание этой системы. И если в России подобные тенденции приобрели явную форму достаточно давно, то западное сообщество впервые основательно задумалось о туманных перспективах дальнейшего

роста лишь на фоне всеобщего коронавирусного локдауна в 2020 году. Таким образом, в XXI веке экономический кризис приобретает статус глобального, и при этом он аналогичным образом продолжает влиять на производительные силы общества, выявляя необходимость их приведения в соответствие производственными отношениями.

Влияние глобального кризиса на развитие производительных сил в современных условиях

Кризисы есть неперенное условие изменений производительных сил в капиталистической системе, а также их проявление. Актуальные процессы в национальной и наднациональной системе управления позволяют отдельно рассмотреть кризисы современного формата. Являясь, с одной стороны, по-прежнему проявлением дисбаланса производительных сил, современные кризисы прежде всего утрачивают свои четкие временные рамки. В результате общество и экономика со временем перестают находиться в состоянии устойчивости в принципе, а кризис из уникального и временного состояния экономики и системы управления трансформируется в естественное и перманентное состояние. Но вдобавок ко всему кризис перестает быть чисто экономическим и приобретает более широкие масштабы, затрагивая все смежные сферы общественных отношений, хотя по-прежнему исходным пунктом кризиса выступают экономические предпосылки. Данная тенденция вполне подтверждается протекающим в настоящий момент глобальным кризисом, активная и наиболее агрессивная фаза которого стартовала на фоне пандемии COVID-19, а также геополитических разногласий крупных экономических агентов 2022 года.

Сегодняшний глобальный кризис характерен тем, что он имеет беспрецедентные масштабы по сравнению с более ранними потрясениями. При этом его проявления выходят далеко за рамки какой-либо конкретной отрасли, что позволяет сделать вывод о системном характере кризиса. Это можно наблюдать в режиме реального времени: в настоящий момент правительства стран-членов ЕС пытаются смягчить последствия роста цен на энергоносители, вызванного в значительной мере антироссийскими санкциями, уже израсходовав, согласно данным аналитического агентства Bloomberg, почти €500 млрд (Таблица 1). Bloomberg со ссылкой на Brugel полагает, что обозначенная тенденция будет только усугубляться.

Таблица 1. Объем финансовой помощи фирмам и домохозяйствам в Европе²

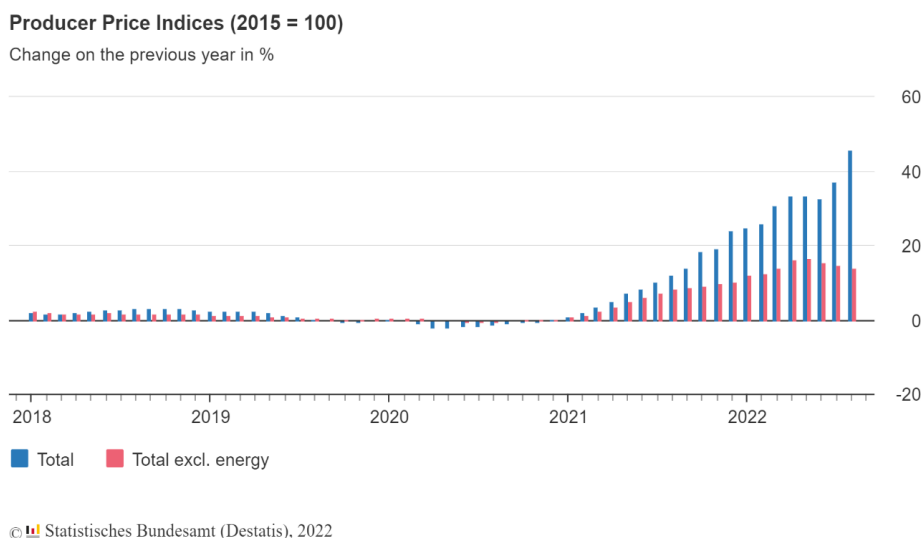
Страна	Объем выделенных средств (в млрд €)	В % к ВВП
Великобритания	178.6	6.54
Хорватия	2.4	4.13
Греция	6.8	3.72
Италия	59.2	3.34
Латвия	1.1	3.22
Испания	35.5	2.95
Румыния	6.9	2.88
Германия	100.2	2.81
Болгария	1.8	2.64
Австрия	8.9	2.21
Франция	53.6	2.16

² Составлено автором по: Europe's Deepening Energy Crisis Pushes Bill to \$500 Billion // Bloomberg [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-09-21/europe-s-deepening-energy-crisis-pushes-bill-to-500-billion?leadSource=verify%20wall> (дата обращения: 23.09. 2022).

Дания	6.8	2.02
Литва	1.1	2.00
Польша	10.6	1.86
Люксембург	1.1	1.51
Мальта	0.2	1.43
Чехия	2.9	1.21
Словакия	1.0	1.03
Словения	0.4	0.82
Бельгия	4.1	0.81
Эстония	0.2	0.79
Норвегия	3.2	0.79
Нидерланды	6.2	0.71
Кипр	0.2	0.65
Швеция	1.6	0.29
Финляндия	0.5	0.21
Ирландия	0.7	0.16

27 государств ЕС уже выделили €314 млрд на смягчение последствий энергетического кризиса для потребителей и предприятий, одновременно Великобритания выделила €178 млрд. Меры противодействия кризису со стороны европейских государств включают снижение ставок налога на добавленную стоимость на электроэнергию, субсидии на отопление и меры по удержанию некоторых энергетических компаний на плаву, но они не в полной мере отражают масштабы поддержки ликвидности по всей Европе. При этом приведенные данные отражают глубину кризиса не полностью: ситуация вынудила пойти многие государства на исключительные меры, чего не происходило ранее. В Германии на фоне беспрецедентного энергетического кризиса было принято решение о национализации ведущего энергетического концерна Uniper. Это лишь один пример подобного уровня решений, которые в иных обстоятельствах вряд ли бы были применены. Экстремальный характер глобального кризиса подчеркивает президент Всемирного экономического форума К. Шваб, отмечая возросшую роль государства как «плательщика последней инстанции», призванного предотвратить или остановить волну массовых увольнений и разрушения бизнеса. Одним из последствий кризиса К. Шваб видит «изменения правил “игры” экономической и денежно-кредитной политики» [Schwab, Malleret 2020, 28]. Искусственный барьер, делающий денежно-кредитные и фискальные органы независимыми друг от друга, уже демонтирован, и центральные банкиры стали (в относительной степени) подчиняться избранным политикам.

По данным Федерального статистического управления Германии (Destatis), в августе 2022 г. цены производителей (промышленная инфляция) в Германии повысились на 45,8%, что является абсолютным историческим рекордом с 1949 г., когда начались статнаблюдения (Рисунок 2). Предыдущие рекорды были в марте — 30,9%, апреле — 33,5%, мае — 33,6% и июле — 37,2%.

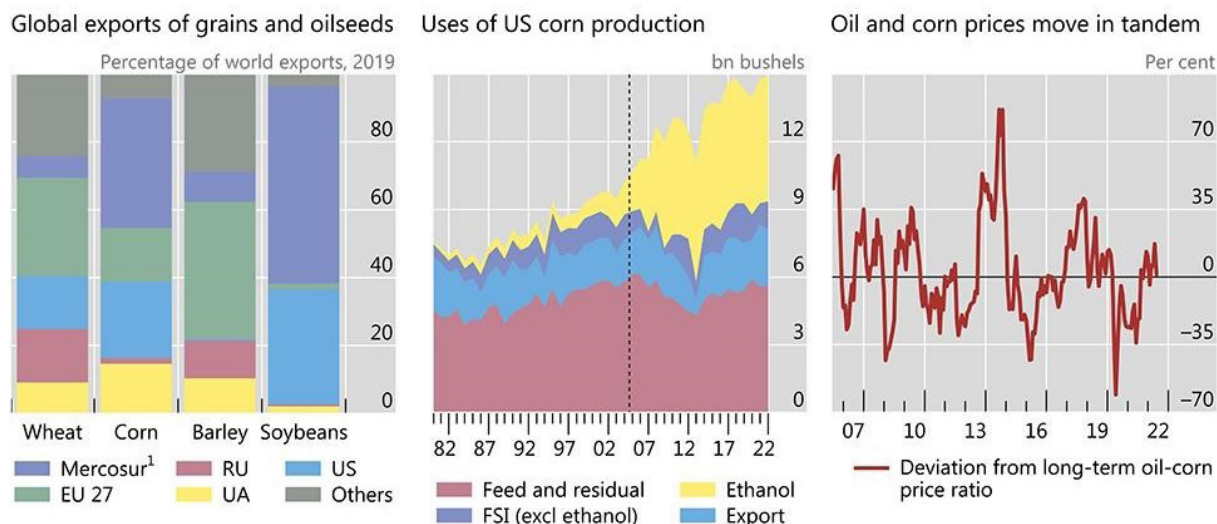
Рисунок 2. Индексы цен производителей³

139,0% — рост цены энергоносителей из-за антироссийских санкций стал решающим фактором рекордной промышленной инфляции. 278,3% — рост цены электроэнергии внес основной вклад в рост цены энергоносителей. На 209,4% выросли цены на газ, 108,8% — удобрения, 108,2% — пеллеты, 104,0% — мазут, 37,0% — нефтепродукты, 27,3% — топливо. Помимо этого, глобальный кризис спровоцировал рост инфляции по всей Европе, в то время как, например, в России наблюдаются обратные процессы. По данным Евростата, актуальным на август 2022 года, годовая инфляция в Европейском союзе составила 10,1% в августе 2022 года, по сравнению с 9,8% в июле. Годом ранее этот показатель был на уровне 3,2%.

Таким образом, текущий глобальный кризис, затронув все ключевые отрасли экономики, ярче всего проявился в энергетической сфере, выявив существенную уязвимость энергетического комплекса европейских государств. Внешняя экономическая стабильность во многом основывалась на экспортном потенциале Российской Федерации, давно закрепившей за собой неформальный статус ключевого сырьевого экспортера. Это в равной степени оказалось проблемой для Европы и России. Вместе с этим в структурном отношении глобальный кризис продолжает расширяться, так как энергетический кризис стремительно порождает продовольственный. Так, Базельский банк международных расчетов (BIS), который также называют «Центральным банком Центральных банков», предупредил, что отказ от топлива из РФ может привести к широкому использованию зерна в качестве биотоплива. Это вызовет еще больший рост дефицита продовольствия, который начался после антироссийских санкций и украинского кризиса. Следствием станет продолжение роста цены нефти: «постоянно высокие цены на нефть могут оказать давление на цены на зерновые и масличные культуры в сторону повышения за счет их более широкого использования. Ценовые изменения, касающиеся этих культур, которые являются основными кормами для скота, могут быстро отразиться на других ценах на продовольствие»⁴. Банк приводит текущее состояние энергетической и продовольственной сферы на макроуровне (Рисунок 3).

³Источник: Producer prices in August 2022: +45.8% on August 2021 // Statistisches Bundesamt (Destatis) [Электронный ресурс]. URL: https://www.destatis.de/EN/Press/2022/09/PE22_397_61241.html;jsessionid=EC7A3E6F6672B4BBB58D2FF07609B8C3.live741 (дата обращения: 26.09.2022).

⁴Commodity markets: shocks and spillovers // BIS [Электронный ресурс]. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt2209b.htm (дата обращения: 26.09.2022).

FSI = food, seed and industrial. The vertical dashed line in the centre panel indicates 8 August 2005 (US Energy Policy Act).

¹ AR, BR, PY and UY.

Рисунок 3 Взаимосвязь между нефтью и сельскохозяйственными культурами⁵

На долю российского и украинского экспорта приходится значительная доля мирового рынка нескольких основных продуктов питания. Их доля особенно велика в пшенице (и составляет примерно 25%), а также в ячмене и кукурузе. Глобальный кризис вызвал повышение цены на сельскохозяйственную продукцию. И прежде всего это вызвано непосредственно ограничениями поставок, поскольку общая доля России и Украины в мировом экспорте ключевых культур является значительной. Был также косвенный эффект от повышения цен на сырую нефть и ее дистилляты. В краткосрочной перспективе более высокие цены на дизельное топливо и бензин увеличивают затраты на сельскохозяйственное производство и транспортировку. Значительный и устойчивый рост цен на нефть может также привести к длительному росту цен на сельскохозяйственные культуры, которые используются в качестве сырья для производства биотоплива, такого как этанол и биодизельное топливо.

Ко всему прочему, растущие издержки энергетического кризиса угрожают углублением экономических разногласий между государствами-членами ЕС, то есть глобальный кризис уже создает предпосылки для нарастания политической нестабильности. Мировая практика противодействия кризисам имеет достаточно типовой характер. В рамках монетарной модели управления, доминирующей во всем мире, первоочередными мерами выступают денежно-кредитные инструменты, прежде всего регулирование ключевой ставки финансовыми мегарегуляторами, налоговое регулирование, а также точечные направления финансирования по наиболее уязвимым отраслям. В контексте разработки стратегии и экономической политики сегодня доминирует уже обозначенный технократический подход, который предполагает ускоренную и всеобъемлющую цифровизацию, но не дает при этом конструктивных обоснований применяемой методологии. Вместе с этим как в России, так и на Западе озвучивается мнение, что государствам как субъектам управления необходимо срочно пересматривать действующую систему принятия управленческих решений на макроуровне. В особенности остро многие страны оценивают недостаточную компетенцию в сфере стратегического планирования. В этой связи, например, во Франции президентом Э. Макроном еще на заре коронакризиса в 2020 году было дано распоряжение воссоздать государственный комитет по планированию подобно тому, как это

⁵ Источник: Commodity markets: shocks and spillovers // BIS [Электронный ресурс]. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt2209b.htm (дата обращения: 26.09.2022).

было сделано в послевоенные годы Шарлем де Голлем по совету Ж. Монне и Р. Шумана. Однако абсолютное большинство стран предпочитают продолжать реагировать на глобальный кризис монетарными методами, тем самым укрепляя его системный характер и продолжительность.

Таким образом, экономическая политика и стратегия государства в рамках глобального кризиса напрямую зависят от методологической базы принятия решений в сфере стратегического планирования и во многом от уровня экономических знаний субъекта управления. При снижении уровня экономических знаний выбор стратегии государства приобретает все более субъективный характер. В дальнейшем ее субъективная реализация может восприниматься как объективная и становится исходной в решении практических вопросов без научного анализа соответствия действий государства требованиям объективных законов развития экономики⁶. В конечном счете объективный характер развития экономики просто игнорируется.

Возвращаясь к категориям марксистской теории, следует заключить, что глобальный кризис подталкивает государства к качественной трансформации производительных сил и сигнализирует о необходимости реформирования системы организации общественного производства и, соответственно, системы управления экономикой. И, хотя временами представители государств высказывают мнение о возможном пересмотре ведущей роли капиталистической модели в управлении, ведущим концептуальным подходом остается технократический, причем в наиболее узкой его трактовке. Имеется ввиду абсолютизация значения сдвигов в технических и цифровых средствах и преуменьшение значения системного подхода к объекту управления (государству, народнохозяйственному комплексу, предприятию) вплоть до замещения реального объекта управления мнимым.

При сохранении описанных подходов глобальный кризис вряд ли завершится к концу 2022 года. Более того, абсолютное большинство экспертов, аналитиков, экономистов уверены, что в настоящий момент он не прошел и половины своего пути (такой точки зрения придерживается, в частности, экономист М.Л. Хазин). Именно это должно сподвигнуть правящие элиты на поиск более актуальной управленческой модели.

Отечественный опыт развития и смены модели управления

В нынешних нестандартных условиях внешней среды по мере усугубления негативных последствий глобального кризиса становится очевидным вопрос о реформировании действующей модели управления. Поскольку каждый виток глобального кризиса приводил к тому, что отечественная система управления в лучшем случае была способна поддержать экономику «на плаву», то говорить о системном и поступательном росте в условиях непрерывного реагирования Россией на угрозы, будь то финансовый кризис 2008–2009 гг., валютный кризис 2014–2015 гг., продолжающийся глобальный кризис на фоне пандемии 2020 года и обострившийся в результате событий 2022 года, не приходится. Текущее состояние системы стратегического планирования, которое характерно для России и ЕАЭС, колеблется от «системы нет» до «есть элементы системы, но нет эффективной реализации» [Агеев 2021, 48].

В этой связи природа современных экономических катаклизмов не может и не должна вызывать какого-либо недоумения. Напротив, история развития управленческой мысли уже вплотную подводит к мысли о том, насколько целесообразной представляется капиталистическая модель хозяйствования в условиях, когда кризисы как непосредственное проявление цикличности приобрели несопоставимые с прошлыми периодами темпы. Однако изменившаяся хронология

⁶ Ведута Е.Н. Межотраслевой-межсекторный баланс: механизм стратегического планирования экономики: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2020. С. 202.

глобального кризиса выступает лишь частью проблемы. Те проявления кризиса, которые имеют место уже сегодня, серьезным образом подрывают экономическое положение стран Запада и лишь усиливаются.

В последние годы, в особенности сейчас, стремительно приходит понимание, что капиталистическая модель хозяйствования себя изживает или же по крайней мере не способна более существовать в неизменном облике. Об этом свидетельствуют недавние инициативы западного сообщества, призванные трансформировать систему управления экономикой на принципах «инклюзивности». На это направлены инициативы «нового зеленого курса», инклюзивного капитализма, которые в целом созвучны тезисам Всемирного экономического форума и его руководителя К. Шваба в рамках «Большой перезагрузки». «Инклюзивная» экономика, по сути, представляет собой все ту же управленческую модель, которая основана на тех же монетарных подходах. Теми же монетарными методами руководствуются по сей день и в России. Деятельность Министерства экономического развития, Центрального банка, Аналитического центра при Правительстве РФ и прочих ведомств пока что идет в этом ключе. Однако в контексте обсуждения альтернативных управленческих моделей Россия имеет очевидные преимущества. Сегодняшние экстремальные условия актуализируют управленческую модель, основанную на экономической кибернетике.

Экономическая кибернетика, в отличие от монетарных теорий, рассматривает управление в трех ключевых ипостасях:

- люди;
- техника (средства производства);
- производство (как координация во времени и пространстве первых двух видов управления).

В соответствии с этим, наука об управлении производством занимается изучением путей, методов и средств эффективного слияния многочисленных трудовых процессов, функционирующих в обществе, в один целенаправленный процесс общественного производства. Н.И. Ведута подчеркивал важнейшую деталь, точно описывающую доминирующее представление об управлении экономикой в условиях, которые он имел возможность наблюдать: «Управление производством в настоящее время осуществляется людьми при слабом привлечении техники управления. В силу этого под управлением производством зачастую подразумевается главным образом управление людьми, в соответствии с чем к управлению относятся и стимулирование, и хозрасчет, и финансы, и психология, и многие другие социальные и экономические вопросы» [Ведута 1971, 23].

Парадоксальность нынешних условий заключается в том, что технический потенциал имеющихся мощностей, очевидно, возрос многократно, иначе бы инициативы по масштабной цифровизации общественной жизни были неосуществимы. Однако представления об управлении экономикой практически не изменились. Управление экономикой трактуется как управление людьми, поэтому стратегические решения в сфере экономики в первую очередь направлены на производство услуг и сферу потребления. В этой связи диспропорциональность экономического развития как ключевая причина глобального кризиса не устраняется, а, напротив, «культивируется» теми цифровыми мощностями, которыми располагает управленческий аппарат как в России, так и за рубежом [Ведута, Джакубова, 2017, 60].

Важный момент в контексте обращения к отечественному опыту управления заключается в том, чтобы не допустить тех ошибок, что имели место в практике управления СССР в 60–80-е гг., когда в основу экономико-математических моделей были положены эконометрические выкладки, которые ограничиваются рассмотрением количественных связей в экономике без определения управляющих параметров и обратной связи с объектом управления [Ведута, Джакубова 2018, 90].

Заключение

Таким образом, нынешний глобальный кризис есть закономерный этап эволюции производительных сил, которая в очередной раз достигла точки, где дальнейшее функционирование системы на принципах капиталистической модели не будет способствовать скорейшему преодолению кризису, а лишь заморозке кризисного состояния экономики. Сформированные тенденции в управлении экономикой выявили опасную ситуацию, когда ключевым фактором формирования стратегии государства является возможность выхода на энергетические рынки. Глобальный кризис показал неустойчивость глобальных производственных цепочек, которые заморозились на фоне пандемии и были окончательно свернуты в качестве санкций Западом по отношению к России. Для России это стало проблемой, так как был необходим поиск новых ниш для экспорта энергоресурсов, а также импорта высокотехнологичной продукции и комплектующих, что имеет первостепенную важность, например, для импортозамещения. Потенциальным кандидатом для стратегического партнерства, очевидно, рассматривается Китай, однако и он испытывает определенное давление со стороны западных конкурентов. В этой связи в первой половине 2022 года российско-китайское сотрудничество по линии инициативы «Один пояс — один путь» замедлилось [Евдокимова, Дроздова 2022, 169]. Европа же впервые столкнулась с кризисом, масштабов которого еще не видела: заменить российское топливо оказалось весьма сложной задачей. В итоге Россия и Европа в результате кризиса оказались в инфляционной противофазе, которую будут устранять все теми же монетарными инструментами. В этих условиях планирование экономики на принципах экономической кибернетики представляется наиболее своевременной инициативой, поскольку в противном случае произойдет очередной виток циклического развития, предвещающий либо новый глобальный кризис, либо обострение нынешнего.

Список литературы:

- Агеев А.И. «Образ будущего»: ренессанс планирования? // Образ будущего: сборник статей. Орел: Картуш, 2021. С. 39–49.
- Ведута Е.Н., Джакубова Т.Н. Экономические модели в цифровой экономике // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы: Материалы 15-й Международной конференции. Москва, 25 мая 2017 года. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. С. 86–91.
- Ведута Е.Н., Джакубова Т.Н. Big Data и экономическая кибернетика // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. С. 43–66. DOI: [10.24411/2070-1381-2017-00050](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2017-00050)
- Ведута Н.И. Экономическая кибернетика: Очерки по вопросам теории. Минск: Наука и техника, 1971.
- Глазьев С.Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016а. Т. 52. № 2. С. 3–29.

Глазьев С.Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. 2016b. № 56. С. 5–39. DOI: [10.24411/2070-1381-2016-00017](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2016-00017)

Евдокимова Н.В., Дроздова А.А. Реализация инициативы «Один пояс — один путь» в условиях российско-украинского кризиса 2022 года // Наукосфера. 2022. № 4–2. С. 166–170.

Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М.: Институт русской цивилизации, 2015.

Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избранные труды. М.: Академический проект, 2020.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 19. С. 185–230.

Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. Geneva: Forum Publishing, 2020.

References:

Ageev A.I. (2021) “Image of the Future”: The Renaissance of Planning? *Obraz budushchego*. Orel: Kartush. P. 39–49.

Engels F. (1961) Razvitiye sotsializma ot utopii k nauke [The Development of socialism from utopia to science]. In: *K. Marks i F. Engels. Sochineniya*. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury. Vol. 19. P. 185–230.

Evdokimova N.V., Drozdova A.A. (2022) Implementation of “The Belt and Road Initiative” in the Context of the Russian-Ukrainian Crisis of 2022. *Naukosfera*. No. 4–2. P. 166–170.

Glaziev S.Yu. (2016a) National Economy Structures in the Global Economic Development. *Ekonomika i matematicheskiye metody*. Vol. 52. No. 2. P. 3–29.

Glaziyev S.Yu. (2016b) A New Paradigm of Economic Science. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 56. P. 5–39. DOI: [10.24411/2070-1381-2016-00017](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2016-00017)

Katasonov V.Yu. (2015) *Kapitalizm. Istoriya i ideologiya «denezhnoy tsivilizatsii»* [Capitalism. History and ideology of the “monetary civilization”. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.

Kondrat'yev N.D. (2020) *Bol'shiye tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya: Izbrannyye trudy* [Big cycles of conjuncture and the theory of foresight: Selected works]. Moscow: Akademicheskii proyekt.

Schwab K., Malleret T. (2020) *COVID-19: The Great Reset*. Geneva: Forum Publishing.

Veduta E.N., Dzhakubova T.N. (2018) Ekonomicheskiye modeli v tsifrovoy ekonomike [Economic models in the digital economy]. *Gosudarstvennoye upravleniye Rossiyskoy Federatsii: vyzovy i perspektivy: Materialy 15-y Mezhdunarodnoy konferentsii*. Moscow 25 May 2017. М.: “KDU”, “Universitetskaya kniga”. P. 86–91.

Veduta E.N., Dzhakubova T.N. (2017) Big Data and Economic Cybernetics. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 63. P. 43–66. DOI: [10.24411/2070-1381-2017-00050](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2017-00050)

Veduta N.I. (1971) *Ekonomicheskaya kibernetika: Ocherki po voprosam teorii* [Economic cybernetics: Essays on theory]. Minsk: Nauka i tekhnika.

Дата поступления/Received: 28.11.2022

Оценка воздействия ковид-кризиса на уровень безработицы в постсоветских странах¹

Осипов Владимир Сергеевич

Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова; и.о. заведующего кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества, ИГСУ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, РФ.

E-mail: vs.ossipov@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [9357-6409](#)

ORCID ID: [0000-0003-3109-4786](#)

Толмачёв Михаил Николаевич

Доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Москва, РФ.

E-mail: mntolmachev@fa.ru

SPIN-код РИНЦ: [4301-7128](#)

ORCID ID: [0000-0002-1068-1343](#)

Цыпин Александр Павлович

Кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Москва, РФ.

E-mail: aptsypin@fa.ru

SPIN-код РИНЦ: [1214-7508](#)

Аннотация

Для рыночной экономики характерно наличие безработицы, которая выполняет ряд функций: осуществляет перелив работников из одной отрасли в другую, стимулирует работников к высокой производительности труда и непрерывному наращиванию профессиональных качеств. Помимо этого, безработица является индикатором состояния экономической системы: так, в кризисные периоды уровень показателя резко увеличивается, тогда как в успешно развивающейся экономике стремится к нулю. Отсюда представляет практический интерес оценка влияния кризисных явлений на уровень безработицы в постсоветских странах. Таким образом, целью статьи является количественное измерение влияния ковид-кризиса на уровень безработицы в постсоветских странах. Для достижения поставленной цели были использованы такие методы научного познания, как исторический, сравнения и математико-статистический. Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов: несмотря на объективную схожесть причин кризисов, сложившиеся экономические модели в постсоветских странах по-разному реагируют на шоковое воздействие, что проявляется в росте вариации уровня безработицы в рассматриваемых республиках по мере удаления от начала рыночных преобразований; влияние экономической ситуации на уровень безработицы (закон Оукена) в постсоветских странах не одинаково в различных кризисных ситуациях, на это указывает отличие в разбросе точек в 2008–2009 гг. и 2020 г.; оценка уровня конвергенции экономических систем постсоветских стран по уровню ВВП на душу населения и безработице за период 1991–2021 гг. на основе Евклидова расстояния приводят к заключению о значительном расхождении экономик с течением времени, при этом на текущий момент ближе всего к показателям России находятся такие страны, как Казахстан и Белоруссия.

Ключевые слова

Безработица, постсоветские страны, структура безработицы, ковид-кризис, динамика, тенденции, вариация, дивергенция.

Assessment of COVID Crisis Impact on the Unemployment Rate in Post-Soviet Countries²

Vladimir S. Osipov

DSc (Economics), Professor, Head of Department of Global Economics and Management of External Economic Activities, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University; acting Head of Department of Foreign Studies and International Collaboration, IPACS, RANEPА, Moscow, Russian Federation.

E-mail: vs.ossipov@gmail.com

ORCID ID: [0000-0003-3109-4786](#)

Michael N. Tolmachev

DSc (Economics), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

E-mail: mntolmachev@fa.ru

ORCID ID: [0000-0002-1068-1343](#)

Alexander P. Tsy-pin

PhD, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

E-mail: aptsypin@fa.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00681.

² The research is performed under financial support of RFBR as a part of scientific project No. 20-010-00681.

Abstract

The market economy is characterized by the presence of unemployment, which performs a number of functions: it carries out the transfer of workers from one industry to another, stimulates workers to high labor productivity and continuous professional development. In addition, unemployment is an indicator of the state of the economic system, so in times of crisis the indicator level increases sharply, while in a successfully developing economy it tends to zero. Hence, it is of practical interest to assess the crisis phenomena on the unemployment rate in post-Soviet countries. Thus, the purpose of this article is to quantify the impact of the COVID crisis on the unemployment rate in post-Soviet countries. To achieve this goal, we used such methods of scientific cognition as historical, comparative and mathematical-statistical. The conducted research allows drawing a number of important conclusions: despite the objective similarity of the causes of crises, the prevailing economic models in post-Soviet countries react differently to the shock effect, which is manifested in the increase in the variation of the unemployment rate in the republics under consideration as they move away from the beginning of market transformations; the influence of the economic situation on the unemployment rate (Oaken's law) in post-Soviet countries are not the same in different crisis situations, this is indicated by the difference in the spread of points in 2008–2009 and 2020; the assessment of the level of convergence of the economic systems of post-Soviet countries in terms of GDP per capita and unemployment for the period 1991–2021, based on the Euclidean distance, leads to the conclusion that the economies diverge significantly over time, while at the moment, countries such as Kazakhstan and Belarus are closest to the indicators of Russia.

Keywords

Unemployment, post-Soviet countries, structure of unemployment, COVID crisis, dynamics, trends, variation, divergence.

Введение

Безработица является неотъемлемой частью рыночной экономики, при этом в научном сообществе выработаны три точки зрения на данное явление: во-первых, безработица рассматривается как механизм стимулирования работников к труду и перемещения высвобожденной рабочей силы из одних видов экономической деятельности в другие; во-вторых, безработица является причиной снижения уровня жизни граждан и ведет к снижению профессиональных навыков работников; в-третьих, безработица является макроэкономическим индикатором, чувствительным к кризисным явлениям.

Выделенные особенности послужили основанием для проведения настоящего исследования, при этом будем опираться на работы отечественных и зарубежных авторов, изучающих влияние роли безработицы в экономической системе и влияние на ее уровень шоковых воздействий.

Обращаясь к рассматриваемой теме, находим несколько исследований в данной области. Так, С.А. Амирова в своих работах отражает тенденции занятости и безработицы в России с помощью статистического анализа [Амирова 2020; Амирова 2021], а другие авторы не только анализируют уровень безработицы, но и предлагают рассматривать его в региональном аспекте [Власова 2020; Травкина, Пак 2020]. Ряд исследователей оценивают влияние пандемии COVID-19 на рынок труда, отмечая резкое сокращение занятости и ее переход в онлайн-режим [Кобылина и др. 2020; Морозова и др. 2020а, Морозова и др. 2020b; Паздникова и др. 2020; Решетова и др. 2020]. В других работах делается важный вывод о региональных особенностях проявления пандемии и ее влиянии на занятость [Орцханова и др. 2020; Фролова и др. 2020].

При этом теме влияния ковид-кризиса на безработицу посвящено незначительное количество публикаций, сопоставление результатов нашего исследования и сторонних авторов будет приведено ниже.

Различные аспекты безработицы в постсоветских странах находились в поле зрения многих ученых [Buitek, Kaliyeva 2020; Mukhtor et al. 2020; Баржаксыева, Смагулова 2020; Tolmachev et al. 2020; Бекназаров и др. 2021; Давлятова, Саматова 2020; Чудоякова и др. 2021; Churilova et al. 2019; Shirnaeva et al. 2020]. На наш взгляд, такие исследования чрезвычайно важны, так как определяют наилучшие практики борьбы с безработицей, которая проявляется вслед за пандемиями, ведь каждая страна стремится максимально быстро справиться с последствиями такого кризиса, а в отсутствие готовых рецептов приходится полагаться на собственные идеи,

доступные инструменты и возможные механизмы. Именно поэтому важно пропагандировать опыт преодоления пандемийных кризисов в планетарном масштабе, чтобы обеспечить инструментарий государственной экономической политики по преодолению таких кризисных явлений.

Несмотря на наличие исследований в области влияния ковид-кризиса на безработицу, наше исследование не перестает быть актуальным, так как проблема сопоставления текущего кризиса с предшествующими на территории постсоветских стран не была освещена.

Материалы и методы

В качестве объекта исследования выступают постсоветские страны, а именно 15 республик, входивших до 1991 года в состав СССР. Данный выбор обусловлен рядом следующих соображений:

- эти страны объединяют равные позиции на пороге вступления в рыночные отношения, но каждое государство по-своему использовало эти ресурсы;
- в результате трансформации экономики были изменены точки притяжения, часть стран примкнула к Евросоюзу (Эстония, Латвия и Литва), часть осталась сателлитами России (к примеру, Казахстан и Белоруссия), остальные идут своим путем (к примеру, Армения и Грузия);
- сформированная в данных странах модель экономики по-разному реагирует на шоковые воздействия в виде локальных и мировых кризисов;
- развитие экономических систем постсоветских стран приводит к дивергенции ключевых макроэкономических показателей, в том числе безработицы.

В целях экономии пространства статьи для обозначения названий постсоветских стран будем использовать трехбуквенные коды согласно ISO 3166-1. Стоит также отметить, что, в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р³, такие страны, как Латвия, Литва, Эстония и Украина, признаны «недружественными странами».

В проводимом нами исследовании доказательные выводы базируются на статистических данных Всемирного банка, в частности, рассматриваются следующие показатели:

- безработица, всего, % от общей численности рабочей силы;
- безработица женщин, % от общей численности женской рабочей силы;
- безработица мужчин, % от общей численности мужской рабочей силы;
- безработица среди молодых женщин, % от женской рабочей силы в возрасте 15–24 лет;
- безработица среди молодых мужчин, % от мужской рабочей силы в возрасте 15–24 лет.

Помимо этого, для тестирования работоспособности закона Оукена был использован показатель темпа роста ВВП (% к предыдущему году). Для оценки уровня конвергенции (дивергенции) использовался ВВП на душу населения (долл. США).

В проведенной работе осуществлялось тестирование ряда гипотез:

- 1) несмотря на объективную схожесть причин кризисов, сложившиеся экономические модели в постсоветских странах по-разному реагируют на шоковое воздействие;
- 2) влияние экономической ситуации на уровень безработицы (закон Оукена) в постсоветских странах не одинаково в различных кризисных ситуациях;
- 3) развитие экономических систем постсоветских стран увеличивает процесс дивергенции макроэкономических показателей, в том числе безработицы.

³ Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 N 430-р (ред. От 29.10.2022) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 10.12.2022).

Доказательство (опровержение) выдвинутых рабочих гипотез основывается на комплексе математико-статистических методов, таких как графический, табличный, коэффициентный, корреляционно-регрессионный.

Результаты исследования

Статистический анализ тенденций и закономерностей развития безработицы в постсоветских странах

Обратимся к данным, приведенным в Таблице 1, и проанализируем динамику частных коэффициентов безработицы в постсоветских странах.

Таблица 1. Динамика показателей, характеризующих безработицу в постсоветских странах⁴

Страны	Безработица женщин, %		Безработица мужчин, %		Безработица среди молодых женщин, %		Безработица среди молодых мужчин, %	
	1991	2021	1991	2021	1991	2021	1991	2021
ARM	2,14	22,30	1,17	19,76	2,74	38,74	1,71	33,98
AZE	0,96	7,75	0,84	5,50	2,01	18,90	1,56	14,40
BLR	0,50	3,76	0,69	5,67	1,10	8,37	1,34	13,99
EST	1,53	6,07	1,42	6,58	4,09	17,79	3,06	16,52
GEO	2,57	9,65	2,81	11,53	5,17	29,86	4,57	27,43
KAZ	1,02	5,46	0,79	4,37	1,90	4,26	1,65	3,32
KGZ	1,12	11,65	0,91	7,52	1,83	27,30	1,64	15,59
LTU	1,09	7,47	1,11	8,35	1,83	19,61	2,13	18,50
LVA	2,69	6,89	2,71	8,31	5,36	19,58	4,94	11,98
MDA	1,59	3,74	2,22	4,15	3,57	14,72	4,16	5,27
RUS	5,39	5,03	5,41	4,99	13,46	18,36	13,44	15,74
TJK	1,78	6,37	1,97	8,59	3,74	14,39	4,61	19,42
TKM	0,94	3,40	1,74	6,25	1,88	7,59	3,63	13,43
UKR	1,69	8,66	2,10	9,08	3,49	16,72	4,26	16,26
UZB	2,16	7,03	1,71	7,25	4,53	16,24	3,54	15,79
WLD	4,94	6,36	4,71	6,06	11,30	19,57	10,45	17,33

Согласно данным, представленным в Таблице 1, на «старте» перехода к рыночной экономике (1991 г.) уровень безработицы как среди мужчин, так и среди женщин в постсоветских странах был не значителен и не превышал среднемирового значения. Очевидно, это объясняется инерционностью системы и отсутствием серьезных институциональных преобразований. По итогам 2021 года ситуация кардинальным образом изменилась: значения по женщинам выросли с 1,5% (в среднем по совокупности) до 6,8%, по мужчинам — с 1,6% до 7,2%. Стоит также отметить, что ни одной из рассматриваемых республик не удалось удержать безработицу в рамках начальных значений, самое заметное увеличение наблюдается в Армении — у мужчин на 20,2 процентных пункта, у женщин на 18,6 процентных пункта. Таким образом, можно констатировать, что в Республике образовалось избыточное количество рабочей силы, которую экономическая система не может «поглотить» и формируется угроза, связанная с оттоком работников в другие страны.

Что касается молодежной безработицы, то средние значения по совокупности и в базисном, и в отчетном периодах ниже мировых (женщины в 1991 г. — 3,1%, в 2021 г. — 16,0%; мужчины — 3,1% и 14,2% соответственно). Но если обратиться к значениям по отдельным республикам, то

⁴ Составлено авторами на основе данных [Всемирного банка](#). Здесь и далее названия стран приведены в соответствии с ISO 3166-1. Примечание: WLD — средние значения по миру.

обнаруживаются значения выше мировых: так, в 2021 году «антилидером» по обоим полам также является Армения — 38,74% и 33,98% соответственно. Второе место (с небольшим отрывом) занимает Грузия — 29,86% и 27,43%, что также указывает на факт наличия проблемы избыточного количества рабочей силы. Сложившаяся ситуация объясняется сложностью вхождения новых работников в рынок труда, и это общемировая проблема.

Анализ частных показателей безработицы показал, что в результате трансформационных преобразований в постсоветских странах сложилась модель рыночной экономики, приближенная к среднемировым показателям уровня безработицы, при этом в ряде стран наблюдается превышение мировых показателей, схожее со значениями развивающихся стран.

Обратимся к данным, представленным в Таблице 2, и проанализируем, как кризисы 1998 г., 2008 г. и 2020 г. отразились на уровне безработицы в постсоветских странах.

Таблица 2. Отклонения уровня безработицы в кризисные периоды в постсоветских странах, %⁵

Страны	Отклонения (+/-)		
	1999 к 1998	2009 к 2008	2020 к 2019
ARM	1,80	4,93	1,40
AZE	0,90	-0,12	1,43
BLR	-1,20	-0,32	0,57
EST	2,06	8,09	2,01
GEO	-0,73	2,84	0,48
KAZ	0,33	-0,08	1,25
KGZ	-0,50	0,19	1,17
LTU	-0,32	7,96	2,17
LVA	-0,67	9,78	1,88
MDA	1,14	2,42	-0,39
RUS	-0,22	2,09	1,13
TJK	-1,10	0,07	0,84
TKM	0,50	-0,40	0,64
UKR	0,54	2,48	1,29
UZB	0,00	0,11	0,32
WLD	0,12	0,63	1,10

Согласно приведенным данным, с каждым последующим кризисом экономические модели становятся более чувствительными к шоковым воздействиям: так, в кризис 1998 года 7 стран снизили уровень безработицы, по итогам 2009 года — уже 4 страны, а «мягко» пройти кризис 2020 года удалось всего одной стране — Молдавии.

Если проводить сопоставление общего уровня безработицы со среднемировыми значениями, то обнаруживаем несколько закономерностей развития явления в постсоветских странах:

- 1) первые 2–3 года трансформации частные страновые уровни не превышают общемировые или незначительно отклоняются в худшую сторону, но в дальнейшем ситуация усугубляется в сторону роста;
- 2) кризис 2008 года в значительной степени ударил по рынку труда Эстонии, Литвы и Латвии, в результате уровень безработицы в этих странах увеличился — рост составил 8,09, 7,96 и 9,78 процентных пункта соответственно. В итоге этим республикам понадобилось около 5 лет для восстановления равновесия;

⁵ Составлено на основе данных [Всемирного банка](#).

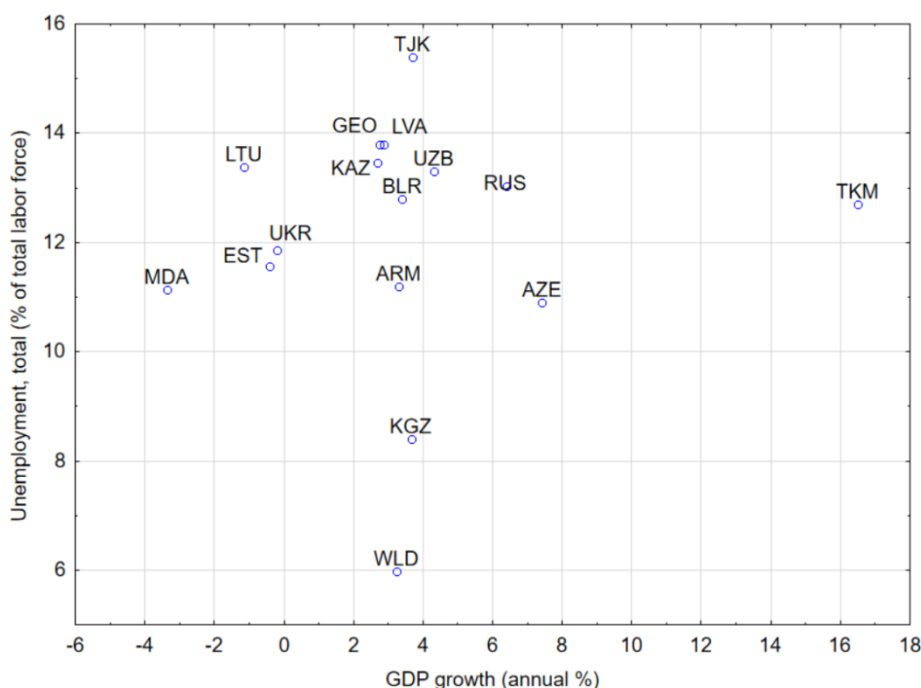
3) антилидерами на всем протяжении рассматриваемого периода являются Армения и Грузия, особенно на динамике показателей данных стран отразился кризис 2008 года, после которого экономика не смогла прийти в равновесное состояние и уровень безработицы остается высоким на протяжении последних 12 лет.

Таким образом, можно сформулировать общий вывод по динамике уровня безработицы в постсоветских странах: за период рыночных преобразований (1991–2020 гг.) не все страны, участвующие в анализе, смогли сформировать устойчивую экономическую модель, позволяющую противостоять мировым кризисам, особо остро проблема безработицы стоит в Армении и Грузии.

Закономерности развития закона Оукена в условиях кризисов 2009 и 2020 годов

На втором этапе исследования обратимся к закону Оукена [Блинова и др. 2020; Cazes et al. 2013], который предполагает наличие стохастической зависимости между ключевыми индикаторами состояния экономики — темпами роста ВВП и уровнем безработицы, при этом наблюдается обратная зависимость, то есть безработица увеличивается при торможении экономики.

Для начала обратимся к данным предпоследнего кризиса (2008 г.) и представим зависимость в форме диаграммы (Рисунок 1).

Рисунок 1. Иллюстрация работы закона Оукена под влиянием кризиса 2008 года⁶

Согласно приведенным на рисунке данным, значения постсоветских стран формируют достаточно плотный кластер (за исключением Туркменистана, который удален от среднемирового значения). Полученная закономерность указывает на относительную схожесть реакции сложившихся экономических систем на воздействие кризиса 2008 года.

Что касается эконометрического моделирования закона Оукена на основе приведенных данных, то построить статистически значимую модель не удалось.

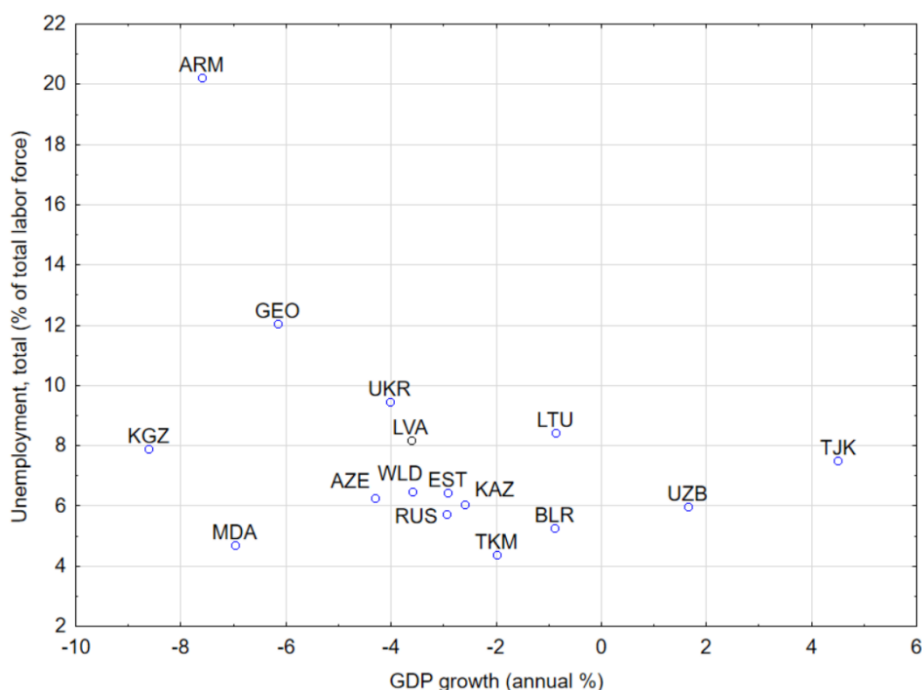
⁶ Составлено авторами на основе данных [Всемирного банка](#).

На Рисунке 2 в расширенном формате черты закона Оукена прослеживаются на совокупности постсоветских стран, то есть увеличение темпов роста ВВП приводит к снижению безработицы в 2020 году, при этом явно выделяется (является выбросом) Армения; принимаем решение об исключении данной страны из рассмотрения при построении регрессионной модели зависимости и в итоге приходим к следующей модели:

$$\text{GDPgrowth}'=6,66 - 0,13U + E, R^2 = 0,41.$$

Таким образом, увеличение темпа роста ВВП на 1% приводит к снижению безработицы в совокупности постсоветских стран на 0,21%.

Рисунок 2. Иллюстрация работы закона Оукена под влиянием ковид-кризиса⁷

Стоит также отметить, что значения показателей по ряду стран находятся вблизи от среднемирового значения: это РФ, Латвия, Эстония, Азербайджан и Казахстан, что закономерно, так как анализ, приведенный выше, указывает на стабильность экономики этих республик относительно шоковых ситуаций.

Сопоставляя данные, приведенные на Рисунке 1 и 2, можно сделать вывод, что экономика постсоветских стран реагирует на ковид-кризис идентично остальным странам мира, это обусловлено схожестью причин происходящего (биологическая опасность) и ответных мер (приостановка работы отраслей, изоляция, активизация сектора фармацевтики и системы здравоохранения).

Оценка дивергенции и конвергенции постсоветских стран относительно Российской Федерации

В начале трансформационного периода (начиная с 1991 года) постсоветские страны обладали относительно равными стартовыми позициями, однако впоследствии данные страны «шли» своим путем к рыночной экономике. В результате сегодня страны бывшего СССР заняли

⁷ Составлено авторами на основе данных [Всемирного банка](#).

различные ниши в глобальной экономике. Соответственно, представляет значительный научный интерес вопрос об уровне удаленности экономических систем рассматриваемых республик относительно друг друга, то есть оценка дивергенции и конвергенции.

Классический подход оценки уровня сближения (удаления) объектов основан на подсчете так называемой регрессии Барро (β -конвергенция). Но в настоящем исследовании апробируем подход, основанный на оценке Евклидова расстояния между постсоветскими странами в двухмерном пространстве. При этом расстояние будет оценено между каждой из 14 стран и Российской Федерацией. В качестве пространственных ориентиров возьмем уровень безработицы и ВВП на душу населения за период 1991–2021 гг. Результаты расчета показателя приведены в Таблице 3.

Таблиц 3. Результаты оценки Евклидова расстояния в каждой постсоветской стране относительно Российской Федерации⁸

Год	ARM	AZE	BLR	EST	GEO	KAZ	KGZ	LTU	LVA	MDA	TJK	TKM	UKR	UZB
1991	2900	2281	1725	637	2176	1976	2915	1311	1238	2816	3240	2644	2003	2838
1992	2729	3038	1431	285	2342	1583	2586	1221	1108	2416	2707	2278	1681	2495
1993	2573	2721	1341	54	2381	1502	2482	1190	853	2448	2637	2138	1673	2334
1994	2262	2505	1202	461	2142	1346	2290	815	507	2174	2395	2040	1650	2086
1995	2209	2351	1295	469	2087	1378	2302	498	336	2072	2452	2076	1730	2080
1996	2140	2235	1192	737	1955	1294	2249	317	213	2069	2466	2089	1771	2043
1997	2214	2232	1341	945	1931	1292	2361	93	54	2080	2582	2175	1746	2115
1998	1226	1273	324	2259	983	366	1490	1332	1139	1256	1616	1244	1000	1212
1999	733	757	120	2810	657	201	1073	1782	1821	931	1153	782	695	628
2000	1149	1116	495	2299	1022	543	1492	1522	1590	1331	1633	1128	1113	1213
2001	1406	1397	856	2406	1298	609	1792	1425	1478	1593	1929	1326	1293	1644
2002	1594	1614	898	2964	1524	720	2056	1764	1759	1807	2188	1410	1466	1994
2003	2045	2091	1155	4228	1965	907	2595	2524	2170	2293	2737	1691	1887	2579
2004	2910	3057	1724	4812	2797	1228	3669	2598	2276	3205	3791	2648	2686	3637
2005	3680	3745	2198	5089	3681	1552	4847	2531	2271	4289	4983	3619	3429	4777
2006	4762	4447	3073	5719	4924	1629	6377	2311	2803	5737	6511	4784	4529	6266
2007	5962	5250	4366	7643	6466	2330	8379	3184	5012	7570	8575	6501	5903	8271
2008	7624	6061	5258	6570	8311	3177	10669	3310	4832	9524	10919	7731	7569	10553
2009	5568	3613	3210	6149	5740	1398	7692	3258	3769	6664	7887	4526	5923	7350
2010	7457	4831	4641	3988	7442	1605	9795	1313	746	8237	9925	6236	7597	8933
2011	10785	7121	7784	3177	10289	2677	13187	66	972	11369	13464	8661	10606	12260
2012	11739	7925	8468	1982	10999	3034	14243	1053	1574	12375	14452	8746	11416	13153
2013	12136	8099	7977	3081	11351	2084	14692	245	967	12653	14926	8670	11787	13555
2014	10109	6204	5754	6165	9356	1288	12816	2455	1647	10767	12991	6133	10991	11467
2015	5706	3813	3346	8089	5299	1198	8192	4951	4473	6581	8335	2880	7188	6559
2016	5113	4824	3665	9590	643	990	7584	6303	5627	5824	7898	2317	6517	6000
2017	6806	6573	4935	9717	6363	1473	9478	6165	4975	7211	9872	4133	8082	8804
2018	7067	6548	4927	11776	6565	1475	9979	7899	6578	7057	10434	4320	8191	9690
2019	6932	6730	4699	11862	6840	1724	10162	8040	6391	7044	10646	4222	7875	9752
2020	5896	5932	3607	12892	5906	1040	8979	10070	7542	5636	9309	3058	6410	8412
2021	7503	6789	4869	15108	7130	2131	10897	11261	8469	6858	11276	5318	7337	10190

⁸ Составлено авторами на основе данных [Всемирного банка](#). Примечание: насыщенный зеленый цвет указывает на высокий уровень близости постсоветских стран к российским показателям; насыщенный красный цвет указывает на значительную удаленность.

Приведенные в Таблице 3 данные наглядно показывают процесс удаления (дивергенции) постсоветских стран относительно России. Так, до начала 2000-х годов значения Евклидова расстояния были минимальными, что указывает на близость экономик стран бывшего СССР относительно РФ. Далее процесс расхождения обострился, и на сегодняшний момент лишь Казахстан находится достаточно близко по уровню безработицы и ВВП на душу населения к России.

Проведенный анализ наглядно показал, что политико-экономические преобразования делают экономические системы постсоветских стран все более непохожими друг на друга, а Россия постепенно утрачивает партнеров.

Заключение

Проведенное исследование позволяет нам сформировать ряд выводов по рабочим гипотезам. Гипотеза № 1. Несмотря на объективную схожесть причин кризисов, сложившиеся экономические модели в постсоветских странах по-разному реагируют на шоковое воздействие:

- 1) на первых этапах перехода постсоветских стран к рынку наблюдались схожие тенденции на рынке труда, проявляющиеся в низком уровне безработицы. Но со временем, когда рыночные механизмы заработали в «полную силу», начали проявляться признаки дивергенции, при этом большинство республик смогли удержать безработицу в рамках среднемирового уровня. К сожалению, в таких государствах, как Армения и Грузия, безработица в последнее десятилетие значительно выросла и достигла 20%, что указывает на проблемы избыточного уровня рабочей силы и высокую вероятность трудовой миграции населения;
- 2) анализ темпов роста уровня безработицы в постсоветских странах в период трех последних кризисов приводит к пониманию роста значения показателя под влиянием шоковых воздействий, при этом наиболее сильное воздействие оказал кризис 2008 года, в результате которого прибалтийские страны на протяжении 5 лет стабилизировали ситуацию, а Грузия и Армения так и не смогли привести значения в докризисное положение;
- 3) сопоставление шокового воздействия трех кризисов на рынок труда постсоветских стран показывает, что в общей массе экономические модели все сильнее реагируют на воздействие: так, в 1998 г. 7 стран из 15, вошедших в совокупность, снизили уровень безработицы, в 2009 года — всего 4 страны, а «мягко» пройти кризис 2020 года удалось только Молдавии.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза № 1 подтверждается, то есть сформированные экономические модели в постсоветских странах по-разному реагируют на шоковые воздействия, при этом наблюдается тенденция снижения устойчивости по рассматриваемой совокупности.

Гипотеза № 2. Влияние экономической ситуации на уровень безработицы (закон Оукена) в постсоветских странах неодинаково в различных кризисных ситуациях:

- 1) оценка взаимосвязи между темпами роста ВВП и уровнем безработицы показал, что в 2008 году в общем по совокупности экономика постсоветских стран отреагировала на кризис однозначно, разброс значений по странам был не значителен и закон Оукена не проявился, тогда как в 2020 году фиксируется относительное соблюдение указанного закона, то есть чем больше замедляется экономика, тем выше безработица;
- 2) еще одна закономерность, выявленная при оценке причинно-следственной связи между ВВП на душу населения и безработицы, заключается в значительном удалении позиций постсоветских стран от среднемирового уровня в 2008–2009 гг., тогда как в 2020 году ряд стран (Россия, Латвия, Эстония, Азербайджан и Казахстан)

находятся вблизи от мирового показателя. Все это указывает на схожесть реакции сформированных экономических моделей этих стран на ковид-кризис с мировым большинством.

Таким образом, гипотеза № 2 также подтверждается, и сформированные экономические модели в постсоветских странах «дрейфуют» в разные стороны, таким образом проявляется дивергенция экономик.

Гипотеза №3. Развитие экономических систем постсоветских стран увеличивает процесс дивергенции макроэкономических показателей, в том числе безработицы:

- 1) оценка конвергенции (дивергенции) экономических систем, как правило, осуществляется на основе регрессии Барро (β -конвергенция), но данный подход имеет существенный недостаток — он является одномерным, что не позволяет оценить комплексную динамику связанных макроэкономических временных рядов. По этой причине в проведенной работе был применен подход, основанный на расчете Евклидова расстояния в каждом году относительно индикаторов Российской Федерации;
- 2) применение многомерного подхода к оценке конвергенции (дивергенции) позволил нам установить величину расхождения экономических систем постсоветских стран по уровню ВВП на душу населения и уровню безработицы. В результате было установлено, что схожесть динамики, наблюдавшаяся до начала 2010-х годов, сменилась расхождением и в последнее десятилетие наиболее близкими странами к Российской Федерации являются Казахстан и Белоруссия.

Таким образом, была подтверждена гипотеза №3, соответственно, рыночные преобразования, политические течения и внешние шоковые воздействия оказывают сильное влияние на макроэкономическую динамику постсоветских стран, приводя к значительной дивергенции.

Список литературы:

Амирова С.А. Уровень безработицы в России и пути ее решения // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 3. С. 325–330.

Амирова С.А. Анализ уровня безработицы в России // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 4. С. 142–150. DOI: [10.34755/IROK.2021.81.20.043](https://doi.org/10.34755/IROK.2021.81.20.043)

Баржаксыева А.А., Смагулова Г.С. Анализ факторов, влияющих на уровень безработицы в Республике Казахстан // Экономические и гуманитарные науки. 2020. № 7(342). С. 74–82.

Бекназаров Б.Д., Ағабеков А.Ю., Туралина С.М., Жармаханбетов Н.С. COVID-19 — ға байланысты жұмыссыздықтың өсуі жағдайында ҚР халқының табыстарын талдау // Статистика, есеп және аудит. 2021. № 1(80). Р. 147–153. DOI: [10.51579/1563-2415.2021-1.28](https://doi.org/10.51579/1563-2415.2021-1.28)

Блинова Т.В., Русановский В.А., Марков В.А. Оценка реакции циклической безработицы на экономический спад и восстановительный рост в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 184–198. DOI: [10.15838/esc.2020.6.72.11](https://doi.org/10.15838/esc.2020.6.72.11)

Власова О.В. Оценка уровня безработицы в России // Региональный вестник. 2020. № 16(55). С. 59–60.

Давлятова Б.Д., Саматова Ж.Б. Одна из моделей уровня безработицы на примере данных Кыргызской Республики // Вестник науки и образования. 2020. № 13–1(91). С. 40–44.

Кобылина Е.В., Карамышева А.П., Карамышева Е.П. COVID-19 и безработица в России: проблемы и пути решения // Российский экономический интернет-журнал. 2020. № 4. URL: <https://www.e-rej.ru/upload/iblock/9f7/9f752cad7114c3e003aae621f9941676.pdf>

Морозова С.А., Мамедова С.Н. Анализ влияния пандемии COVID-19 на уровень безработицы в России // Вопросы устойчивого развития общества. 2020а. № 9. С. 103–107. DOI: [10.34755/IROK.2020.97.83.012](https://doi.org/10.34755/IROK.2020.97.83.012)

Морозова С.А., Мамедова С.Н. Анализ последствий влияния пандемии COVID-19 на уровень безработицы в мире // Вектор экономики. 2020b. № 12(54). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44548035_67746560.pdf

Орцханова М.А., Китиева М.И., Полонкоева Ф.Я. Проблемы снижения уровня безработицы в трудоизбыточных регионах (на примере СКФО) // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4(143). С. 427–428.

Паздникова Н.П., Глазкова Н.Г., Буреш Д.С. COVID-19: влияние нового типа коронавирусной инфекции на национальную экономику // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 2–1. С. 169–177.

Решетова У.Р., Севостьянова М.А., Данилова А.В. Динамика уровня безработицы в Российской Федерации в период пандемии COVID-19 // Финансовая экономика. 2020. № 10. С. 271–273.

Травкина Е.А., Пак В.В. Анализ уровня безработицы в России // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 11(45). С. 228–230.

Фролова Н.Н., Рассказова А.А., Правдина О.А. Влияние пандемии коронавируса на величину безработицы на федеральном и региональном уровнях // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления. 2020. № 25(30). С. 33–35.

Чудоякова А., Раздерищенко И.Н. Влияние и последствия пандемии COVID-19 на уровень безработицы в ряде стран // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 5–3(75). С. 183–185. DOI: [10.24412/2411-0450-2021-5-3-183-185](https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-5-3-183-185)

Churilova E., Salin V., Shpakovskaia E., Sitnikova O. Influence of World Social and Economic Indicators' Interlinkage on the Development of Human Potential // Journal of International Studies. 2019. № 12(4). P. 79–99.

Shirnaeva S.Y., Sukhanova E.I., Repina E.G. Regional Differentiation of Unemployment Rate in the Russian Federation: Econometric Analysis // Global Challenges and Prospects of the Modern Economic Development. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Nicosia: European Publisher, 2020. Vol. 79. P. 563–569. DOI: [10.15405/epsbs.2020.03.81](https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.03.81)

Buitek E.K., Kaliyeva S.A. Application of the Cluster Analysis Method in Assessment of the Rate of Unemployment in Kazakhstan // Central Asian Economic Review. 2020. № 1(130). P. 87–99.

Mukhtor J., Nagzibekova R., Nartova D., Fezzani B. Unemployment and Crime Level in Tajikistan // Вестник Хорогского университета. 2020. № 1(14). P. 34–43.

Tolmachev M., Tsy-pin A., Barashov N. Statistical Study of Dynamics of the Agricultural Production of Post-Soviet Countries in the Context of Food Security // Proceeding of the International Science and Technology Conference "FarEastCon 2019". Smart Innovation, Systems and Technologies. Singapore: Springer, 2020. Vol. 172. P. 699–711. DOI: [10.1007/978-981-15-2244-4_66](https://doi.org/10.1007/978-981-15-2244-4_66)

Cazes S., Verick Sh., Hussami F.A. Why Did Unemployment Respond So Differently to the Global Financial Crisis Across Countries? Insights from Okun's Law // IZA Journal of Labor Policy. 2013. Vol. 2. Is. 1. P. 1–18. DOI: [10.1186/2193-9004-2-10](https://doi.org/10.1186/2193-9004-2-10)

References:

- Amirova S.A. (2020) Level of the unemployment rate in Russia and its solutions. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy ekonomiki*. No. 3. P. 325–330.
- Amirova S.A. (2021) Analysis of the Unemployment Rate in Russia. *Voprosy ustoychivogo razvitiya obshchestva*. No. 4. P. 142–150. DOI: [10.34755/IROK.2021.81.20.043](https://doi.org/10.34755/IROK.2021.81.20.043)
- Barzhaksyyeva A.A., Smagulova G.S. (2020) Analysis of Factors Affecting the Unemployment Rate in the Republic of Kazakhstan. *Ekonomicheskiye i gumanitarnyye nauki*. No. 7(342). P. 74–82.
- Beknazarov B.D., Agabekov A.Yu., Turalina S.M., Zharmakhanbetov N.S. (2021) Analysis of Changes in Incomes of Kazakhstan Citizens in the Context of Rising Unemployment Associated with the Covid-19 Pandemic. *Statistics, accounting and auditing*. No. 1(80). P. 147–153. DOI: [10.51579/1563-2415.2021-1.28](https://doi.org/10.51579/1563-2415.2021-1.28)
- Blinova T.V., Rusanovsky V.A., Markov V.A. (2020) Assessment of the Reaction of Cyclical Unemployment to the Economic Decline and Recovery Growth in Russia. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. Vol. 13. No. 6. P. 184–198. DOI: [10.15838/esc.2020.6.72.11](https://doi.org/10.15838/esc.2020.6.72.11)
- Buitek E.K., Kaliyeva S.A. (2020) Application of the Cluster Analysis Method in Assessment of the Rate of Unemployment in Kazakhstan. *Central Asian Economic Review*. No. 1(130). P. 87–99.
- Cazes S., Verick Sh., Hussami F.A. (2013) Why Did Unemployment Respond So Differently to the Global Financial Crisis Across Countries? Insights from Okun's Law *IZA Journal of Labor Policy*. No. 2(1). P. 1–18. DOI: [10.1186/2193-9004-2-10](https://doi.org/10.1186/2193-9004-2-10)
- Chudoyakova A., Razderishchenko I.N. (2021) Impact and Consequences of the COVID-19 Pandemic on Unemployment Rate in Several Countries. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. No. 5–3(75). P. 183–185. DOI: [10.24412/2411-0450-2021-5-3-183-185](https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-5-3-183-185)
- Churilova E., Salin V., Shpakovskaia E., Sitnikova O. (2019) Influence of World Social and Economic Indicators' Interlinkage on the Development of Human Potential. *Journal of International Studies*. No. 12(4). P. 79–99.
- Davlyatova B.D., Samatova Zh.B. (2020) One of the Models of Unemployment Rate on the Example of Data of Kyrgyz Republic. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. No. 13–1(91). P. 40–44.
- Frolova N.N., Rasskazova A.A., Pravdina O.A. (2020) Impact of the Coronavirus Pandemic on Unemployment at the Federal and Regional Levels. *Vestnik Komi respublikanskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby i upravleniya. Teoriya i praktika upravleniya*. No. 25(30). P. 33–35.
- Kobylyina E.V., Karamysheva A.P., Karamysheva E.P. (2020) COVID-19 and Unemployment in Russia: Problems and Solutions. *Rossiyskiy ekonomicheskiy internet-zhurnal*. No. 4. Available: <https://www.e-rej.ru/upload/iblock/9f7/9f752cad7114c3e003aae621f9941676.pdf>
- Morozova S.A., Mamedova S.N. (2020a) Analysis of the Impact of the COVID-19 Pandemic on the Unemployment Rate in Russia. *Voprosy ustoychivogo razvitiya obshchestva*. No. 9. P. 103–107. DOI: [10.34755/IROK.2020.97.83.012](https://doi.org/10.34755/IROK.2020.97.83.012)
- Morozova S.A., Mamedova S.N. (2020b) Analysis of the Consequences of the Covid-19 Pandemic on Unemployment Rate in the World. *Vektor ekonomiki*. No. 12(54). Available: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44548035_67746560.pdf
- Mukhtor J., Nagzibekova R., Nartova D., Fezzani B. (2020) Unemployment and Crime Level in Tajikistan. *Vestnik Khorogskogo universiteta*. No. 1(14). P. 34–43.
- Orckhanova M.A., Kitieva M.I., Polonkoeva F.Y. (2020) Problems of Reducing the Unemployment Rate in Labor-Surplus Regions (on the Example of the North Caucasus Federal District). *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*. No. 4(143). P. 427–428.
- Pazdnikova N.P., Glazkova N.G., Buresh D.S. (2020) Covid-19: Influence of a New Type of Coronavirus Infection on the Country's National Economy. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. Vol. 10. No. 2–1. P. 169–177.

Reshetova U.R., Sevost'yanova M.A., Danilova A.V. (2020) Dynamics of Unemployment Rate in the Russian Federation during the COVID-19 Pandemic. *Finansovaya ekonomika*. No. 10. P. 271–273.

Shirnaeva S.Y., Sukhanova E.I., Repina E.G. (2020) Regional Differentiation of Unemployment Rate in the Russian Federation: Econometric Analysis. *Global Challenges and Prospects of the Modern Economic Development. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. Nicosia: European Publisher. Vol. 79. P. 563–569. DOI: [10.15405/epsbs.2020.03.81](https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.03.81)

Tolmachev M., Tsypin A., Barashov N. (2020) Statistical Study of Dynamics of the Agricultural Production of Post-Soviet Countries in the Context of Food Security. *Proceeding of the International Science and Technology Conference "FarEastCon 2019". Smart Innovation, Systems and Technologies*. Singapore: Springer. Vol. 172. P. 699–711. DOI: [10.1007/978-981-15-2244-4_66](https://doi.org/10.1007/978-981-15-2244-4_66)

Travkina E.A., Pak V.V. (2020) Analysis of the Unemployment Level in Russia. *Nauchnyy elektronnyy zhurnal Meridian*. No. 11(45). P. 228–230.

Vlasova O.V. (2020) Otsenka urovnya bezработitsy v Rossii [Assessment of the unemployment rate in Russia]. *Regional'nyy vestnik*. No. 16(55). P. 59–60.

Дата поступления/Received: 23.12.2022

Влияние санкций на деятельность российских производственных предприятий

Панова Екатерина Андреевна

Кандидат экономических наук, доцент, Государственный университет управления, Москва, РФ.

E-mail: k79@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: [3963-5321](#)

ORCID ID: [0000-0002-5830-0087](#)

Аннотация

Российские предприятия функционируют в условиях санкционных ограничений с 2014 года, однако, если раньше они не оказывали ощутимого воздействия на несырьевой сектор экономики, а в чем-то даже способствовали его развитию, то сейчас санкции достигли беспрецедентных масштабов и нередко выходят за грани разумного. Ограничение доступа к финансовым ресурсам, резкое ухудшение инвестиционного климата, сложности с закупкой сырья, оборудования и комплектующих — вот далеко не полный список последствий санкций. Актуальность работы связана с тем, что санкции против нашей страны, очевидно, нацелены на далекую перспективу, и производственным предприятиям, отличающимся сложной организационной структурой, очень важно понимать, каким образом они влияют на их деятельность, какие ограничения накладывают и какие возможности предоставляют. В статье рассмотрены виды и инструменты экономического давления, оценено влияние санкций как на экономику страны, являющейся объектом санкций, так и страны, их вводящей, проанализировано воздействие санкций на деятельность российских производственных предприятий. Исследование отечественного и международного опыта ведения деятельности в условиях санкций помогло выделить пути минимизации их экономических последствий. С учетом того, что влияние экономических санкций зависит от множества взаимосвязанных факторов, в статье сформирована причинно-следственная модель, характеризующая их на макро- и микроуровнях. Работа представляет интерес прежде всего для управленческого персонала производственных предприятий, но с учетом рассмотренных в ней общепромышленных аспектов адаптации к санкциям также может оказаться полезной для предприятий, занятых в других сферах деятельности, в том числе малых и средних.

Ключевые слова

Санкции, производственные предприятия, инвестиции, издержки производства, параллельный импорт.

The Impact of Sanctions on Russian Manufacturing Enterprises

Ekaterina A. Panova

PhD, Associate Professor, State University of Management, Moscow, Russian Federation.

E-mail: k79@yandex.ru

ORCID ID: [0000-0002-5830-0087](#)

Abstract

Russian enterprises have been operating under sanctions restrictions since 2014. Earlier they did not have a tangible impact on non-resource sector of economy, and in some ways even contributed to its development. Now sanctions have reached unprecedented proportions and often go beyond reasonable. Restrictions on access to financial resources, a sharp deterioration in the investment climate, difficulties with the purchase of raw materials, equipment and components — this is not a complete list of sanctions' consequences. The relevance of the work is related to the fact that sanctions against our country are obviously aimed at the long term, and it is very important for manufacturing enterprises with a complex organizational structure to understand how they affect their activities, what restrictions they impose and what opportunities they provide. The article examines the types and instruments of economic pressure, assesses the impact of sanctions on both economics — of a country-object and a country-sender, analyzes the influence of sanctions on the activities of Russian manufacturing enterprises. The study of international and domestic experience of operating under sanctions helped to identify the ways to minimize their economic consequences. The impact of economic sanctions depends on many interrelated factors and the article proposes a causal model characterizing their interaction at the macro and micro levels. The work is of interest primarily for management of manufacturing enterprises, but due to the considered industry-wide aspects of adaptation to sanctions, it may also be useful for enterprises engaged in other fields of activity, including small and medium-sized ones.

Keywords

Sanctions, manufacturing enterprises, investments, production costs, parallel import.

Введение

За последние несколько лет предприятия испытали на себе огромное количество трудностей. Едва бизнес начал адаптироваться к работе в условиях пандемии, как грянул новый, куда более серьезный кризис. Военный конфликт между Россией и Украиной повлиял на условия осуществления предпринимательской деятельности не только в России, но и других странах. Резкий рост процентных ставок по кредитам, инфляция и невозможность долгосрочного планирования очень затрудняют ведение бизнеса, особенно если масштабы его невелики.

В настоящее время многие российские компании притормозили свое развитие и активно оптимизируют свои финансовые затраты, очень осторожно относясь к новым обязательствам. В сложившихся условиях многим предприятиям приходится думать не столько об улучшении финансовых результатов или росте объемов продаж, сколько о поддержании сложившихся деловых связей, причем не всегда прямым путем, а также налаживании новых, в случае если устоявшиеся пути экономического взаимодействия сейчас невозможны.

В то же время кризис нередко открывает пути развития, и сейчас, когда транснациональные корпорации, занятые во многих секторах экономики, уходят из России, освобождая рыночную нишу и рабочие места, возможность повышения конкурентоспособности и инновационной направленности предприятий как никогда реальны. Инновации всегда связаны с риском, без него невозможно создавать новые товары и услуги. Риск — это необходимый элемент рыночной игры, но оценить его в условиях кризиса и неопределенности весьма сложно. Поэтому очень важно понимать, как санкции влияют на новый или уже функционирующий бизнес и какие ограничения на него накладываются.

Методика исследования включает в себя систематизацию отечественных и зарубежных научных взглядов на проблемы, связанные с введением санкций, анализ соответствующей нормативно-правовой базы и логическое обобщение существующего опыта нивелирования последствий санкций. Результатом работы является выработка рекомендаций, направленных на оптимизацию деятельности российских производственных предприятий в условиях финансовых и торговых ограничений.

Виды и последствия экономического давления

Существует 3 вида международного экономического давления: санкции, торговая война и экономическая война. В качестве экономического оружия используются торговые и финансовые ограничения различной интенсивности и направленности.

Ведение экономической борьбы предполагает полное или частичное ограничение финансовых и торговых отношений, арест активов, неадекватное завышение цен. Под прицел может попасть как вся экономика страны, так и ее отдельные секторы.

Торговые санкции обычно позиционируются как инструмент изменения политического поведения страны, являющейся их объектом, и направлены на снижение ее совокупного экономического благосостояния путем сокращения международной торговли. Санкции преследуют цель максимально увеличить транзакционные издержки страны и могут внедряться напрямую или косвенно.

Финансовые санкции направлены на ограничение финансовых потоков, которое может нанести сопутствующий ущерб, сократив торговлю товарами и услугами. Помимо создания дефицита финансовых ресурсов, наличие финансовых санкций увеличивает риск ведения бизнеса с государством, в отношении которого введены санкции. Это приводит к значительному сокращению экономического взаимодействия между страной, вводящей санкции, и страной, выступающей в качестве их объекта [Besedeš et al. 2022].

Первичные (или прямые) санкции ограничивают финансовые и торговые отношения между страной, которая вводит санкции, со страной, выступающей объектом санкций. Вторичные (или косвенные) санкции применяются к юридическим или физическим лицам в других странах, которые не желают вводить санкции по отношению к стране-объекту. Целью вторичных санкций является воспрепятствование сотрудничеству со страной, которое может привести к масштабному обходу санкций и снижению ее экономической изоляции.

Примером угрозы действия вторичных санкций могут служить взаимоотношения России с Китаем и Турцией — двумя странами, которые до настоящего момента не присоединились к альянсу, вводящему санкции против России. Если китайская или турецкая компания будет вести масштабный бизнес с Российской Федерацией, США или ЕС могут запретить ей вести бизнес со своими предприятиями и лишить их доступа к своим финансовым учреждениям как внутри страны, так и за рубежом. Именно из-за угрозы вторичных санкций Китай не продает России запчасти для авиационной промышленности¹, а Турция ограничила использование на своей территории российской платежной системы «МИР»².

Торговая война характеризуется угрозой или фактическим нанесением экономического ущерба с целью заставить государство-мишень согласиться на торговые условия принуждающего государства. В отличие от экономических санкций, торговая война не направлена на то, чтобы повлиять на политическое поведение конкретного государства. В ее основе лежит стремление повлиять на международную экономическую политику и повысить благосостояние государства, выступающего инициатором торговой войны. Торговая война полностью или частично парализует торговлю со страной, выбранной в качестве мишени, попутно увеличивая ее экономические издержки.

Экономическая война направлена на то, чтобы ослабить экономический потенциал страны с целью снижения ее военной мощи, сокращения возможностей производить технологически совершенное оружие, мобилизовывать людей и ресурсы [Pare 1997]. Однако страны могут использовать экономическую войну и для обеспечения своего внутреннего благосостояния. Именно это мы сейчас можем наблюдать по отношению к России: истинные причины многочисленных пакетов санкций, стоящих за экономической войной, негласно объявленной США нашему государству, заключаются вовсе не в специальной военной операции.

С точки зрения бизнеса санкции могут нанести ущерб и увеличить риски международной торговли, установив дополнительные барьеры как для экспорта, так и для импорта. Введение санкций направлено на нанесение ущерба репутации страны и ее изоляцию в международном сообществе с целью удержания инвесторов от дальнейшего вложения денежных средств³. Санкции ставят под угрозу уже сложившиеся партнерские отношения и сокращают возможности для формирования новых. Кроме того, неопределенность ситуации накладывает ограничения на применение коммерческого кредитования при осуществлении импортных закупок. Ощутимые трудности доставляет ограничение импорта технологий и оборудования. Все это приводит к росту издержек, связанных с производством и реализацией.

В то же время страны, подвергаемые санкциям, редко оказываются полностью отрезанными от альтернативных рынков или источников финансирования [Davis, Engerman 2003]. Например, уже после того, как в 2015 году президент Обама ввел обширные санкции в отношении Венесуэлы, ее правительство смогло привлечь миллиардные кредиты со стороны Китая и России⁴.

Чем дольше действуют санкции, тем выше суммарная величина затрат, связанных с необходимостью осуществления деятельности в условиях ограничений, но, с другой стороны, это дает стране время для адаптации к ограничениям и поиска путей их обхода [Oxenstierna, Olsson 2015].

¹ Китай отказал российским авиакомпаниям в поставках запчастей // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/03/2022/6229bede9a79474e88ac5634> (дата обращения: 17.11.2022 г.).

² Мир отторгает «Мир» // Коммерсант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5570721?ysclid=lb5121j9ft631852300> (дата обращения: 17.11.2022).

³ Sanctions in the context of Russia's invasion of Ukraine. P. 14 // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2022/699526/IPOL_IDA\(2022\)699526_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2022/699526/IPOL_IDA(2022)699526_EN.pdf) (дата обращения: 22.10.2022).

⁴ China and Russia loaned billions to Venezuela — and then the presidency went up for grabs // CNBC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnbc.com/2019/02/07/venezuela-china-and-russia-owed-debts-as-presidential-fight-rages.html> (дата обращения: 29.11.2022).

Большая коалиция стран, накладывающих санкции, не означает, что санкции будут успешными. Международная общественность может усилить политический сигнал и экономическую угрозу, но она может снизить шансы на успех, ослабив масштабы и воздействие общих санкций в процессе достижения соглашения между вводящими их странами.

Применение санкций рассчитано на эффект снежного кома — их влияние должно становиться все больше по мере добавления новых ограничений. Кумулятивный эффект выражается в растущем числе коммерческих структур, присоединяющихся к режимам санкций, что способствует значительному сужению круга контрагентов ряда организаций государства-мишени и изоляции его экономики [Тимофеева 2021]. В целом санкции оказывают наиболее разрушительное воздействие в следующих случаях:

- если заинтересованные страны проявляют максимальную согласованность действий;
- если многосторонние санкции дополняются односторонними санкциями;
- если законы постоянно адаптируются по мере выявления их уязвимых мест [Kwon 2016].

Эффективность санкций во многом зависит от их целей, задействованных стран и реакции мирового сообщества [Jiawen 2022]. До введения экономических санкций государства обычно стараются предусмотреть все возможные условия, которые могут повлиять на эффективность санкций: политический режим, экономические связи между вводящими санкции государствами и государством-объектом, цену санкций для всех задействованных в них сторон и т.д.

Однако руководство стран часто имеет неадекватные ожидания в отношении санкций и стремится добиться ими большего, чем возможно в реальности. Когда цели амбициозны и предполагают высокие ставки, санкции влекут за собой значительные издержки, причем на начальных этапах и для накладывающей их страны, а положительный эффект может быть значительно отложен во времени.

Опыт антироссийских санкций демонстрирует, что правительства стран, принимая окончательное решение о введении санкций, не всегда сопоставляют свои цели и средства и не учитывают, что санкции приведут к непосильным издержкам для их собственного населения и союзников. Нередко упускается из внимания тот факт, что введение экономических санкций приводит к расширению теневой экономики. Экономические субъекты пытаются избежать санкционных мер, что влечет за собой разрушение основ законной торговли и общественное признание незаконной экономической деятельности [Neuenkirch, Neumeier 2015].

Влияние санкций на деятельность предприятий неоднократно изучалось в зарубежной и отечественной литературе, однако работ, содержащих результаты эмпирического анализа, не так много.

Главный вывод, сделанный при анализе влияния санкций, проведенном после их введения в 2014 году, на деятельность российских производственных предприятий, заключается в том, что, в отличие от обычных циклических кризисов, которые, как предполагается, имеют эффект «созидательного разрушения», очищая экономику от менее эффективных фирм, риски, связанные с санкциями, выше для более развитых предприятий с высокими финансовыми показателями [Golikova, Kuznetsov 2017].

Напротив, в Иране наиболее уязвимыми к санкционному давлению оказались малые и средние, а также недавно созданные предприятия [Cheratian et al. 2022]. В то же время микрофирмы показали большую устойчивость к кризису из-за скромных масштабов деятельности, умения работать в рамках ограниченности ресурсов, наличия собственных торговых точек и

использования местных рынков. Исследование также показало, что предприятиям, испытывающим большую потребность в оборудовании, инструментах и материалах, приходится сложнее в условиях санкций, а время существования предприятия положительно сказывается на возможностях выживания в связи с наличием большего опыта преодоления экономических трудностей.

Еще одно исследование иранских предприятий продемонстрировало сильное негативное воздействие санкций в краткосрочном и долгосрочном периодах на предприятия, имеющие взаимосвязи с государством [Ghasseminejad, Jahan-Parvar 2020].

Резюмирует вышесказанное модель, характеризующая причинно-следственные связи экономических санкций (Рисунок 1).

Рисунок 1. Причинно-следственные связи экономических санкций⁵

Последствия антироссийских санкций

Способность Соединенных Штатов вводить санкции в отношении других стран в значительной степени обусловлена их ролью «привратника» в международных финансах и способностью навязывать свою юрисдикцию, основанную на центральной роли в глобальной системе [Geranmayeh, Rapnouil 2019]. До недавнего времени США прибегали к вторичным санкциям

⁵ Составлено автором.

только в случаях с относительно закрытыми экономиками, такими как Северная Корея, Ливия, Иран и Куба. В настоящий момент по отношению к России США применяют широкий круг санкций, как первичных, так и вторичных, и агрессивную правоприменительную политику.

Тем не менее санкции против России вводятся не впервые: нынешняя ситуация имеет прецедент. После ввода войск Советского Союза в Афганистан в декабре 1979 года Соединенные Штаты ввели частичное эмбарго и отменили несколько контактов по крупным продажам американского зерна в СССР, который страдал от череды неурожаев. Крупное противостояние между США и Европой по поводу политики антироссийских санкций произошло при администрации президента Рональда Рейгана, которая выступила против планов Москвы по строительству газопровода из Сибири в Европу, введя запрет на продажу соответствующего оборудования Советскому Союзу. Официальной причиной введения санкций стало вмешательство СССР во внутренние дела Польши и его роль в объявлении там военного положения [Dziggel 2016]. Тогда европейские страны осудили введение Вашингтоном санкций, а премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, несмотря на ее тесные отношения с президентом США, присоединилась к европейским усилиям по противодействию этой политике. Руководители европейских компаний открыто заявляли, что, если правительство даст указание игнорировать санкции США, они это сделают. После политических «волнений» в Европе США в конце концов отменили санкции.

Провести всеобъемлющий анализ того, как санкции, введенные с 2014 года, повлияли на российскую экономику, выделить их непосредственное воздействие и оценить масштабы последствий очень сложно ввиду взаимосвязанности санкций с другими факторами. В 2015 году Всемирный банк прогнозировал российской экономике рецессию, поскольку геополитическая напряженность привела к тому, что российские инвестиции стали более рискованными, а стоимость внешних заимствований для российских банков и фирм резко увеличилась⁶. В 2022 году, спустя 7 лет, Всемирный банк снова заговорил о спаде в российской экономике [Guénette et al. 2022]. При этом влияние санкций рассматривается с тех же позиций. Во-первых, ограничение доступа к международным финансовым рынкам ужесточило внутренние и внешние условия кредитования. Это оказало негативное влияние на рефинансирование крупных государственных банков и других финансовых институтов и, как следствие, на инвестиции и потребление. Снижение нефтяных доходов государства и компаний оборонного сектора усугубило общий кредитный кризис. Во-вторых, санкции вызвали волатильность на валютном рынке и обесценивание рубля, что привело к оттоку капитала из России.

Следует отметить, что в условиях серьезного снижения доходов бюджета и ограниченного доступа к рынкам капитала особую угрозу национальной экономической безопасности создает отток капитала российских компаний в оффшорные юрисдикции. Капиталы, заработанные в российской экономике, вместо того чтобы быть реинвестированными, в больших объемах вывозятся за границу, участвуя в развитии экономик других стран [Чистилин, Переход 2018].

Если обратиться к динамике инвестиций в основной капитал и ВВП на душу населения в РФ с 2000 по 2021 гг. (Рисунок 2, Рисунок 3), можно увидеть, что ощутимые провалы в этих показателях наблюдаются в 2009 и 2020 годах. В первом случае резкое снижение значения показателей связано с мировым финансовым кризисом, начало которого пришлось на 2008 год (санкции против России тогда еще не были введены), а во втором случае — с пандемией. Исследование, направленное на определение воздействия финансовой компоненты санкций 2014 года на ВВП, характеризует

⁶Russia Economic Report. The Dawn of a New Economic Era? // The World Bank [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/eca/russia/rer33-eng.pdf> (дата обращения: 18.10.2022).

его как весьма болезненное по сравнению с гипотетическим сценарием отсутствия санкций [Гурвич, Прилепский 2016]. В то же время эффект финансовых санкций является достаточно ограниченным по сравнению с влиянием падения цен на нефть, что объясняется действием сил активной самоадаптации экономики.

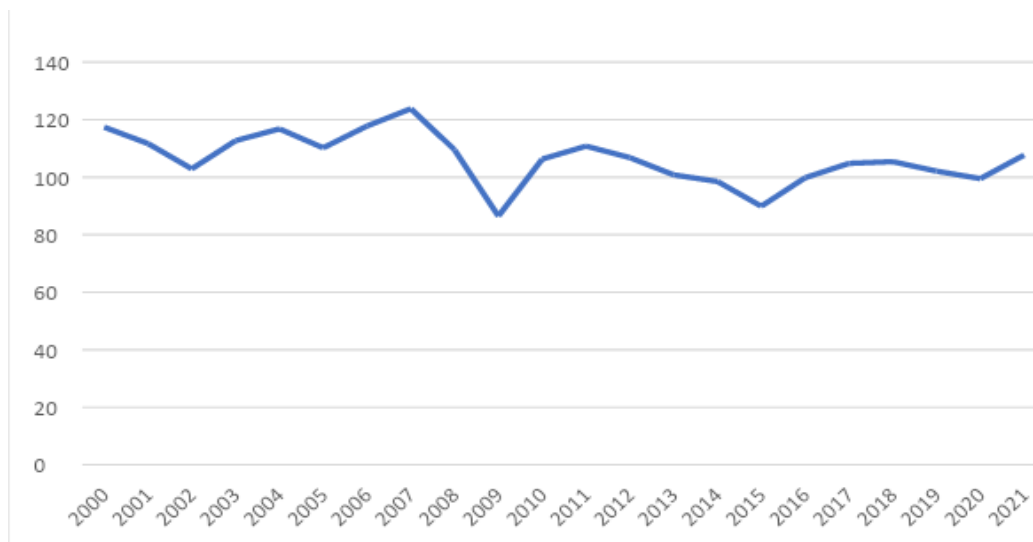

Рисунок 2. Динамика инвестиций в основной капитал РФ с 2000 по 2021 гг. (в сопоставимых ценах, в процентах к предыдущему году)⁷

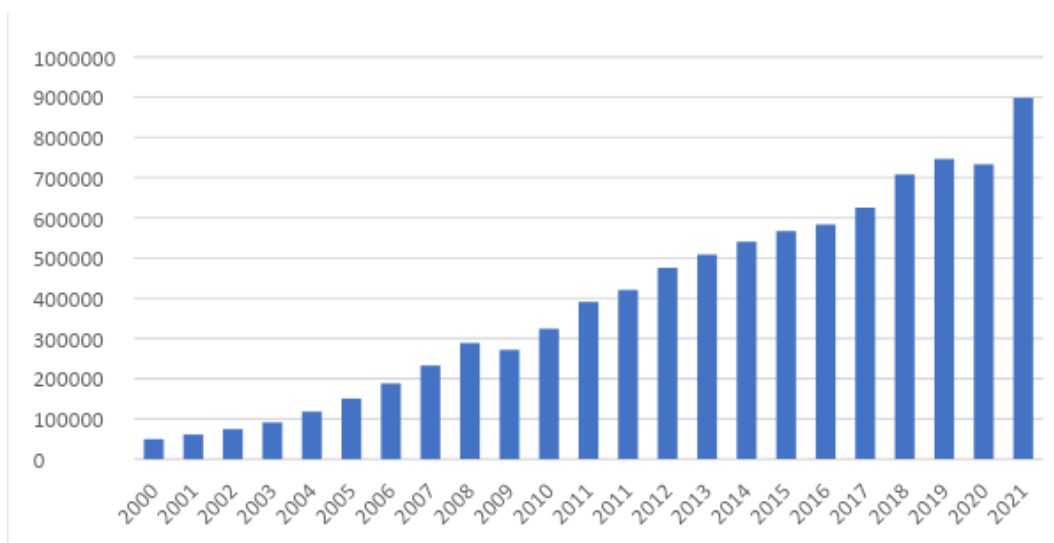

Рисунок 3. ВВП на душу населения в РФ с 2000 по 2021 гг. (в текущих ценах, руб.)⁸

В 2022 году антироссийские санкции достигли беспрецедентных масштабов, делающих адаптацию к ним весьма непростой. Воздействие на нашу страну осуществляется с использованием комбинации целенаправленных мер против олигархов и политических деятелей, масштабных финансовых санкций, ограничивающих использование финансовых рынков ЕС, и долгосрочных торговых санкций, введенных широкой коалицией ключевых стран международной экономической системы. Основной мишенью санкций является «Газпром», и «целятся» в него явно со стороны

⁷ Составлено автором по: Инвестиции в нефинансовые активы // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 17.10.2022).

⁸ Составлено автором по: Национальные счета // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 17.10.2022).

Соединенных Штатов, а не из стран Европейского союза. Они по-прежнему сильно зависят от трубопроводного газа и не могут легко сменить поставщика газа в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе.

Санкции были заявлены как направленные на то, чтобы максимально повлиять на режим и свести к минимуму воздействие на население. Введенный запрет на поставку, передачу или экспорт оборудования и услуг для нефтяной промышленности, товаров двойного назначения и товаров и технологий, которые могут способствовать технологическому совершенствованию Россией своего сектора обороны и безопасности⁹, несомненно, оказывает отрицательное влияние на экономику России в целом, но на несырьевых предприятиях и населении существенно не отражается. Чего нельзя сказать о масштабном по охвату запрете на продажу, поставку, передачу или экспорт, прямо или косвенно, огромного списка товаров, способствующих технологическому совершенствованию России и укреплению российского промышленного потенциала¹⁰. В список попали различные транспортные средства, бытовые и электрические приборы (например, стиральные машины), строительные материалы, бумага, чернила для принтера, красители, текстильные материалы, стекло и керамика, металлы, химические соединения, машины, оборудование и запчасти к нему, в том числе используемые в пищевой, металлообрабатывающей, деревообрабатывающей и сельскохозяйственной промышленности, и многое другое.

С одной стороны, такие всеобъемлющие ограничения нацелены на создание сложностей с импортом оборудования, сырья и комплектующих с целью воспрепятствования росту инвестиций и технологической модернизации российской промышленности. С другой стороны, запрет на экспорт товаров народного потребления явно направлен на обычных людей с тем, чтобы снизить качество их жизни. С учетом объемов импорта из ЕС и большого количества производственных предприятий, использующих импортные технологии и материалы в своих производственных процессах, санкции не могут не сказаться на себестоимости выпуска и, как следствие, на конечной цене российской продукции.

В то же время санкции ЕС и США ощутимо подорвали готовность иностранных компаний работать и осуществлять инвестиции в России, и, несмотря на все сложности, это предоставляет огромные возможности отечественным производственным предприятиям. В результате введения экономических санкций в 2014 году произошел рост спроса на товары, которые производятся внутри России, а в потребительской корзине увеличилось количество продуктов первой необходимости отечественного производства [Нуреев, Петраков 2016]. Усиление экономических санкций способствовало стимулированию импортозамещающей индустриализации России [Li, Li 2022]. Этот процесс ускорился вынужденно, и важно понимать, что ограниченность ресурсов для модернизации производственных технологий и снижение конкуренции часто приводят к ухудшению качества продукции по сравнению с импортными товарами. Отечественным предприятиям следует внимательно следить за качеством выпускаемой продукции, чтобы в конечном счете оно отрицательно не сказалось на спросе и объемах продаж.

⁹ Council Regulation (EU) 2022/328 of 25 February 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // EUR Lex [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/328/oj> (дата обращения: 23.11.2022).

¹⁰ Council Regulation (EU) 2022/576 of 8 April 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // EUR Lex [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2022.111.01.0001.01.ENG (дата обращения: 23.11.2022).

Роль США в глобальных экономических процессах

США являются одним из крупнейших торговых и финансовых партнеров Европы, где сложно найти предприятие, не имеющее прямого или косвенного доступа к американским рынкам и финансовым системам, а американский доллар, несмотря на существование евро, играет колоссальную роль в европейской экономике. Интеграция европейских финансовых рынков с гораздо более крупными американскими, а также обширные торговые, инвестиционные и технологические отношения США и Европы делают ее очень уязвимой и подверженной вторичным американским санкциям. Это является серьезной внешнеполитической проблемой, у которой нет простого решения.

США используют экономическую взаимозависимость с ЕС в качестве оружия, нацеленного на страны, которые важны для европейской экономики, такие как Китай и Россия. Америка имеет обширные возможности влиять на европейские компании и отрезать их от финансового рынка в случае, если их интересы расходятся.

Даже малые и средние предприятия, в основном не имеющие прямого доступа к рынкам США, все равно обращаются к услугам банков, которые используются в качестве рычагов влияния. Штаты манипулируют своей ролью в транзакциях платежных гигантов Visa и Mastercard, а также SWIFT — ключевой компании по обмену финансовыми сообщениями при осуществлении международных платежей, базирующейся в Бельгии.

Сущность системы SWIFT создает обманчивое ощущение, что ей легко найти замену. Действительно, банки осуществляли международные платежи задолго до того, как система SWIFT начала свою деятельность в 1977 году. В 2021 году бывший советник Управления по контролю за иностранными активами Министерства финансов США Брайан О'Тул утверждал, что Россия преувеличивает значение системы SWIFT в качестве оружия финансовой войны и при отключении от нее российские банковские учреждения смогут использовать телекс или другую форму обмена финансовыми сообщениями¹¹. Однако 2022 год дал ясно понять, что банки, отключенные от SWIFT, просто не осуществляют платежи в ЕС и США.

SWIFT дешев, быстр и пользуется доверием, поэтому он стал доминирующей системой обмена сообщениями между банками, которая позволяет быстро подтверждать личность отправителя денежных средств и их получателя. SWIFT практически не имеет альтернатив с сопоставимой эффективностью, хотя в Европе как среди экспертов, так и в правительственных кругах много говорят о необходимости создания независимой копии SWIFT.

Использование криптовалют в качестве платежного средства иногда рассматривается как возможный вариант обхода санкций. Однако надо понимать, что существуют значительные ограничения на их использование. Странам, находящимся под санкциями, достаточно трудно поддерживать свои собственные криптовалюты: предложение биткоина и других негосударственных валют невелико по сравнению с долларами США, находящимися в настоящее время в обращении, и существует относительно мало возможностей конвертировать криптовалюты в доллары или евро. Кроме того, существуют также серьезные вопросы регулирования и прозрачности в отношении использования криптовалют. Европейские правительства обеспокоены теневой торговлей и отмыванием денег, которым они способствуют. Но самое главное — большинство криптовалют являются псевдонимными, а не полностью анонимными, а значит, у США вполне могут «дотянуться руки» до тех, кто их использует для обхода санкций.

¹¹ Should Russian Banks Be Scared of SWIFT Disconnection? // The Moscow Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2021/04/22/should-russian-banks-be-scared-of-swift-disconnection-a73644> (дата обращения: 20.11.2022).

Одним из наиболее ярких примеров того, как угроза вторичных санкций США может повлиять на другие страны, является массовый уход европейских компаний из Ирана. После того, как в 2012 году Конгресс принял закон об отключении иранских банков от SWIFT, стремясь выступить единым фронтом с США, ЕС принял аналогичное постановление. Решив не противодействовать санкциям США относительно использования SWIFT в Иране, европейцы создали прецедент, которому законодательные и исполнительные органы власти Соединенных Штатов последовали, нацелившись на Россию. Санкции США в отношении Ирана имели ограниченные экономические последствия для Европы, чего нельзя сказать о санкциях против России. Она является гораздо более важным и крупным европейским торговым партнером, поэтому этот разрыв отношений нанес очень сильный удар по Европе. Уже сейчас понятно, что игра Европы по правилам США ведет к фрагментации глобальной экономики, ослаблению коллективной безопасности и многостороннего сотрудничества.

В то же время пример Ирана показывает, каким образом можно минимизировать последствия санкций для всех задействованных в них сторон. В 2019 году была основана французская компания [INSTEX](#), владельцами которой являются Франция, Великобритания, Германия и еще семь европейских стран. INSTEX оказывает содействие законной торговле с Ираном в свете проблем, с которыми сталкиваются участники европейского рынка, желающие продолжать беспрепятственную торговлю в Иране. INSTEX фокусируется на гуманитарной торговле между Европой и Ираном, охватывая продукты питания, сельскохозяйственное оборудование, лекарства и предметы медицинского назначения, а также предметы, необходимые для производства, создания, упаковки, транспортировки, хранения и обеспечения доставки гуманитарных грузов.

Согласно информации, опубликованной в *The World Street Journal*, Иран создал неофициальную банковскую и финансовую систему для осуществления торговых операций, находящихся под санкциями США. Система, позволяющая обходить экономическую блокаду, включает в себя счета в иностранных коммерческих банках, доверенные компании, зарегистрированные за пределами страны, фирмы, которые координируют запрещенную торговлю, и центр обмена информацией о транзакциях в Иране. Все это помогает Ирану противостоять давлению администрации США¹².

Китай также создал систему финансовых платежей, которая работает по параллельным каналам, номинированным в долларах, привлекая интерес стран, которые хотели бы создать свои собственные системы такого рода. Китайцы, по сути, разработали двойную банковскую систему, которая позволяет им направлять одну группу банков на работу с США, а другую — на работу со странами, подпадающими под вторичные санкции США [Geranmayeh, Rapnouil 2019]. Китай принимает во внимание сдерживающий эффект вторичных санкций США, поэтому китайские банки и другие компании действуют с осторожностью. Подход Пекина к вопросу санкций является весьма разумным и направлен на то, чтобы, с одной стороны, поддерживать существующие деловые связи, а с другой стороны, уклониться от открытого противодействия США во избежание экономического ущерба.

Сами США не считают Китай конкурентами в вопросе создания системы, альтернативной SWIFT, мотивируя тем, что китайская платежная система обрабатывает в день примерно 11 000 транзакций, большая часть которых приходится на материковый Китай и Гонконг, в то время как SWIFT обрабатывает около 42 миллиона транзакций по всему миру¹³.

¹² Clandestine Finance System Helped Iran Withstand Sanctions Crush, Documents Show // WSJ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/articles/ clandestine-finance-system-helped-iran-withstand-sanctions-crush-documents-show-11647609741> (дата обращения: 26.11.2022).

¹³ The U.S. Is the Only Sanctions Superpower. It Must Use That Power Wisely // The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2022/03/16/opinion/us-russia-sanctions-power-economy.html> (дата обращения: 26.11.2022).

Пути минимизации последствий антироссийских санкций

Введение санкций и контрсанкций не только ограничивает международную торговлю, но и вызывает изменение цен, оказывая влияние с различными эффектами на отраслевые доходы [Дмитриева 2015]. С учетом высокой торговой зависимости между ЕС и Россией это влияние существенно для обеих сторон. Российские контрсанкции, введенные в апреле 2014 года и касающиеся импорта продуктов питания, в краткосрочной перспективе привели к повышению цен, которое «ударил» по отечественным потребителям. Одновременно был нанесен ощутимый экономический ущерб соответствующим странам ЕС. Россия является гораздо более крупным импортером сельскохозяйственной продукции, чем экспортером, поэтому ее эмбарго в отношении европейских стран оказало серьезное влияние на их торговлю сельскохозяйственной продукцией. В то время как Россия в основном экспортирует зерновые культуры, такие товары, как мясо, молочные продукты, фрукты, овощи и полуфабрикаты, импортируются, и ЕС ранее являлся крупнейшим поставщиком этих товаров в Россию. Россия является вторым по значимости после США рынком для агропродовольственного экспорта ЕС [Teichmann, Falker 2020].

В Россию запрещенные товары ЕС экспортируются через Белоруссию, Сербию или другие страны, не затронутые контрсанкциями. Эта деятельность является незаконной по российскому законодательству, но как производители запрещенной продукции в ЕС, так и страны, через которые осуществляется экспорт, заинтересованы в несоблюдении требований закона.

Стоит отметить, что Белоруссия является страной, против которой введены санкции еще в 2006 году¹⁴. И если до начала специальной военной операции они в основном касались заморозки активов Александра Лукашенко и связанных с ним лиц, то в марте 2022 года были наложены ограничения на ввоз в страну товаров, используемых для производства табачных изделий, минеральных удобрений, изделий из древесины, цементных изделий, изделий из железа, стали, резиновых изделий, продуктов, содержащих хлорид калия. Как и в Россию, в Белоруссию запрещен ввоз товаров и технологий двойного назначения, товаров и технологий, которые могут способствовать военному, технологическому развитию страны, усилению ее обороны и безопасности, а также оборудования¹⁵.

Сейчас можно наблюдать, что страны-члены ЕС демонстрируют разный уровень приверженности санкциям ввиду отличия собственных стратегических, политических и экономических интересов и приоритетов. Несмотря на то, что большинство стран ЕС имеет в целом схожую позицию, им так не удалось создать единый фронт, подкрепленный жесткими мерами принуждения. В интернет-сообществе циркулируют списки «славы и позора», фиксирующие компании и их решения продолжать текущую деятельность в России, но несмотря на это, многие зарубежные предприятия прямо или косвенно продолжают работать с Россией.

Для того, чтобы обеспечить неукоснительное соблюдение санкций, необходим достаточно большой объем ресурсов для мониторинга и контроля, а также наказания за поведение, подрывающее санкционные настроения, но с экономической точки зрения правительствам стран гораздо проще закрывать глаза на очевидные нарушения.

Одним из способов обхода санкций является параллельный импорт. С помощью параллельного импорта в страну завозятся товары, производимые непосредственно владельцем торговой марки или под его руководством, но импортированные кем-либо, кроме

¹⁴ Council Regulation (EC) No 765/2006 of 18 May 2006 concerning restrictive measures against President Lukashenko and certain officials of Belarus // EUR Lex [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32006R0765&qid=1649355673350> (дата обращения: 23.11.2022).

¹⁵ Council Regulation (EU) 2022/355 of 2 March 2022 amending Regulation (EC) No 765/2006 concerning restrictive measures in view of the situation in Belarus // EUR Lex [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32022R0355&qid=1649355673350> (дата обращения: 23.11.2022).

уполномоченной на то организации или дистрибьютора. То есть параллельный импорт — это ввоз в страну востребованных оригинальных товаров иностранного производства без участия их правообладателей.

В международном праве системный подход к параллельному импорту отсутствует [Rai, Srinath, 2012]. В нашей стране запрет на параллельный импорт действовал с 2006 года. Наложено он было для того, чтобы стимулировать инвестиции транснациональных корпораций либо путем создания внутренних дистрибьюторских сетей, либо местных производственных мощностей. Несмотря на то, что инициатива привела к увеличению числа центров производства автомобилей и электроники, прочие товары народного потребления в основном импортировались. Согласно условиям запрета на параллельный импорт, все экспортеры продукции, защищенной торговыми марками, при проведении таможенной очистки должны были представить лицензионное соглашение. Это означало, что любая российская компания, осуществляющая торговлю лицензионными товарами, должна была быть авторизованным агентом, строго соблюдающим ценовую и рекламную политику владельца объекта промышленной собственности.

В марте 2022 г. в России было подписано постановление, позволяющее неавторизованным агентам и дистрибьюторам предлагать для продажи товары различных торговых марок на неофициальной основе и отменяющее ответственность за параллельный импорт¹⁶. Этот шаг последовал в ответ на уход многих мировых компаний, которые были активны в России в течение последних двух десятилетий, или приостановление ими деятельности на неопределенный срок. Перечень товаров формируется Минпромторгом на основании предложений федеральных ведомств. Сейчас он включает в себя различные виды химической и фармацевтической продукции, одежду и обувь, стекло, керамику, металлы, оборудование и механические устройства, средства транспорта, летательные аппараты, суда, лодки и некоторые другие товары.

На заседании президиума Правительственной комиссии по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций М.В. Мишустин заявил, что в отношении товаров, ввозимых в нашу страну в рамках параллельного импорта, будут осуществляться все необходимые таможенные и контрольные процедуры, а продукция будет подлежать гарантированному обслуживанию¹⁷. В условиях санкционных ограничений принятое решение поможет обеспечить внутренний рынок востребованными товарами и не допустить неконтролируемого роста их стоимости. Возможность осуществлять таможенную очистку и продавать потребителям импортные товары без какого-либо контроля со стороны владельца торговой марки влечет за собой использование тайных соглашений с третьими сторонами для транспортировки грузов и посредничество для осуществления платежей.

Впрочем, во многих случаях использование тайных соглашений не требуется, и зарубежные производители знают о перенаправлении своей продукции через третьи страны. Для минимизации проблем с налогообложением или оформлением документов экспорт осуществляется через Казахстан или Армению, являющиеся членами Евразийского экономического союза. Перевозка осуществляется также через Турцию, ОАЭ и Грузию. Удлинение

¹⁶ Постановление от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413173/ (дата обращения 28.11.2022).

¹⁷ Правительство легализовало параллельный импорт для удовлетворения спроса на востребованные зарубежные товары // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/44987/> (дата обращения 29.11.2022).

цепочек поставок влечет за собой не только увеличение сроков доставки, но и рост ее стоимости в связи с дополнительными затратами на логистику и осуществлением дополнительных таможенных процедур в третьих странах.

Для сокращения издержек некоторые перевозчики используют схемы, позволяющие избежать промежуточной таможенной очистки санкционных товаров. Европейский поставщик заключает контракт на поставку продукции с компанией из страны, которая не вводила антироссийские санкции. Однако фактически эта компания груз не получает, а заключает договор с российским предприятием, являющимся конечным покупателем. На одном из европейских таможенных складов осуществляется замена одного договора на другой, и уже с новым пакетом документов груз пересекает границу ЕС и оказывается в нашей стране. Иногда номинальная перепродажа груза осуществляется без заезда на таможенный склад.

Подобные схемы являются весьма рискованными и все чаще вызывают недоверие у стран-посредников, которые во избежание введения против них вторичных санкций могут потребовать фактического осуществления промежуточной таможенной очистки грузов, направляющихся в Россию. В то же время транспортные компании, предлагающие посредничество в экспорте санкционных товаров, не хотят упускать свою выгоду и, помимо накладных расходов, могут закладывать в стоимость своих услуг от 5 до 10% от суммы контракта¹⁸.

Принимая решение о ввозе в Россию санкционной продукции, предприятие должно четко понимать, есть ли возможность приобрести в не присоединившихся к санкциям странах аналоги, сопоставимые по качеству и стоимости и как возросшие расходы в конечном счете скажутся на финансовых результатах.

Заключение

Глобализация имеет два противоречивых эффекта: она делает доступными больше потенциальных источников поставок, но в то же время высокая зависимость от внешней торговли облегчает вмешательство в приобретение товаров посредством санкций. Возможности США устанавливать контроль над ключевыми узкими местами мировой экономики и вынуждать страны действовать в ущерб собственным интересам остаются беспрецедентными. Энергетическая зависимость Европы показала, насколько континент может быть уязвим, и ключевой вопрос заключается в том, какие уроки извлечет из этого Европа.

Судя по всему, «штормить» мировую экономику будет еще долго, и в ближайшее время рассчитывать на стабилизацию ситуации вряд ли стоит. Основной проблемой адекватного ответа на санкции и реализации политики импортозамещения является ограничение доступа к иностранным технологиям. Полный эффект от запрета на экспорт в нашу страну товаров, имеющих решающее значение для энергетического, машиностроительного, оборонного секторов, и степень его влияния на технологическое развитие России еще предстоит увидеть. Геополитическая напряженность и неопределенность пути экономического развития подорвали готовность отечественных и иностранных инвесторов вкладывать средства как в новые, так и уже существующие предприятия, а также усилили проблему утечки российского капитала в оффшорные зоны. Отрицательное влияние оказывают нарушение цепочек и стабильности поставок, ограничение их ассортимента, снижение качества сырья из-за замены поставщиков, трудности с выходом на экспортные рынки, недоверие к установлению партнерских отношений с российскими предприятиями и, конечно, отток рабочей силы.

¹⁸ «Ложный транзит» и «перепродажа в пути»: как товары из Европы возят в Россию // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/469665-loznyj-tranzit-i-pereprodaza-v-puti-kak-tovary-iz-evropy-vozat-v-rossiu?ysclid=lb5mpi2tpb994405597> (дата обращения: 30.11.2022).

В целом жизнь под санкциями означает дополнительные прямые и косвенные издержки для производственных предприятий, снижение продуктивности использования ресурсов и туманность перспектив бизнеса. Для преодоления очередного вызова времени необходимо тесное сотрудничество предприятий, кредитных организаций и государственных органов.

Предприятиям сейчас важно точно определять производственные приоритеты, повышать свою энергетическую и сырьевую эффективность при одновременном снижении зависимости от труднодоступных импортных комплектующих, сырья и технологического оборудования. Минимизации кумулятивного эффекта санкций будет способствовать своевременное перенаправление экспортных и импортных торговых потоков в другие страны, оперативная реорганизация производственных и сбытовых цепочек, установление долгосрочных отношений с партнерами из дружественных государств.

Задачей банков на данном этапе является предоставление предприятиям, особенно малым и средним, диверсифицированных заемных средств для своевременного пополнения основного и оборотного капитала. Что касается государства, то его политика во время санкций должна быть направлена на защиту отечественной промышленности, поддержку и стабилизацию производства, устранение существующих барьеров с тем, чтобы предприятия, сохраняющие рабочую силу и не «замораживающие» заработную плату, имели возможность поддерживать выпуск продукции на необходимом уровне.

Список литературы:

Гурвич Е.Т., Прилепский И.В. Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 5–35. DOI: [10.32609/0042-8736-2016-1-5-35](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-1-5-35)

Дмитриева Н.И. Экономические санкции как инструмент политического давления // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 52. С. 120–143. DOI: [10.24411/2070-1381-2015-00062](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2015-00062)

Нуреев Р.М., Петраков П.К. Экономические санкции против России: ожидания и реальность // Мир новой экономики. 2016. № 3. С. 14–31.

Тимофеева Ю.С. Санкции и принудительные меры США в отношении компаний финансового сектора // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 4. С. 39–51. DOI: [10.31107/2075-1990-2021-4-39-51](https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-4-39-51)

Чистилин Д.К., Переход С.А. Государственное регулирование трансграничных потоков капитала в условиях санкционных ограничений: pro et contra // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 69. С. 217–242. DOI: [10.24411/2070-1381-2018-00064](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2018-00064)

Besedeš T., Goldbach S., Nitsch V. Smart or Smash? The Effect of Financial Sanctions on Trade in Goods and Services // Discussion Paper Deutsche Bundesbank. 2022. № 28/2022. URL: <https://www.bundesbank.de/resource/blob/894272/b43557666e44ffcac56b190daa86975/mL/2022-07-12-dkp-28-data.pdf>

Cheratian I., Goltabar S., Farzanegan M.R. Survival Strategies under Sanctions: Firm-Level Evidence from Iran Economic // CESifo Working Paper. 2022. № 9568. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/252085/1/cesifo1_wp9568.pdf

Davis L., Engerman S. History Lessons Sanctions: Neither War Nor Peace Perspectives // Journal of Economic Perspectives. 2003. Vol. 17. Is. 2. P. 187–197. DOI: [10.1257/089533003765888502](https://doi.org/10.1257/089533003765888502)

Dziggel O. The Reagan Pipeline Sanctions: Implications for U.S. Domestic Policy and the Future of International Law // Towson University Journal of International Affairs. 2016. Vol. L. Is. 1. P. 129–154.

- Geranmayeh E., Rapnouil L.M. Meeting the Challenge of Secondary Sanctions // European Council on Foreign Relations. 2019. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep21492>
- Ghasseminejad S., Jahan-Parvar M.R. The Impact of Financial Sanctions: The Case of Iran 2011–2016 // International Finance Discussion Papers. 2020. № 1281. DOI: [10.17016/IFDP.2020.1281](https://doi.org/10.17016/IFDP.2020.1281)
- Golikova V., Kuznetsov B. Perception of Risks Associated with Economic Sanctions: The Case of Russian Manufacturing // Post-Soviet Affairs. 2017. Vol. 33. Is. 1. P. 49–62. DOI: [10.1080/1060586X.2016.1195094](https://doi.org/10.1080/1060586X.2016.1195094)
- Guénette J., Kenworthy P., Wheeler C. Implications of the War in Ukraine for the Global Economy // World Bank. EFI Policy Note. 2022. № 3. URL: <http://hdl.handle.net/10986/37372>
- Jiawen C. Why Economic Sanctions on North Korea Fail to Work? World Century Publishing Corporation and Shanghai Institutes for International Studies // China Quarterly of International Strategic Studies. 2022. Vol. 3. Is. 4. P. 513–534. DOI: [10.1142/S2377740017500300](https://doi.org/10.1142/S2377740017500300)
- Kwon B.R. The Conditions for Sanctions Success: A Comparison of the Iranian and North Korean Cases // Korean Journal of Defense Analysis. 2016. Vol 28. Is 1. P. 139–161. DOI: [10.22883/KJDA.2016.28.1.009](https://doi.org/10.22883/KJDA.2016.28.1.009)
- Li Z., Li T. Economic Sanctions and Regional Differences: Evidence from Sanctions on Russia // Sustainability. 2022. Vol. 14. Is. 10. DOI: [10.3390/su14106112](https://doi.org/10.3390/su14106112)
- Neuenkirch M., Neumeier F. The Impact of UN and US Economic Sanctions on GDP Growth // FIW Working Paper. 2015. № 138. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/121131/1/N_138.pdf
- Oxenstierna S., Olsson P. The Economic Sanctions against Russia. Impact and Prospects of Success // FOI Report No. FOI-R--4097--SE. 2015. URL: https://d1wqtxts1xzle7.cloudfront.net/38622546/foir4097_2-libre.pdf?1441020781=&response-content-disposition=inline%3B+filename%3DThe_economic_sanctions_against_Russia_Im.pdf&Exp
- Pape R.A. Why Economic Sanctions Do Not Work? // The MIT Press. International Security. 1997. Vol. 22. Is. 2. P. 90–136. DOI: [10.1162/jsec.22.2.90](https://doi.org/10.1162/jsec.22.2.90)
- Rai R.K., Srinath J. Parallel Imports and Unparallel Laws: Does the WTO Need to Harmonize the Parallel Import Law? // Journal of World Trade. 2012. Vol 46. Is. 3. P. 657–694.
- Teichmann F., Falker M.C. Sanctions against Russia: Implications, Prospects and Circumvention // SEER Journal for Labour and Social Affairs in Eastern Europe. 2020. Vol. 23. Is. 1. P. 109–126. DOI: [10.5771/1435-2869-2020-1-109](https://doi.org/10.5771/1435-2869-2020-1-109)

References:

- Besedeš T., Goldbach S., Nitsch V. (2022) Smart or Smash? The Effect of Financial Sanctions on Trade in Goods and Services. *Discussion Paper Deutsche Bundesbank*. No. 28. Available: <https://www.bundesbank.de/resource/blob/894272/b43557666e44fffcac56b190daa86975/mL/2022-07-12-dkp-28-data.pdf>
- Cheratian I., Goltabar S., Farzanegan M.R. (2022) Survival Strategies under Sanctions: Firm-Level Evidence from Iran Economic. *CESifo Working Paper*. No. 9568. Available: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/252085/1/cesifo1_wp9568.pdf
- Chistilin D.K., Perekhod S.A. (2018) State Regulation of International Capital Flows in Conditions of Sanctions Restrictions: Pro et Contra. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 69. P. 217–242. DOI: [10.24411/2070-1381-2018-00064](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2018-00064)
- Davis L., Engerman S. (2003) History Lessons Sanctions: Neither War Nor Peace Perspectives. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 17. Is. 2. P. 187–197. DOI: [10.1257/089533003765888502](https://doi.org/10.1257/089533003765888502)
- Dmitrieva N.I. (2015) Economic Sanctions as a Political Pressure Instrument. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 52. P. 120–143. DOI: [10.24411/2070-1381-2015-00062](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2015-00062)

- Dziggel O. (2016) The Reagan Pipeline Sanctions: Implications for U.S. Domestic Policy and the Future of International Law. *Towson University Journal of International Affairs*. Vol. L. Is. 1. P. 129–154.
- Geranmayeh E., Rapnouil L.M. (2019) Meeting the Challenge of Secondary Sanctions. *European Council on Foreign Relations*. Available: <https://www.jstor.org/stable/resrep21492>
- Ghasseminejad S., Jahan-Parvar M.R. (2020) The Impact of Financial Sanctions: The Case of Iran 2011–2016. *International Finance Discussion Papers*. No. 1281. DOI: [10.17016/IFDP.2020.1281](https://doi.org/10.17016/IFDP.2020.1281)
- Golikova V., Kuznetsov B. (2017) Perception of Risks Associated with Economic Sanctions: The Case of Russian Manufacturing. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 33. Is. 1. P. 49–62. DOI: [10.1080/1060586X.2016.1195094](https://doi.org/10.1080/1060586X.2016.1195094)
- Guénette J., Kenworthy P., Wheeler C. (2022) Implications of the War in Ukraine for the Global Economy. *World Bank. EFI Policy Note*. No. 3. Available: <http://hdl.handle.net/10986/37372>
- Gurvich E., Prilepskiy I. (2016) The Impact of Financial Sanctions on the Russian Economy. *Voprosy Ekonomiki*. No. 1. P. 5–35. DOI: [10.32609/0042-8736-2016-1-5-35](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-1-5-35)
- Jiawen C. (2022) Why Economic Sanctions on North Korea Fail to Work? World Century Publishing Corporation and Shanghai Institutes for International Studies. *China Quarterly of International Strategic Studies*. Vol. 3. Is. 4. P. 513–534. DOI: [10.1142/S2377740017500300](https://doi.org/10.1142/S2377740017500300)
- Kwon B.R. (2016) The Conditions for Sanctions Success: A Comparison of the Iranian and North Korean Cases. *Korean Journal of Defense Analysis*. Vol. 28. Is. 1. P. 139–161 DOI: [10.22883/KJDA.2016.28.1.009](https://doi.org/10.22883/KJDA.2016.28.1.009)
- Li Z., Li T. (2022) Economic Sanctions and Regional Differences: Evidence from Sanctions on Russia. *Sustainability*. Vol. 14. Is. 10. DOI: [10.3390/su14106112](https://doi.org/10.3390/su14106112)
- Neuenkirch M., Neumeier F. (2015) The Impact of UN and US Economic Sanctions on GDP Growth. *FIW Working Paper*. No. 138. Available: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/121131/1/N_138.pdf
- Nureev R.M., Petrakov P.K. (2016). Economic Sanctions against Russia: Expectations and Reality. *Mir novoy ekonomiki*. No. 3. P. 14–31.
- Oxenstierna S., Olsson P. (2015) The Economic Sanctions Against Russia. Impact and prospects of success. *FOI Report*. No. FOI-R--4097--SE. Available: https://d1wqtxts1xzle7.cloudfront.net/38622546/foir4097_2-libre.pdf?1441020781=&response-content-disposition=inline%3B+filename%3DThe_economic_sanctions_against_Russia_Im.pdf&Exp
- Pape R.A. (1997) Why Economic Sanctions Do Not Work? *The MIT Press. International Security*. Vol. 22. Is. 2. P. 90–136. DOI: [10.1162/isec.22.2.90](https://doi.org/10.1162/isec.22.2.90)
- Rai R.K., Srinath. J. (2012) Parallel Imports and Unparallel Laws: Does the WTO Need to Harmonize the Parallel Import Law? *Journal of World Trade*. Vol. 46. Is. 3. P. 657–694.
- Teichmann F., Falker M.C. (2020) Sanctions against Russia: Implications, Prospects and Circumvention. *SEER Journal for Labour and Social Affairs in Eastern Europe*. Vol. 23. Is. 1. P. 109–126. DOI: [10.5771/1435-2869-2020-1-109](https://doi.org/10.5771/1435-2869-2020-1-109)
- Timofeeva Y.S. (2021). US Sanctions against Financial Companies: Key Features. *Finansovyy zhurnal*. Vol. 13. No. 4. P. 39–51. DOI: [10.31107/2075-1990-2021-4-39-51](https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-4-39-51)

Дата поступления/Received: 08.01.2023

Параллельный импорт и другие экономические меры как ответ на санкции в отношении российского импорта

Сенотрусова Светлана Валентиновна

Доктор биологических наук, профессор, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: senotrusova@spa.msu.ru; senotrusovasv@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [3281-9658](#)

Сибирякова Яна Вадимовна

Аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: SibiryakovaYV@spa.msu.ru; sibiriakova_yana@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [3008-2217](#)

ORCID ID: [0000-0002-0460-0420](#)

Аннотация

В статье раскрывается влияние западных санкций на экономическую безопасность Российской Федерации, в частности анализируются последствия для внешней торговли — импорта товаров в Россию. В качестве методов и материалов исследования использованы методы системного анализа и синтеза, контент-анализ научной литературы и статистических обзоров по исследуемой тематике, материалы периодической печати российских и зарубежных авторов. Несмотря на умеренное значение индекса проникновения импорта, в России наблюдается абсолютная зависимость от импорта промышленно-инвестиционных товаров (машин, оборудования, транспорта и т.д.). В ходе анализа обозначаются предпринимаемые Правительством, Минпромторгом и ФТС РФ меры стабилизации текущей ситуации с импортом в Россию — стратегическое торговое партнерство и налаживание новых логистических цепочек со странами Востока, расширение перечня товаров, при ввозе которых снижается ввозная таможенная пошлина или взимается нулевая пошлина. Особое внимание уделяется параллельному импорту как способу поставки санкционных товаров на территорию страны. Параллельный импорт был легализован в мае 2022 года и предполагает замену национального принципа исчерпания прав на международный товарный знак. Демонстрируется, что параллельный импорт действует в отношении конкретного перечня товаров западных компаний и брендов, ушедших с российского рынка после начала специальной военной операции; список товаров предполагает постоянное обновление в зависимости от ситуации. В заключение сделан вывод о том, что дальнейшее развитие ситуации с импортными поставками на территорию России зависит от двух факторов: намерений западных стран в вопросе усиления санкционного давления и готовности российских властей к применению различных стабилизирующих мер для противостояния введенным санкциям.

Ключевые слова

Внешняя торговля, санкции, импорт, параллельный импорт, таможенные пошлины, индекс проникновения импорта, таможенные льготы.

Parallel Import and Other Economic Measures as Response to Sanctions against Russian Import

Svetlana V. Senotrusova

DSc (Biology), Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: senotrusova@spa.msu.ru; senotrusovasv@gmail.com

Iana V. Sibiriakova

Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: SibiryakovaYV@spa.msu.ru; sibiriakova_yana@mail.ru

ORCID ID: [0000-0002-0460-0420](#)

Abstract

The article reveals the impact of the western sanctions on the Russian Federation economic stability; in particular, it analyses the consequences for the Russian foreign trade — for the import of goods to the country. The research methods and materials include methods of system analysis and synthesis, content analysis of scientific literature and statistical reviews on the subject under investigation, periodical materials of Russian and foreign authors. Despite the moderate value of the Russian import penetration index there is an absolute dependence on the import of industrial and investment goods (machinery, equipment, transport, etc.) in the country. The analysis outlines the measures taken by the Government, the Ministry of Industry and Trade and the Federal Customs Service to stabilize the current situation with imports to Russia — the strategic trade partnership and the establishment of new logistic chains with the eastern countries, the expansion of the list of goods imported with reduced or zero import customs duties to the Russian territory. Particular attention is paid to the parallel import as a way of supplying sanctioned goods to the country. The parallel import was legalized in May 2022 and involves the replacement of the national principle of the exhaustion of trademark rights with the international one. In the article it is demonstrated that the parallel import is applied to the specific list of goods of the western companies and brands that left the Russian market after the beginning of the special military operation; the list of goods assumes to be constantly updated depending on the situation. To sum up, the further development of the situation with the import to the territory of Russia depends on two factors: the intentions of western countries to increase sanctions pressure and the readiness of the Russian authorities to apply various stabilizing measures to resist the imposed sanctions.

Keywords

Foreign trade, sanctions, import, parallel import, customs duties, import penetration index, custom duty reliefs.

Введение

Национальная безопасность государства и его граждан лежит в основе стратегии устойчивого развития России в XXI веке. Понятие национальной безопасности предполагает состояние защищенности национальных интересов страны от внешних и внутренних угроз¹. Потенциальные угрозы могут возникать в самых разных сферах жизнедеятельности государства и его граждан, в том числе в экономике.

Текущую ситуацию в мировой экономике эксперты характеризуют как эпоху глобальных трансформаций. Усиление рыночной волатильности, неустойчивость мировой финансовой системы, снижение потоков прямых инвестиций, введение протекционистских мер — это неконечный перечень последствий влияния глобальной рецессии, спровоцированной пандемией коронавируса [Nguyen, Do 2021]. Данные явления ощущаются в мире на протяжении последних двух лет, и для борьбы с ними направлены механизмы и меры экономической политики, разрабатываемые правительствами стран.

Негативное влияние на экономику Российской Федерации дополнительно оказывают западные санкции. Российская экономика переживает «нелегкие» времена с 2014 г., когда первые ограничительные политические и экономические санкции западных стран были введены против государства на фоне вхождения полуострова Крым в состав России. Санкции осложнили международные расчеты между контрагентами, поставщиками и физическими лицами, и нерезидентам приходится прибегать к опыту азиатских стран в части переводов денежных средств [Кузнецова 2020]. Вопросы финансовой стабильности финансовых рынков и банков, доминирующие сегодня в деятельности регуляторов, поиск путей преодоления подобных препятствий лежат в плоскости координации целевых ориентиров денежно-кредитной, макро- и микропруденциальной политик [Ларионова 2020]. Разработка и введение в действие программы импортозамещения стало основной мерой противодействия экономическому давлению со стороны российского Правительства. Особое внимание Правительство на тот момент уделяло продовольственной безопасности и активному наращиванию собственного производства в сельском хозяйстве.

Усиление ситуации геополитической напряженности на фоне эскалации конфликта на Украине в 2022 г. спровоцировало введение новых пакетов санкций со стороны стран западной коалиции. Согласно оценке, «действующие против России санкции носят беспрецедентный масштаб. Их количество... превосходит все, что когда-либо вводилось в отношении любого другого государства»².

Правительство страны предпринимает всевозможные меры поддержки экономики России. Внимание уделяется санкционному давлению во всех сферах деятельности. Внешнеторговые санкции, проявляющиеся в утрате экспортных рынков, ограничении импорта товаров до критически низкого уровня, неспособного мгновенно удовлетворить национальную потребность в импортируемом товаре, введение «потолка цен» в отношении экспортируемой продукции и искусственное завышение цен на импортируемый товар, стали объектом особого внимания и совместных усилий Правительства, Минпромторга и ФТС России с момента усиления санкционного давления в 2022 г.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/> (дата обращения: 13.10.2022).

² Мишустин: экономика РФ доказала способность адаптироваться к беспрецедентным санкциям // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15971461> (дата обращения: 13.10.2022).

Роль импорта во внешней торговле Российской Федерации

Российская Федерация является активным участником внешнеторговых отношений. С 1990-х гг. в России были предприняты многочисленные шаги по либерализации внешнеторговой активности, расширению экспортного и импортного потенциала страны. Государственная программа «Развитие внешнеэкономической деятельности» (ГП-27) определяет стратегические направления развития внешней торговли России до 2024 г., а также меры поддержки экспортного потенциала для усиления позиций страны в глобальной экономике и вклада внешнеторговой деятельности в социально-экономическое развитие государства³.

Если, с одной стороны, благодаря либерализации торговли России удалось нарастить свой экспортный потенциал, то, с другой стороны, получение доступа к различным товарам, производимым в мире, повысило зависимость российской экономики от импорта. Показатель индекса проникновения импорта, рассчитываемый как отношение импорта к разности ВВП и чистого экспорта, показывает степень зависимости внутреннего потребления страны от импорта [Гурова 2016]:

$$\text{Индекс проникновения импорта} = \frac{\text{Объем импорта}}{(\text{ВВП} - \text{Чистый экспорт})} * 100\%.$$

Данный показатель в России является умеренным и на протяжении последних лет не превышает 25% (Рисунок 1), однако, согласно данным Минпромторга, в отраслевом разрезе по многим позициям наблюдается абсолютная зависимость страны от импорта.

Рисунок 1. Динамика индекса проникновения импорта в Российской Федерации в 2005–2021 гг., %⁴

В соответствии с данными ФТС РФ, на фоне введения западных санкций импорт в Россию по состоянию на август 2022 г. составляет 65–70% от уровня 2021 г., в частности спад импорта критически важной продукции в Россию оценивается в диапазоне 11–12%⁵. Наиболее заметным сегментом является промышленно-инвестиционная группа товаров (станки, оборудование), в которой падение импорта оценивается в районе 17–20% по сравнению с показателем 2021 г. Спад промежуточного импорта, в том числе сырья для химической промышленности и лесной

³ Госпрограмма «Развитие внешнеэкономической деятельности». ГП-27 // Счетная Палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/budget/gp-2020/8.pdf> (дата обращения: 13.10.2022).

⁴ Составлено авторами по: Trade value and volume, Output and income // UNCTADStat [Электронный ресурс]. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (дата обращения: 13.10.2022).

⁵ Белоусов оценил импорт в Россию на уровне 65–70% от 2021 года // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/business/858741> (дата обращения: 13.10.2022).

продукции, составляет около 10%. Потребительский импорт, включая бытовую технику и прочие непродовольственные товары, также имеет отрицательную динамику в районе 3–5%⁶.

Особое внимание следует уделить падению импорта в тяжелом машиностроении, станкостроении и вагоностроении. Доля импортной продукции, по данным Минпромторга, в этих отраслях колеблется от 10% до 90% по состоянию на начало 2022 г. (Рисунок 2).

Рисунок 2. Доля импорта в отраслях машиностроения по состоянию на начало 2022 г., %⁷

Перестроение инвестиционного импорта в данных отраслях в кратчайшие сроки невозможно, поскольку речь идет о проектировании и заказах конкретных моделей оборудования [Kalygina 2022]. В связи с этим снижаются объемы производства продукции, и, как следствие, начинается сокращение персонала и переход на неполную рабочую неделю [Гулиев 2022]. В качестве защитной меры по внешней торговле были предприняты определенные действия в первой половине 2022 г. — легализация параллельного импорта, предоставление льгот по уплате или отмена уплаты ввозных таможенных пошлин. Благодаря данным мерам удалось стабилизировать ситуацию с импортом и избежать более сильного изначально прогнозируемого спада до 50%⁸.

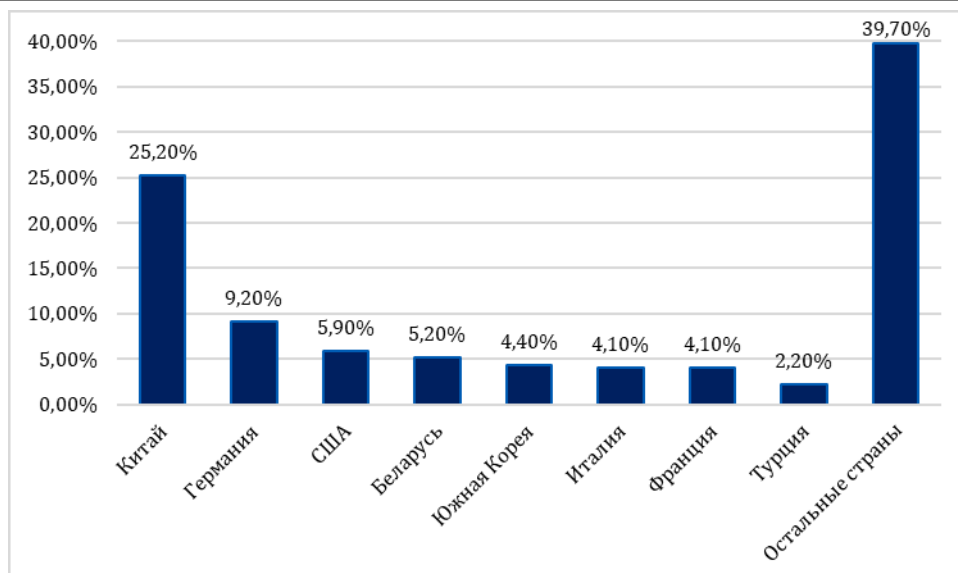
Изменение географии импорта в Россию в 2022 г.

Немаловажным фактором, способствующим стабилизации ситуации с импортом в Россию, является стратегическое торговое партнерство и налаживание новых логистических цепочек со странами Востока. Основные торговые партнеры России по импорту по состоянию на январь 2022 г. представлены на Рисунке 3.

⁶ «Импорт в Россию упал на 30%». Замглавы ФТС о последствиях санкций, схемах торговли из 90-х и «дворцах» на границе с Китаем // RTVI [Электронный ресурс]. URL: <https://rtvi.com/stories/import-v-rossiyu-upal-na-30-zamglavy-fts-o-posledstviyah-sanktsij-shemah-torgovli-iz-90-h-i-dvorczah-na-granicze-s-kitaem/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁷ Источник: Изменения в экспорте и импорте РФ в 2022 году: влияние санкций на международную торговлю // Delovoy Profil [Электронный ресурс]. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/izmeneniya-v-eksporte-i-importe-rf-v-2022-godu-vliyanie-sanktsiy-na-mezhdunarodnyu-torgovlyu/> (дата обращения: 13.10.2022).

⁸ Изменения в экспорте и импорте РФ в 2022 году: влияние санкций на международную торговлю // Delovoy Profil [Электронный ресурс]. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/izmeneniya-v-eksporte-i-importe-rf-v-2022-godu-vliyanie-sanktsiy-na-mezhdunarodnyu-torgovlyu/> (дата обращения: 13.10.2022).

Рисунок 3. Основные страны-импортеры в Россию и их доля (%) по состоянию на январь 2022 г.⁹

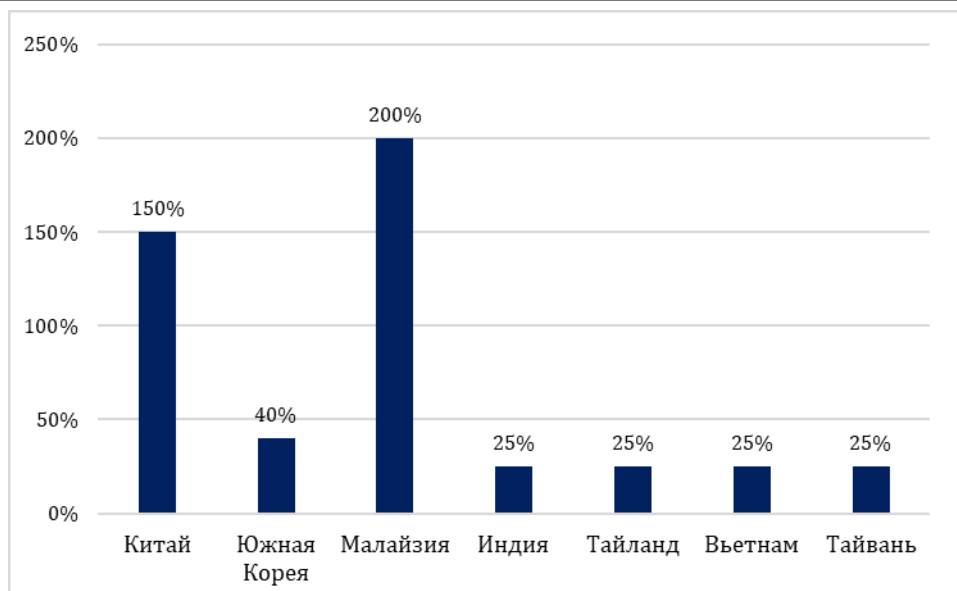
Однако в феврале-марте 2022 г. западные страны ввели многочисленные санкции против России, предусматривающие в том числе ограничение импорта. В результате санкционного давления импорт из стран Европейского союза, доля которого составляла около 40% от всего импорта в РФ, снизился практически вдвое. Около двух третей этого показателя приходится на промышленно-инвестиционные товары, в основном машины и оборудование; доля продовольственных товаров составляет около 2%; на различные «промышленные» товары, за исключением машин и оборудования, транспорта, приходится около 5%¹⁰. Импорт из США также значительно сократился, ФТС РФ не публикует статистические данные по оценке изменений объемов внешней торговли с февраля 2022 г., приведенные показатели — это статистические данные зарубежных стран.

Компенсировать снижение импорта из западных стран удалось благодаря наращиванию объемов импорта из стран Восточной Азии. Главными торговыми странами-партнерами в данном регионе для России являются Китай, Южная Корея, Индия, Малайзия, Вьетнам, Таиланд и Тайвань. Продолжается рост объемов импорта из Японии, несмотря на то, что последняя присоединилась к жестким экономическим санкциям стран Запада. Традиционное сотрудничество с Турцией также способствует росту товарооборота между двумя странами. Многие эксперты делают заявления о том, что Турция стала так называемым транзитным хабом для поставки продукции в Россию из других стран. Объем импорта из Турции в июле 2022 г. превысил 681 млн долл. США, что в 1,5 раза выше¹¹, чем в июле 2021 г. На Рисунке 4 наглядно представлена положительная динамика импортных поставок из стран Восточной Азии в июле 2022 г. по сравнению с предыдущим месяцем.

⁹ Составлено авторами по: База данных экспорта и импорта России (ВЭД) // Ru-Stat [Электронный ресурс]. URL: <https://ru-stat.su/database/> (дата обращения: 13.10.2022).

¹⁰ Ввезет же людям: импорт в Россию пошел в рост. Июльские показатели приблизились к январским, а некоторые партнеры побили максимумы 2021 года // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1384197/dmitrii-migunov/vvezet-zhe-liudiam-import-v-rossiiu-poshel-v-rost> (дата обращения: 13.10.2022).

¹¹ Ситуация с импортом в Россию в июле 2022 года улучшилась: кто нарастил поставки и на сколько // Банки Сегодня [Электронный ресурс]. URL: <https://bankstoday.net/last-news/situatsiya-s-importom-v-rossiyu-v-iyule-2022-goda-uluchshilas-kto-narastil-postavki-i-na-skolko> (дата обращения: 13.10.2022).

Рисунок 4. Рост импорта в Россию из стран Восточной Азии в июле 2022 г. по сравнению с предыдущим месяцем, %¹²

Хотя основной импорт в Россию поступает в текущих реалиях из стран Восточной Азии, следует отметить, что европейский импорт также увеличился в июле 2022 г. на 18%, по сравнению с показателем предыдущего месяца, и достиг 4,5 млрд евро¹³. Отрицательная динамика наблюдается только в импорте из США, однако США всегда являлись второстепенным партнером во внешнеэкономических отношениях для России. Таким образом, можно сделать вывод, что в ТОП-10 стран-импортеров в Россию на текущий момент входят следующие государства: Китай (1-е место), Нидерланды (2-е место), Германия и Италия, Белоруссия и Казахстан, Южная Корея и Турция, Индия, Франция (места стран варьируются от месяца к месяцу).

Параллельный импорт и другие защитные меры импорта в Россию в 2022 г.

Гибкое администрирование таможенных пошлин — это механизм, который позволяет создавать условия для более разумной структуры ввоза товаров и регулирования потока товаров [Квиртия 2022]. ФТС России активно использует его с целью стабилизации внешней торговли.

В качестве защитных мер во внешней торговле ФТС в марте 2022 г. ввела ряд послаблений с целью стимулирования импорта в Россию, которые способствовали смягчению последствий западных санкций. Был расширен перечень товаров, при ввозе которых снижается ставка или взимается нулевая ввозная пошлина на территорию страны [Добродомова и др. 2022]. Преимущественно данная мера затронула импорт продовольственных товаров, лекарственных средств и товаров социальной значимости, а также сырья и комплектующих, необходимых российским производственным организациям для использования в своей деятельности. Согласно статистическим данным, импортеры смогли сэкономить от 20 до 40% от общей суммы начисляемых к уплате таможенных платежей начиная с 28 марта. Уже за первую неделю действия

¹² Составлено авторами по: Ситуация с импортом в Россию в июле 2022 года улучшилась: кто нарастил поставки и на сколько // Банки Сегодня [Электронный ресурс]. URL: <https://bankstoday.net/last-news/situatsiya-s-importom-v-rossiyu-v-iyule-2022-goda-uluchshilas-kto-narastil-postavki-i-na-skolko> (дата обращения: 13.10.2022).

¹³ Ввезет же людям: импорт в Россию пошел в рост. Июльские показатели приблизились к январским, а некоторые партнеры побили максимумы 2021 года // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1384197/dmitrii-migunov/vvezet-zhe-lyudiam-import-v-rossiyu-poshel-v-rost> (дата обращения: 13.10.2022).

вышеупомянутых послаблений таможенные органы оформили льготы в отношении ввоза 50 000 тонн товаров, поступающих из самых разных стран, например из Египта, Ирана, Пакистана, Китая и т.д.¹⁴

Еще одной мерой, благоприятно сказавшейся на динамике импорта в Россию, стал параллельный импорт. С целью противостояния уходу многочисленных западных компаний и брендов с российского рынка, а также нивелирования логистических проблем Правительство Российской Федерации легализовало параллельный импорт. Параллельный импорт предполагает импорт на территорию страны утвержденного перечня товаров без получения разрешения производителя (правообладателя). Данная мера позволяет обеспечить внутренний рынок продукцией недружественных стран, востребованной у российского покупателя, а также стабилизировать цены на рынке [Сониц 2022].

29 марта 2022 г. Правительство России издало Постановление № 506, предполагающее частичную легализацию параллельного импорта на территории Российской Федерации¹⁵. Было принято решение разрешить ввоз на территорию России пользующихся спросом товаров иностранного происхождения без получения согласия правообладателя.

Концепция параллельного импорта неразрывно связана с принципом исчерпания прав на товарный знак. В основе данного принципа лежит возможность свободной реализации маркированного товара на территории конкретного государства после его правомерного введения в оборот. Существует три разновидности режимов исчерпания права: международный, региональный и национальный [Дроботова 2021].

Большинство государств, в том числе и Россия (до событий весны 2022 г.), придерживаются национального принципа исчерпания права. То есть свободный оборот товара на территории этих государств разрешается с момента получения легального согласия правообладателя на оборот товара в данной стране. При региональном принципе, который, например, действует в Европейском союзе, товар может свободно обращаться на территории определенного региона, если он был введен в оборот на территории одной из стран-участниц. Наименее распространенным является третий режим — международный, согласно которому свободный оборот товара в стране разрешен с момента легального введения последнего в оборот в любом государстве мира. Данный режим применяется в ведущих странах мира — Китае, Японии, США и Канаде [Там же]. Наиболее очевидным аргументом в пользу первого из режимов — национального, по сравнению с двумя остальными, является повышение инвестиционной привлекательности рынка для импортеров за счет укрепления позиции правообладателя [Латтеган 2022].

Международный режим исчерпания прав был установлен на территории Российской Федерации в отношении определенного перечня товаров, утвержденного Приказом Минпромторга № 1532 от 19 апреля 2022 г.¹⁶ В Приказе названо более 50 групп товаров, включенных в таблицу с тремя столбцами (общая группа товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД), наименование товара и код товара или

¹⁴ ФТС отвечает на вопросы: значимые изменения в законодательстве, ускорение и упрощение выпуска товаров, снижения ставок ввозных пошлин // Альта Софт [Электронный ресурс]. URL: https://www.altaru.ru/expert_opinion/88864/ (дата обращения: 13.10.2022).

¹⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413173/ (дата обращения: 10.11.2022).

¹⁶ Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 19.04.2022 № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта б статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» // Альта Софт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.altaru.ru/tamdoc/22a01532/> (дата обращения: 10.11.2022).

товарный знак) [Понамаренко 2022]. Минпромторг, в зависимости от товарной группы, указал для одних товаров только торговые марки (бренды), для других — коды ТН ВЭД, в некоторых случаях указано и то и другое. Так, для 87-й группы, включающей наземный транспорт, указан конечный список брендов (Tesla, Toyota, Land Rover, Jeep, Isuzu, Jaguar, Chrysler, Bentley, Mitsubishi, Cadillac, Chevrolet, Dodge, Hummer, Rolls-Royce, Bugatti и другие), по отношению к которым был легализован параллельный импорт¹⁷. Для 95-й товарной группы легализован параллельный импорт для продукции с ТН ВЭД 9504 50 000 9, включающей, например, игровые приставки Xbox, PlayStation, Nintendo. Для 33-й товарной группы, в состав которой входят косметические средства (ТН ВЭД 3303 00), параллельный импорт разрешен для всей косметической продукции любых брендов, кроме 31 бренда-исключения¹⁸.

Первоначальный список товаров, попадающих под действие параллельного импорта, уже претерпевал ряд изменений после мая 2022 г. Из списка были удалены компании, которые продолжают поставлять на российский рынок свою продукцию и не уходили с рынка; в отношении продукции таких импортеров продолжит действовать национальный режим¹⁹.

По предварительным оценкам, к концу 2022 г. объем параллельного импорта превысит 20 млрд долл. США (Рисунок 5).

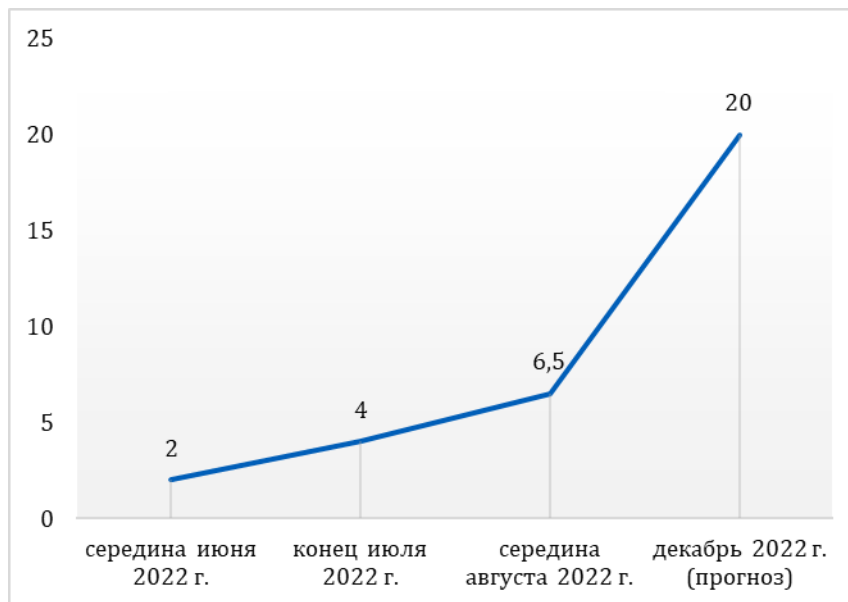

Рисунок 5. Динамика объема параллельного импорта в Российской Федерации, млрд долл. США²⁰

Механизм параллельного импорта продолжит действовать в течение 2023 г. Дальнейшая его судьба будет зависеть от ситуации с импортом в 2023 г. По мере того, как иностранные компании возвращаются на российский рынок или ищут иные способы ведения бизнеса в стране, включая передачу активов отечественным инвесторам, необходимость в параллельном импорте и ввозе товара на территорию РФ не через дистрибьютора, а с помощью альтернативных способов перестает существовать.

¹⁷ Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 19.04.2022 № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» // Альта Софт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.altaru.ru/tamdoc/22a01532/> (дата обращения: 10.11.2022).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Вобляя И.Н. Параллельный импорт как инструмент управления экономическими санкциями // Альта Софт [Электронный ресурс]. URL: https://www.altaru.ru/external_news/92761/

²⁰ Составлено авторами по: Мантуров: объем параллельного импорта к концу года достигнет не менее \$20 млрд // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2022/09/19/941424-manturov-obem-parallelnogo-importa-20-mlrd> (дата обращения: 13.10.2022).

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что введение западных санкций в отношении внешней торговли, в частности импорта, негативно сказалось на экономике Российской Федерации. Ответные меры, предпринятые Правительством, Минпромторгом и ФТС, частично нивелировали отрицательный эффект от эмбарго, введенного недружественными странами. Эксперты констатируют восстановление импорта всех категорий товаров за счет наращивания торгового сотрудничества со странами Восточной Азии и отлаживания новых логистических цепочек. Однако промышленно-инвестиционный импорт пребывает в затруднительном положении с прогнозируемым спадом в районе 20%²¹ и неясными перспективами.

Защитные меры, предпринятые в отношении послабления и обнуления таможенных пошлин и легализации параллельного импорта, способствуют притоку необходимых товаров в Россию. Международный режим исчерпания прав действует в отношении санкционных товаров согласно конечному перечню, разработанному Минпромторгом. Перечень претерпевает изменения по мере того, как иностранные компании возвращаются в Россию или передают свои активы национальным инвесторам. Согласно прогнозам, параллельный импорт на территории России достигнет объема в 20 млрд долл. США к концу 2022 г. и продолжит действовать в 2023 г.

Дальнейшие прогнозы относительно способности российской экономики к восстановлению, в частности в сфере внешней торговли, зависят от дальнейших намерений западных стран в вопросе усиления санкционного давления и готовности российских властей к применению различных стабилизирующих мер для противостояния введенным санкциям. По текущим оценкам, российской экономике удастся противостоять введенным санкциям в отношении импорта в Россию, за исключением промышленно-инвестиционного импорта [Tolkachev, Terlyakov 2022].

Список литературы:

Добродомова Т.Н., Задорожная Е.А., Ширяева Н.О. Статистика таможенных платежей // Научное обозрение. Экономические науки. 2022. № 2. С. 21–26. DOI: [10.17513/sres.1099](https://doi.org/10.17513/sres.1099)

Дроботова А.Г. Параллельный импорт в России и способы защиты от него // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 43. С. 466–474.

Гулиев Ш.А. Правовая оценка ограничительных мер ЕС в отношении России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 8. С. 66–68. DOI: [10.23672/i5162-7264-2157-j](https://doi.org/10.23672/i5162-7264-2157-j)

Гурова И.П. Импортозамещение в странах Евразийского экономического союза // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. Вып. 11. Ч. 3. С. 242–247.

Квиртия М.С. Оценка динамики поступлений сумм таможенных платежей под влиянием пандемии // Молодой ученый. 2022. № 16(411). С. 347–348.

Кузнецова Г.В. Трансграничные переводы мигрантов и возможности мобильного банкинга // Сберегательное дело за рубежом. 2020. № 2. С. 36–39. DOI: [10.36992/75692_2020_2_36](https://doi.org/10.36992/75692_2020_2_36)

Ларионова И.В. Триггеры и барьеры на пути обеспечения финансовой стабильности // Банковские услуги. 2020. № 2. С. 20–27. DOI: [10.36992/2075-1915_2020_2_20](https://doi.org/10.36992/2075-1915_2020_2_20)

Латтеган К.О. Преимущества и недостатки параллельного импорта в России // Вектор экономики. 2022. № 6(72). URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2022/6/worldeconomy/Lattegan.pdf>

²¹ Изменения в экспорте и импорте РФ в 2022 году: влияние санкций на международную торговлю // Delovoy Profil [Электронный ресурс]. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/izmeneniya-v-eksporte-i-importe-rf-v-2022-godu-vliyaniye-sanktsiy-na-mezhdunarodnyu-torgovlyu/> (дата обращения: 13.10.2022).

Понамаренко А.А. Параллельный импорт и обход патентообладателей как ответная мера России на санкции недружественных стран // Научный аспект. 2022. Т. 1. № 3. С. 11–19.

Сонич А.А. Потенциальные последствия легализации параллельного импорта в России в 2022 году // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 3А. С. 98–104.

Kalygina V.V. International Technology Transfer as an Effective Tool of Export-Oriented Import Substitution in Russia // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: экономика. 2022. Т. 30. № 2. С. 231–241. DOI: [10.22363/2313-2329-2022-30-2-231-241](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2022-30-2-231-241)

Tolkachev S., Teplyakov A. Import Substitution in Russia: The Need for a System-Strategic Approach // Russian Social Science Review. 2022. Vol. 63. Is. 1–3. P. 15–40. DOI: [10.1080/10611428.2022.2111162](https://doi.org/10.1080/10611428.2022.2111162)

Nguyen T.T., Do M.H. Impact of Economic Sanctions and Counter-Sanctions on the Russian Federation's Trade // Economic Analysis and Policy. 2021. Vol. 71. P. 267–278. DOI: [10.1016/j.eap.2021.05.004](https://doi.org/10.1016/j.eap.2021.05.004)

References:

Dobrodomova T.N., Zadorozhnaya E.A., Shiryayeva N.O. (2022) Statistics of Customs Payments. *Nauchnoye obozreniye. Ekonomicheskkiye nauki*. No 2. P. 21–26. DOI: [10.17513/sres.1099](https://doi.org/10.17513/sres.1099)

Drobotova A.G. (2021) Parallel'nyy import v Rossii i sposoby zashchity ot nego [Parallel import in Russia and protection measures against it]. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie*. No. 43. P. 466–474.

Guliev S.H.A. (2022) Legal Assessment of EU Restrictive Measures against Russia. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskkiye i obshchestvennyye nauki*. No. 8. P. 66–68. DOI: [10.23672/j5162-7264-2157-j](https://doi.org/10.23672/j5162-7264-2157-j)

Gurova I.P. (2016) Importozameshcheniye v stranakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Import substitution in the countries of the Eurasian Economic Union]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya*. Is. 11. Part 3. P. 242–247.

Kalygina V.V. (2022) International Technology Transfer as an Effective Tool of Export-Oriented Import Substitution in Russia. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: ekonomika*. Vol. 30. No. 2. P. 231–241. DOI: [10.22363/2313-2329-2022-30-2-231-241](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2022-30-2-231-241)

Kuznetsova G.V. (2020) Transgranichnyye perevody migrantov i vozmozhnosti mobil'nogo bankinga [Transborder migrants' transactions and mobile banking features]. *Sberegatel'noye delo za rubezhom*. No. 2. P. 36–39. DOI: [10.36992/75692_2020_2_36](https://doi.org/10.36992/75692_2020_2_36)

Kvirtiya M.S. (2022) Otsenka dinamiki postupleniy summ tamozhennykh platezhey pod vliyaniem pandemii [Assessment of the dynamics of the customs payments receipt under the pandemic influence]. *Molodoy uchenyy*. No. 16(411). P. 347–348.

Larionova I.V. (2020) Triggers and Barriers to Financial Stability. *Bankovskiyе uslugi*. No. 2. P. 20–27. DOI: [10.36992/2075-1915_2020_2_20](https://doi.org/10.36992/2075-1915_2020_2_20)

Lattegan K.O. (2022) Advantages and Disadvantages of Parallel Import in Russia. *Vektor ekonomiki*. No. 6(72). Available: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2022/6/worlddeconomy/Lattegan.pdf>

Nguyen T.T., Do M.H. (2021) Impact of Economic Sanctions and Counter-Sanctions on the Russian Federation's Trade. *Economic Analysis and Policy*. No. 71 P. 267–278. DOI: [10.1016/j.eap.2021.05.004](https://doi.org/10.1016/j.eap.2021.05.004)

Ponamarenko A.A. (2022) Parallel'nyy import i obkhod patentoobladateley kak otvetnaya mera Rossii na sanktsii nedruzhestvennykh stran [Parallel import and circumvention of patent holders as the Russian response to the sanctions of unfriendly countries]. *Nauchnyy aspekt*. Vol. 1. No. 3. P. 11–19.

Sonich A.A. (2022) Potential Consequences of the Legalization of Parallel Imports in Russia in 2022. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. Vol. 12. No. 3A. P. 98–104.

Tolkachev S., Teplyakov A. (2022) Import Substitution in Russia: The Need for a System-Strategic Approach. *Russian Social Science Review*. Vol. 63. Is. 1–3. P. 15–40. DOI: [10.1080/10611428.2022.2111162](https://doi.org/10.1080/10611428.2022.2111162)

Дата поступления/Received: 04.11.2022

Социология управления
Management sociology

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-96-74-87

Разработка молодежной политики Российской Федерации в 1990-е гг.

Лиходей Елена Максимовна

Старший преподаватель, РНИМУ им. Н.И. Пирогова, Москва, РФ.

E-mail: LikhodeyEM@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [5140-9358](#)

ORCID ID: [0000-0002-8588-4938](#)

Аннотация

Статья представляет собой обзор процесса разработки молодежной политики Российской Федерации в 1990-е гг. Целью является выявление особенностей данного процесса и причин смены парадигмы воспитания молодежи. Актуальность обусловлена тем, что после распада Советского Союза в молодежной политике был утрачен гражданско-патриотический и духовно-нравственный элемент воспитания. На протяжении 1990-х гг. данный аспект в молодежной политике так и не появился вновь. В связи с этим представляется важным для истории развития молодежной политики выявить причины утраты гражданско-патриотического и духовно-нравственного элемента воспитания молодежи. В статье рассматриваются предпосылки и условия принятия новой молодежной политики, содержание молодежной политики на каждом из этапов ее формирования, анализируются итоги и особенности становления молодежной политики по состоянию на 1999 г. При проведении исследования были использованы исторический, сравнительно-исторический и логический методы. В совокупности они позволили изучить указанный период, провести сравнение с другими периодами и воссоздать процесс разработки молодежной политики во всем многообразии задействованных в нем связей. Научная новизна исследования обусловлена привлеченным кругом источников, не введенных в научный оборот ранее. К ним относятся архивные документы политических партий, находящиеся в Государственном архиве РФ. Помимо этого, в исследовании задействованы данные периодической печати 1990-х гг. и интервью людей, активно участвовавших в определении курса молодежной политики. Реконструкция процесса разработки молодежной политики в Российской Федерации в 1990-е гг. позволила выявить его особенности. В частности, было выявлено, что под влиянием сложных исторических событий конца 1980-х и 1990-х гг. в концепции молодежной политики было утрачено гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи. В это время акцент делался только на экономической составляющей.

Ключевые слова

Молодежная политика, внутренняя политика, молодежь, государственная политика, политика Российской Федерации, история политики, социальная история.

Development of Youth Policy in the Russian Federation in the 1990s

Elena M. Likhodey

Senior Lecturer, Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: LikhodeyEM@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-8588-4938](#)

Abstract

The article represents an overview of the process of developing the youth policy of the Russian Federation in the 1990s. The aim is to identify the features of this process and the reasons for changing the paradigm of young people education. The relevance is defined by the fact that after the collapse of the Soviet Union, the civil-patriotic and spiritual-moral element of education was lost in the youth policy. Throughout the 1990s this aspect never reappeared in the youth policy. In this regard, it seems important for the history of the youth policy development to identify the reasons for the loss of the civil-patriotic and spiritual-moral element in the education of young people. The article examines the prerequisites and conditions of adopting a new youth policy, the content of youth policy at each stage of its formation, analyzes the results and features of the formation of youth policy as of 1999. Historical, comparative-historical and logical methods were used in the research. Together, they made it possible to study this period, make comparisons with other periods and recreate the process of development of the youth policy in all the variety of links involved in it. The scientific novelty of the study is defined by the attracted range of sources that have not been introduced into scientific circulation before. These include archival documents of political parties located in the State Archive of the Russian Federation. In addition, the study involved data from the periodical press of the 1990s and interviews of individuals who were actively involved in setting the course of youth policy. Reconstruction of the process of developing the youth policy in the Russian Federation in the 1990s made it possible to reveal its features. In particular, it was revealed that under the influence of complex historical events of the late 1980s and 1990s the civil-patriotic and spiritual-moral education of young people was lost in the concept of youth policy. At that time, the emphasis was only on the economic component.

Keywords

Youth policy, domestic policy, youth, state policy, policy of the Russian Federation, history of politics, social history.

Введение

Молодежная политика — это комплекс мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового, научного и иного характера. Данные меры направлены на создание условий для развития молодежи, ее самореализации в различных сферах жизнедеятельности, на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодых граждан в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности и национальной безопасности Российской Федерации¹.

В данной статье рассматривается процесс разработки молодежной политики в 1990-е гг. в Российской Федерации. Целью является выявление особенностей данного процесса и причин смены парадигмы воспитания молодежи. Актуальность темы обусловлена тем, что поиск оптимальной молодежной политики оставался острым вопросом на протяжении долгого времени: начиная со времен Советского союза и заканчивая 2020 г., когда был принят последний действующий в данном вопросе закон «О молодежной политике в Российской Федерации».

В разное время к молодежи относились также по-разному. В советское время речь шла об идеологическом воспитании. Во второй половине 1980-х гг., когда страна пошла по пути перестройки экономики, возникла необходимость отойти от такого подхода, выстроить новые отношения с молодым поколением. Начал разрабатываться новый закон «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», в котором было сформировано новое отношение к молодежи, но оно потеряло гражданско-патриотический и духовно-нравственный элемент воспитания. В дальнейшем, на протяжении 1990-х гг., данный аспект так и не появился вновь в молодежной политике страны. В связи с этим представляется важным для истории развития молодежной политики выявить причины утраты гражданско-патриотического и духовно-нравственного элемента воспитания молодежи и переориентации на экономическую составляющую политики.

В отечественной историографии большое внимание уделено историческому опыту становления молодежной политики. Работы исследователей распадаются преимущественно на три блока: история молодежной политики в Советском Союзе [Медведев 2019; Елисеев 2015], история молодежной политики на постсоветском пространстве [Кочетков, Кузьмина 2017] и сравнение представлений о молодежной политике в разное время советской эпохи и современности [Алексеев, Шумилова 2018]. Работы по советскому периоду делятся на посвященные проблемам становления молодежной политики [Ильинский 2016] и посвященные проблемам ее реализации [Соколова 2017]. Особое внимание уделено зарождению и истории разработки закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», отправному закону в истории молодежной политики конца XX века [Ильинский 2016]. Изучается также концепция советской молодежной политики [Ильинский, Луков 2008]. Рассматривая современное время, исследователи сосредотачиваются на актуальных проблемах. До принятия федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» 2020 г. работы были посвящены необходимости принятия такого закона [Кочетков 2012; Кочетков, Зубова 2021]. Помимо этого, изучаются проблемы реализации молодежной политики [Алексеев 2014]. Вместе с тем в указанных работах не исследованы причины и особенности смены парадигмы воспитания молодежи, хотя и подтверждается, что эта смена была [Медведев 2019].

¹ Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», ст. 2 // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/documents/2021/01/11/molodez-dok.html> (дата обращения: 16.11.2022).

При проведении исследования были использованы исторический, сравнительно-исторический и логический методы. В совокупности они позволили изучить указанный период, провести сравнение с другими периодами и воссоздать процесс разработки молодежной политики во всем многообразии задействованных в нем связей. Научная новизна исследования обусловлена привлеченным кругом источников, не введенных в научный оборот ранее. К ним относятся архивные документы политических партий, находящиеся в Государственном архиве (ГА) РФ. Помимо этого, в исследовании используются также данные периодической печати 1990-х гг. и интервью людей, активно участвовавших в определении курса молодежной политики. Реконструкция процесса разработки молодежной политики в Российской Федерации в 1990-е гг. позволяет выявить ее особенности. В частности, можно говорить о том, что под влиянием сложных исторических событий конца 1980-х и 1990-х гг. в концепции молодежной политики было утеряно гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи. В это время акцент делался только на экономической составляющей.

Дискуссии в обществе и государственных органах накануне принятия первого закона в истории государственной молодежной политики «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР»

Молодежная политика Российской Федерации выросла из молодежной политики Советского Союза. Воспитанием молодежи начали заниматься до создания СССР. В РСФСР уже в 1918 г. появился Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ), позднее оформившийся во Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ). В 1936 г. в Конституции СССР появилась статья, посвященная молодежной политике. Тем не менее в статье говорилось только о праве молодежи объединяться в общественные организации². Официально государственной молодежной политики в стране не было, поскольку не было соответствующего законодательного акта. Были попытки его создания: в 1967 г. ЦК ВЛКСМ создал первую специальную Комиссию по подготовке Закона СССР «О молодежи», через десять лет была создана вторая, но обе попытки не привели к появлению закона.

После 1985 г. новое руководство КПСС приняло решение построить по-новому взаимоотношения с молодежью. В своем решении оно исходило из новых обстоятельств жизни страны, связанных с реформами перестройки, проводившейся под руководством М.С. Горбачева. Реализация реформ началась с введения принципа гласности, согласно которому свободно могли обсуждаться назревшие политические, социальные и экономические проблемы. Затем появилась идея демократизации КПСС, а после идея демократии распространилась среди народных депутатов. К 1985 г. у молодого поколения назрел ряд проблем. К ним относились рост алкоголизма, наркомании, дефицит товаров, долгий срок ожидания от государства квартир для молодых семей, отток молодежи из сел в города и т.д. Была также и психологическая проблема, заключавшаяся в том, что молодых людей перестали устраивать прежние цели существования (построение коммунизма) [Медведев 2019]. На этом фоне появились мысли о необходимости пересмотра отношения к молодежи и принципа построения отношений с ней.

9 апреля 1990 г. на заседании Верховного Совета СССР народный депутат СССР и первый секретарь ЦК ВЛКСМ В.И. Мироненко возглавил обсуждение вопроса государственной молодежной политики в СССР на первом чтении законопроекта «Об общих началах государственной

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.), ст. 126 // Сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 16.11.2022).

молодежной политики в СССР». Из 20 выступивших в прениях 19 были за принятие новой государственной политики. Было отмечено, что, «судя по тому, как шло обсуждение законопроекта, члены Верховного Совета СССР намерены раскошелить государство на сильную молодежную политику»³.

На следующий день после обсуждения молодежной политики в Верховном Совете СССР, 10 апреля 1990 г., Съезд комсомольских организаций РСФСР в обращении к молодежи страны выступил за равноправие и добрососедство, создание новой Конституции РСФСР, полноценное российское теле- и радиовещание, издание российских молодежных газет и журналов для предоставления молодежи реальной возможности высказывать свою точку зрения. Было упомянуто, что комсомол в своей практической деятельности будет стремиться к тому, чтобы молодежь через него могла реализовывать свои национальные интересы и потребности. Отдельно подчеркивалось, что комсомол будет поддерживать только такую социально-экономическую политику Правительства, которая позволит молодежи добросовестным трудом создать материально обеспеченную жизнь для себя и своей семьи, например путем становления совладельцем любой формы собственности. Комсомол также предлагал создать общественно-государственный фонд, который бы финансовыми и материальными ресурсами поддерживал молодые семьи, выразившие желание вести самостоятельное крестьянское хозяйство в Российском Нечерноземье и других регионах РСФСР. Помимо этого, комсомол выступал за повышение образовательного и интеллектуально-культурного уровня молодежи, и в связи с этим он собирался отстаивать законодательное оформление приоритетного финансирования программ народного образования. Дополнительно комсомол выступал за законодательное закрепление и гарантирование возможности трудиться с 14 лет, снятие всевозможных административных ограничений на перемену места жительства, работы, учебы для молодежи до 21 года, за создание возможностей приобретения жилья каждому молодому человеку, обзаводящемуся семьей, за создание Российской коммунистической партии как неотъемлемой части КПСС, за политически бесконфронтационный характер развития детского движения в РСФСР и в СССР и обновление Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина на принципах демократии и гуманизма⁴.

Спустя несколько дней первый секретарь ЦК ВЛКСМ В.И. Мироненко в интервью сказал, что ЦК ВЛКСМ поддерживает возникновение разнообразных самостоятельных молодежных объединений и организаций. Центральный комитет комсомола потратил усилия на создание государственных и общесоюзных молодежных координирующих структур, таких как Комитет по делам молодежи (КМО СССР), по разработке основ молодежной политики и соответствующего законопроекта. «Возможности всестороннего развития. Их приоритетный и опережающий характер. Гарантии участия. Поощрение инициативы. Поддержка молодежных организаций, ставящих своей целью развитие. Сильная молодежная государственная политика. Терпимость общества к исканиям и ошибкам молодежи. Таким видится будущее молодежного движения в стране»⁵ — такие лозунги или принципы были положены ЦК ВЛКСМ в основу молодежной политики в СССР.

За молодежную политику выступал и ЦК КПСС. 15 июля 1990 г. в газете «Комсомольская правда» была опубликована Резолюция XXVIII съезда КПСС «О молодежной политике КПСС». В ней указывалось, что «Съезд считает необходимым ускорить выработку и практическое осуществление эффективной, целостной политики по отношению к подрастающему поколению, которая должна обеспечивать создание реальных условий и стимулов для всестороннего развития личности, осуществления жизненных целей молодых людей, включения их

³ Пора раскошелиться и на молодежь // Комсомольская правда. 1990. № 83. С. 2.

⁴ Комсомол — за российское возрождение // Комсомольская правда. 1990. № 83. С. 2.

⁵ Доклад первого секретаря ЦК ВЛКСМ В. Мироненко // Комсомольская правда. 1990. № 86. С. 1.

в активную политическую, социально-экономическую деятельность»⁶. Съезд считал, что одним из приоритетных направлений партийной молодежной политики являлось участие партийных организаций и коммунистов в выработке и реализации этой политики государственными органами, а также их непосредственной работы с молодежью, проявлявшейся в сотрудничестве со всеми молодежными организациями и движениями социалистического выбора, поддержке молодежных объединений, ориентированных на консолидацию общественных сил. Съезд высказывался за объединение усилий государственных органов и общественных организаций в решении проблем молодежи. Принципами работы с молодежью должны были стать полное доверие к молодому поколению, уважение их прав и прав молодежных организаций на самостоятельную политическую деятельность; отказ от вмешательства в их дела. Целями были провозглашены поддержка молодежью программы действий КПСС; создание условий для прилива свежих сил в партийные ряды; оказание помощи молодежи в политической и общественной деятельности. КПСС планировала выступать за приоритетное развитие сфер образования и культуры; утверждение в молодежной среде социалистических идей и общечеловеческих ценностей; формирование у юношей и девушек патриотических, гражданских качеств; развитие и укрепление нравственных устоев семьи; повышение вклада семьи в воспитание подрастающего поколения.

Для достижения вышеперечисленного Съезд посчитал целесообразным создать комиссии ЦК КПСС и местных партийных комитетов по вопросам молодежной политики партии. В качестве механизмов осуществления молодежной политики КПСС Съезд выступал за формирование государством эффективных социальных, экономических, юридических механизмов выработки и реализации молодежной политики на всех уровнях, учитывающих региональные и национальные особенности; создание структур в органах законодательной и исполнительной власти, занимающихся проблемами молодежи; необходимость скорейшего принятия закона СССР и законов союзных республик об общих началах государственной молодежной политики; разработку нормативов и социальных показателей, касающихся молодежи; включение специальных молодежных разделов в союзный, республиканские и региональные планы социально-экономического развития; создание молодежного фонда Президента СССР для осуществления наиболее важных направлений президентских молодежных программ и поручил ЦК КПСС рассмотреть вопрос об участии в этом фонде⁷.

Принятие законопроекта о молодежной политике было делом важным, назревшим. Необходимо было вывести помощь молодежи на государственный уровень. Как писал один из разработчиков законопроекта, «объем социальных потребностей молодежи намного превышал возможности комсомола» [Ильинский 2016, 19].

Однако в обществе звучали сомнения. Накануне заседания Верховного Совета СССР 9 апреля 1990 г. в интервью в газетах «Огонек» и «Вече» кандидат психологических наук (позже член-корреспондент РАО) А.В. Толстых высказал мнение, что «вопрос стоит о необходимости изменения отношения общества к молодежи — вот политическая задача, но она не решается через постановления, решения и даже законы. Это, если хотите, задача нравственная и ее общество должно выстрадать»⁸. А.В. Толстых поставил под сомнение необходимость такого шага. Согласно мнению интервьюера и автора статьи С. Киселева, государство должно сначала признать первичность прав гражданина и уже от них восходить к правам коллектива. В то время

⁶ Резолюция XXVIII съезда КПСС «О молодежной политике КПСС» // Комсомольская правда. 1990. № 161. С. 1.

⁷ Резолюция XXVIII съезда КПСС «О молодежной политике КПСС» // Комсомольская правда. 1990. № 161. С. 1.

⁸ Пора раскошелиться и на молодежь // Комсомольская правда. 1990. № 83. С. 1.

как в законопроекте все наоборот, поскольку в нем регулируются взаимоотношения государства и молодежной организации, а не государства и личности. Таким образом, по мнению С. Киселева, произошло косвенное ограничение сферы частной жизни⁹.

Необходимо отметить, что во время разработки законопроекта о молодежной политике, обсуждалась социальная функция, которую должен был выполнять комсомол. Под ней подразумевалась защита интересов молодежи в сфере труда, отдыха, быта, оказание помощи в трудоустройстве, в получении жилья, мест в детских садах и т.д. Но это вызвало несогласие в партийных и комсомольских органах [Там же]. Тем не менее позже эта функция все же появилась в законопроекте и обеспечивалась теперь государством.

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что молодежная политика СССР подразумевала под собой обеспечение прав молодых граждан в учебно-воспитательных учреждениях и при получении социальных услуг, создание, наряду с управленческими органами, инспекций по охране прав несовершеннолетних и молодежи, учреждений социальной помощи и иных услуг, оказываемых молодым гражданам. Порядок создания и конкретные формы государственных служб по делам молодежи должны были быть определены законодательством республик. Главным гарантом и спонсором социальной помощи молодежи выступало государство, а сами услуги оказывали представители общественных, религиозных объединений¹⁰. Проект закона «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» стал, по словам народного депутата СССР и секретаря ЦК ВЛКСМ А.В. Шаронова, «правовой основой молодежной политики в стране», а сама молодежная политика стала определяться как «постоянное и неотъемлемое направление деятельности государства»¹¹. Особенностью подготовленного проекта молодежной политики стало то, что в ходе работы была убрана нижняя возрастная граница¹². В программе ЦК КПСС она была направлена на детей в возрасте от 14 лет.

Таким образом, в политике СССР в последние годы его существования было утверждено направление новой молодежной политики, затрагивавшей наравне с детьми всех людей до 30 лет. Однако закон еще не был принят, а по своему содержанию, несмотря на программу КПСС и позицию ВЛКСМ, имел экономическую ориентацию. В нем не были прописаны пункты о нравственном и моральном развитии и воспитании молодежи. Это оставалось пока ответственностью ВЛКСМ, в то время как на первое место выходили задачи перехода к рыночной модели экономики и адаптации к ней молодежи.

Вопрос воспитания молодежи в разработке молодежной политики в Верховном Совете РСФСР и Верховном Совете Российской Федерации

4 марта 1990 г. начались выборы народных депутатов РСФСР. В выборах участвовали различные политические силы. Позднее из них выросли такие партии, как Либерально-демократическая партия Советского Союза (ЛДП Советского Союза), Российская партия коммунистов (РПК), Российская коммунистическая рабочая партия, Демократическая партия России, Партия народной свободы, Коммунистическая партия России, Союз коммунистов, Социалистическая партия и некоторые другие.

Пункты, касающиеся молодежи, были в программах Либерально-демократической партии Советского Союза, Российской партии коммунистов и Коммунистической партии России.

⁹ Там же.

¹⁰ Об общих началах государственной молодежной политики в СССР // Комсомольская правда. 1991. № 101. С. 2–3.

¹¹ Комментарий к закону // Комсомольская правда. 1991. № 101. С. 3.

¹² Закон от 16 апреля 1991 г. № 2114-1 «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», ст. 3 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 19. Ст. 533.

В программе ЛДП Советского Союза молодежной политики касалась только инициатива о том, что министерство социального обеспечения и здравоохранения должно было направлять и контролировать работу по социальной защите детей и юношества, деятельность опекунов учреждений и различных фондов помощи¹³.

Представители РПК считали необходимым обеспечение равных стартовых условий для молодежи независимо от общественного и служебного положения родителей. Партия говорила о создании системы социальных гарантий для молодежи на производстве, восстановлении статуса молодого специалиста. Молодежь, по задумке партии, должна была иметь возможность сама отстаивать свои интересы и стать самой активной общественной силой в стране¹⁴. Программа действий для достижения целей включала в себя, помимо прочего, гарантирование права на труд, остановку роста безработицы, борьбу за повышение занятости молодежи и сохранение лучших традиций народного образования, его доступности, всеобщности и бесплатности¹⁵. РПК считала себя партией демократической ориентации, независимой от политической конъюнктуры¹⁶.

Коммунистическая партия России выступала за бесплатное образование и лечение. У партии был программный документ, носивший название «О молодежи». В нем говорилось, что партии необходимо постоянно заботиться о привлечении на свою сторону молодежи, прежде всего рабочей. Партия считала, что в политике необходимо исходить из многообразия реальных интересов молодежи, ставить целью внимательное изучение и выражение данных интересов. Представлялось также нужным выработать стратегию и тактику по отношению к социальной защите молодежи и исключить «заикленность» на одной единственной молодежной организации, постоянно заботиться об их широком реестре¹⁷.

Таким образом, можно отметить, что программные позиции партий не касались вопросов воспитания молодежи. Целью было привлечение молодежи на свою сторону и решение экономических проблем молодежи.

В июне 1990 г. начал работу Верховный Совет РСФСР. 25 декабря 1991 г. он был переименован в Верховный Совет Российской Федерации. Работа Верховного Совета шла по таким социальным направлениям, как охрана материнства и детства и молодежная политика. В работе по этим направлениям Верховный Совет не просто продолжал предшествующую политику в области молодежи, но и начал свою.

В начале деятельности Верховного Совета РСФСР в его структуре был образован Комитет по делам молодежи¹⁸, который был создан как логичное следствие активного процесса разработки молодежной политики, упомянутого выше. Председателем Комитета был назначен С.А. Смирнов — второй секретарь ЦК ВЛКСМ, народный депутат¹⁹. С.А. Смирнов указывал, что одна из задач комитета состояла в том, чтобы «в следующем составе народных депутатов было больше молодежи»²⁰, а для этого было необходимо формировать новую культуру отношений общества молодых и одновременно структуру исполнительной власти²¹.

¹³ Либерально-демократическая партия Советского Союза: документы и материалы. С. 35–36 // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 9. Д. 165. Л. 26.

¹⁴ Программа Российской партии коммунистов // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 9. Д. 99. Л. 14.

¹⁵ Программа действий коммунистов России // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 9. Д. 99. Л. 22.

¹⁶ Программа Российской партии коммунистов // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 9. Д. 99. Л. 9.

¹⁷ Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ). Проекты программы КПРФ. Отчет о работе программной комиссии // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 9. Д. 99. Л. 40.

¹⁸ Бюллетень № 4 совместного заседания Совета Республики и Совета национальностей. 19.06.1990. М.: Издание ВС РСФСР, 1990. С. 19–21.

¹⁹ Бюллетень № 6 совместного заседания Совета Республики и Совета национальностей. 03.07.1990. М.: Издание ВС РСФСР, 1990. С. 45.

²⁰ Бюллетень № 6 совместного заседания Совета Республики и Совета национальностей. 03.07.1990. М.: Издание ВС РСФСР, 1990. С. 44.

²¹ Там же. С. 42.

12 июня 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете РСФСР, что означало, что РСФСР теперь может проводить самостоятельную политику. Тем не менее в Верховном Совете РСФСР была продолжена работа над Законом «Об общих началах государственной молодежной политики». Закон был принят 16 апреля 1991 г. После его публикации последовало принятие таких же законов на региональном уровне. Всего появилось более десятка подобных законов.

В мае этого же года в преддверии выборов Президента РСФСР Председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин — кандидат на пост Президента РСФСР — в своей предвыборной программе «Выход из кризиса и обновление России» сказал уже о необходимости принятия республиканской молодежной программы. В программе также было обещано обеспечить уровень жизни молодежи не ниже прожиточного минимума, особенно на период перехода к рынку. Говорилось об устранении правовых, экономических, политических и других факторов, дискриминирующих молодежь, питающих иждивенчество; о создании благоприятных условий для вовлечения молодежи в экономическую деятельность, науку, культуру. Была обещана социальная поддержка учащихся, студенчества, молодежи, имеющих низкий уровень жизни²².

Позже, уже будучи Президентом Российской Федерации, Б.Н. Ельцин в указе «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» признал осуществление целостной государственной молодежной политики в России одним из приоритетных направлений социально-экономической политики государства²³.

На основании этого Верховным Советом Российской Федерации было введено понятие молодежи и дано определение государственной молодежной политики²⁴, указаны ее принципы и цели и выделены девять приоритетных направлений политики. Причем по каждому из направлений был приведен комплекс мер и средств их реализации. Помимо этого, была установлена нижняя возрастная граница понятия «молодежь» (14 лет) и было предусмотрено создание проекта федеральной программы «Молодежь России», предусматривающей осуществление комплекса мер по социальной защите, поддержке самостоятельной трудовой, творческой деятельности и развитию молодежи²⁵.

Таким образом, за время работы Верховного Совета РСФСР и Верховного Совета Российской Федерации была продолжена работа над разработкой молодежной политики и законом «Об общих началах государственной молодежной политики», перешедшим «по наследству» от Верховного совета СССР. Закон был принят и обеспечивал правовую основу молодежной политики в стране. Значение закона было велико. Прежде всего, в сознании людей закрепилось само понятие молодежной политики. Затем, в политике была признана необходимость разработки и реализации данного направления политики. Деятельность государственных органов не исчерпывалась только этим законом, работа была продолжена, и молодежная политика получила свое выражение в виде определения, целей и направлений с программой реализации (Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 3 июня 1993 г. № 5090-1).

²² Тезисы программы Председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина на пост Президента РСФСР «Выход из кризиса и обновление России» // ГА РФ. Ф. 10026. Д. 234. Оп. 8. Л. 12–21.

²³ Указ Президента РФ от 16 сентября 1992 г. № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» (ред. от 12.04.1999) // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1992. № 12. Ст. 924.

²⁴ Государственная молодежная политика — деятельность государства, направленная на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив. Источник: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 3 июня 1993 г. № 5090–1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации», ст. 1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 25. Ст. 903.

²⁵ Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 3 июня 1993 г. № 5090–1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 25. Ст. 903.

Но в сентябре 1991 г. перестал существовать ВЛКСМ. Это означало, что задача воспитания молодежи теоретически ложилась на государство, но она не была прописана в законе «Об общих началах государственной молодежной политики», а значит, не входила в молодежную политику.

Разработка молодежной политики в Государственной Думе I и II созыва Российской Федерации

12 декабря 1993 г. прошли выборы в Государственную Думу I созыва Российской Федерации. По итогам выборов в Государственную Думу прошли восемь партий: ЛДПР, «Выбор России», КПРФ, Аграрная партия России, «Явлинский — Болдырев — Лукин», «Женщины России», Партия Российского единства и согласия, Демократическая партия России.

17 декабря 1995 г. начала работу Государственная дума II созыва. В нее прошли четыре партии: КПРФ, «Наш дом — Россия», ЛДПР и «Яблоко».

Относительно политических партий, прошедших в Государственную Думу I созыва, необходимо отметить, что Партия российского единства, политическая платформа которой включала в себя двенадцать тезисов, не имела ни одного, связанного с молодежью²⁶. То же самое касалось Демократической партии²⁷ и партии КПРФ²⁸. В программу ЛДПР вошли такие пункты, как пробуждение в молодежи чувства ответственности за свое будущее, за свою работу в качестве специалиста; кардинальная переориентация обучения каждого уровня на развитие творческих способностей молодого поколения²⁹. Аграрная партия России выступала за обеспечение принятия государственной программы поддержки молодежи, создание условий для полной реализации ею своих знаний, творческих возможностей и способностей³⁰. У блока «Явлинский — Болдырев — Лукин» предвыборная программа имела преимущественно экономическую направленность. Она касалась в основном приватизации, цен, доходов, рубля, рабочих мест и налогов³¹. В первоначальной программе политического движения «Женщины России» также не было пунктов, посвященных молодежи, но такой пункт появился в предвыборной программе в Государственную Думу II созыва в 1995 г. Партия выступала за профессиональную подготовку, государственное стимулирование создания рабочих мест для молодежи³².

Перед выборами в Государственную Думу II созыва предвыборная платформа КПРФ несколько изменилась. КПРФ в ней определила набор конкретных законов, которые партия должна была провести от разработки до введения в действие. В их число вошли законы о государственной молодежной политике и об образовании³³. Программа ЛДПР не изменилась и осталась той же³⁴. Политическая платформа общественного объединения «Яблоко», как и ее предшественник блок «Явлинский — Болдырев — Лукин», продолжала рассматривать реформы с экономической

²⁶ Документы о предвыборной деятельности партий и объединений: Аграрной, КПРФ, Социалистической, Демократической, «Выбор России» и др. (справки о съездах, позициях партий, о партийных лозунгах и ключевых высказываниях лидеров и др.), подготовленные помощником С.А. Филатова И.А. Харичевым и др. сотрудниками Администрации Президента Российской Федерации. 19 октября 1993 г. // ГА РФ. Ф. 10115. Оп. 1. Д. 188. Л. 4–5.

²⁷ Там же. Л. 15.

²⁸ Там же.

²⁹ Программа ЛДПР // ГПИБ России. Коллекция совр. полит. док-тов, НПЗ/1157, инв. 0419364.

³⁰ Документы о предвыборной деятельности партий и объединений: Аграрной, КПРФ, Социалистической, Демократической, «Выбор России» и др. (справки о съездах, позициях партий, о партийных лозунгах и ключевых высказываниях лидеров и др.), подготовленные помощником С.А. Филатова И.А. Харичевым и другими сотрудниками Администрации Президента Российской Федерации. 19 октября 1993 г. // ГА РФ. Ф. 10115. Оп. 1. Д. 1188. Л. 17.

³¹ Предвыборная платформа. Блок «Явлинский — Болдырев — Лукин». М.: Информполиграф, 1993. С. 24–26.

³² Документы о предвыборной деятельности партий и объединений: Аграрной, КПРФ, Социалистической, Демократической, «Выбор России» и др. (справки о съездах, позициях партий, о партийных лозунгах и ключевых высказываниях лидеров и др.), подготовленные помощником С.А. Филатова И.А. Харичевым и др. сотрудниками Администрации Президента Российской Федерации. 19 октября 1993 г. // ГА РФ. Ф. 10115. Оп. 1. Д. 1188. Л. 14.

³³ Фракция КПРФ в Государственной Думе (1995–1998) / Под ред. В.П. Пешкова. М.: Издательство «Летопись» Центра исследований политической культуры России, 1999. С. 10.

³⁴ Программа ЛДПР // ГПИБ России, Коллекция совр. полит. док-тов, НПЗ/1157, инв. 0419364.

точки зрения³⁵. Партия «Наш дом — Россия» в своей политической программе говорила, что партия будет учитывать интересы и потребности детей и молодежи, способствовать укреплению семьи и выступать за то, чтобы целостная государственная молодежная политика стала одним из приоритетных направлений деятельности государства³⁶. Политика партии в отношении молодого поколения включала в себя создание условий для равного доступа всем категориям молодежи к образованию, труду, культуре, спорту, медицинскому обслуживанию; обеспечение гарантий трудоустройства и занятости молодежи; создание сети служб, способствующих эффективной профессиональной ориентации и профессиональной подготовке; применение системы льготного налогообложения, кредитования, возвратных ссуд и других экономических стимулов, обеспечивающих становление молодой семьи, приобретение жилья и решение других вопросов жизнеобеспечения молодежи; сохранение и развитие социальной инфраструктуры, материальной и кадровой базы для занятий физической культурой и спортом; социальную защиту сирот и молодых инвалидов, создание социальных служб по реабилитации молодых людей с отклонениями в здоровье и от норм поведения³⁷.

Таким образом, политические партии Государственной Думы I и II созыва, как и партии Верховного Совета РСФСР и Российской Федерации, придерживались экономической стороны работы с молодежью.

Государственной Думе пришлось столкнуться уже с новыми проблемами ввиду того, что политический и экономический курс страны изменился. Система государственного воспитания детей и молодежи, существовавшая в советское время, была утеряна, юношеские организации закрыты. Вследствие этого преступность среди молодого поколения росла, происходила криминализация их различными структурами. В средствах массовой информации появлялось большое количество материалов, содержание которых могло отрицательным образом сказаться на нравственном воспитании юношества³⁸. Помимо этого, подростки от 14 лет не могли устроиться на работу³⁹. В СССР процесс трудоустройства подростков был регламентирован и подросток мог устроиться на работу с разрешения родителей. В совокупности данные явления привели к тому, что система воспитания была изменена: ответственность и обязанность воспитания молодого поколения были возложены только на семью. Поэтому Государственной Думе приходилось работать преимущественно с новыми точечными проблемами.

Делами молодежи в Государственной Думе занимался Комитет по делам женщин, семьи и молодежи во главе с депутатом Г.И. Климантовой и Комитет по делам молодежи во главе с А.В. Шароновым. В структуре Комитета по делам молодежи был образован подкомитет по делам детства и молодежи во главе с депутатом Е.Е. Чепурных. В отношении молодого поколения Е.Е. Чепурных в интервью Российской газете отмечала, что у подкомитета была задача выработки концепции молодежной политики. Помимо этого, считалось необходимым создать правовые основы успешной интеграции молодежи в общество, поддержки молодежных объединений и организаций, провести экспертизу законов под углом интересов самой молодежи. Она рассказала, что для достижения этих задач подкомитетом была проведена работа и были созданы общественный

³⁵ Материалы ко II съезду. Политическая платформа. Общественное «Объединение Яблоко». М., 1995. С. 55.

³⁶ Программа политического движения «Наш дом — Россия» // ГПИБ России. Коллекция совр. полит. док-тов, НПЗ/785.

³⁷ Там же.

³⁸ Обращение председателя Государственной Думы I созыва И.П. Рыбкина к Государственной Думе I созыва «Сделаем шаг навстречу детям» // ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 2. Д. 199; Стенограмма заседаний Государственной Думы от 14.04.1995 // Государственная Дума [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3070/> (дата обращения 16.11.2022).

³⁹ Стенограмма заседаний Государственной Думы от 14.04.1995 // Государственная Дума [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3070/> (дата обращения 16.11.2022).

и экспертные советы. Общественный был необходим для разработки предложений по изменению законодательства и контроля над их реализацией. Экспертный совет занимался экспертизой законопроектов⁴⁰.

В начале деятельности Государственной Думы на заседании 17 января 1994 г. Г.И. Климантовой в отношении молодежи была поставлена задача по активизации законотворческой деятельности в области молодежной политики, «потому что молодежь ... является наиболее социально незащищенной группой»⁴¹. Было выявлено несколько наиболее актуальных проблем в молодежной политике: недостаточная поддержка молодежных организаций, проблемы, с которыми молодежь сталкивалась при найме на работу, и недостаточное внимание интересам молодежи при планировке зданий.

Для решения проблемы недостаточной поддержки молодежных организаций был разработан механизм поддержки государством организаций с внедрением ограничителей, не позволявших тратить средства вне предусмотренного плана⁴². К механизму поддержки прилагался также план его реализации. По словам Е.Е. Чепурных, предложение вытекало из основных направлений государственной молодежной политики Российской Федерации⁴³.

В рамках решения второй проблемы членом Комитета Государственной Думы по делам женщин, семьи и молодежи депутатом А.В. Селивановым предлагалось осуществлять прием на работу молодежи начиная с 15 лет. Данная мера рассматривалась в связи со сложившейся на рынке труда ситуацией, когда большинство подростков в возрасте от 14 до 16 лет, покинувшие учебные заведения, не могли трудоустроиться или трудоустраивались неформально⁴⁴. Данный проект был направлен на решение проблемы массовых нарушений должностными лицами предприятий и организаций законодательства о труде и охране труда несовершеннолетних и практического отсутствия официальных рабочих мест для молодежи, вследствие чего возникла высокая степень вовлеченности молодежи в криминогенную деятельность.

При обсуждении фракция ЛДПР отметила отсутствие запрета на использование детского труда разными мафиозными структурами под видом оказания сервисных услуг и отсутствие гуманного отношения к молодежи и студентам, которые проживают в невыносимых условиях в общежитиях. А.В. Селивановым был дан ответ, что именно отсутствие правовой базы способствует вовлечению молодежи во все мафиозные структуры. Что касается второго недостатка, то фракция ЛДПР было предложено внести поправку ко второму чтению.

Для решения третьей проблемы предлагалось учитывать интересы молодежи при планировке зданий⁴⁵.

Позже Б.Н. Ельцин одобрил федеральную программу «Молодежь России», запланированную еще в Верховном Совете Российской Федерации. Указ был подписан с целью создания экономических, правовых и организационных условий и гарантий для социального становления молодежи. В соответствии с подписанным документом, Правительство России должно было обеспечить осуществление мероприятий программы и предусматривать ее финансирование

⁴⁰ Дети — вне политики [Интервью с Е.Е. Чепурных] // Российская газета. 1994. № 62. С. 5.

⁴¹ Стенограмма заседания Государственной Думы от 17 января 1994 г. // Государственная Дума [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3255/> (дата обращения: 16.11.2022).

⁴² Проект закона «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений». Прошел первое и второе чтение.

⁴³ Стенограмма заседания Государственной Думы от 7 апреля 1995 г. // Государственная Дума [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3074/> (дата обращения: 16.11.2022).

⁴⁴ Проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде Российской Федерации, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях». Прошел первое и второе чтение.

⁴⁵ Проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «Об основах градостроительства в Российской Федерации». Прошел первое и второе чтение.

при разработке проектов федеральных бюджетов на 1995–1997 гг.⁴⁶ В 1996 г. программе был придан статус президентской⁴⁷. А.В. Шаронов отмечал, что «по расстановке приоритетов, механизмам реализации она [программа] ... вписывается в нынешнюю ситуацию в стране»⁴⁸ и включает меры по решению таких «больных проблем» молодежи, как занятость, предпринимательство, жилищное строительство для молодых, информационное обеспечение и др. Вместе с тем он отметил, что термин «молодежная политика» еще не стал своим в России⁴⁹.

В 1996 г. в Государственной Думе II созыва в структуре комитетов произошло изменение: вместо Комитета по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства и Комитета по делам молодежи был образован Комитет по делам женщин, семьи и молодежи.

18 ноября 1998 г. на заседании Государственной Думы обсуждались вопросы государственной молодежной политики. В ходе обсуждения были утверждены цели, принципы и приоритеты, основные меры по реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации. Проект развивал основные направления молодежной политики, определенные Указом Президента Российской Федерации «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» от сентября 1992 г., и те идеи, которые были заложены в постановлении Верховного Совета Российской Федерации, принятом в июне 1993 г.⁵⁰ На следующий год он превратился в федеральный закон «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации». Но позже Б.Н. Ельцин наложил на него вето, которое депутаты Государственной Думы не смогли преодолеть. Новый виток исторического развития молодежной политики начался только в новом веке.

Таким образом, Государственная Дума I и II созыва занималась преимущественно новыми проблемами, возникшими вследствие распада СССР и появления Российской Федерации. Хотя она также продолжила работу над программой «Молодежь России», перешедшей к ней от Верховного Совета Российской Федерации.

Заключение

Подводя итог деятельности законодательных органов власти с 1990 по 1999 г., необходимо отметить, что молодежная политика на законодательном уровне зародилась в Верховном Совете СССР. Акцент тогда делался на экономической составляющей ввиду необходимости перехода к рыночной модели экономики. После распада Советского союза молодежная политика развивалась: в Верховном Совете РСФСР, Верховном Совете Российской Федерации и Государственной Думе I и II созыва она получила дальнейшее оформление в виде определения, целей, направлений, планов и программ по реализации. Но на фоне тяжелой социально-экономической ситуации в стране основной упор также делался на экономический аспект молодежной политики. Акцент на экономической составляющей означал, что вне поля внимания разработчиков молодежной политики оказались гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, противодействие негативным социальным явлениям в среде молодежи (наркомания, криминализация деятельности

⁴⁶ Указ Президента Российской Федерации от 15 сентября 1994 г. № 1922 «О федеральной программе «Молодежь России» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 22. Ст. 2459; Программа «Молодежь России» // Российская газета. 1994. № 181. С. 2.

⁴⁷ Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 1996 г. № «О президентской программе «Молодежь России» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 21. Ст. 2461.

⁴⁸ Вечный вопрос: куда идешь, молодежь? [Интервью с А.В. Шароновым — председателем комитета по делам молодежи] // Российская газета. 1994. № 118. С. 5.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Постановление «О Федеральном законе «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 27. Ст. 3304.

молодежи, преступность и т.п.). Данные проблемы решались точно, преимущественно во время деятельности Государственной Думы I и II созыва, но воплощение в виде части молодежной политики они получили только в XXI в.

Список литературы:

Алексеев С.В. Реализация государственной молодежной политики в России на постсоветском пространстве // *Politbook*. 2014. № 2. С. 101–112.

Алексеев С.В., Шумилова О.В. Молодежная концепция в представлениях генерального секретаря СССР Л.И. Брежнева и президента РФ В.В. Путина (сравнение) // *Politbook*. 2018. № 1. С. 93–103.

Елисеев А.Л. Государственная молодежная политика: от прошлого к настоящему // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2015. № 1(16). С. 76–81. DOI: [10.12737/11653](https://doi.org/10.12737/11653)

Ильинский И.М. Еще раз об истории разработки теоретических и правовых основ государственной молодежной политики в СССР, подготовке и принятии «Закона о молодежи» // *Знание. Понимание. Умение*. 2016. № 4. С. 5–30. DOI: [10.17805/zpu.2016.4.1](https://doi.org/10.17805/zpu.2016.4.1)

Ильинский И.М., Луков В.А. Государственная молодежная политика в России: философия преемственности и смены поколений // *Знание. Понимание. Умение*. 2008. № 4. С. 5–14.

Кочетков А.В. «Молодежный» закон России: прошлое, настоящее, будущее // *Российское государство в переходный период (проблемы и перспективы): Международная научно-практическая конференция*. Москва, 24-25 октября 2012 г. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. Ч. II. С. 35–59.

Кочетков А.В., Зубова А.С. Проблема отсутствия базового федерального закона в сфере государственной молодежной политики // *Вопросы совершенствования системы государственного управления в России: ежегодный международный сборник научных статей*. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 87–94.

Кочетков А.В., Кузьмина О.В. Государственная молодежная политика Российской Федерации: становление и развитие. 1992–2017 // *Пространство открытых возможностей: издание к 25-летию современной государственной молодежной политики и Нац. Совета молодежных и детских объединений России*. М.: Нац. Совет молодеж. и дет. об-ний России, 2017. С. 18–48.

Медведев И.А. Молодежная политика в СССР: достижения и просчеты (социально-философский анализ) // *Гуманитарный вестник*. 2019. № 4. DOI: [10.18698/2306-8477-2019-4-617](https://doi.org/10.18698/2306-8477-2019-4-617)

Соколова В.И. Реализация молодежной политики в Советском государстве в контексте межэтнического взаимодействия в 1950–1960-е годы // *Вестник Чувашского университета*. 2017. № 4. С. 221–227.

References:

Alekseev S.V. (2014) Realization of the State Youth Policy in Russia in the Former Soviet Union. *Politbook*. No. 2. P. 101–112.

Alekseev S.V., Shumilova O.V. (2018) Youth Concept in the Representations of the Secretary General, L.I. Brezhnev and the President of the RF V.V. Putin (Comparison). *Politbook*. No. 1. P. 93–103.

Eliseev A.L. (2015) State Youth Policy: From Past to Present. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. No. 1(16). P. 76–81. DOI: [10.12737/11653](https://doi.org/10.12737/11653)

Ilinskiy I.M. (2016) Revisiting the History of Developing the Theoretical and Legal Foundations of State Youth Policy in the USSR in the Course of Preparing the Youth Policy Bill. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*. No. 4. P. 5–30. DOI: [10.17805/zpu.2016.4.1](https://doi.org/10.17805/zpu.2016.4.1)

Ilinskiy I.M., Lukov V.A. (2008) State Youth Policy in Russia: The Philosophy of Continuity and Digenesis. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*. No. 4. P. 5–14.

Kochetkov A.V. (2012) «Molodezhnyy» zakon Rossii: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye (“Youth” law of Russia: past, present, future). *Rossiyskoye gosudarstvo v perekhodnyy period (problemy i perspektivy): Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Moscow, 24–25 October 2012*. Moscow: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. Part II. P. 35–59.

Kochetkov A.V., Zubova A.S. (2021) Problema otsutstviya bazovogo federal’nogo zakona v sfere gosudarstvennoy molodezhnoy politiki (The problem of the lack of a basic federal law in the field of state youth policy). *Voprosy sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya v Rossii: ezhegodnyy mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh statey*. Moscow: MAKS Press. P. 87–94.

Kochetkov A.V., Kuz’mina O.V. (2017) Gosudarstvennaya molodezhnaya politika Rossiyskoy Federatsii: stanovleniye i razvitiye. 1992–2017 (State youth policy of the Russian Federation: Formation and development. 1992–2017). *Prostranstvo otkrytykh vozmozhnostey: izdaniye k 25-letiyu sovremennoy gosudarstvennoy molodezhnoy politiki i Nats. Soveta molodezhnykh i detskikh ob’yedineniy Rossii*. Moscow: Nats. Sovet molodezh. i det. ob-niy Rossii. P. 18–48.

Medvedev I.A. (2019) The Youth Policy in the USSR: Achievements and Miscalculations. *Gumanitarnyy vestnik*. No. 4. DOI: [10.18698/2306-8477-2019-4-617](https://doi.org/10.18698/2306-8477-2019-4-617)

Sokolova V.I. (2017) Youth Policy Implementation in the Soviet State in the Context of Interethnic Relations in the 1950–1960. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. No. 4. С. 221–227.

Дата поступления/Received: 18.11.2022

Представления российских государственных служащих о ценности общественного служения¹

Селезнева Елена Владимировна

Доктор психологических наук, профессор, эксперт научно-образовательного Центра современных кадровых технологий, факультет оценки и развития управленческих кадров, Высшая школа государственного управления, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, РФ.

E-mail: selezneva-ev@ranepa.ru

SPIN-код РИНЦ: [5336-7817](#)

ORCID ID: [0000-0003-3600-5148](#)

Аннотация

В статье рассматриваются результаты исследования представлений российских государственных служащих о ценности общественного служения и ее месте в структуре ценностей этой профессиональной группы. Актуальность исследования определяется ролью ценности общественного служения как мотиватора и регулятора, обеспечивающего социальную направленность профессиональной деятельности государственных служащих. Материалом для анализа послужили результаты опроса о наиболее значимых для российских государственных служащих ценностях и месте ценности общественного служения в структуре ответственности, потребностей и целей данной профессиональной группы. В исследовании принимали участие руководители региональных и муниципальных органов государственного управления в области образования, здравоохранения и культуры (n = 219). В качестве инструмента обработки данных использовался контент-анализ. В результате анализа было показано, что в структуре представлений современных российских государственных служащих о наиболее значимых ценностях данной профессиональной группы представления о ценности общественного служения, наряду с другими ценностями общественной пользы, занимают периферийное положение, опосредованно выражаясь при этом в содержании представлений о ценностях ответственного и качественного исполнения профессиональных обязанностей. В то же время установлено, что в структуре представлений участников исследования об ответственности, потребностях и целях современных российских государственных служащих представления о ценности общественного служения сдвигаются к ядру.

Ключевые слова

Социальное сознание, социальные представления, личностные ценности, ценность общественного служения, государственные служащие.

The Value of Public Service in Representations of Russian Civil Servants²

Elena V. Selezneva

DSc (Psychology), Professor, expert of the scientific and educational Center of Modern Personnel Technologies, Faculty of Assessment and Development of Managerial Personnel, Higher School of Public Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation.

E-mail: selezneva-ev@ranepa.ru

ORCID ID: [0000-0003-3600-5148](#)

Abstract

The article discusses the results of a study devoted to Russian civil servants' ideas about the public service value and its place in the structure of values among this professional group. The relevance of the research is determined by the role of the value of public service as a motivator and regulator that ensures the social orientation of the professional activities of civil servants. The material for the analysis was the results of a survey on the most significant values for Russian civil servants and the place of the value of public service in the structure of responsibility, needs and goals of this professional group. The study involved heads of regional and municipal government bodies in the field of education, health and culture (n = 219). Content analysis was used as a data processing tool. As a result of the analysis, it was shown that in the structure of modern Russian civil servants' ideas about the most significant values of this professional group, ideas about the public service value, along with other values of public benefit, occupy a peripheral position, indirectly expressed in the content of ideas about the values of responsible and high-quality performance of professional duties. At the same time, it is established that in the structure of the participants' ideas about the responsibility, needs and goals of modern Russian civil servants, the ideas about the value of public service are shifting to the core.

Keywords

Social consciousness, social representations, personal values, value of public service, civil servants.

Введение

В условиях резких идеологических, политических, экономических и социальных перемен в Российской Федерации одним из наиболее важных факторов, которые могут способствовать или, наоборот, препятствовать происходящим процессам и приводить к позитивным или негативным результатам для нашей страны, становится работа органов государственной власти в целом и деятельность каждого государственного служащего в частности.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

² The article has been prepared as a part of scientific and research work of RANEPa state assignment.

В свою очередь, качество государственного управления на федеральном и региональном уровнях и результативность регулирующего воздействия государства на общественные отношения определяются не только зафиксированными на законодательном уровне правилами, нормами и требованиями, но и в значительно большей степени сформированными на личностном и групповом уровнях ценностями.

Как субъективные ориентиры и критерии человеческой активности личностные и групповые ценности являются наиболее сильными мотиваторами в любой деятельности, внутренне определяя ее цели, эффективность, продуктивность, качество и т.п. И чем более значима для функционирования и развития социума деятельность определенной профессиональной группы, тем большее значение имеют особенности мотивационно-ценностной структуры личности представителей этой группы. При этом особенно важным является уровень выраженности и характер ведущих внутренних мотивов и лежащих в их основе личностных и групповых ценностей, так как именно внутренние мотивы и их ценностные основания наиболее сильно влияют на процесс и результаты деятельности.

Для государственных служащих основной личностной ценностью, определяющей вектор их активности в рамках исполнения должностных обязанностей, является ценность общественного служения.

О месте ценности общественного служения в мотивационно-ценностной структуре личности и, соответственно, о степени ее влияния на вектор, процесс и результаты профессиональной деятельности государственных служащих можно судить по структуре их представлений о наиболее значимых ценностях, так как в представлениях система этих ценностей собственно и отражается.

Актуальность исследования представлений российских государственных служащих о ценности общественного служения определяется тем, что место именно этой ценности в структуре личностных ценностей определяет не просто результативность их профессиональной деятельности, но преобладающую направленность этой деятельности на удовлетворение либо узколичностных и узкокорпоративных, либо широких социальных интересов. А, так как в совместной деятельности государственных служащих реализуются функции государственного управления, вектор направленности их деятельности (на себя или на общество) определяет роль органов государственной власти как силы, способствующей развитию российского общества или тормозящей это развитие.

Обзор литературы

Проблема общественного служения по отношению к государственным служащим и государственной службе в целом активно исследуется с позиций разных наук.

С позиции этики принцип служения государству и обществу является одним из ряда нравственных принципов, на которых должна строиться деятельность государственных служащих [Охотский 2019; Саморуков 2021], а с позиции права этот принцип, наряду с другими нравственными принципами, нормами и правилами, должен выступать как императивный регулятор всех отношений на государственной службе [Катков 2018; Раджабова 2020]. При этом ученые и практики справедливо рассматривают регулирование служебного поведения государственных служащих на морально-ценностном уровне и жесткий контроль за соблюдением этических норм и стандартов на государственной службе как «...необходимые условия реального повышения качества государственного управления, социальной эффективности государства в целом и, в итоге, повышения по отношению к нему уровня общественного доверия» [Оболонский 2015, 9].

В Российской Федерации, как и в других странах, понимание значения моральных норм и нравственных ценностей как фактора совершенствования системы государственного управления выражается в стремлении на официальном уровне закрепить моральные принципы, правила, нормы служебного поведения государственных служащих и «предписать» им необходимость твердо следовать этим требованиям³.

Однако выработка тех или иных моральных принципов, правил и норм и требование следовать этим стандартам сами по себе не дают тех результатов, к которым стремится государство и которых ждет общество. Официально заявленные морально-ценностные принципы, правила и нормы деятельности государственных служащих остаются исключительно декларацией. Превратиться в реальный механизм регулирования служебного поведения государственных служащих эти принципы, правила и нормы смогут только в том случае, когда ведущими в мотивационной системе сотрудников органов государственного управления станут не внешние, а внутренние мотивы, имеющие просоциальный характер. В этом аспекте ценность общественного служения как личностная ценность государственных служащих становится предметом исследования психологов.

Следует отметить, что в научной литературе чаще всего речь идет не о ценности, а о мотивации общественного служения. Но, как было сказано нами выше, в основе любого внутреннего мотива лежит та или иная личностная ценность. Поэтому обсуждая мотивацию общественного служения, исследователи косвенно говорят о лежащей в основе данной мотивации ценности.

Дж. Перри и Л.Р. Уайз, опираясь на результаты анализа исследований в области мотивации в целом и мотивации государственных служащих в частности, показали, что мотивация общественного служения включает значительное число имеющих разную природу мотивов (рациональных, основанных на нормах, аффективных), каждый из которых так или иначе побуждает государственного служащего в своей деятельности ориентироваться прежде всего на удовлетворение общественных интересов [Perry, Wise, 1990]⁴. Публикация, в которой была показана взаимосвязь между «конструкцией» мотивационной сферы государственных служащих и качеством их деятельности, а также необходимость разработки диагностического инструмента для оценки уровня и структуры мотивации общественного служения, стала началом многолетних исследований, в ходе которых Дж. Перри разработал и апробировал шкалу Public service motivation (PSM) [Perry 1996]. Эту шкалу в разных странах в настоящее время активно используют

³ Так, правила служебного поведения российских государственных служащих закреплены в следующих документах: Указ Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/184842/> (дата обращения: 10.12.2022); Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420254359> (дата обращения: 11.12.2022). На основе этого кодекса профильные министерства и ведомства разрабатывают и утверждают собственные кодексы: Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных гражданских служащих системы министерства внутренних дел Российской Федерации // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902311988> (дата обращения: 08.12.2022); Приказ Минюста России от 23.03.2011 № 93 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения федеральных государственных гражданских служащих Минюста России и его территориальных органов» // Минюст России [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7830/> (дата обращения: 10.12.2022); Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных гражданских служащих министерства транспорта Российской Федерации // Минтранс России [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrans.gov.ru/ministry/vacancies/prokhozhdenie-gosudarstvennoy-služby/kodeks-etiki> (дата обращения: 11.12.2022).

⁴ Дж. Перри и Л.Р. Уайз в этой статье четко разделяли термины «общественное служение» (public service) и «государственная служба» (government service), и, безусловно, когда они писали о «public service motivation», речь шла о мотивации общественного служения. Однако в некоторых отечественных публикациях термин public service motivation переводится как «мотивация к государственной службе» (см., например, [Калгин 2020]). На наш взгляд, нельзя сводить общественное служение в целом и мотивацию к нему в частности к государственной службе и мотивации к ней. Проблема общественного служения (или служения Отечеству) касается деятельности практически в любой профессиональной и, шире, общественной сфере. Служат (или должны служить) обществу военные [Кабирова 2018], врачи [Попкова 2020], предприниматели [Зарубина 2004], журналисты [Ершов 2015] и представители многих других профессий.

в сокращенном [Coursey, Pandey 2007] или модифицированном [Kim et al. 2013] виде в рамках диагностики и оценки уровня мотивации общественного служения не только государственных служащих и кандидатов на вакантные должности в органах государственного управления, но и представителей других социальных и профессиональных групп. Так, в одном из исследований [Gans-Morse et al. 2022] на большой международной выборке студентов было выявлено, что мотивация общественного служения на значимом уровне отрицательно взаимосвязана со склонностью к коррупции и положительно — с альтруизмом. В другой работе было показано, что с мотивацией общественного служения положительно взаимосвязаны удовлетворенность государственных служащих своей работой и их приверженность организации [Yudiatmaja 2019].

Впрочем, мотивацию общественного служения исследуют не только с помощью шкалы PSM. Исследователи из Дании [Barfort et al. 2019], проанализировав результаты эксперимента, в котором опрос респондентов сочетался с их участием в специально организованных играх, установили, что люди с преобладающей просоциальной мотивацией значимо более честны, чем люди с «денежной» мотивацией, и с большей вероятностью предпочтут карьеру на государственной службе. Так как в опрос были включены вопросы не только о предпочтениях в выборе работы, но и о предпочитаемой заработной плате, анализ взаимосвязи ответов на эти вопросы и выраженности просоциальной и «денежной» мотивации позволил авторам сделать выводы о том, что «повышение заработной платы в государственном секторе привлечет больше нечестных кандидатов на государственную службу» и что «стандартная политическая рекомендация по борьбе с коррупцией путем повышения заработной платы в государственном секторе может иметь непредвиденные негативные последствия для отбора» [Ibid., 121].

Исследование мотивационных предпочтений российских государственных служащих, проведенное В.И. Шариним, показало, для большей части респондентов мотивация общественного служения не является ведущей мотивацией в их профессиональной деятельности. В то же время анализ полученных результатов показал, что в структуре мотивации общественного служения ведущую роль играют такие мотивы, как приверженность общественным интересам и государственному долгу и возможность участвовать в разработке государственной политики [Sharin 2020].

Наряду с мотивацией общественного служения исследователи изучают и ее ценностные основания. Так, В.И. Шарин называет преобладающие в современном российском обществе прагматичные ценностные ориентации личности одной из основных причин низкой мотивации общественного служения у государственных служащих [Шарин 2020]. По мнению автора, повысить уровень мотивации общественного служения у российских государственных служащих можно, если учитывать при подборе и расстановке кадров наличие просоциальных ценностных ориентаций и опыта общественной работы, формируя при этом у государственных служащих позитивную ценностную установку на общественное служение и создавая в органах государственного управления среду, ориентированную на службу обществу.

На факультете оценки и развития управленческих кадров ВШГУ РАНХиГС при Президенте РФ проблемы личностных ценностей и ценностных ориентаций государственных служащих рассматриваются в рамках исследования направленности и ценностных и жизненных стратегий личности.

Так, в статье Д.А. Подольского [Подольский 2021] представлены результаты опроса российских государственных гражданских служащих различных категорий и групп должностей с использованием ценностного опросника Ш. Шварца. Факторный анализ полученных данных позволил автору выделить пять факторов, которые в совокупности описывают латентную

структуру ценностных ориентаций участников исследования. Наряду с факторами покорности, эгоизма, принадлежности к группе и новизны в структуре ценностных ориентаций был выделен фактор ориентации на людей, включающий такие ценностные ориентации, как безопасность общества, альтруизм, свобода мысли и надежность, то есть просоциальные ценностные ориентации, лежащие в основе мотивации общественного служения. Было установлено, что именно фактор ориентации на людей наиболее выражен у участников исследования независимо от уровня их должности и управленческого опыта. В то же время, как отмечает автор, «...с повышением должности госслужащий все более переориентируется с общественных целей на свои личные выгоды...», однако «...чем дольше госслужащий находится на руководящей должности, тем менее он ориентирован на достижение собственных целей и выгод и тем более — на работу во имя общего блага» [Там же, 73]. Д.А. Подольский делает из этого вывод о том, «...что единственно верным и оптимальным решением при назначении государственного служащего на руководящие должности будет являться ориентация в первую очередь на его управленческий опыт. В противном же случае вновь назначенный руководитель всю свою энергию и ресурсы будет тратить на достижение личных целей» [Там же, 73–74].

В наших совместных исследованиях с Ю.В. Синягиным и Ю.К. Барковой [Селезнева, Баркова 2019; Синягин и др. 2020], в которых в качестве одного из диагностических инструментов также использовался ценностный опросник Ш. Шварца, было установлено, что, будучи элементом общей направленности личности руководителей системы государственного управления, социальная направленность не является преобладающей в этой структуре. При этом в рамках просоциальных стратегий респонденты либо только декларируют свою направленность на служение обществу, либо реально проявляют просоциальную активность только по отношению к тем социальным группам, которые воспринимаются ими как свои (семья, ближнее окружение, коллеги).

Помимо исследований собственно ценностных ориентаций государственных служащих, на факультете активно проводятся исследования представлений о ценностях в их личностном и групповом плане, а также о проявлении тех или иных ценностей в разных сферах жизнедеятельности государственных служащих (см., например, [Селезнева, Кенесова 2022]).

В то же время представления о ценности общественного служения ни разу не становились предметом научного анализа. Таким образом, можно говорить о существовании исследовательской проблемы, которая связана с необходимостью выявить представления российских государственных служащих о ценности общественного служения и ее месте в структуре ценностей этой профессиональной группы.

В связи с этим в рамках нашего исследования было сформулировано следующее предположение: представления о ценности общественного служения занимают одно из периферийных мест в структуре представлений современных российских государственных служащих о наиболее значимых ценностях данной профессиональной группы, а также в структуре представлений участников исследования об ответственности, потребностях и целях современных российских государственных служащих.

Методы и выборка

Целью эмпирического исследования было выявление представлений современных российских государственных служащих о ценности общественного служения. В соответствии с этим необходимо было:

- выявить место представлений о ценности общественного служения в общей структуре представлений современных российских государственных служащих о наиболее значимых ценностях данной профессиональной группы;
- проанализировать представления современных российских государственных служащих о месте ценности общественного служения в структуре ответственности, потребностей и целей данной профессиональной группы.

Для изучения представлений российских государственных служащих о ценности общественного служения был использован модифицированный вариант разработанной нами методики «Незаконченные предложения» [Селезнева 2007]. Участники исследования должны были, в соответствии с заданием, назвать наиболее значимые ценности современных российских государственных служащих («Среди ценностей современных российских государственных служащих наиболее значимыми являются...»). Кроме того, респондентам было необходимо завершить три предложения-суждения, каждое из которых включало определенный модальный глагол, выступающий в роли смыслового стимула. В зависимости от модальности глагола-стимула завершённая фраза приобретала вид суждения о различных аспектах жизнедеятельности современных российских государственных служащих, в том числе об их ответственности («Любой государственный служащий должен...»), потребностях («Любой государственный служащий хочет...») и целях («Любой государственный служащий стремится...»).

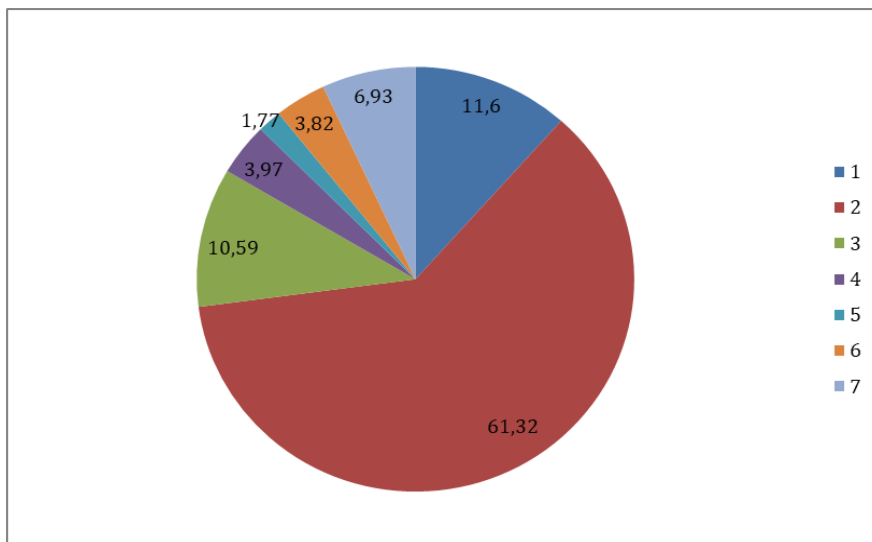
Использование контент-анализа позволило вычленивать из завершённых фраз объекты представлений участников исследования: предметы, субъекты или явления внешнего или внутреннего мира, значимые, с их точки зрения, для современных российских государственных служащих, то есть ценности, проявляющиеся в тех или иных аспектах их жизнедеятельности и выступающие мотиваторами их профессиональной активности.

В исследовании участвовали 219 руководителей региональных и муниципальных органов государственного управления в области образования, здравоохранения и культуры (на уровне начальников и заместителей начальников отделов, департаментов и т.п.): 164 женщины (74,9%) и 55 мужчин (25,1%). Средний возраст респондентов составил 45,8 года, минимальный — 28 лет, максимальный — 69 лет. Средний стаж работы на настоящей должности 3,9 года, минимальный — 0,5 года, максимальный — 27 лет.

Обсуждение результатов исследования

Общее количество упоминаний о наиболее значимых ценностях современных российских государственных служащих в целом по выборке составило 680, то есть в среднем 3,11 упоминания на каждого респондента.

Анализ содержания ответов позволил выделить семь групп ценностей, которые респонденты в своих представлениях воспринимают именно как ценности современных российских государственных служащих (Рисунок 1).

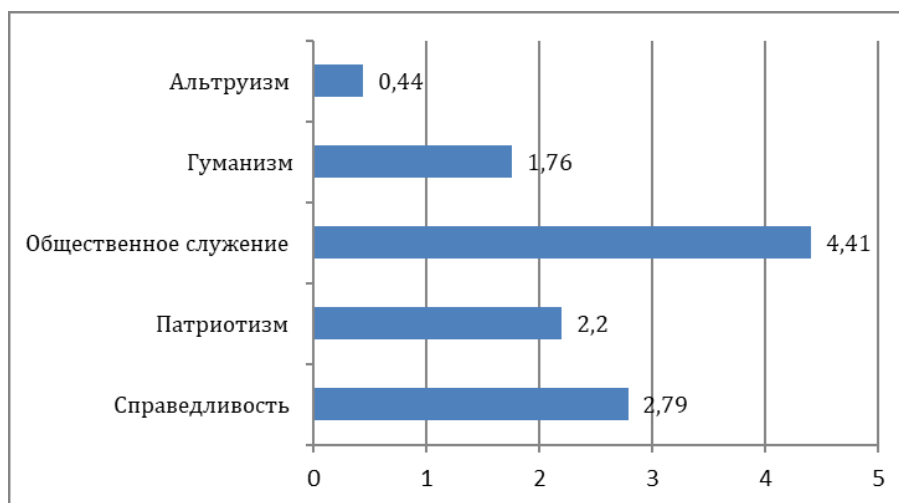
Рисунок 1. Группы наиболее значимых ценностей современных российских государственных служащих в представлении участников исследования (% от общего количества упоминаний)⁵

Следует отметить, что некоторые участники исследования на вопрос о наиболее значимых ценностях современных российских государственных служащих сформулировали излишне обобщенные ответы (6,93% от общего количества упоминаний; на рисунке — группа 7), например: *профессиональные, социальные / высокие моральные качества / деловые качества / этические и нравственные ориентиры / соблюдение кодекса этики госслужащего / соблюдение норм служебного поведения / образ жизни* и т.п. Это говорит о том, что ряд респондентов, которые сами являются сотрудниками органов государственной власти, лично не включены в процессы государственного управления и не задумываются о смысле своей профессиональной деятельности. Можно предположить, что недостаточная рефлексия относительно проблем ценностей и смыслов вообще характерна для значительного числа государственных служащих.

Чаще всего респонденты в качестве наиболее значимых для современных российских государственных служащих называли ценности ответственного и качественного исполнения профессиональных обязанностей (в том числе такие ценности, как служение делу, профессионализм / компетентность, ответственность, эффективность в делах, честность, рационализм, исполнительность, общение и взаимодействие, гибкость / мобильность). При этом объем упоминаний этих ценностей более чем в пять раз превышает объемы упоминаний находящихся на втором и третьем местах ценностей общественной пользы (в которую входит, в частности, ценность общественного служения) и ценности творческой деятельности (в которую также входит ценность самореализации). Таким образом, в представлениях участников исследования наиболее значимы для современных российских государственных служащих ценности, имеющие по отношению к функциям государственного управления не терминальный (целеполагающий), а инструментальный характер. То есть, с точки зрения респондентов, в деятельности современных российских государственных служащих важнее всего процессуальные (ответственное и качественное исполнение профессиональных обязанностей), а не результативные (достижение социального эффекта или самореализация личности) аспекты.

⁵ Составлено автором. Примечание: 1 — ценности общественной пользы, 2 — ценности ответственного и качественного исполнения профессиональных обязанностей, 3 — ценности творческой деятельности, 4 — ценности карьерного и личностного роста, 5 — ценности высокого статуса, положения и признания, 6 — ценности материального благополучия и социальной стабильности, 7 — другое.

Содержание группы ценностей общественной пользы, помимо ценности общественного служения, составляют ценности альтруизма, гуманизма, патриотизма и справедливости (Рисунок 2).

Рисунок 2. Ценности общественной пользы в представлении участников исследования (% от общего количества упоминаний)⁶

Как видно из рисунка, по объему упоминаний ценность общественного служения, как, впрочем, и остальные ценности, образующие группу ценностей общественной пользы, выражена слабо, то есть представления об этих ценностях находятся на периферии представлений участников исследования о наиболее значимых ценностях современных российских государственных служащих. Такое периферийное положение представлений о ценностях общественной пользы говорит о том, что данные ценности находятся на нижних ступенях ценностной иерархии в сознании государственных служащих, а, следовательно, не являются ведущими мотиваторами в их профессиональной деятельности. Это, в свою очередь, выражается в том, что зачастую принимаемые органами государственного управления на региональном и муниципальном уровнях решения противоречат интересам граждан и затрудняют развитие страны, а многие государственные служащие в своей деятельности исходят прежде всего из собственных, а не общественных интересов (с чем связан, в частности, высокий уровень коррупции).

В то же время анализ рисунка показывает, что ценность общественного служения выражена сильнее, чем все остальные ценности, входящие в группу. При этом для участников исследования наиболее важным оказывается служение обществу в целом (стране, народу, гражданам), а не государству как социальному институту. Об этом свидетельствует преобладание в ответах следующих формулировок: *служение обществу / служение людям / работа на благо жителей государства / желание работать для народа / исполнять обязанности на основе уважения и достоинства граждан / реально делать жизнь граждан лучше / возможность помочь людям / интересы граждан / забота о людях / ориентированность на благо населения / умение ставить профессиональные интересы выше личных / процветание России / экология родного города / прогресс / здоровье нации / заботиться о благополучии* и т.п.

Вывод о том, что объектом служения для участников нашего исследования является общество в целом, противоречит выводу, сделанному ранее Т.М. Атнашевым, который на основе анализа глубинных интервью с государственными служащими и экспертами, в частности, указал, что представления российских государственных служащих «...об объекте служения ... скорее смещаются в сторону служения государству в целом» [Атнашев 2017, 162]. Можно предположить,

⁶ Составлено автором.

что такие различия в результатах обусловлены, во-первых, различиями в используемых методах исследования, во-вторых, особенностями выборок и, в-третьих (возможно, в-главных), произошедшими с момента публикации статьи Т.М. Атнашева изменениями в российском обществе как на уровне социальной практики, так и на уровне социального сознания и самосознания.

Хотя ценности общественной пользы в представлениях участников исследования слабо выражены напрямую, анализ показывает, что эти ценности, и прежде всего ценность общественного служения, косвенно выражаются в содержании ряда представлений о ценностях ответственного и качественного исполнения профессиональных обязанностей. Так, ценность служения делу (2,65% от общего количества упоминаний) описывается через такие слова и словосочетания: *бескорыстное служение делу / профессиональная честь / осознание ценности выполняемой работы / исполнять обязанности профессионально, опираясь на закон и знания* и т.п.; ценность общения и взаимодействия (4,41% от общего количества упоминаний) — через следующие слова и словосочетания: *доступность / отсутствие высокомерия / уважение к людям / способность сострадания / чуткость / взаимодействие с другими людьми*; ценность ответственности (10,73% от общего количества упоминаний) — через слова и словосочетания: *социальная ответственность / чувство ответственности за дело и принимаемые решения / смещение акцентов от материальной выгоды к социальной ответственности / ответственное отношение к работе / равнодушие / надежность / добросовестность* и т.п.; ценность честности (11,91% от общего количества упоминаний) — через слова и словосочетания: *честность / порядочность / некоррупционность / противодействие коррупции / чистоплотность / неподкупность* и т.п. Можно сделать вывод, что достаточно многие государственные служащие, не осмысливая ценность общественного служения как ведущую для их профессиональной группы, тем не менее неосознанно опираются на нее в инструментальных аспектах своей деятельности.

Таким образом, наше предположение о периферийном положении представлений о ценности общественного служения в структуре представлений современных российских государственных служащих о наиболее значимых ценностях данной профессиональной группы подтвердилось.

В то же время в результате анализа представлений участников исследования о месте ценности общественного служения в структуре представлений об ответственности, потребностях и целях современных российских государственных служащих было установлено, что в этих структурах представления о ценности общественного служения сдвигаются к ядру.

Общее количество упоминаний о тех или иных ценностях в разных аспектах жизнедеятельности современных российских государственных служащих несколько меньше, чем общее количество упоминаний о наиболее значимых ценностях данной профессиональной группы (Таблица 1).

Таблица 1. Объем ценностной лексики⁷

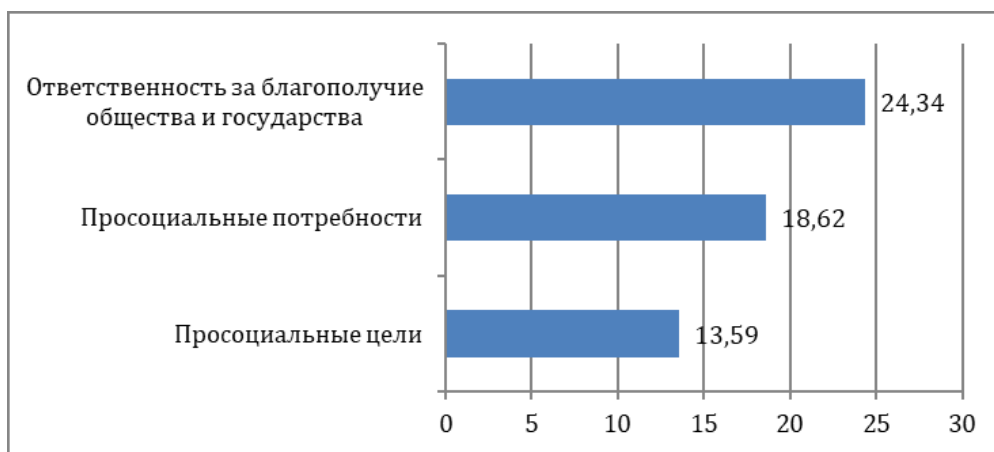
Аспекты жизнедеятельности современных российских государственных служащих	Количество упоминаний ценностей		% обобщенных формулировок, отказов от ответа или затруднений с ним
	В целом по выборке	Среднее	
Ответственность («Любой государственный служащий должен...»)	456	2,08	5,49
Потребности («Любой государственный служащий хочет...»)	333	1,52	1,8
Цели («Любой государственный служащий стремится...»)	309	1,41	3,88

⁷ Составлено автором.

Из таблицы видно, что в наибольшей степени респонденты осознают ответственность современных российских государственных служащих, а в наименьшей — их цели. В то же время именно по отношению к ответственности фиксируется наибольший процент обобщенных формулировок, отказов от ответа или затруднений с ним, что свидетельствует о неосознанном уходе ряда государственных служащих от принятия ответственности за принимаемые органами государственного управления решения на себя. Что касается также достаточно высокого процента обобщенных формулировок, отказов от ответа или затруднений с ним по отношению к целям, можно предположить, как и в случае с ответами о наиболее значимых ценностях, отсутствие личностной включенности в процессы государственного управления и недостаточное осмысление своей профессиональной деятельности.

В структуре представлений участников исследования об ответственности, потребностях и целях современных российских государственных служащих, по сравнению со структурой представлений о наиболее значимых ценностях данной профессиональной группы, просоциальные аспекты выражены сильнее (Рисунок 3).

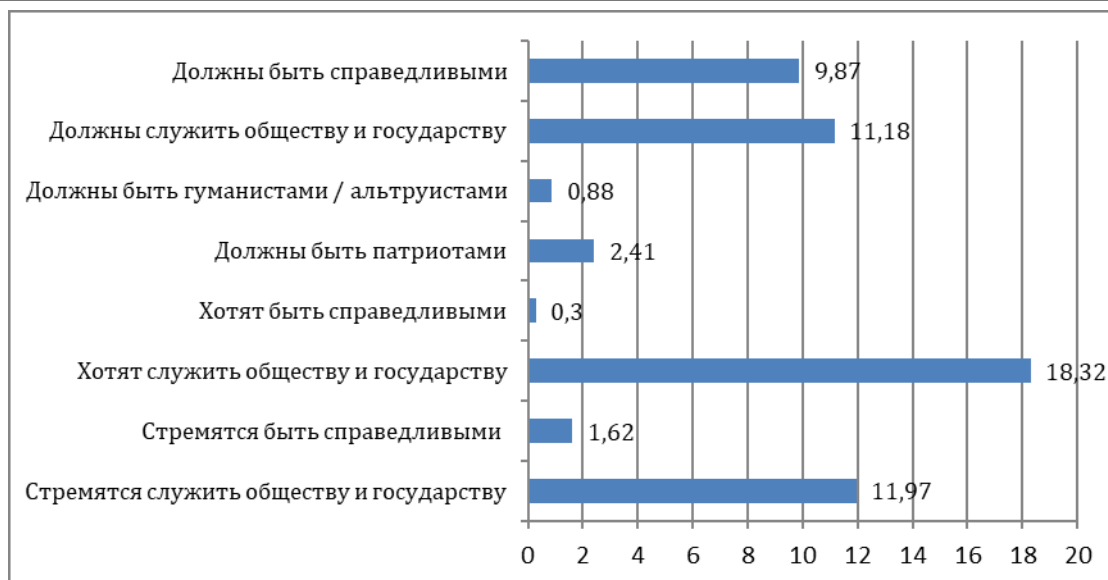

Рисунок 3. Выраженность просоциальных аспектов в структуре представлений участников исследования об ответственности, потребностях и целях современных российских государственных служащих (% от общего количества упоминаний)⁸

Как видно из рисунка, наиболее часто респонденты упоминали ценности общественной пользы при завершении предложения «Любой государственный служащий должен...», то есть при осмыслении сфер и областей ответственности современных российских государственных служащих. Безусловно, это связано с тем, что, высказывая суждение об ответственности государственных служащих, респонденты описывали их профессиональные обязанности, в которых отражаются функции государственного управления как социального института, а эти функции просоциальны по своему существу. Выраженность просоциальных аспектов в структуре представлений участников исследования о потребностях и целях современных российских государственных служащих также выше, чем в структуре представлений о наиболее значимых ценностях данной профессиональной группы.

Интересно, что в сознании участников исследования «быть ответственным за благополучие общества и государства» значит быть патриотом, гуманистом / альтруистом, служить обществу и государству и быть справедливым, а вот просоциальные потребности и цели сводятся только к общественному служению и справедливости. При этом ценность общественного служения во всех случаях упоминается наиболее часто (Рисунок 4).

⁸ Составлено автором.

Рисунок 4. Выраженность ценностей общественной пользы, в том числе ценности общественного служения, в структуре представлений участников исследования об ответственности, потребностях и целях современных российских государственных служащих (% от общего количества упоминаний)⁹

Из рисунка видно, что чаще всего ценность общественного служения становилась содержанием представлений респондентов о потребностях современных российских государственных служащих (18,32% от общего количества упоминаний). Интересно, что в иерархии представлений о потребностях государственных служащих потребность служить обществу и государству занимает первое место, опережая потребности в материальном благополучии и продвижении по карьерной лестнице (12,91% и 10,81% соответственно от общего количества упоминаний), то есть выступает в данной структуре в качестве ядерного образования. Таким образом, можно предположить, что в сознании участников исследования потребность служить обществу и государству — это наиболее сильный источник активности государственных служащих как субъектов профессиональной деятельности. Следует обратить внимание и на выбор слов и словосочетаний, через которые описывается данная потребность. В представлении респондентов, любой государственный служащий *хочет служить своей родине / осуществлять государственное управление во благо обществу / помогать гражданам / сделать нашу страну лучше / улучшения жизни граждан страны / успеха страны, региона, организации, социальных институтов / чтобы в нашем государстве жилось хорошо / роста благополучия всего общества, улучшения качества жизни каждого гражданина / добиваться согласования общегосударственных интересов и интересов каждого гражданина в частности / быть нужным и полезным своему народу* и т.п.

В иерархии представлений об ответственности государственных служащих ценность общественного служения уступает только ценности профессионализма / компетентности (14,47% от общего количества упоминаний), а в иерархии представлений о целях занимает третье место после ценности самосовершенствования и развития и ценности карьерного роста (20,06% и 12,95% соответственно от общего количества упоминаний), то есть, как и в структуре представлений о потребностях современных российских государственных служащих, является частью ядра этих структур.

⁹ Составлено автором.

При этом в представлениях участников исследования любой государственный служащий должен думать о государственных интересах, а не о личной выгоде / быть равнодушным человеком, душой болеющим за общее дело / не забывать, что он часть народа, быть полезен для людей / понимать, что он работает для государства и людей / способствовать реализации основных потребностей населения / работать на повышение качества жизни своей родины / служить людям и обеспечивать их благополучие и безопасность / заботиться об интересах граждан / при решении вопросов отдавать приоритет общественным интересам / помнить, за чей счет он живет, и работать с максимальной отдачей для пользы налогоплательщиков / быть ориентирован на решение проблем человека / помнить, что его работа для и во имя людей / знать проблемы людей и максимально их решать и т.п.

В то же время, описывая цели государственных служащих, респонденты подчеркивают, что любой из них стремится беспристрастно и честно служить своей Родине / работать на благо своей семьи и своей Родины / к благополучию общества и полезности своей деятельности / к развитию и становлению государства / повысить уровень жизни, благосостояние людей / работать лучше на благо людей и страны / отлично работать на благо государства, людей / выполнять свои должностные обязанности во благо государства и его жителей / создать интересный социальный проект для улучшения жизни граждан / принести максимальную пользу на своем рабочем месте / сделать жизнь людей в стране лучше / принести пользу своей организации, гражданам и организациям, с которыми работает орган власти / к работе, направленной на решение проблем граждан / к улучшению и укреплению ситуации в своей сфере деятельности / к развитию самодостаточного общества / сделать в пределах своей компетенции что-то для общества / улучшить положение дел в отрасли, за которую несет ответственность / знать задачи и потребности общества / оправдать доверие общества и государства / честно выполнять свой долг и т.п.

Как видно из перечисленных ответов, в представлениях участников исследования цели современных государственных служащих имеют явно выраженную просоциальную направленность. Безусловно, во многом эти ответы декларативны и могут рассматриваться как социально желательные. В то же время они свидетельствуют о явно выраженном стремлении респондентов в своей деятельности максимально качественно исполнять функции государственного управления, тем самым служа обществу. В какой степени удастся это стремление осуществить в реальности и какие объективные и субъективные факторы препятствуют или способствуют этому, — вопросы отдельного исследования. Однако понятно, что одним из ведущих субъективных факторов, обеспечивающих просоциальную направленность в деятельности государственных служащих, является такая структура их личностных ценностей, в которой ценность общественного служения будет не периферийной, а ядерной ценностью. В этой связи стоит привести ответ одного из участников исследования, который написал, что любой государственный служащий стремится «к обладанию ценностными ориентирами, побуждающими к служению “высшей цели”».

Выводы

Исследование подтвердило сформулированное нами предположение о периферийном положении представлений о ценности общественного служения в структуре представлений современных российских государственных служащих о наиболее значимых ценностях данной профессиональной группы, но в то же время показало, что в структурах представлений

об ответственности, потребностях и целях современных российских государственных служащих происходит сдвиг представлений о ценности общественного служения в область ядра этих структур.

Так как структура представлений о наиболее значимых ценностях, по существу, отражает место этих ценностей в мотивационной структуре личности и, соответственно, степень их влияния на деятельность, можно говорить о том, что ценность общественного служения не является в настоящее время одним из ведущих внутренних мотиваторов активности российских государственных служащих. Периферийное положение этой ценности в структуре мотиваторов российских государственных служащих во многом определяет такие проблемы в их деятельности, как коррупция, формализм, низкая ответственность и т.п.

При этом ядерное положение представлений о ценности общественного служения в структурах представлений участников исследования об ответственности, потребностях и целях современных российских государственных служащих свидетельствует о достаточно сильном влиянии данной ценности на эти сферы жизнедеятельности государственных служащих Российской Федерации, по крайней мере на уровне их группового самосознания. Это позволяет говорить о существовании возможностей для преодоления индивидуалистических установок в работе государственных служащих и узкокорпоративных тенденций в деятельности органов государственного управления, что особенно важно в новый период развития российского общества и государства.

Список литературы:

- Атнашев Т.М. Самоотверженные чиновники? Факторы высокой мотивации госслужащих // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 3. С. 149–166.
- Ершов Ю.М. Идеология общественного служения в журналистике // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 6. С. 68–73.
- Зарубина Н.Н. Этика служения и этика ответственности в культуре русского предпринимательства // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 96–105.
- Кабирова А.Ш. «Есть такая профессия — Родину защищать» (к 115-летию со дня рождения гвардии полковника Б.А. Юсупова) // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2018. № 2. С. 150–158.
- Калгин А.С. Источники и последствия наличия мотивации к государственной службе (public service motivation): обзор исследовательской области // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 2. С. 215–239.
- Катков И.М. Аксиологический компонент в правовых актах, регулирующих гражданскую // Государственная служба. 2018. № 5(115). С. 35–42.
- Оболонский А.В. Этика и ответственность в публичной службе // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 1. С. 7–32.
- Охотский Е.В. Главный императив государственного статуса: служить обществу, жить по закону, поступать по совести // Государственная служба. 2019. № 2(118). С. 6–15. DOI: [10.22394/2070-8378-2019-21-2-6-15](https://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-2-6-15)
- Подольский Д.А. К вопросу о ценностном измерении управленческой деятельности // Мир психологии. 2021. № 4. С. 65–76.
- Попкова Е.Е. Династия врачей Дорошенко как пример служения малой родине, отечеству // Образование. Карьера. Общество. 2020. № 1(64). С. 49–51.

- Раджабова Е.А. Нормативный правовой характер этических требований к служебному поведению публичного должностного лица // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 584–596.
- Саморуков А.А. Этическое регулирование поведения государственных служащих // Вестник Поволжского института управления. 2021. Т. 21. № 2. С. 32–38. DOI: [10.22394/1682-2358-2021-2-32-38](https://doi.org/10.22394/1682-2358-2021-2-32-38)
- Селезнева Е.В. Незаконченные предложения // Акмеологическая диагностика / под общ. ред. А.А. Деркача и Ю.В. Синягина. М.: Изд-во РАГС, 2007. С. 50–55.
- Селезнева Е.В., Баркова Ю.К. Социальная направленность личности и ценностные стратегии руководителей системы государственной службы // Вопросы управления. 2019. № 4(59). С. 204–216. DOI: [10.22394/2304-3369-2019-4-204-216](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-4-204-216)
- Селезнева Е.В., Кенесова Г.А. Ценности государственных служащих Республики Казахстан в их представлениях // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 90. С. 198–215. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-90-198-215](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-90-198-215)
- Синягин Ю.В., Селезнева Е.В., Баркова Ю.К. Жизненные стратегии руководителей системы государственного управления // Мир психологии. 2020. № 4 (104). С. 187–199.
- Шарин В.И. Проблемы общественного служения российских чиновников // Вестник университета. 2020. № 3. С. 38–44. DOI: [10.26425/1816-4277-2020-3-38-44](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-3-38-44)
- Barfort S., Harmon N.A., Hjorth F., Olsen A.L. Sustaining Honesty in Public Service: The Role of Selection // American Economic Journal: Economic Policy. 2019. Vol. 11. Is. 4. P. 96–123. DOI: [10.1257/pol.20170688](https://doi.org/10.1257/pol.20170688)
- Coursey D., Pandey S.K. Public Service Motivation Measurement: Testing an Abridged Version of Perry's Proposed Scale // Administration & Society. 2007. Vol. 39. Is. 5. P. 547–568. DOI: [10.1177/0095399707303634](https://doi.org/10.1177/0095399707303634)
- Gans-Morse J., Kalgin A., Klimenko A., Vorobyev Dm., Yakovlev A. Public Service Motivation as a Predictor of Corruption, Dishonesty and Altruism // Journal of Public Administration Research and Theory. 2022. Vol. 32. Is. 2. P. 287–309. DOI: [10.1093/jopart/muab018](https://doi.org/10.1093/jopart/muab018)
- Kim S., Vandenabeele W., Wright B.E., Andersen L.B., Cerase F.P., Christensen R.K., Desmarais C., Koumenta M., Leisink P., Liu B., Palidauskaite J., Pedersen L.H., Perry J.L., Ritz A., Taylor J., De Vivo P. Investigating the Structure and Meaning of Public Service Motivation across Populations: Developing an International Instrument and Addressing Issues of Measurement Invariance // Journal of Public Administration Research and Theory. 2013. Vol. 23. Is. 1. P. 79–102. DOI: [10.1093/jopart/mus027](https://doi.org/10.1093/jopart/mus027)
- Perry J.L. Measuring Public Service Motivation: An Assessment of Construct Reliability and Validity // Journal of Public Administration Research and Theory. 1996. Vol. 6. Is. 1. P. 5–22. DOI: [10.1093/oxfordjournals.jpart.a024303](https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.jpart.a024303)
- Perry J.L., Wise L.R. The Motivational Bases of Public Service // Public Administration Review. 1990. Vol. 50. Is. 3. P. 367–373. DOI: [10.2307/976618](https://doi.org/10.2307/976618)
- Sharin V. Public Service Motivation in State Civil Service // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the Ecological-Socio-Economic Systems: Models of Competition and Cooperation (ESES 2019). Kurgan: Atlantis Press, 2020. Vol. 392. P. 401–405. DOI: [10.2991/assehr.k.200113.083](https://doi.org/10.2991/assehr.k.200113.083)
- Yudiatmaja W.E. How Does Public Service Motivation Contribute to Service Orientation? Testing Mediation Models // Otoritas: Jurnal Ilmu Pemerintahan. 2019. Vol. 9. Is. 2. P. 162–178. DOI: [10.26618/ojip.v9i2.2180](https://doi.org/10.26618/ojip.v9i2.2180)

References:

- Atnashev T.M. (2017) Self-Sacrificing Bureaucrats? High Motivation Factors of Civil Servants in Russia. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. No. 3. P. 149–166.
- Barfort S., Harmon N.A., Hjorth F., Olsen A.L. (2019) Sustaining Honesty in Public Service: The Role of Selection. *American Economic Journal: Economic Policy*. Vol. 11. Is. 4. P. 96–123. DOI: [10.1257/pol.20170688](https://doi.org/10.1257/pol.20170688)
- Coursey D., Pandey S.K. (2007) Public Service Motivation Measurement: Testing an Abridged Version of Perry's Proposed Scale. *Administration & Society*. Vol. 39. Is. 5. P. 547–568. DOI: [10.1177/0095399707303634](https://doi.org/10.1177/0095399707303634)
- Ershov Yu.M. (2015) The Ideology of Public Ministry in Journalism. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 14. No. 6. P. 68–73.
- Gans-Morse J., Kalgin A., Klimenko A., Vorobyev Dm., Yakovlev A. (2022) Public Service Motivation as a Predictor of Corruption, Dishonesty and Altruism. *Journal of Public Administration Research and Theory*. Vol. 32. Is. 2. P. 287–309. DOI: [10.1093/jopart/muab018](https://doi.org/10.1093/jopart/muab018)
- Kabirova A.Sh. (2018) “There is Such a Profession — to Defend the Motherland” (Dedicated to the 115th Anniversary of the Birth of Guards Colonel B.A. Yusupov). *Gasyrlar avazy — Ekho vekov*. No. 2. P. 150–158.
- Kalgin A.S. (2020) Antecedents and Outcomes of Public Service Motivation: A Review of the Research Field. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. No. 2. P. 215–239.
- Katkov I.M. (2018) The Axiological Component in the Legal Acts Regulating the Civil Service. *Gosudarstvennaya sluzhba*. No. 5(115). P. 35–42.
- Kim S., Vandenberg W., Wright B.E., Andersen L.B., Cerase F.P., Christensen R.K., Desmarais C., Koumenta M., Leisink P., Liu B., Palidaskaite J., Pedersen L.H., Perry J.L., Ritz A., Taylor J., De Vivo P. (2013) Investigating the Structure and Meaning of Public Service Motivation across Populations: Developing an International Instrument and Addressing Issues of Measurement Invariance. *Journal of Public Administration Research and Theory*. Vol. 23. Is. 1. P. 79–102. DOI: [10.1093/jopart/mus027](https://doi.org/10.1093/jopart/mus027)
- Obolonsky A.V. (2015) Ethics and Responsibility in the Public Administration. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. No. 1. P. 7–32.
- Okhotsky E.V. (2019) The Main Imperative of the State Status: To Serve the Society, to Live by the Law, to Act According to Conscience. *Gosudarstvennaya sluzhba*. No. 2(118). P. 6–15. DOI: [10.22394/2070-8378-2019-21-2-6-15](https://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-2-6-15)
- Perry J.L. (1996) Measuring Public Service Motivation: An Assessment of Construct Reliability and Validity. *Journal of Public Administration Research and Theory*. Vol. 6. Is. 1. P. 5–22. DOI: [10.1093/oxfordjournals.jpart.a024303](https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.jpart.a024303)
- Perry J.L., Wise L.R. (1990) The Motivational Bases of Public Service. *Public Administration Review*. Vol. 50. Is. 3. P. 367–373. DOI: [10.2307/976618](https://doi.org/10.2307/976618)
- Podol'skiy D.A. (2021) K voprosu o tsennostnom izmerenii upravlencheskoy deyatel'nosti [On value dimension of managerial activity]. *Mir psikhologii*. No. 4. P. 65–76.
- Popkova E.E. (2020) Dinastiya vrachey Doroshenko kak primer sluzheniya maloy rodine, otechestvu [The Doroshenko dynasty of doctors as an example of service to the small motherland, the Fatherland]. *Obrazovaniye. Kar'yera. Obshchestvo*. No. 1(64). P. 49–51.
- Radzhabova E.A. (2020) Normative Legal Nature of Ethical Requirements to Official Behavior of a Public Official. No. 7. P. 584–596.
- Samorukov A.A. (2021) Ethical Regulation of the Public Servants Conduct. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*. Vol. 21. No. 2. P. 32–38. DOI: [10.22394/1682-2358-2021-2-32-38](https://doi.org/10.22394/1682-2358-2021-2-32-38)
- Selezneva E.V. (2007) Nezakonchennyye predlozheniya [Unfinished sentences]. In: Derkach A.A., Sinyagin Yu.V. (eds.) *Akmeologicheskaya diagnostika*. Moscow: Izd-vo RAGS. P. 50–55.

Selezneva E.V., Barkova Yu.K. (2019) Social Orientation of the Person and Value Strategies of Civil Service Executives. *Voprosy upravleniya*. No. 4(59). P. 204–216. DOI: [10.22394/2304-3369-2019-4-204-216](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-4-204-216)

Selezneva E.V., Kenesova G.A. (2022) Values of Civil Servants in the Republic of Kazakhstan in Their Representations. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 90. P. 198–215. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-90-198-215](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-90-198-215)

Sharin V. (2020) Public Service Motivation in State Civil Service. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the Ecological-Socio-Economic Systems: Models of Competition and Cooperation (ESES 2019)*. Kurgan: Atlantis Press. Vol. 392. P. 401–405. DOI: [10.2991/assehr.k.200113.083](https://doi.org/10.2991/assehr.k.200113.083)

Sharin V.I. (2020) Problems of Public Service of Russian Officials. *Vestnik universiteta*. No. 3. P. 38–44. DOI: [10.26425/1816-4277-2020-3-38-44](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-3-38-44)

Sinyagin Yu.V., Selezneva E.V., Barkova Yu.K. (2020) Life Strategies of Managers of the Public Administration System. *Mir psikhologii*. No. 4(104). P. 187–199.

Yudiatmaja W.E. (2019) How Does Public Service Motivation Contribute to Service Orientation? Testing Mediation Models. *Otoritas: Jurnal Ilmu Pemerintahan*. Vol. 9. Is. 2. P. 162–178. DOI: [10.26618/ojip.v9i2.2180](https://doi.org/10.26618/ojip.v9i2.2180)

Zarubina N.N. (2004) Ethics of Service and Ethics of Responsibility in Culture of Russian Enterprise. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 1. P. 96–105.

Дата поступления/Received: 11.01.2023

Правовые и политические аспекты управления
Legal and political aspects of governance

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-96-104-123

Латентное в публичном: изъяны регулирования лоббизма в США

Купряшин Геннадий Львович

Доктор политических наук, профессор, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: Kupryashin@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [8483-8158](#)

ORCID ID: [0000-0002-0438-7957](#)

Дробышева Екатерина Сергеевна

Студентка магистратуры, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: DrobyshevaES@spa.msu.ru

Стародубцев Алексей Сергеевич

Студент магистратуры, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: StarodubtsevAS@spa.msu.ru

Аннотация

Цель статьи — выявить латентные механизмы лоббизма как публичного института, искажающие цели его государственного регулирования в стране со сложившимися рыночными механизмами и системой государственной поддержки бизнес-процессов. Данное исследование основывается на анализе правовых актов, регулирующих лоббистскую деятельность как на федеральном уровне, так и на уровне штатов и отраслей. В статье показано, что лоббизм как составная часть функционального представительства интересов в США превратился в институт публичного управления с развитой нормативной базой. Однако при детальном анализе механизмов его функционирования, прежде всего на уровне отраслей и штатов, вскрываются практики, влияние которых на государственную политику и управление существенно расходится с легальным целеполаганием. В качестве примера отрасли, где практики теневого лоббирования играют важную роль, приводится здравоохранение, имеющее развитые рыночные механизмы в сочетании с продвинутой системой государственной поддержки и регулирования. Кроме того, установлено, что лоббирование даже при развитом его нормативном регулировании существенно искажает «свободную политическую конкуренцию», когда его практики ведут к воспроизводству ветократии, а также включает такие политико-административные механизмы, как астротурфинг (astroturf) и лоббирование за счет налогоплательщиков (taxpayer-funded lobbying). Особенно хорошо это видно на уровне штатов. Выделены особенности регулирования лоббирования, влияющие на социально-экономическое развитие региона и его инвестиционную привлекательность.

Ключевые слова

Лоббирование, механизмы лоббирования, государственное регулирование, ветократия, астротурфинг.

Latent in Public Mechanisms: Flaws in Lobbying Regulation in the USA

Gennady L. Kupryashin

DSc (Political Sciences), Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Kupryashin@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-0438-7957](#)

Ekaterina S. Drobysheva

Master's degree student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: DrobyshevaES@spa.msu.ru

Aleksey S. Starodubtsev

Master's degree student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: StarodubtsevAS@spa.msu.ru

Abstract

The aim of the article is to identify the contradictory impact of lobbying as a public institution on public policy and administration at the sectoral and regional levels of a country with established market mechanisms and a system of state support. This study is based on an analysis of legal acts regulating lobbying activities both at the federal level and at the level of states and industries. The article shows that lobbying as an integral part of the functional representation of interests in the United States has turned into an institution of public administration with a developed regulatory framework. However, when analyzing in detail the mechanisms of its functioning at the level of industries and states, practices are revealed whose influence on public policy and administration significantly diverges from legal goal-setting. An example of an industry where lobbying practices play an important role is healthcare, which has developed market mechanisms combined with an advanced system of state support and regulation. In addition, it has been established that lobbying, even with its developed normative regulation, significantly distorts free political

competition, when its practices lead to the reproduction of vetocracy, and also includes such political and administrative mechanisms as astroturf and taxpayer-funded lobbying. This is especially evident at the state level. The features of lobbying regulation that affect the socio-economic development of the region and its investment attractiveness are highlighted.

Keywords

Lobbying, lobbying mechanisms, state regulation, vetocracy, astroturf.

Введение

Проблема введения лоббистской практики в публичное пространство государственного управления давно привлекает внимание отечественных исследователей. Нередко как образец публичной институализации лоббирования приводят США. Однако оценка роли данного института в системе представительства интересов дается прямо противоположная. С одной стороны, продолжает воспроизводиться традиционная линия трактовки лоббизма в США как серии практик, коррумпирующих власть [Зяблюк 1995; Руденкин 2008; Белоусов 2018]. С другой стороны, лоббизм в США декларируется в качестве института с развитыми правовыми нормами и механизмами, обеспечивающего реальную конкуренцию заинтересованных групп, и в этом смысле может быть моделью для распространения в других странах, в том числе и в России [Кремянская 2014; Кугай, Давыдов 2022]. Например, А.В. Павроз, приводя пример США, утверждает, что «лоббизм превратился в полноценный общественный институт и стал одним из важнейших элементов в системе социально-политического взаимодействия демократических обществ, эффективно дополняя традиционные представительские институты демократии, содействуя вовлечению в политический процесс всего множества социальных интересов, что способствует формированию гармоничной и максимально сбалансированной государственной политики» [Павроз 2014, 168]. На наш взгляд, обе эти позиции отличаются односторонним взглядом как на место лоббизма в современном функциональном представительстве интересов, так и на значение опыта становления и развития данного института в США как модели для экспорта в другие страны. Причем слабости данной модели проявляются не столько на общенациональном, сколько отраслевом и региональном уровнях.

Цель исследования — выявить и охарактеризовать механизмы лоббирования как систему практик, которые оказывают отклоняющееся, по сравнению с целеполаганием регулирующих норм, влияние на государственную политику и управление в отраслях и штатах со сложившимися рыночными механизмами и системой государственной поддержки.

Методы исследования включают анализ правовых нормативных документов, сравнительный межотраслевой и межрегиональный анализ затрат на лоббистскую деятельность. Кроме того, используется ситуационный анализ политико-административных механизмов института лоббирования.

Статья состоит из нескольких разделов: сначала дается характеристика основных этапов формирования системы правового регулирования лоббизма; далее выделяются основные политико-административные механизмы института лоббизма в США и проводится анализ регулирования практики лоббирования в штатах Калифорния и Вашингтон. В заключение авторы дают оценку регулятивным пробелам лоббизма как публичного института, что не позволяет считать его примером конкурентного соревнования заинтересованных групп, обеспечивающего «гармоничный баланс их интересов».

Распространено представление, что «США, несомненно, являются местом, где само лоббирование зародилось как организованная коммерческая деятельность» [Горовая, Кремянская 2022, 65], а лобби как разновидность групп интересов стали доминировать в публичном управлении страны. Действительно, лоббизм как практика получил

широкое распространение еще в XIX веке, однако сам термин «лоббизм» в законодательстве США появился только в 1946 г. с принятием Федерального закона о регулировании лоббирования, но в статье 261, где содержались основные определения, применяемые в данном правовом акте, как и во всем его тексте, это понятие раскрыто не было. Впервые его трактовка была представлена в Законе о раскрытии информации о лоббировании 1995 г., причем «лоббизм» рассматривался только через определение субъекта лоббистской деятельности — лоббиста как «физического лица, нанятого клиентом за финансовую или иную компенсацию и устанавливающего более одного лоббистского контакта в течение любого трехмесячного периода, тратя более 20 процентов своего времени для этого клиента на лоббистскую деятельность»¹.

Становление правового регулирования лоббирования

В целом процесс постепенной легализации лоббизма и уточнения связанных с ним норм регулирования проходил в течение XIX–XX вв. и продолжается в настоящее время. В итоге, по мнению некоторых российских исследователей, «лоббизм в США сформировался в полноценный, абсолютно легальный и весьма легитимный политический институт» [Мельков и др. 2018, 46].

Можно выделить несколько этапов изменений, произошедших в правовом регулировании лоббирования.

Регулирование профессии лоббиста в Соединенных Штатах началось в 1938 году с принятием Закона о регистрации иностранных агентов (FARA)². Причем основная цель FARA заключалась не в том, чтобы ограничить практику лоббирования, а в том, чтобы ввести в публичное поле информацию о тех, кто платит за лоббистские кампании. Накануне Второй мировой войны главная опасность исходила от нацистов, финансируемых гитлеровской Германией. Закон требовал, чтобы любая литература, оплачиваемая иностранными деньгами, содержала уведомление об этом. «Иностранная пропаганда» в законе подразумевала нацистскую пропаганду [Spak 1989]. Позже этот термин был расширен и теперь включает любые иностранные структуры, финансирующие лоббистские кампании.

С тех пор FARA претерпел изменения, но, по сути, остался законом о раскрытии информации. Сегодня требуется, «чтобы лоббисты, выступающие от имени иностранных организаций, представляли полугодовые отчеты с подробным описанием всех своих лоббистских контактов» [You 2020], а также вели подробные записи о расходах и лоббистских контактах, делая их общедоступными в Интернете.

Вскоре после Второй мировой войны Конгресс принял первый в стране всеобъемлющий закон о раскрытии информации о лоббировании — Федеральный закон о регулировании лоббирования 1946 года.

Этот закон также был направлен на раскрытие информации, не предусматривая мер по ограничению лоббистской деятельности. В нем утверждалось, что «полная реализация американского идеала правительства избранными представителями в немалой степени зависит от способности должным образом оценивать политическое давление, которому

¹ Lobbying Disclosure Act of 1995 // Congress [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/senate-bill/1060#:~:text=Lobbying%20Disclosure%20Act%20of%201995%20%20Requires%20registration%20with%20the%20Secretary,the%20individual%20first%20makes%2C%20or> (дата обращения: 02.11.2022).

² Foreign Agents Registration Act 1938 // The United State Department of Justice [Электронный ресурс]. URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara/fara-index-and-act#611> (дата обращения: 09.11.2022).

регулярно подвергаются члены Конгресса»³. Без этой публичной информации «голос народа может быть слишком легко заглушен голосом групп с особыми интересами, стремящихся к привилегированному обращению, маскирующихся под сторонников общественного блага»⁴.

Федеральный закон о регулировании лоббирования утверждал необходимость регистрации всех, кто каким-либо образом влияет на процесс принятия законопроекта, а также предоставления ими отчетов о финансировании деятельности. Кроме того, он вводил штрафы и тюремное заключение за невыполнение введенных правил.

Несмотря на то, что ранние законы о лоббировании казались довольно четкими в отношении того, кто должен регистрироваться в качестве лоббиста и какую информацию лоббисты должны раскрывать, они оказались не очень действенными. Самая очевидная ошибка заключалась в их определениях, особенно в понимании того, что представляет собой лоббистская деятельность, подлежащая регистрации. Любой, чьей основной целью было влияние на законодательство, должен был зарегистрироваться. Но было совершенно неясно, чем является «основная цель»? Отдельные лица или организации, лоббировавшие органы власти, нередко «рассматривали свою основную цель как нечто иное, чем лоббирование. Регистрация и раскрытие информации, в соответствии с ранними законами о лоббировании, были в основном добровольными» [Holman 2008].

Исследование, проведенное Главным бухгалтерским управлением США (GAO) в 1991 г., показало существенные пробелы в законах о лоббировании в выполнении миссии по раскрытию информации⁵. Было выявлено не менее 10 000 незарегистрированных лиц и организаций, чья деятельность должна была быть квалифицирована как лоббистская. Из зарегистрированных «60% сообщили об отсутствии какой-либо финансовой деятельности; 90% — об отсутствии расходов на заработную плату, гонорары или комиссионные; 95% — об отсутствии расходов на связь с общественностью или рекламу; и только 32% зарегистрировавшихся — о конкретном названии или номере законопроекта, лоббируемом ими»⁶. В итоге, несмотря на принятие норм, ориентированных на раскрытие информации об осуществляемой лоббистской деятельности, она преимущественно продолжала оставаться латентной.

Новый этап правового регулирования лоббирования: Закон о раскрытии информации о лоббировании 1995 г.

После десятилетий неспособности достичь целей раскрытия информации о лоббировании Конгресс в конце 1995 г. принял довольно радикальный Закон о раскрытии информации о лоббировании (LDA). Он представлял собой «всеобъемлющую реформу по сравнению с более ранними усилиями по регулированию» [Ibid].

LDA — это нормативный правовой акт, состоящий из 26 статей, основной из которых является статья 3, дающая определение основным терминам, важным для понимания предмета законодательного регулирования. Остановимся на некоторых из них.

Закон о раскрытии информации о лоббировании определяет лоббиста как «любое лицо, нанятое клиентом за финансовую или иную компенсацию за услуги, включающие более одного

³ Federal Regulation of Lobbying Act 1946 // GovTrack.us: Tracking the U.S. Congress [Электронный ресурс]. URL: <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/60/STATUTE-60-Pg812.pdf> (дата обращения: 09.11.2022).

⁴ Там же.

⁵ Federal Lobbying: Federal Regulation of Lobbying Act of 1946 is Ineffective // GAO Report [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gao.gov/products/t-ggd-91-56> (дата обращения: 10.11.2022).

⁶ Там же.

контакта по лоббированию, за исключением лица, чья лоббистская деятельность составляет менее 20 процентов времени, занятого услугами, предоставляемыми таким лицом этому клиенту в течение 3-месячного периода»⁷.

В соответствии со статьей 3 лоббистская деятельность — это «лоббирование контактов и усилия в поддержку таких контактов, включая деятельность по подготовке и планированию, исследовательскую и иную подготовительную работу, которая на момент ее проведения предназначена для использования в контактах, а также координацию лоббистской деятельности других лиц»⁸.

Лоббистский контакт определяется как «любое устное или письменное сообщение (в том числе электронное) уполномоченному должностному лицу исполнительной власти или уполномоченному должностному лицу законодательной власти, сделанное от имени клиента в отношении:

- формулирования, изменения или принятия федерального законодательства (включая законодательные предложения);
- формулирования, изменения или принятия федерального правила, постановления, исполнительного распоряжения или любой другой программы, политики или позиции правительства Соединенных Штатов»⁹.

Статья 4 этого закона говорит о правилах регистрации лоббистов. Организации, которые зарабатывают на лоббировании или тратят на него деньги, должны подавать отчеты в бюро по раскрытию информации Палаты Представителей и Сената примерно через три недели после закрытия календарного квартала. Лоббистские фирмы представляют отчет по каждому клиенту. Компании и другие организации, которые ведут внутренние лоббистские операции, также предоставляют свои собственные отчеты. А те фирмы, которые приняли решение о лоббировании в интересах нового клиента, должны подать заявление на первоначальную регистрацию в течение 30 дней с момента заключения контракта, раскрывая информацию о том, кто тратит деньги, кто занимается лоббированием, о вопросах, которые они планируют лоббировать, с какими департаментами правительства они планируют контактировать и какие люди будут выполнять эту работу.

Ежеквартальные отчеты включают общую сумму расходов и организованы по основным проблемным областям, включающим номера законопроектов и названия любых лоббируемых законодательных актов. Этот дополнительный текст может варьироваться от подробного описания того, какой раздел законопроекта лоббировался, до расплывчатых терминов, таких как «американо-китайские отношения».

Таким образом, можно сделать вывод, что LDA в первую очередь занимался проблемами терминологии, которые не были решены в предшествующем законодательстве о лоббировании. Определения лоббистской деятельности были конкретизированы количественными параметрами, что уменьшило возможность лиц, осуществляющих лоббистские контакты, скрыть их под предлогом приоритета целей деятельности, не относящихся к лоббированию.

Закон о раскрытии информации о лоббировании полезен для всестороннего изучения секторов и отраслей лоббирования на федеральном уровне в США. В то же время нужно отметить, что его требования связаны с некоторыми пробелами. Поскольку данный Закон требует отчетности только для лоббистской деятельности с затратами свыше 20 000 долларов, то не учитывается

⁷ Lobbying Disclosure Act 1995 // Congress.gov [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/congressional-report/104th-congress/house-report/339/1> (дата обращения: 10.11.2022).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

большое количество организаций, которые тратят менее данной суммы. В публикуемых отчетах указана только общая смета лоббистских расходов без указания того, как распределяются их различные компоненты (заработная плата, транспортные расходы, питание и др.). Кроме того, с учетом того, что в своих отчетах лоббисты часто используют расплывчатые формулировки, они не дают ясного представления о конкретных лоббируемых статьях в законопроектах. Более того, определение прямого «лоббистского контакта» ограничивает сферу деятельности, подразумеваемую этим термином, и содержит 19 исключений, что позволяет скрыть большое количество лоббистских актов. Огромное количество взаимодействий остается нерегулируемым, что подрывает прозрачность, к которой американское законодательство о лоббировании стремилось на протяжении всей своей истории.

LDA также был призван создать систему электронной отчетности, которая появилась только после принятия Закона о честном лидерстве и открытом правительстве 2007 года (HOLGA)¹⁰. Современные американские исследователи довольно скептически относятся к данным нормативным актам, считая, что LDA и аналогичные правила лоббирования могут становиться все более устаревшими [Thomas, LaPira 2017].

Современная практика лоббирования

Расходы на лоббирование продолжают расти как на уровне штатов, так и на федеральном уровне: федеральные траты на лоббирование в 2021 году достигли почти 3,8 млрд долларов, что является самым высоким уровнем в номинальном значении за всю историю (Рисунок 1).

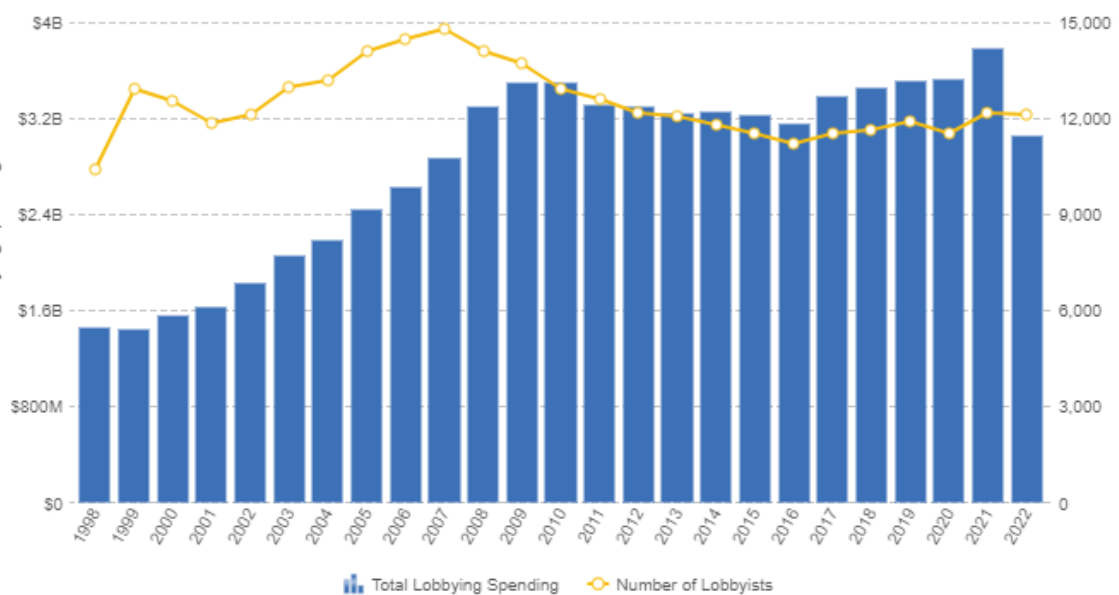

Рисунок 1. Расходы на лоббирование и количество лоббистов в федеральных органах власти США¹¹

¹⁰ Honest Leadership and Open Government Act of 2007 // Congress [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/bills/110th-congress/senate-bill/1> (дата обращения: 15.11.2022).

¹¹ Источник: Lobbying Data Summary // OpenSecrets [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opensecrets.org/federal-lobbying/summary> (дата обращения: 11.11.2022).

Для исследования используются данные с сайта [opensecrets.org](https://www.opensecrets.org)¹², на котором хранится информация о расходах на федеральное и региональное лоббирование по отраслям с 1 января 1998 года по 30 сентября 2021 года. Опираясь на эти данные, подробнее рассмотрим, сколько тратится на лоббирование на разных уровнях управления, выделим самые крупные секторы (Таблица 1), отрасли и попытаемся объяснить причины высоких лоббистских расходов и их влияние на государственную политику.

Таблица 1.Топ-10 федеральных секторов по расходам на лоббирование (2021 год)¹³

Сектор	Всего (доллары США)
Здравоохранение (Health)	700,170,498
Финансы / Страхование / Недвижимость (Finance, Insurance and Real Estate)	530,761,832
Прочие бизнес-организации (Miscellaneous Business)	526,045,603
Связь / Электроника (Communications and Electronics)	497,822,488
Энергетика / Природные ресурсы (Energy & Natural Resources)	331,033,297
Транспорт (Transportation)	266,464,593
Другое (Other)	263,869,444
Идеология / Отдельные вопросы (Ideology/Single-Issue)	182,315,407
Агробизнес (Agribusiness)	153,551,480
Оборона (Defense)	121,764,402

По данным Таблицы 1 видно, что в 2021 году лоббистские расходы в секторе здравоохранения были больше, чем лоббистские расходы любого другого сектора. Организации здравоохранения лоббируют законодателей, чтобы влиять на решения в области государственной политики, которые затрагивают практически все ее направления, включая товары и услуги, лицензирование и надзор, приоритетные медицинские исследования. Необходимо отметить, что США представляют собой пример модели здравоохранения с сильными рыночными механизмами в сочетании с развитой системой государственной поддержки и регулирования [Хальфин, Таджиев 2012; Костяев 2020], что обуславливает важнейшую роль лоббирования в этом секторе.

Хотя на государственную политику в области здравоохранения влияет множество факторов (например, пандемия, особенности политических предвыборных кампаний, результаты научных исследований), высокие лоббистские расходы компаний данного сектора могут указывать на то, что они способны результативно донести свою точку зрения до законодателей. Это в определенной степени объясняет высокие средние зарплаты американских врачей (около 313 тысяч долларов в год)¹⁴ и традиционную проблему отсутствия прозрачности ценообразования на медуслуги. Лоббирование — одна из основных причин дорогого американского

¹² OpenSecrets располагает федеральными данными о лоббировании, представленными в соответствии с Законом о раскрытии информации о лоббировании, и начиная с 1998 года ежегодно отслеживает данные о финансировании избирательных кампаний и лоббировании, основываясь на документах бюро по раскрытию информации Палаты Представителей и Сената США.

¹³ Источник: Ranked Sectors // OpenSecrets [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opensecrets.org/federal-lobbying/ranked-sectors?cycle=2021> (дата обращения: 11.11.2022).

¹⁴ Earnings of physicians in select countries worldwide in 2019 // Statista [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1094939/physician-earnings-worldwide/> (дата обращения: 11.11.2022).

здравоохранения, высокого уровня затрат на медицинское страхование и, следовательно, более высокой доли ВВП, расходуемой на здравоохранение (около 20% от американского ВВП в 2020 году), что значительно превышает показатели в других развитых странах¹⁵.

Если рассматривать более детализированный список отраслей (Таблица 2), то отрасль фармацевтики в секторе здравоохранения тратит на федеральное лоббирование своих интересов больше финансовых средств, чем какая-либо другая отрасль экономики США. В 2021 году на фоне борьбы с пандемией COVID-19 отрасль потратила на лоббирование рекордные 361,1 млн долларов. Это почти на 30% в номинальном выражении больше, чем в 2009 году, когда в Конгрессе и в обществе был разгар дебатов по поводу Закона о защите пациентов и доступном здравоохранении — так называемого Обамасаре. И это на 14% больше, чем в 2020 году, когда началась пандемия коронавируса и потребовалось увеличение федеральных расходов на разработку вакцин против COVID-19 в рамках Операции Warp Speed. При этом, как отмечают сами американские исследователи, данные по расходам в каждой отрасли не отражают все расходы на лоббирование [Schpero et al. 2022].

**Таблица 2. Расходы по отраслям на лоббирование в США, 1998–2021 гг.
(доллары США)¹⁶**

Отрасль	Всего (1998–2022)	2019	2020	2021
Фармацевтические препараты / Товары для здоровья (Pharmaceuticals / Health Products)	5,358,510,452	302,462,092	316,811,801	361,132,231
Страхование (Insurance)	3,370,906,615	158,771,617	166,171,269	193,944,415
Электроника (Electronics Mfg & Equip)	3,021,786,024	158,613,837	156,359,622	153,770,588
Электроэнергетика (Electric Utilities)	2,889,748,814	126,025,359	135,364,593	122,347,243
Бизнес-ассоциации (Business Associations)	2,769,671,360	124,975,466	122,433,111	120,350,282
Нефть и газ (Oil & Gas)	2,620,148,623	120,311,414	116,799,880	120,146,039
Лечебно-профилактические организации (Hospitals/Nursing Homes)	2,149,934,300	110,646,555	112,424,376	120,097,396
Ценные бумаги и инвестиции (Securities & Investment)	2,050,447,286	108,190,800	109,797,077	114,688,010
Телекоммуникационные услуги (Telecom Services)	2,005,106,793	103,993,992	108,367,142	110,664,062
Недвижимость (Real Estate)	2,001,054,246	95,633,015	107,999,837	108,248,177
Образование (Education)	1,947,889,988	93,799,671	107,487,217	101,460,851
Воздушный транспорт (Air Transport)	1,853,793,822	91,098,569	94,333,954	96,825,766
Медицинские работники (Health Professionals)	1,812,751,543	90,852,870	88,148,950	89,230,938

¹⁵ Health expenditure as a percentage of gross domestic product (GDP) in selected countries in 2020 // Statista [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/268826/health-expenditure-as-gdp-percentage-in-oecd-countries/> (дата обращения: 12.11.2022).

¹⁶ Источник: Industries // OpenSecrets [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opensecrets.org/federal-lobbying/industries?cycle=a> (дата обращения: 11.11.2022).

Медицинские услуги / ОПЗ (Health Services/НМОs)	1,554,093,957	89,035,643	81,731,295	86,445,590
Автомобили (Automotive)	1,410,703,774	81,170,987	75,283,414	85,445,300
Телевидение / Фильмы / Музыка (TV/Movies/Music)	1,374,133,688	70,972,072	65,237,225	73,896,672
Разные вопросы (Misc Issues)	1,304,989,680	70,516,315	61,946,553	64,486,888
Оборонно- космическая отрасль (Defense Aerospace)	1,271,513,188	63,174,127	55,015,804	58,372,715

Из основных лоббистских групп в фармацевтике нужно выделить Pharmaceutical Research and Manufacturers of America (PhRMA). PhRMA — отраслевая торговая группа, в состав совета директоров которой входят руководители 30 ведущих мировых наукоемких биофармацевтических компаний. Как видно из данных Таблицы 3, PhRMA в 2021 году оставалась крупнейшим лоббистом в секторе здравоохранения с затратами в 30,4 млн долларов¹⁷. Основные лоббистские приоритеты включали отстаивание интересов фармацевтических компаний в вопросе вакцинации от COVID-19 и сопротивление «огосударствлению» сектора. Деятельность PhRMA также хорошо отражает существование эффекта «вращающейся двери», когда, по данным OpenSecrets, 130 из 195 лоббистов PhRMA в 2022 году ранее занимали государственные должности.

**Таблица 3. Лоббистские расходы компаний из отрасли фармацевтики
в 2021 году (доллары США)¹⁸**

Компания	2021
Pharmaceutical Research & Manufacturers of America	30,406,000
Biotechnology Innovation Organization	13,290,000
Roche Holdings	11,210,000
Pfizer Inc	11,030,000
Amgen Inc	9,750,000
Horizon Therapeutics	9,480,000
Gilead Sciences	8,180,000
Merck & Co	8,010,000
Pharmaceutical Care Management Assn	7,800,361
Eli Lilly & Co	7,515,000
AbbVie Inc	7,000,000
Novartis AG	6,820,000
Johnson & Johnson	6,080,000
Bayer AG	6,070,000

Тесно связанными отраслями в рамках сектора здравоохранения являются отрасль страхования и отрасль лечебно-профилактических организаций. Эта отрасль особенно выиграла в связи с ростом федеральных расходов в рамках борьбы с пандемией COVID-19. В 2021 году учреждения здравоохранения потратили 118,6 млн долларов на лоббирование¹⁹.

¹⁷ Industry Profile: Pharmaceuticals/Health Products // OpenSecrets [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opensecrets.org/federal-lobbying/industries/summary?cycle=2021&id=H04> (дата обращения: 11.11.2022)

¹⁸ Источник: Pharmaceutical Research & Manufacturers of America // OpenSecrets [Электронный ресурс]. URL: https://www.opensecrets.org/orgs/pharmaceutical-research-manufacturers-of-america/summary?topnum_cycle=2022&precipcycle=2020&contribcycle=2020&outspendcycle=2020&id=D000000504&lobcycle=2022 (дата обращения: 11.11.2022).

¹⁹ Industry Profile: Hospitals/Nursing Homes // OpenSecrets [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opensecrets.org/federal-lobbying/industries/summary?cycle=2021&id=H02> (дата обращения: 11.11.2022).

Третьей важной отраслью по тратам на лоббистские расходы является группа IT (программное обеспечение, компьютерное оборудование и полупроводники). В эту группу входят многие из крупнейших компаний, и основными заинтересованными игроками в контроле антимонопольного, цифрового и телекоммуникационного государственного регулирования являются такие IT-гиганты, как Oracle, Microsoft, Qualcomm и Apple. Успех в лоббировании своих интересов позволяет компаниям поддерживать и расширять власть в секторе электронных технологий [Poriel 2018].

В сфере приоритетного внимания лоббистов находится также отрасль коммунальных услуг и особенно энергетика, которая обеспечивает функционирование промышленности, транспорта, остального коммерческого сектора и обслуживает нужды домашних хозяйств. Последнее особенно важно, так как американцы привыкли потреблять дома большое количество энергии и пользоваться энергоемкой техникой. Исследователи связывают это с произошедшими изменениями образа жизни в Соединенных Штатах [Sekar et al. 2018], наглядно проявившимися в период карантина, вызванного пандемией. При этом, в отличие от фармацевтики, в США коммунальные услуги являются строго регулируемой отраслью с тарифами на услуги, утверждаемыми государственными комиссиями. Поэтому активное лоббирование по установлению цен и тарифов является необходимым ключом к реализации успешной бизнес-модели в этой сфере, и отчасти это отражается в различиях розничных цен на электроэнергию в зависимости от штата²⁰.

Сравнительный анализ расходов на лоббистскую деятельность ряда отраслей позволяет сделать вывод: те отрасли и компании, чьи траты выше, чаще добиваются желаемых правительственных решений, чем другие. Известный американский политолог Ф. Фукуяма связывает это с явлением, которое он называет ветократией²¹ — искажение открытого и основанного на запросах граждан политического процесса из-за чрезмерной конкуренции групп и блокирования одних групповых интересов другими вследствие значительного количества ресурсов, выделяемых на лоббистскую деятельность. Политический процесс не справляется с количеством поступающих запросов и на выходе оказывается неспособным генерировать необходимые решения. Ситуация формализуется главным образом количеством слушаний в Конгрессе США по изменениям отраслевых законов.

Авторами были исследованы законопроекты, рассмотренные в Палате Представителей, Сенате и на совместных слушаниях за два периода: 2020–2021 гг. и 2021–2022 гг. Были выделены те отрасли, где размеры затрат на лоббизм наибольшие — здравоохранение и фармацевтика, и те, где затраты наименьшие — сельское хозяйство. Эти секторы экономики курируют соответствующие комитеты Конгресса США: Комитет по методам и средствам, Комитет сельского хозяйства в Палате Представителей и Комитет по здравоохранению, образованию, труду и пенсиям, Комитет по сельскому хозяйству, питанию и лесному хозяйству в Сенате. Данные о количестве проведенных слушаний размещены на официальном веб-сайте Правительства США²².

В Сенате в 2020–2021 гг. вопросам здравоохранения было посвящено 25 слушаний, а сельскому хозяйству — 16; в 2021–2022 гг. обсуждению этих же сфер было посвящено 16 и 11 слушаний соответственно. Аналогичную тенденцию можно наблюдать и в Палате Представителей Конгресса США. Сопоставляя эти данные с приведенными ранее суммами расходов на

²⁰ Electric Power Monthly // Energy Information Administration [Электронный ресурс]. URL: https://www.eia.gov/electricity/monthly/epm_table_grapher.php?t=epmt_5_6_a (дата обращения: 12.11.2022).

²¹ Francis Fukuyama: America is in “one of the most severe political crises I have experienced” // Vox [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vox.com/2016/10/26/13352946/francis-fukuyama-ezra-klein> (дата обращения: 11.11.2022).

²² Congressional Hearings // GovInfo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govinfo.gov/app/collection/chr/116/house/Committee%20on%20Appropriations> (дата обращения: 13.11.2022).

лоббирование, можно сделать вывод: парламентская активность групп интересов прямо зависит от размеров используемых финансовых ресурсов, а ее результат отражается во внимании к проблемам лоббируемых отраслей в рамках проводимых парламентских слушаний. Таким образом, «высокая лоббистская активность одних компаний нарушает существующее статус-кво» [Белоусов 2013, 77], который определяется условиями рынка.

Посредством создаваемых коалиций профессиональные лоббисты могут заблокировать любое решение. Депутаты оказываются под влиянием лоббистов в ситуациях, когда поддержка того или иного законопроекта не является приоритетом для их партии или избирателей штата. Получается, что политики, которые часто не имеют принципиальной позиции по тому или иному вопросу, могут принимать решения исходя из давления группы интересов, поэтому лоббизм становится ключевым фактором, влияющим на принимаемые решения. Однако на изменения в отраслевом балансе интересов в США оказывает влияние не только динамика числа лоббистов и расходов на их деятельность в разных секторах экономики, но и ряд других факторов, связанных с латентными практиками.

Латентные практики политико-административных механизмов лоббирования в США

Среди многочисленных латентных практик выделим несколько в контексте специфики включенных политико-административных механизмов. Это теневое лоббирование, лоббирование, финансируемое налогоплательщиками, «вращающаяся дверь», лоббирование на низовом уровне, астротурфинг.

Теневое лоббирование (shadow lobbying). Физическое лицо или организация может считаться теньвым лоббистом, если участвует в какой-либо лоббистской деятельности, однако утверждает, что не подпадает под требования обязательной регистрации в качестве лоббиста, установленные в законе. Это явление, которое можно назвать «подпольным» [Kollmar, Koen 2017], осуществляемым незарегистрированными лоббистами, распространено, несмотря на существующее законодательное регулирование лоббистской деятельности, и способно оказывать сильное влияние на механизмы принятия решений в пользу клиентов, уменьшая прозрачность системы публичного управления.

«Вращающаяся дверь» (revolving door). Механизм «вращающейся двери» подразумевает переход сотрудников из государственного в частный сектор. Такие лоббисты процветают благодаря внутренним связям и политическим знаниям, которые они приобрели, находясь в правительстве. Эти активы дают бывшим сотрудникам государственных учреждений больше доступа к действующим законодателям, а также работникам аппарата исполнительной власти и к оказанию влияния на них [Strickland 2020]. Лоббистские фирмы активно практикуют наем бывших государственных служащих, что создает почву для конфликтов интересов и этических дилемм, что способствует появлению новых регулятивных норм.

В 2009 г. был издан Исполнительный Указ об этических обязательствах сотрудников исполнительной власти²³. В нем говорится, что те, кто выступал в качестве лоббистов до назначения в любой исполнительный орган, не должны участвовать в каком-либо конкретном вопросе, касающемся конкретных сторон, связанных с их бывшим работодателем или бывшими клиентами, в течение двух лет с даты назначения. Аналогичным образом Указ налагает двухлетнее ограничение на лоббистскую карьеру для лиц, уходящих из правительства.

²³ Executive Order 13490: Ethics Commitments by Executive Branch Personnel // GovInfo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/DCPD-200900004> (дата обращения: 03.11.2022).

Исполнительный Указ об обязательствах по этике назначенных исполнительной властью лиц (от 2017 года) преследовал ту же цель для повышения прозрачности и устранения этических дилемм. Указ заменил двухлетний срок запрета на лоббистскую деятельность после увольнения с должности уполномоченного в любом органе исполнительной власти на пятилетний. Он также требует, чтобы любое назначенное лицо подписало следующее обязательство: «Я не буду в любое время после прекращения моей работы в правительстве Соединенных Штатов заниматься какой-либо деятельностью от имени любого иностранного правительства или иностранной политической партии»²⁴.

Несмотря на попытки ограничить влияние «вращающейся двери», можно говорить об устойчивой связи между участием в лоббистской практике лиц, прошедших через вращающуюся дверь, и извлекаемым доходом их новых корпоративных работодателей [Белоусов 2018, 568].

Лоббирование, финансируемое налогоплательщиками (taxpayer-funded lobbying). Почти во всех отечественных исследованиях лоббизма в США в качестве субъектов влияния обычно рассматриваются частные фирмы, профсоюзные организации и другие заинтересованные группы. Однако при этом в тени оказываются такие важные участники политического рынка, как отдельные государственные учреждения. Для описания их лоббистской деятельности используется понятие taxpayer-funded lobbying — лоббирование, финансируемое налогоплательщиками. Эта деятельность включает механизм использования средств, которые прямо или косвенно поступают в бюджет от налогов и сборов с граждан. Получается, что органы государственной власти, функционирующие за счет налогоплательщиков, могут привлекать за счет ведомственных средств профессиональных лоббистов, продвигающих их интересы в законодательном органе штата или федерации. Парадокс в том, что такая деятельность, ориентированная, как правило, на получение дополнительного финансирования, не будет считаться лоббистской, поскольку ее субъекты не подходят под законодательное определение лоббиста, что создает пробел в государственном регулировании их деятельности.

Одним из ярких примеров такого типа лоббирования являлось финансирование избирательных компаний организацией, получившей финансирование из бюджета городов штата Калифорния. В 2006 году Лига городов Калифорнии способствовала тому, что предложение об ограничении власти правительства штата по принудительному отчуждению было отклонено: эта организация затратила более 30 процентов средств, израсходованных в кампании против этой законодательной инициативы, но отказалась раскрывать источники своего финансирования²⁵.

Некоторые штаты пытаются ограничить действие данного механизма. В марте 2020 года подавляющее большинство республиканских избирателей Техаса поддержали следующее предложение: «Техас должен запретить практику лоббирования, финансируемого налогоплательщиками, которая позволяет тратить ваши налоговые доллары на лоббистов, работающих против налогоплательщиков»²⁶. Но данная норма до сих пор не принята.

В отличие от частных фирм, государственные учреждения могут конкурировать друг с другом за долю доступных ресурсов, не сталкиваясь с ресурсными и финансовыми ограничениями. Лоббирование, финансируемое налогоплательщиками, фактически искажает демократический процесс, подменяя голос граждан голосом отдельных государственных организаций.

²⁴ Executive Order 13770: Ethics Commitments by Executive Branch Appointees // Federal Register [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20170203132941/https://www.federalregister.gov/documents/2017/02/03/2017-02450/ethics-commitments-by-executive-branch-appointees> (дата обращения: 03.11.2022).

²⁵ Taxpayer-funded lobbying // Ballotpedia [Электронный ресурс]. URL: https://ballotpedia.org/Taxpayer-funded_lobbying (дата обращения: 23.11.2022).

²⁶ Taxpayer-Funded Lobbying // Texas Public Policy Foundation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.texaspolicy.com/leggetaxpayerlobby/> (дата обращения: 23.11.2022).

Вместо того, чтобы взаимодействовать с гражданскими лоббистами, законодатели сталкиваются с влиятельными голосами из других ветвей власти, каждая из которых настаивает на продвижении своих собственных интересов, регулярно и явно расходящихся с интересами граждан.

Лоббирование на низовом уровне (grassroots lobbying). Данный тип лоббирования отличается от других применяемыми методами: используются не профессионалы для непосредственного контакта с лицами, принимающими решения, а разные методы для вовлечения избирателей в процесс взаимодействия с властными структурами, чтобы транслировать позицию клиента. К ним относятся призыв избирателям звонить, отправлять письма, совершать личные визиты, а также участвовать в протестных акциях. Лоббирование на низовом уровне должно показать парламентариям, что избиратели готовы предпринять действия по донесению информации о предпочтениях по тому или иному вопросу. В то время как некоторые низовые стратегии малозатратны (например, электронная почта), другие могут потребовать значительного времени и денег. К типичным расходам относят: газетную рекламу в поддержку предлагаемого законодательства; наем человека для организации общественных собраний, чтобы повлиять на действия по вопросам, рассматриваемым законодательным органом; создание и ведение веб-сайтов; покупку списков адресов электронной почты или наем кого-то для проведения других онлайн-активностей; наем сборщиков подписей для распространения петиций об инициативе в законодательный орган. Относительно доступные способы лоббирования интересов большой группы людей могут ставить перед законодателями вопрос о доверии как об одном из ключевых в подобных компаниях [Cluverius 2017].

При внесении поправок в LDA в 2007 г. Сенат пытался ввести в действие статутные акты, регулирующие «массовое лоббирование», но от этой попытки отказались на том основании, что такие нормы могут нарушить конституционное право на подачу петиции, гарантированное Первой поправкой к Конституции США.

Астротурфинг (astroturf). Считается, что регулирование «массового лоббирования» на законодательном уровне может помочь противостоять такому явлению, как астротурфинг. Лоббист-astroturf — это тот, кому платит, предположительно, крупная организация, профсоюз, корпорация, торговая ассоциация за то, чтобы он обеспечил видимость массовой поддержки или оппозиции конкретному законодательному акту или правительственному решению. Обычно инициаторами проведения подобных кампаний выступают влиятельные коммерческие организации или лоббистские фирмы, нанятые корпоративными клиентами. Ниже представлены примеры ситуаций, которые можно идентифицировать как астротурфинг.

Самопровозглашенная «национальная массовая кампания» под названием Save Our Species Alliance (SOSA) была проведена в 2004 году. Несмотря на транслируемое направление деятельности (защита экологии), инициаторы оказались не группой, занимающейся защитой исчезающих животных, а «антиэкологичной коалицией организаций, заинтересованных в ослаблении Закона об исчезающих видах»²⁷. Из-за ложного имиджа SOSA как группы заинтересованных граждан этот альянс является архетипом астротурфинговой кампании.

Типичным примером также является фальсификация не только голосов избирателей на выборах различного уровня, но и их личных данных, в частности подписей, при направлении писем как в печатной, так и в электронной форме представителям власти. Организация такой деятельности преследует цель мистификации поддержки со стороны общества, видимость которой может привлечь к лоббируемому вопросу уже не мнимое, а реальное внимание разных

²⁷ Astroturf Lobbying: Technically Legal, Ethically Dubious // Medium [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/@cleodan/astroturf-lobbying-technically-legal-ethically-dubious-124b929a4830> (дата обращения: 24.11.2022).

групп людей, в том числе некоммерческих организаций, что создаст шанс включения вопроса в государственную повестку и увеличит вероятность принятия нужного клиенту решения. В данном случае налицо различия между понятиями «массовое лоббирование» и «астротурфинг». Для последнего общественная поддержка может быть иллюзорной, но эффективной, что демонстрирует силу латентных механизмов.

Изучение современных тенденций лоббизма в США приводит к выводу о формировании иерархии механизмов лоббирования. Ее вершину занимают наиболее часто встречающиеся способы продвижения интересов профессиональными лоббистами, зарегистрированными в соответствии с законодательством. «При невозможности решить вопрос в стенах парламента подключается внешнее воздействие общественных организаций, которые оказывают содействие в организации грассрутс-кампаний» [Белоусов 2013, 83], которые, в свою очередь, могут перерасти в астротурфинг. В результате появляются «серые зоны» в регулировании лоббистской деятельности, эффекты которых существенно искажают декларируемую «свободную игру политических сил» при подготовке государственных решений. На взгляд авторов, эти «серые зоны» ошибочно сводить к роли неформальных «двойников», сокращающих транзакционные издержки на рынках общественных коммуникаций [Левичева 2021, 50]. Формальный и неформальный лоббизм являются «взаимодополняемыми видами деятельности» лишь с позиций интересов корпоративных структур. Однако при рассмотрении лоббизма как публичного института выявляются разрывы между встроенными в механизм данного института регулятивными нормами и его реальным местом в функциональном представительстве интересов. Если использовать известную типологию формальных и неформальных институтов Г. Хелмке и С. Левитски, то в практике лоббизма в США наблюдается скорее конкурирующий способ взаимодействия между формальными и неформальными институтами [Helmke, Levitsky 2004].

Сравнительное изучение лоббирования на региональном уровне

В предыдущих частях статьи лоббирование рассматривалось как институт публичного управления общенационального уровня. Задача этой части исследования — представить в сравнительной перспективе развитие лоббирования на региональном уровне с учетом особенностей регулятивной деятельности правительств американских штатов.

Выше было отмечено, что американское законодательство определяет лоббиста как лицо или организацию, занимающуюся лоббированием от имени другого лица за определенную компенсацию, но ее рамки варьируются от штата к штату. В штатах могут быть разные правила относительно того, сколько необходимо потратить, прежде чем потребуются раскрыть информацию. Они самостоятельно устанавливают пороговые значения вознаграждения, так что физическое лицо обязано зарегистрироваться только после получения декларируемой суммы.

При анализе публичных данных, выложенных в Интернет, можно сделать вывод, что только 19 из 50 штатов открывают для общественности данные о расходах на лоббирование. Именно эти штаты можно причислить к категории «высокоорганизованных», имеющих наивысшие значения показателей раскрытия информации о лоббировании²⁸. В этих штатах любой гражданин может получить информацию о лоббистских расходах и обратиться к своему правительству, уполномоченным лицам законодательной и исполнительной власти для выражения своего мнения или жалоб.

²⁸ State-level lobbyist spending in 2021 // FollowTheMoneyG [Электронный ресурс]. URL: [https://www.followthemoney.org/show-me?dt=3&lby-y=2021&lby-f-fc=2&lby-f-fc=2#\[%7B1%7Cgro=lby-y.lby-s](https://www.followthemoney.org/show-me?dt=3&lby-y=2021&lby-f-fc=2&lby-f-fc=2#[%7B1%7Cgro=lby-y.lby-s) (дата обращения: 11.11.2022).

Авторы провели сравнительный анализ регионов, сопоставив затраты на лоббизм и валовой региональный продукт. На основе открытых данных по лоббистским тратам в 19 штатах и официальных данных от Бюро экономического анализа (ВЕА)²⁹ была составлена сводная Таблица 4 с общими тратами на лоббизм в отдельном штате в соотношении с валовым региональным продуктом (ВРП) в 2021 году. Таблица 4 показывает наличие сильной положительной корреляции между этими показателями. Соответственно, в наиболее экономически развитых американских штатах расположены наиболее могущественные лобби.

Таблица 4. Расходы на лоббизм и показатели ВРП по штатам в 2021 г.³⁰

Штат	Расходы на лоббизм (доллары США)	ВРП (доллары США)	Соотношение
Калифорния	392 466 601	3 373 241	0,009
Нью-Йорк	309 354 575	1 901 297	0,006
Техас	260 349 454	2 051 769	0,008
Флорида	258,061,000	1255 558	0,005
Массачусетс	109,024,649	641 332	0,006
Нью-Джерси	93,736,143	682 946	0,007
Вашингтон	72,932,787	677 489	0,009
Колорадо	56,729,317	436 359	0,008
Коннектикут	54,994,450	298 395	0,005
Орегон	45,647,174	272 191	0,006
Мичиган	44,423,618	572 206	0,013
Висконсин	35,369,306	368 611	0,010
Южная Каролина	22,089,763	269 802	0,012
Небраска	21,282,003	146 285	0,007
Кентукки	20,802,274	237 182	0,011
Айова	20,137,910	216 860	0,011
Аляска	19,260,343	57 349	0,003
Вермонт	9,900,732	37 104	0,004
Мэн	4,437,990	77 963	0,018

Для дальнейшего исследования регионального регулирования лоббистской деятельности выбран самый развитый штат — Калифорния, в котором с начала нового тысячелетия ВРП увеличился почти в два раза: с 1,71 трлн долларов в 2000 году до 3,37 трлн долларов в 2021 году.

Вторым штатом для сравнительного исследования был выбран штат Вашингтон, имеющий схожую с Калифорнией структуру региональной экономики и близкие показатели ВРП на душу населения. Сравнительное исследование опыта данных штатов по регулированию лоббизма позволит выяснить те особенности, которые влияют на конкурентные преимущества в борьбе за инвестиционные ресурсы.

Кроме того, использовались показатели уровня коррупции в законодательных органах штатов, имеющиеся в работе [Dincer, Johnston 2015]. Коррупция в Калифорнии оценена авторами указанного исследования в 4 балла, что означает высокий уровень распространения. Коррупция в штате Вашингтон была оценена в 2 балла — незначительно распространенное явление.

²⁹ Gross Domestic Product 2021 // The Bureau of Economic Analysis [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bea.gov/data/gdp/gross-domestic-product> (дата обращения: 12.11.2022).

³⁰ Составлено авторами на основе данных ВЕА и анализа интернет-источников по теме исследования.

Лоббистская деятельность в Калифорнии регулируется Законом о политической реформе (PRA)³¹. Одно из основных положений данного закона требует точного раскрытия информации о взносах на предвыборную кампанию и расходах во время выборов. Закон обязывал политических кандидатов и их штабы вести тщательный учет средств, выделяемых на их предвыборную кампанию, и использовать их только в законодательно выверенных рамках. PRA накладывает ограничения на лоббистов, «получавших непропорционально большое влияние на правительственные решения». С принятием нового закона административные действия чиновников штатских и местных органов оказались в сфере контроля калифорнийской общественности и специально созданного органа — Комиссии по справедливой политической практике.

Однако и в данном случае публичное регулирование имеет свои пробелы. В Калифорнии существует такое понятие, как «опровержимая презумпция» (*rebuttable presumption*), когда для доказательства расходования средств в целях оказания влияния на законодательные или административные действия нужно установить определенные факты, например физическое лицо получает или имеет право на получение компенсации от клиента за услуги, которые включают прямое общение с соответствующим государственным должностным лицом с целью повлиять на действия.

Эти требующие многочисленных доказательств факты лоббистского контакта значительно ограничивают регулятивные возможности законодательства и, следовательно, позволяют находить пути легального обхода закона, входить в зону теневого лоббизма. К этому можно добавить большое число исключений, когда, например, к лоббистам нельзя причислять лиц, лоббирующих на безвозмездной основе: работников СМИ, имеющих контакты с представителями власти с целью сбора и распространения информации для массовой аудитории; деятелей церкви, имеющих цель защиты права исповедовать доктрины этой церкви, и ряд других категорий потенциальных лоббистов.

Правила отчетности в калифорнийском законодательстве также достаточно мягкие. Отчеты не требуются за любой календарный квартал, в котором лоббисты не тратят 5000 долларов США или в случае расходов всей этой суммы «на деятельность». Работодатель-лоббист сам рассчитывает квартальные расходы и категорию платежей отдельно.

Таким образом, можно сделать вывод, что регулирование лоббистской деятельности в Калифорнии имеет серьезные пробелы, позволяющие в рамках публично регулируемой лоббистской деятельности использовать латентные механизмы влияния на политику правительства штата.

Кодекс штата Вашингтон³² определяет лоббирование как попытку повлиять на принятие или отклонение какого-либо акта законодательным собранием штата или принятие или отклонение любого правила, стандарта, нормы или другого акта любым другим государственным органом. При этом Закон штата Вашингтон широко трактует лоббиста как любое лицо, лоббирующее от своего имени либо от имени другого лица.

Все работодатели-лоббисты должны вести подробный учет времени, которое сотрудники тратят на лоббирование, с указанием того, какие вопросы лоббировались и какие расходы на лоббирование были понесены. Лоббист, нанятый более чем одним работодателем, должен указать долю расходов, понесенных от имени каждого работодателя. Лоббисты и работодатели-лоббисты должны подавать ежемесячные отчеты не позднее 15-го числа следующего месяца.

³¹The Political Reform Act // California Fair Political Practices Commission website [Электронный ресурс]. URL: https://www.csuci.edu/hr/hr_documents/2010_Political_Rfrm_Act_of_1974.v2%5B1%5D.pdf (дата обращения: 13.11.2022).

³² 2021 Revised Code of Washington (RCW) // Justia [Электронный ресурс]. URL: <https://law.justia.com/codes/washington/2021/> (дата обращения: 14.11.2022).

При этом такой отчет должен содержать общую сумму всех расходов на лоббистскую деятельность, произведенных или понесенных лоббистом в течение месяца с разбивкой по следующим категориям: все расходы, связанные с лоббистской деятельностью с личным присутствием, включая заработную плату и командировочные расходы; расходы на консультантов или подрядчиков, нанятых агентством для оказания помощи в лоббистской деятельности; расходы на питание, развлечения и досуг; другие расходы или услуги.

В отчетах должен указываться также список конкретных законопроектов, законодательных актов, административных актов, действий, в поддержку которых или против которых лоббист участвовал в течение отчетного периода. Кроме ежемесячных отчетов, лоббисты-работодатели должны подавать годовой отчет с указанием суммированных месячных расходов с указанием дополнительных расходов, которые не входили в месячные отчеты.

Все вышеуказанные особенности регулирования лоббистской деятельности в штате Вашингтон свидетельствуют о его более жестком характере по сравнению с Калифорнией. Детализированные требования вместе с уголовным наказанием за взяточничество способствуют снижению коррупции и позволяют получать обширную информацию о лоббистской деятельности. Публикация таких данных в открытом доступе повышает общественное доверие к органам государственной власти и компаниям, действующих в данном регионе.

При этом штат Вашингтон является одним из лучших штатов для ведения бизнеса в США. В 2022 году он значительно превзошел Калифорнию и другие экономически развитые штаты в рейтинге инвестиционной привлекательности³³. Конечно, на экономические успехи штата оказали влияние многие факторы за рамками регулятивной системы, тем не менее последняя является одним из ключевых политико-административных механизмов честной конкуренции.

Заключение

Лоббизм в США как институт формировался в течение десятилетий и в настоящее время является неотъемлемой составной частью публичного управления. В этой стране отдельные граждане и группы интересов лоббируют выборных политиков и правительственных чиновников, пытаясь влиять на законодательство и административный процесс. В то же время регулятивные механизмы лоббирования на государственном уровне (особенно в отношении регистрации лоббистов, определения субъекта и объектов лоббирования) имеют большие пробелы, не позволяющие получать информацию о попытках влиять на процесс принятия государственных решений. Между тем астротурфинг, эффект «вращающейся двери», влияние с целью продвижения своих интересов одних органов государственной власти на другие играют важную роль в процессе принятия государственных решений в США, но остаются при этом за рамками регулятивных норм и являются типичными примерами включения латентных механизмов в функционирование публичного института, что существенно искажает его легально формализованные цели и инструменты.

Проведенное исследование позволило выявить связь между объемом затрат на лоббизм и результативностью влияния на изменения в законодательстве и принятие соответствующих решений. Такой вывод был сделан исходя из количества парламентских слушаний, посвященных тематике определенного сектора экономики: чем больше компаний данного сектора тратят на лоббирование, тем чаще волнующие их вопросы рассматриваются в Конгрессе.

³³ America's Top States for Business 2022: The full rankings // CNBC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnbc.com/2022/07/13/americas-top-states-for-business-2022-the-full-rankings.html> (дата обращения: 14.11.2022).

Это обуславливает появление ветократии, когда усилие одних групп интересов блокируется другими и в итоге создается неустойчивый баланс сил в рамках всего политико-административного процесса. Причем этот баланс серьезно искажает приоритеты общественно значимых интересов, поскольку является результирующим размером трат на лоббирование.

Все выделенные латентные формы объединяет способность выступать продолжением публичных механизмов института лоббизма, ориентированных на проведение частных интересов потенциальных бенефициаров государственных решений. Эти формы не позиционируются в публичном пространстве, но оказывают влияние на содержание принимаемых законодательными и исполнительными органами решений, значимых для заинтересованных групп. В итоге, выступая формальным институтом публичного управления в США, лоббизм стал удобной ширмой использования латентных механизмов.

Было проведено сравнительное исследование регулирования лоббистской деятельности в наиболее экономически развитых регионах США: Штатах Калифорния и Вашингтон. Изучены нормативные основы и особенности регулирования в этих штатах: мягкое регулирование в Калифорнии («опровержимая презумпция», расширенный список исключений) и более жесткое в Вашингтоне (определение лоббиста, лоббирование на низовом уровне и более строгие требования к отчетности). На взгляд авторов, особенности регулирования лоббизма, включающие систему норм, вытесняющих латентные лоббистские практики за пределы функционирования публичного института, влияют на экономическое развитие региона и его инвестиционную привлекательность.

Список литературы:

- Белоусов А.Б. Современная практика лоббизма в США // Антиномии. 2013. № 2. С. 69–86.
- Белоусов А.Б. Проблема вращающихся дверей в США: между лоббизмом и институциональной коррупцией // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. 2018. № 1. С. 564–576. DOI: [10.17506/articles.anticorruption.2018.564576](https://doi.org/10.17506/articles.anticorruption.2018.564576)
- Горовая Я.И., Кремянская Е.А. Лоббизм: его роль и влияние на механизм власти США // Право и управление. XXI век. 2022. № 18(1). С. 63–72. DOI: [10.24833/2073-8420-2022-1-62-63-72](https://doi.org/10.24833/2073-8420-2022-1-62-63-72)
- Зяблюк Н.Г. Лоббизм в США как политический институт // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 1. С. 51–56.
- Костяев С.С. Американские специалисты о системе здравоохранения в США // ЭСПР. 2020. № 3. С. 114–136. DOI: [10.31249/espr/2020.03.06](https://doi.org/10.31249/espr/2020.03.06)
- Кремянская Е.А. Правовые аспекты регулирования лоббизма в Соединенных штатах Америки и Канаде // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2(35). С. 161–168. DOI: [10.24833/2071-8160-2014-2-35-161-168](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-161-168)
- Кугай А.И., Давыдов А.Б. Модели лоббистских практик в морской деятельности США и стран Европы // Управленческое консультирование. 2022. № 2. С. 20–32. DOI: [10.22394/1726-1139-2022-2-20-32](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-2-20-32)
- Левичева В.Ф. Институциональные и неформальные практики лоббизма: проблема разделения и интерпретации // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 50–60. DOI: [10.31857/S013216250017165-4](https://doi.org/10.31857/S013216250017165-4)
- Мельков С.А., Ножка С.М., Чумаченко А.П. Сравнительный анализ института лоббизма в России и США // Власть. 2018. № 5. С. 45–51. DOI: [10.31171/vlast.v26i5.5820](https://doi.org/10.31171/vlast.v26i5.5820)

- Павроз А.В. Институт лоббизма в современных демократических обществах // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 3. С. 158–169.
- Руденкин В.Н. Лоббизм, группы интересов и коррупция в США // Вестник УИЭУиП. 2008. № 4(5). С. 76–92.
- Хальфин Р.А., Таджиев И.Я. Организация здравоохранения в США. Часть 1 // Менеджер здравоохранения. 2012. № 9. С. 35–47.
- Cluverius J. How the Flattened Costs of Grassroots Lobbying Affect Legislator Responsiveness // Political Research Quarterly. Vol. 70. Is. 2. 2017. P. 279–290.
- Dincer O., Johnston M. Measuring Illegal and Legal Corruption in American States: Some Results from the Edmond J. Safra Center for Ethics Corruption in America Survey // Edmond J. Safra Working Papers. 2015. № 58. DOI: [10.2139/ssrn.2579300](https://doi.org/10.2139/ssrn.2579300)
- Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics. Vol. 2. Is. 4. 2004. P. 725–740. DOI: [10.1017/S1537592704040472](https://doi.org/10.1017/S1537592704040472)
- Holman C. Lobbying Reform in the United States and the European Union: Progress on Two Continents // Public Citizen. 2008. URL: <https://www.citizen.org/wp-content/uploads/lobbying-reform-in-the-us-eu.pdf>
- Kollmar L., Koen R. Lobbying against Democracy // Journal of Anti-Corruption Law. 2017. Vol. 1. Is. 1. P. 9–45.
- Popiel P. The Tech Lobby: Tracing the Contours of New Media Elite Lobbying Power // Communication, Culture and Critique. 2018. Vol. 11. Is. 4. P. 566–585. DOI: [10.1093/ccc/tcy027](https://doi.org/10.1093/ccc/tcy027)
- Sekar A., Williams E., Chen R. Changes in Time Use and Their Effect on Energy Consumption in the United States // Joule. 2018. Vol. 2. Is. 3. P. 521–536. DOI: [10.1016/j.joule.2018.01.003](https://doi.org/10.1016/j.joule.2018.01.003)
- Schpero W.L., Wiener T., Carter S., Chatterjee P. Lobbying Expenditures in the US Health Care Sector, 2000–2020 // JAMA Health Forum. 2022. Vol. 3. Is. 10. DOI: [10.1001/jamahealthforum.2022.3801](https://doi.org/10.1001/jamahealthforum.2022.3801)
- Spak M. America for Sale: When Well-Connected Former Federal Officials Peddle Their Influence to the Highest Foreign Bidder—A Statutory Analysis and Proposals for Reform of the Foreign Agents Registration Act and the Ethics in Government Act // Kentucky Law Journal. 1989. Vol. 78. Is. 2. P. 237–292.
- Strickland J.M. The Declining Value of Revolving-Door Lobbyists: Evidence from the American States // American Journal of Political Science. 2020. Vol. 64. Is. 1. P. 67–81.
- Thomas H., LaPira T. How Many Lobbyists Are in Washington? Shadow Lobbying and the Gray Market for Policy Advocacy // Interest Groups & Advocacy. 2017. Vol. 6. P. 199–214. DOI: [10.1057/s41309-017-0024-y](https://doi.org/10.1057/s41309-017-0024-y)
- You H.Y. Foreign Agents Registration Act: A User's Guide // Interest Groups & Advocacy. 2020. Vol. 9. P. 302–316. DOI: [10.1057/s41309-020-00100-1](https://doi.org/10.1057/s41309-020-00100-1)

References:

- Belousov A.B. (2013) Contemporary Practice of Lobbying in USA. *Antinomii*. No. 2. P. 69–86.
- Belousov A.B. (2018) Problem of Revolving Door in the US: Between Lobbies and Institutional Corruption. *Aktual'nyye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsii*. No. 1. P. 564–576. DOI: [10.17506/articles.anticorruption.2018.564576](https://doi.org/10.17506/articles.anticorruption.2018.564576)
- Cluverius J. (2017) How the Flattened Costs of Grassroots Lobbying Affect Legislator Responsiveness. *Political Research Quarterly*. Vol. 70. Is. 2. 2017. P. 279–290.
- Dincer O., Johnston M. (2015) Measuring Illegal and Legal Corruption in American States: Some Results from the Edmond J. Safra Center for Ethics Corruption in America Survey. *Edmond J. Safra Working Papers*. No. 58. DOI: [10.2139/ssrn.2579300](https://doi.org/10.2139/ssrn.2579300)

- Gorovaya Y.I., Kremyanskaya E.A. (2022) Lobbying: Its Role in and Impact on the US Government System. *Pravo i upravleniye. XXI vek*. No. 18(1). P. 63–72. DOI: [10.24833/2073-8420-2022-1-62-63-72](https://doi.org/10.24833/2073-8420-2022-1-62-63-72)
- Halfin R.A., Tadzhev I.Y. (2012) Health System in the USA. *Part 1. Menedzher zdavookhraneniya*. No. 9. P. 35–47.
- Helmke G., Levitsky S. (2003) Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. *Perspectives on Politics*. Vol. 2. Is. 4. 2004. P. 725–740. DOI: [10.1017/S1537592704040472](https://doi.org/10.1017/S1537592704040472)
- Holman C. (2008) Lobbying Reform in the United States and the European Union: Progress on Two Continents. *Public Citizen*. Available: <https://www.citizen.org/wp-content/uploads/lobbying-reform-in-the-us-eu.pdf>
- Kollmar L., Koen R. (2017). Lobbying against Democracy. *Journal of Anti-Corruption Law*. Vol. 1. Is. 1. P. 9–45.
- Kostiaev S.S. (2020) American Experts about U.S. Healthcare System. *ESPR*. No. 3. P. 114–136. DOI: [10.31249/espr/2020.03.06](https://doi.org/10.31249/espr/2020.03.06)
- Kremyanskaya E.A. (2014) Legal Aspects of Regulating Lobbying in the United States of America and Canada. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 2(35). P. 161–168. DOI: [10.24833/2071-8160-2014-2-35-161-168](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-161-168)
- Kugay A.I., Davidov A.B. (2022) Models of Lobbying Practices in Maritime Affairs of USA and European Countries. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye*. No. 2. P. 20–32. DOI: [10.22394/1726-1139-2022-2-20-32](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-2-20-32)
- Levicheva V.F. (2021) Institutional and Informal Lobbying Practices: The Problem of Separation and Interpretation. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 10. P. 50–60. DOI: [10.31857/S013216250017165-4](https://doi.org/10.31857/S013216250017165-4)
- Mel'kov S.A., Nozhka S.M., Chumachenko A.P. (2018) Comparative Analysis of the Lobbying Institute in Russia and the USA. *Vlast'*. No. 5. P. 45–51. DOI: [10.31171/vlast.v26i5.5820](https://doi.org/10.31171/vlast.v26i5.5820)
- Pavroz A.V. (2014) Institute of Lobbying in Contemporary Democratic Societies. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. Vol. 10. No. 3. P. 158–169.
- Popiel P. (2018) The Tech Lobby: Tracing the Contours of New Media Elite Lobbying Power. *Communication, Culture and Critique*. Vol. 11. Is. 4. P. 566–585. DOI: [10.1093/ccc/tcy027](https://doi.org/10.1093/ccc/tcy027)
- Rudinkin V.N. (2008) Lobbyism, Groups of Interests and Corruption in the USA. *Vestnik UIEUiP*. No. 4(5). P. 76–92.
- Sekar A., Williams E., Chen R. (2018) Changes in Time Use and Their Effect on Energy Consumption in the United States. *Joule*. Vol. 2. Is. 3. P. 521–536. DOI: [10.1016/j.joule.2018.01.003](https://doi.org/10.1016/j.joule.2018.01.003)
- Schpero W.L., Wiener T., Carter S., Chatterjee P. (2022) Lobbying Expenditures in the US Health Care Sector, 2000–2020. *JAMA Health Forum*. Vol. 3. Is. 10. DOI: [10.1001/jamahealthforum.2022.3801](https://doi.org/10.1001/jamahealthforum.2022.3801)
- Spak M. (1989) America for Sale: When Well-Connected Former Federal Officials Peddle Their Influence to the Highest Foreign Bidder - A Statutory Analysis and Proposals for Reform of the Foreign Agents Registration Act and the Ethics in Government Act. *Kentucky Law Journal*. Vol. 78. Is. 2. P. 237–292.
- Strickland J.M. (2020). The Declining Value of Revolving-Door Lobbyists: Evidence from the American States. *American Journal of Political Science*. Vol. 64. Is. 1. P. 67–81.
- Thomas H., LaPira T. (2017) How Many Lobbyists Are in Washington? Shadow Lobbying and the Gray Market for Policy Advocacy. *Interest Groups & Advocacy*. Vol. 6. P. 199–214. DOI: [10.1057/s41309-017-0024-y](https://doi.org/10.1057/s41309-017-0024-y)
- You H.Y. (2020) Foreign Agents Registration Act: A User's Guide. *Interest Groups & Advocacy*. Vol. 9. P. 302–316. DOI: [10.1057/s41309-020-00100-1](https://doi.org/10.1057/s41309-020-00100-1)
- Zyablyuk N.G. (1995) Lobbizm v SShA kak politicheskiy institut [Lobbying in the USA as a political institution]. *SShA: ekonomika, politika, ideologiya*. No. 1. P. 51–56.

Общероссийская гражданская идентичность: концептуальные основы и региональное воплощение

Полунов Александр Юрьевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: polunov@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [5065-8701](#)

ORCID ID: [0000-0002-4484-6003](#)

Аннотация

Статья посвящена анализу представлений о значении общероссийского гражданского самосознания, отразившихся в официальных документах, а также современному состоянию гражданской идентичности на материале отдельных регионов России. В качестве объекта анализа были выбраны субъекты федерации, относящиеся к Северо-Кавказскому федеральному округу (СКФО), где по-прежнему сильны негативные тенденции, связанные с политизацией этничности. Предпринятый учеными региона анализ нормативных правовых актов субъектов СКФО показывает, что в целом в политике идентичности на местах общероссийский и этнокультурный компоненты занимают равное положение. Вместе с тем в законах, посвященных образовательной, культурной и языковой политике, налицо перевес положений, институционализирующих этничность. По мнению целого ряда экспертов, общероссийская идентичность выражена по-разному в сознании жителей различных субъектов СКФО. Ее позиции сильны в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Ставропольском крае и Северной Осетии — Алании, менее заметны в Дагестане, Чечне и Ингушетии. Ряд исследователей отмечает, что главным фактором единства нации для жителей СКФО является наличие общего государства. В статье анализируются препятствия, которые стоят на пути укрепления общероссийской гражданской идентичности на Северном Кавказе. К ним относятся недостаточная проработанность содержательной стороны общероссийского самосознания и глубокие противоречия в понимании общего прошлого народов России. Делается вывод, что общероссийская гражданская идентичность в представлениях части населения региона укоренена недостаточно прочно и зачастую вступает в противоречие с иными формами самосознания. Негативное влияние на укрепление гражданской идентичности оказывает нарушение единых для всего населения правовых норм, клановость, коррупция, недостаток социальных лифтов и др. Все это обуславливает необходимость целенаправленной работы по исправлению недостатков, в которой должны совместно участвовать представители различных государственных ведомств, общественных организаций и научно-экспертного сообщества.

Ключевые слова

Государственное единство, гражданское самосознание, идентичность, этнос, культура, религия, Северо-Кавказский федеральный округ.

All-Russian Civic Identity: Conceptual Foundations and Regional Implementation

Alexander Yu. Polunov

DSc (Historical Sciences), Professor, Head of Department of Interethnic and Interfaith Relations Management, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: polunov@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-4484-6003](#)

Abstract

The article investigates the evolution of ideas concerning the importance of all-Russian civic consciousness reflected in official documents, as well as the current state of civic identity based on the material of individual regions of Russia. The subjects of the federation belonging to the North Caucasian Federal District, where negative trends associated with the political role of ethnicity are still strong, were chosen as the object of analysis. The results of a content analysis made by regional scholars led to the conclusion that, in general, the all-Russian and ethno-cultural components occupy an equal position in local identity politics. At the same time, in the laws on educational, cultural and language policy, there is a preponderance of provisions that institutionalize the ethno-cultural component. According to experts, the all-Russian identity prevails in Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia, Stavropol Territory and North Ossetia — Alania. Its position is much weaker in Dagestan, Chechnya and Ingushetia. A number of researchers note that the main factor in the unity of the nation for the residents of the North Caucasian Federal District is the existence of a common state. The article analyzes the obstacles that hamper development of the all-Russian civic identity in the North Caucasus. These are, for example, the lack of the clear notions related to the contents of the civic identity and deep contradictions in understanding the common past of Russia. The all-Russian civic identity is not firmly rooted in the minds of the population and often conflicts with other forms of self-consciousness. The negative impact on the strengthening of civic identity has a violation of legal norms, clannishness, corruption, lack of social lifts, etc. All this necessitates targeted work to correct shortcomings, in which representatives of various government departments, societal organizations and expert community should unify their endeavors.

Keywords

State unity, civic consciousness, identity, ethnos, culture, religion, North Caucasian Federal District.

Введение

При всем значении институциональных и правовых инструментов поддержания государственного единства важнейшей его опорой в современном мире остается гражданское самосознание — разделяемые большинством населения «солидарность и повседневная лояльность, чувство принадлежности к одному народу и признание государства своим» [Тишков 2013, 22]. Базовый документ, в котором обозначены основы деятельности государства в сфере регулирования межнациональных отношений, — Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, которая определяет общероссийскую гражданскую идентичность как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества». Общероссийское самосознание подчеркивается в Стратегии и опирается «на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию». В его основе лежит «единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации», уважении самобытных традиций населяющих страны этнических групп¹.

Укрепление гражданского единства и гражданского самосознания, сохранение самобытности многонационального народа России отнесены Стратегией к числу основных приоритетов и целей национальной политики. Учитывая важность данного направления деятельности государства, необходимо рассмотреть отразившуюся в официальных документах эволюцию представлений о значении общероссийского гражданского самосознания, механизмах его укрепления, а также проанализировать современное состояние гражданской идентичности на материале отдельных регионов России.

Мысль о важности опоры на определенные идейные основы, духовно-нравственные ценности при поддержании государственного единства последовательно прослеживается в основополагающих государственных документах, в частности в посланиях главы государства Федеральному собранию с начала 2000-х гг.² Так, в послании 2005 г. обращалось внимание на то, что исторически в России уровень нравственности «являлся весьма значимой шкалой и критерием репутации людей как на рабочем месте, так и в обществе, и в быту»³. Спустя два года Президент подчеркнул, что «духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности — это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность». Общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные задачи, «когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и ценностям, к памяти своих предков»⁴. «Мы должны... укреплять прочную духовно-нравственную основу общества», — подчеркнул В.В. Путин в своем послании 2012 г. Культура и образование, отметил Президент, — «это не набор услуг, а прежде всего пространство для формирования нравственного, гармоничного человека, ответственного гражданина России»⁵.

¹ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями на 6 декабря 2018 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 24.10.2022).

² Подробный анализ данных материалов см. в статье: [Федякин 2021].

³ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 25 апреля 2005 года // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата обращения: 24.10.2022).

⁴ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 26 апреля 2007 года // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24203> (дата обращения: 24.10.2022).

⁵ Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 24.10.2022).

Одновременно с акцентом на важность духовно-нравственных начал для поддержания единства страны в выступлениях Президента и в законодательстве все более отчетливо прослеживалось стремление подчеркнуть их самобытный характер, оградить от деструктивного воздействия извне. Указав, что культура народа — «это свод нравственных, моральных, этических ценностей, составляющих основу национальной самобытности», В.В. Путин на заседании Совета по культуре и искусству 2013 г. отметил, что «нельзя терять свои культурные корни, то, что формировалось веками, складывалось многими поколениями представителей разных национальностей и разных религий»⁶. В послании Федеральному собранию 2019 г. ставилась задача «сохранить Россию как цивилизацию, основанную на собственной идентичности, на многовековых традициях»⁷. Указанные идеи нашли широкое отражение в нормативных правовых актах, в частности в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. Данный документ отнес к числу национальных приоритетов защиту традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти народов России, поставил задачу ограждения их от внешней идейно-ценностной экспансии⁸.

Характеризуя основы и содержание общероссийского гражданского самосознания, Президент не раз отмечал, что оно сочетается с культурным многообразием, опирается на все традиции и достижения культуры всех народов России. Одновременно с этим тезисом (особенно отчетливо — с начала 2010-х гг.) подчеркивалась объединяющая роль русского языка и культуры. «Русский народ является государствообразующим — по факту существования России», — говорилось в статье «Россия: национальный вопрос», с которой В.В. Путин выступил в рамках предвыборной президентской кампании 2012 г. «Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию... Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителями которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности». «Самоопределение русского народа — это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром»⁹.

Соображения, высказанные в статье В.В. Путина, нашли в последующие годы отражение в основополагающих законодательных актах, определяющих принципы регулирования межнациональных отношений. «Российское государство, — говорится в Стратегии государственной национальной политики, — создавалось как единение народов, системообразующим звеном которого исторически являлся русский народ. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию на исторической территории Российского государства сформировалось уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов, приверженных единым принципам и ценностям». При опоре на данные идеи в Стратегии намечены основные меры по укреплению общероссийской гражданской идентичности. К их числу относятся: воспитание культуры межнационального общения; изучение (в том числе через образовательные программы разного уровня) исторического опыта взаимодействия народов России; пропаганда идей патриотизма, единства и дружбы народов,

⁶ Октябрь 2013 // Российская библиотечная ассоциация [Электронный ресурс]. URL: http://www.rba.ru/activities/gospolitika/obzory/digest_59.html (дата обращения: 24.10.2022).

⁷ Послание Президента Федеральному Собранию 20 февраля 2019 года // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/59863> (дата обращения: 24.10.2022).

⁸ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/607148290> (дата обращения: 24.10.2022).

⁹ Владимир Путин. Россия: национальный вопрос // Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 24.10.2022). Отметим, что определение русского народа как государствообразующего вошло впоследствии в ряд официальных документов: в текст поправок к Конституции 2020 г. и Стратегии национальной безопасности 2021 г.

межнационального (межэтнического) согласия и ряд других мер. Необходимо рассмотреть, как в настоящее время реализуются данные программные установки и какое влияние они оказывают на самосознание граждан России.

Гражданская идентичность на Северном Кавказе

В качестве объекта анализа уместно выбрать субъекты федерации, относящиеся к Северо-Кавказскому федеральному округу (СКФО) — полиэтничной территории с непростой историей, традиционно являющейся узлом сложных этнополитических проблем. По справедливому замечанию А.З. Адиева и Е.А. Щербиной, местные регионы «выступают определенным “лакмусом” для оценки состояния общероссийской гражданской идентичности, эффективности реализуемой государственной национальной политики» [Адиев, Щербина 2021, 55]. Несмотря на то, что острая фаза этнополитических конфликтов, характерных для региона в 1990-е – начале 2000-х гг., осталась в прошлом, а сохраняющиеся противоречия приобрели латентный характер, обстановка на Северном Кавказе остается напряженной. По-прежнему сильны тенденции этнизации политической и общественной жизни, распределения власти и собственности по этническому и клановому принципу¹⁰. Для ряда регионов Северного Кавказа характерны замедленные темпы экономического развития, высокий уровень безработицы и социального неблагополучия, архаизация социальной структуры. Остаются неурегулированными многие споры земельного характера и противоречия, связанные с границами между регионами [Кольба, Чадаева 2022, 275–279, 282; Omelchenko et al. 2019, 843–846; Pokalova 2019, 160–162]. Все это затрудняет процесс не только этнополитической стабилизации региона, но и его более глубокой интеграции в общероссийское культурное и правовое пространство.

Анализируя уровень данной интеграции и степень развития общероссийского самосознания в субъектах СКФО, исследователи Южного научного центра РАН изучили институциональные (нормативно-правовые) рамки формирования гражданской идентичности — конституции (уставы) субъектов, законы об образовании, молодежи, языках, культуре, а также документы по региональной национальной политике. Результаты контент-анализа позволили сделать вывод о том, что в целом в политике идентичности на местах общероссийский и этнокультурный компоненты занимают равное положение. Вместе с тем в законах, посвященных образовательной, культурной и языковой политике, налицо перевес положений, институционализирующих этнокультурный компонент. Противоположная ситуация характерна для законов, касающихся молодежной политики и патриотического воспитания. Особенностью регионального законодательства в сфере политики идентичности является также значительный разброс показателей в зависимости от региона. Так, если в Северной Осетии — Алании нормативные положения, закрепляющие общероссийскую и этнокультурную идентичности, соотносятся как 32/41, то в Кабардино-Балкарии этот показатель составляет 41/69, в Дагестане — 52/87 [Авксентьев и др. 2022, 75–76].

Неоднозначными являются и оценки сформированности общероссийской идентичности, сделанные исследователями на основе проведенного в 2020 г. опроса экспертов (представителей административных структур, ученых, ведущих журналистов, лидеров религиозных и общественных организаций). По мнению опрошенных, среди субъектов СКФО общероссийское самосознание превалирует в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Ставропольском крае и

¹⁰ О роли и значении клановой системе на Северном Кавказе см.: [Sangaliev 2010, 61–69].

Северной Осетии — Алании. В Дагестане, Чечне и Ингушетии данная идентичность стоит на последнем месте. Преобладают этническая (в последнем регионе) и религиозная (в первых двух) формы самосознания [Там же, 77–78].

Несколько иной результат дала серия массовых анкетных опросов, организованных в 2016–2019 гг. Региональным центром этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Согласно данным исследования, гражданская идентичность жителей Дагестана существенно превышала все другие формы самосознания. В ответ на просьбу указать, о ком респондент может сказать «Это — мы», категорию «Граждане России» выбирали существенно чаще, чем другие определения (люди той же веры, города/села, тех же взглядов на жизнь, той же национальности, профессии, достатка). При ответе на вопрос «Кем вы себя чувствуете в большей мере: человеком своей национальности или россиянином, дагестанцем или россиянином» большинство респондентов в обоих случаях отвечало: «И тем и другим в равной мере». Вместе с тем более четверти жителей республики заявило, что чувствует себя в большей степени человеком своей национальности, и почти 40% — скорее дагестанцем [Адиев 2021, 137–139].

По мнению А.З. Адиева и Е.А. Щербиной, опирающихся на данные экспертного опроса, проведенного во всех субъектах СКФО, для жителей региона характерно примерно одинаковое соотношение гражданской, региональной и этнической идентичностей. Но при этом, по мнению экспертов, приоритет гражданской идентичности у жителей Дагестана связан с надеждой на защиту, которую им может обеспечить государство, прежде всего федеральный центр. Аналогичное чувство у чеченцев связано в первую очередь с памятью о советском прошлом, которую сохранило старшее поколение. В свете этих данных, по справедливому замечанию исследователей, нельзя констатировать «укорененность, определенную интериоризацию общероссийской гражданской идентичности у жителей регионов Северного Кавказа»¹¹ [Адиев, Щербина 2021, 55].

Результаты этого исследования интересно сопоставить с материалами опроса, проведенного социологами Северо-Кавказского федерального университета в 2019–2021 гг. среди студентов ведущих вузов СКФО. При ответе на вопрос «Какая идентичность для вас наиболее важна?» 80% выбрали гражданскую, 67% — этническую, 66% — религиозную. По мнению исследователей, это свидетельствует о том, что данные формы самосознания «в сознании молодежи находятся в неустойчивом равновесном состоянии... что несет в себе риски конфликта идентичностей». Отметим при этом, что при ответе на вопрос «С кем для вас важно осознавать свою связь?» 80% выбрало вариант «с малой Родиной», 74% — «с ближайшими родственниками» и только 68% — «со своей страной» (почти столько же — 67% — «с людьми моей национальности») [Авдеев, Воробьев 2021, 74–76].

Касаясь вопроса о содержании общероссийской идентичности в представлении жителей СКФО, ряд исследователей отмечает, что главным фактором единства нации для них (как, впрочем, для россиян в целом) является наличие общего государства. Проводивший исследование на территории Дагестана А.З. Адиев отмечает, что данный факт указывает на преобладание в сознании жителей республики «этнического, а не гражданского представления о природе и источнике формирования российской нации — последняя выстраивается “сверху”, а не зарождается “снизу”, вследствие осознания людьми своей “ответственности за судьбу страны”». Последнюю формулировку в качестве идентификатора гражданского единства

¹¹ Круг экспертов, на мнение которых опирались исследователи, аналогичен тому, с которым работали специалисты Южного научного центра РАН.

указали в 2019 г. только 25% опрошенных («наличие единого государства» указали 60%) [Адиев 2021, 139–140]. Данное обстоятельство, по мнению исследователя, свидетельствует об ослаблении в Дагестане собственно гражданской составляющей общероссийской идентичности. Впрочем, можно предположить, что подобная позиция присуща в первую очередь старшему поколению и характерна не для всех субъектов СКФО. Отметим, что опрошенные специалистами Северо-Кавказского федерального университета студенты в большинстве своем заявили, что активное участие молодежи в политической жизни региона и страны необходимо и что их общественная активность способна повлиять на изменение социально-политической ситуации в стране в лучшую сторону [Авдеев, Воробьев 2021, 77–78]. Так или иначе, очевидно, что на пути укрепления общероссийской гражданской идентичности на Северном Кавказе стоят серьезные препятствия. На их анализе следует остановиться особо.

Препятствия на пути к построению общей гражданской идентичности

Важнейшей проблемой, затрудняющей укрепление общероссийского самосознания, является недостаточная проработанность его содержательной стороны. Сохраняются глубокие противоречия в понимании общего прошлого России. Недостаточно символов, которые объединяли бы все население, необходимо усилить эмоциональное наполнение отмечаемых государством важнейших дат. «К сожалению, на сегодняшний день, — отметил один из экспертов, опрошенных исследователями Южного научного центра РАН, — все попытки формирования смыслов и ценностей оборачиваются расколом, поскольку в отсутствие внятной идеологической платформы, универсальных морально-нравственных ценностей и (хотя бы) адекватных и однозначных оценок ключевых исторических событий, любая попытка одномоментного “введения” таковых способна лишь усилить противоречия» [Авксентьев и др. 2022, 80]. Эксперт из Карачаево-Черкессии в качестве препятствия к укреплению общероссийской идентичности назвал «отсутствие общей объединяющей повестки во всех сферах жизнедеятельности (например, в сфере образования — отсутствие единого учебника по истории России)». В Кабардино-Балкарии указали на «проблемы, связанные с историческими событиями, реанимированными и внесенными в общественное обсуждение в период перестройки (в частности, вопросы оценки итогов и характера русско-кавказской войны или местных этнических конфликтов)» [Адиев, Щербина 2021, 58, 60–61].

Важнейшим духовным началом, объединяющим народы Северного Кавказа и интегрирующим их в общее духовно-идеологическое пространство России, остается память о совместной борьбе и победе в ходе Великой Отечественной войны. Для Дагестана важна также память о событиях лета—осени 1999 г., связанных с противостоянием населения отрядам международных террористов, вторгшихся на территорию Республики. Эксперты, опрошенные специалистами Южного научного центра РАН, отметили, что в сфере идеологии, духовной жизни Северного Кавказа важную объединяющую роль играют исторические фигуры общероссийского масштаба — классики русской литературы (А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, М.Ю. Лермонтов), Петр I, Ю.А. Гагарин. Однако нетрудно заметить, что основная часть объединяющих символов связана с прошлым. Список современных личностей, имеющих большое значение для жителей региона, помимо В.В. Путина, чаще всего ограничивается именами спортсменов-победителей [Авксентьев и др. 2022, 80]. Таким образом, проблемы духовно-идеологического, символического плана являются важным препятствием для укрепления общероссийской идентичности населения Северного Кавказа. Но не меньшие сложности создают и противоречия, существующие в иных сферах.

Исследователи не раз отмечали, что утверждение духовного единства, составляющего основу гражданского самосознания, невозможно без успешного развития начал, лежащих вне собственно идеологической сферы, — обеспечения правового равенства граждан, утверждения общих норм и системы управления на всем пространстве государства. Важную роль играет также наличие общепринятых внятных правил экономической деятельности, обеспечивающих достаточный уровень благосостояния местного населения. Существующие в этой области проблемы характерны для всей страны, но наиболее ярко, пожалуй, они проявляются на Северном Кавказе. Так, эксперты из Кабардино-Балкарии среди факторов, негативно влияющих на укрепление гражданской нации и гражданского самосознания, называют высокий уровень коррупции, «отсутствие реально действующих социальных лифтов, приводящих к “местечковости и клановости”». Представители Карачаево-Черкессии отметили, что в ходе дальнейшего развития региона «экономические вопросы, в частности, падение уровня доходов, банкротство индивидуальных предпринимателей, падение уровня жизни вызовет раздражение и недовольство людей, которое приведет к разделению на “свой — чужой”». Решение данных проблем невозможно без создания новых рабочих мест и повышения уровня жизни населения [Адиев, Щербина 2021, 58, 60–61].

Достаточно тревожным обстоятельством является то, что интеграционные меры, принимаемые федеральным центром, зачастую воспринимаются на местах как «возрождение на государственном уровне некоторых “имперских методов” управления народами». Данные действия, по заявлению эксперта из Карачаево-Черкессии, «рассматриваются представителями малых народов как дискриминационные». К числу подобных мер относят внесение поправок в Федеральный закон «Об образовании», согласно которым «обучение родным языкам стало необязательным»; внесение поправок в конституцию, провозглашающих государствообразующим только русский народ [Там же, 58]. По мнению ряда респондентов, Россия так и не стала по-настоящему федеративным правовым государством, где права народов, входящих в ее состав, на сохранение культурной идентичности полностью гарантированы¹² [Там же, 61–62]. Очевидно, что в рамках такого понимания этнокультурная форма самосознания отделяется от гражданской. Подобный вывод перекликается с заключением специалистов Южного научного центра РАН о том, что для значительной части населения Северного Кавказа пока не характерно комплементарное (взаимодополняющее) отношение между двумя формами идентичности, оно носит противоречивый или даже антагонистический характер [Авксентьев и др. 2022, 82].

Важным препятствием на пути укрепления общероссийского самосознания на Северном Кавказе (как, видимо, и в целом по стране) являются проблемы коммуникационного характера. В своем исследовании Е.А. Авдеев и С.М. Воробьев отмечают, что молодежь — наиболее восприимчивая часть общества — формирует свои политические взгляды в первую очередь под влиянием ближайшего окружения, а также социальных сетей и блогосферы. При этом ведущие СМИ, преподаватели и учителя, через которых государство могло бы доносить свою точку зрения до общества, играют в этом процессе существенно меньшую роль [Авдеев, Воробьев 2021, 77]. О необходимости активизации информационной политики, в основе которой должны лежать всероссийские позитивные практики, упоминает и эксперт из Карачаево-Черкессии в рамках исследования, проведенного А.З. Адиевым и Е.А. Щербиной [Адиев, Щербина 2021, 60]. Значительный интерес с точки зрения анализа состояния гражданского самосознания представляет исследование представлений студенческой молодежи о советском

¹² Подобные оценки дают повод для серьезных размышлений. Исследователи подчеркивают, что взгляды высказывавших их экспертов «отражают мнения определенной группы людей, которые на региональном уровне в значительной мере влияют на позицию жителей всего региона» [Адиев, Щербина 2021, 58].

прошлом, проведенное учеными Северо-Кавказского федерального университета. Опрошенные продемонстрировали достаточно хорошее знание советской эпохи и отметили привлекательность многих ценностей, доминировавших в то время (уважение к человеку труда, дружба народов, гарантированное государством всестороннее развитие человека) [Ерохин и др. 2022, 96–97].

Помимо высокой оценки конкретных идейных начал, распространенных в советское время, интерес молодежи к той эпохе, как представляется, определяется и тем обстоятельством, что советская идеология, бытовавшее в то время самосознание в принципе имели определенную ценностную основу, опирались на ряд тесно связанных друг с другом концептов и идеологием, объяснявших место страны в мире, перспективы ее развития. Недостатки и пробелы в сфере проработки содержательной стороны современной общероссийской идентичности, видимо, оказывают значительное влияние на такого рода оценки. Во многих случаях положительные оценки советского общества, как отмечают исследователи Северо-Кавказского федерального университета, даются «от противного» — являются реакцией на углубляющуюся в современном российском обществе социально-экономическую дифференциацию, падение уровня жизни, низкий уровень социальных гарантий, рост безработицы [Там же, 97].

Выводы

Подводя итог, необходимо отметить, что основные ориентиры развития и укрепления общероссийской гражданской идентичности, намеченные в основополагающих законодательных актах и выступлениях главы государства, пока еще далеко не во всех случаях наполнены необходимым содержанием. Недостаточно проработан общенациональный исторический нарратив, не сформировался общепризнанный набор национальных символов, недостаточно выражено эмоциональное наполнение дат, отмечаемых государством, и иных событий и действий символического значения. Все эти противоречия особенно ярко сказываются на ситуации в регионах, в том числе (или даже в первую очередь) на Северном Кавказе с его полиэтничным составом населения, чрезвычайно противоречивой историей и тяжелой в ряде случаев социально-экономической ситуацией. Общероссийская гражданская идентичность в сознании части населения региона укоренена недостаточно прочно, носит неустойчивый характер, зачастую выступает в противоречия с иными формами самосознания (этнической, региональной, локальной, религиозной). Негативное влияние на укрепление гражданской идентичности оказывает нарушение единых для всего населения правовых норм, клановость, коррупция, недостаток социальных лифтов, в ряде случаев застойный характер экономики и чрезмерная социальная дифференциация. Все это обуславливает необходимость целенаправленной работы по исправлению недостатков, в которой должны совместно участвовать представители различных государственных ведомств, общественных организаций и научно-экспертного сообщества.

Список литературы:

Авдеев В.А., Воробьев С.М. Общероссийская гражданская идентичность молодежи Северного Кавказа: основные вызовы и риски конфликтности // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭК. 2021. Т. 17. № 1. С. 69–86. DOI: [10.21638/spbu23.2021.106](https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.106)

Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д., Иванова С.Ю., Шульга М.М. Формирование российской идентичности на Северном Кавказе: институциональные и социокультурные рамки // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18. № 1. С. 72–86. DOI: [10.21638/spbu23.2022.105](https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.105)

Адиев А.З., Щербина Е.А. Общероссийская идентичность на Северном Кавказе: pro et contra // Вестник Российской нации. 2021. № 3. С. 54–63.

Адиев А.З. Общероссийская идентичность в Дагестане (по данным опросов 2016–2019 гг.) // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 136–142. DOI: [10.31857/S013216250011312-6](https://doi.org/10.31857/S013216250011312-6)

Ерохин А.М., Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Национально-государственное наследие СССР в представлении молодежи Северного Кавказа // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18. № 1. С. 87–107. DOI: [10.21638/spbu23.2022.106](https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.106)

Кольба А.И., Чадаева Э.Т. Тенденции развития и политической институционализации региональных конфликтов в республиках Северного Кавказа // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭК. 2021. Т. 17. № 3. С. 273–287. DOI: [10.21638/spbu23.2021.304](https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.304)

Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.

Федякин А.В. Приоритеты государственной культурной политики Российской Федерации и императивы укрепления общероссийской национальной идентичности // Вестник Российской нации. 2021. № 4. С. 9–45.

Omelchenko E., Poliakov S., Mayboroda A. Peers/Strangers/Others? The Youth of Dagestan in Search of Group Identities // Cultural Studies. 2019. Vol. 33. № 5. P. 841–865. DOI: [10.1080/09502386.2018.1544650](https://doi.org/10.1080/09502386.2018.1544650)

Pokalova E. Islamic Radicalization in Russia's North Caucasus: Lessons from Russia's Handling of Religious Revival // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2019. Vol. 21. Is. 2. P. 146–169. DOI: [10.1080/19448953.2017.1367587](https://doi.org/10.1080/19448953.2017.1367587)

Sangaliev A.A. Ethnic Clan Politics in the Post-Soviet Space // Russian Social Science Review. 2010. Vol. 51. Is. 1. P. 56–71. DOI: [10.1080/10611428.2010.11065383](https://doi.org/10.1080/10611428.2010.11065383)

References:

Avdeev V.A., Vorobev S.M. (2021) Russian Civic Identity of Youth in the North Caucasus: The Main Challenges and Risks of Conflict. *Politicheskaya ekspertiza*. POLITEKS. Vol. 17. No. 1. P. 69–86. DOI: [10.21638/spbu23.2021.106](https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.106)

Avksentev V.A., Aksiumov B.V., Gritsenko G.D., Ivanova S.Yu., Shulga M.M. (2022) Formation of Russian Identity in the North Caucasus: Institutional and Sociocultural Framework. *Politicheskaya ekspertiza*. POLITEKS. Vol. 18. No. 1. P. 72–86. DOI: [10.21638/spbu23.2022.105](https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.105)

Adiev A.Z., Shcherbina E.A. (2021) All-Russian Identity in the North Caucasus: Pro et Contra. *Vestnik Rossiyskoy natsii*. No. 3. P. 54–63.

Adiev A.Z. (2021) Russian Identity in Dagestan (2016–2019 Surveys Data). *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 4. P. 136–142. DOI: [10.31857/S013216250011312-6](https://doi.org/10.31857/S013216250011312-6)

Erokhin A.M., Avdeev E.A., Vorobev S.M. (2022) The National Heritage of the USSR in Young People's Views in the North Caucasus. *Politicheskaya ekspertiza*. POLITEKS. Vol. 18. No. 1. P. 87–107. DOI: [10.21638/spbu23.2022.106](https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.106)

Fedyakin A. (2021) Priorities of the State Cultural Policy of the Russian Federation and Imperatives of the Strengthening of the all-Russian National Identity. *Vestnik Rossiyskoy natsii*. No. 4. P. 9–45.

Kol'ba A.I., Chadayeva E.T. (2022) Trends in the Development and Political Institutionalization of Regional Conflicts in the Republics of the North Caucasus *Politicheskaya ekspertiza*. POLITEKS. Vol. 17. No. 3. P. 273–287. DOI: [10.21638/spbu23.2021.304](https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.304)

Omelchenko E., Poliakov S., Mayboroda A. (2019) Peers/Strangers/Others? The Youth of Dagestan in Search of Group Identities. *Cultural Studies*. Vol. 33. No. 5. P. 841–865. DOI: [10.1080/09502386.2018.1544650](https://doi.org/10.1080/09502386.2018.1544650)

Pokalova E. (2019) Islamic Radicalization in Russia's North Caucasus: Lessons from Russia's Handling of Religious Revival. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. Vol. 21. Is. 2. P. 146–169. DOI: [10.1080/19448953.2017.1367587](https://doi.org/10.1080/19448953.2017.1367587)

Sangaliev A.A. (2010) Ethnic Clan Politics in the Post-Soviet Space. *Russian Social Science Review*. Vol. 51. Is. 1. P. 56–71. DOI: [10.1080/10611428.2010.11065383](https://doi.org/10.1080/10611428.2010.11065383)

Tishkov V.A. (2013) Rossiyskiy narod. Istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya [People of Russia: Sources and sense of the national self-consciousness]. Moscow: Nauka.

Дата поступления/Received: 01.12.2022

Нагорно-Карабахский конфликт: особенности процесса международного урегулирования и участие в нем России (1991–2022)

Привалов Владимир Араевич

Аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: tigranabra@gmail.com

Аннотация

На протяжении последних трех десятилетий особую актуальность имеют проблемы урегулирования этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, в частности Нагорно-Карабахский конфликт, активным участником политического урегулирования которого выступает Россия. Целью статьи является определение форм и механизмов участия России как третьей стороны в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе. В статье определены основные причины возникновения конфликта в этом регионе. На основе литературного обзора выделены формы и механизмы участия третьей стороны в урегулировании этнополитического конфликта, а также отношение исследователей к роли России в урегулировании конфликта на Южном Кавказе. Подробно описано участие России в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта на протяжении всего периода его существования. Определено, что на протяжении последних тридцати лет Россия использовала различные переговорные и коммуникационные механизмы, направленные на мирное решение Нагорно-Карабахского конфликта. Однако в то же самое время России выгоды замороженного формата Нагорно-Карабахского конфликта, который является возможностью к сохранению дружеских отношений как с Арменией, так и с Азербайджаном, что позволяет поддерживать нейтралитет в отношении любой из сторон. Выступая посредником в конфликте, Россия преследовала цель создать положительный имидж и сохранить сбалансированные отношения с противоборствующими сторонами, при этом она не смогла в полной мере контролировать ситуацию в регионе и позволила Нагорно-Карабахскому конфликту перерасти в войну. Дальнейшее мирное урегулирование конфликта в Нагорном Карабахе возможно при изменении отношения как конфликтующих сторон, так и России, выступающей в качестве посредника, к глубине конфликта и необходимости его компромиссного решения.

Ключевые слова

Этнополитические конфликты, Нагорно-Карабахский конфликт, формы участия, механизмы участия, урегулирование конфликта, политическое урегулирование.

The Nagorno-Karabakh Conflict: Particularities of International Settlement Process and Russia's Involvement in It (1991–2022)

Vladimir A. Privalov

Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: tigranabra@gmail.com

Abstract

Over the past three decades, the problems of resolving ethno-political conflicts in the post-Soviet space, in particular, the Nagorno-Karabakh conflict, in which Russia is an active participant in the political settlement, have been of particular relevance. The aim of the article is to determine the forms and mechanisms of Russia's participation as a third party in the settlement of the conflict in Nagorno-Karabakh. The article identifies the main causes of the conflict in this region. Based on the literature review, the main forms and mechanisms of participation of a third party in the settlement of the ethno-political conflict, as well as the attitude of researchers to the role of Russia in the settlement of the conflict in the South Caucasus, are highlighted. The participation of Russia in the settlement of the Nagorno-Karabakh conflict throughout the entire period of its existence is described in detail. It was determined that over the past thirty years, Russia has used various negotiation and communication mechanisms aimed at a peaceful solution to the Nagorno-Karabakh conflict. However, at the same time, Russia benefits from the frozen format of the Nagorno-Karabakh conflict, which is an opportunity to maintain friendly relations with both Armenia and Azerbaijan, while maintaining neutrality towards any of the parties. While acting as a mediator in the conflict, Russia aimed to create a positive image and maintain a balanced relationship with the warring parties, while failing to fully control the situation in the region and allowing the Nagorno-Karabakh conflict to escalate into a war. Further peaceful settlement of the conflict in Nagorno-Karabakh is possible with a change in the attitude of both the conflicting parties and Russia, acting as a mediator, to the depth of the conflict and the need for a compromise solution.

Keywords

Ethnopolitical conflict, Nagorno-Karabakh conflict, form of participation, means of participation, conflict settlement, political settlement.

Введение

В рамках развития межгосударственных отношений наиболее остро стоит вопрос этнокультурной идентичности, который находит свое отражение в политическом аспекте международных отношений и может стать предпосылкой к развитию конфликтов не только локального и регионального уровня, но и мирового.

Стоит также отметить сложность при урегулировании конфликтов этнополитического характера. Главной проблемой, усложняющей возможность решить такой конфликт, является его правовая сторона. Согласно нормам международного права, каждый народ имеет право на самоопределение, что означает право народов самостоятельно определять такие аспекты их жизни, как культурный и экономический курс. С другой стороны, форма государственного существования, которая в некоторых случаях может найти отражение в желании народа отделиться от «материнского» государства, нередко может быть запрещена последними. Кроме того, международное право обосновывает отказ в сепарации народа при помощи принципа территориальной целостности, согласно которому территория государства не может быть подвержена изменениям без его разрешения. Таким образом, складывается ситуация, когда каждая из сторон использует международные принципы права, которые по своей природе противоречат друг другу, что ведет к невозможности урегулирования конфликта мирным путем, что приводит к эскалации конфликта и переходу к военным действиям.

На протяжении последних трех десятилетий особую актуальность имеют проблемы урегулирования этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, в частности Нагорно-Карабахский конфликт, активным участником политического урегулирования которого выступает Россия.

Предпосылки возникновения Нагорно-Карабахского конфликта

Конфликт в Нагорном Карабахе по своим масштабам и длительности действия является одним из старейших конфликтов на постсоветском пространстве. За три десятилетия после распада СССР конфликт в Нагорном Карабахе трансформировался из межэтнического противоборства в рамках единой страны — Советского Союза — в затяжной межгосударственный спор, оказывающий значительное воздействие на безопасность всего Кавказского региона.

Исторические дебаты о принадлежности Нагорного Карабаха приобрели актуальность в период советской «оттепели», с начала 1950-х до начала 1960-х годов. Однако в этот период они основывались как на марксистской, так и на официальной советской риторике. При поддержке официальной Коммунистической партии карабахские споры в период «перестройки» превратились в информационную кампанию в местных СМИ. Нагорно-Карабахский конфликт остается уникальным случаем среди так называемых «замороженных» конфликтов постсоветского пространства. Это одновременно межгосударственный конфликт между Арменией и Азербайджаном и сепаратистский конфликт между де-факто властями Карабаха и Баку.

Основная проблема современной азербайджанской и армянской историографии заключается в том, что каждая сторона пытается доказать, что исторически спорный регион был преимущественно оккупирован либо армянским, либо азербайджанским населением, в зависимости от политической повестки дня и интересов этих стран. Одна из причин, по которой армянам и азербайджанцам не удается разрешить противостояние, — это высокий уровень этнического национализма в регионе — национализма настолько сильного, что он пронизывает даже историографию. Сегодня книги по истории Азербайджана и Армении основаны на конфликте, в котором обе стороны создают свою собственную картину мира.

Главным тезисом, которого придерживается азербайджанская сторона, является утверждение, что причиной конфликта послужили претензии Армении к Азербайджану, носящие территориальный характер. Согласно мнению Азербайджана, у Армении нет на то никаких оснований, так как Нагорный Карабах еще с давних времен исконно принадлежал Азербайджану.

В целом по ряду исторических причин на территории Нагорного Карабаха преобладающей частью населения было армянское. Однако де-юре Нагорный Карабах является территорией Азербайджана. При этом, по нашему мнению, в корне неверным будет полагать, что причиной конфликта является факт проживания армянской общины в Нагорном Карабахе, так как явление проживания этнической диаспоры в другом государстве довольно распространено, и подобное обоснование своей политики со стороны Армении повлечет за собой ряд конфликтов и в других регионах. Однако нельзя говорить, что Азербайджан является правой стороной конфликта ввиду того, что со стороны армянской общины поступали претензии к Баку из-за их отношения к армянским ценностям, в частности к памятникам.

В данном контексте важно акцентировать особое внимание на этнопсихологических корнях конфликта в Нагорном Карабахе, который является кавказским регионом, имеющим незначительную по масштабам территорию, при этом населенный народами с уникальными культурами, находящими отражение в психологических и религиозных аспектах.

Так, уникальность армянской культуры имеет несколько проявлений. Во-первых, религиозное направление. Помимо того, что армяне являются христианами, стоит учитывать и тот факт, что Армянская апостольская церковь, несмотря на принадлежность к христианству, имеет ряд особых черт в догматике и обряде, отличающих ее как от византийского православия, так и от римского католицизма. При этом армяне исторически были окружены государствами и народами, исповедующими ислам, что порождает страх к потере этнической и религиозной идентичности у армян.

У азербайджанцев, помимо иной культуры и психологии, прослеживается противоположная тенденция, которая заключается в том, что азербайджанцы, находясь в ареале большого скопления мусульманской общины, постепенно теряют ценности своей этнической принадлежности. Они, в отличие от армян, не имеют страха относительно своей безопасности и перспектив авторитета государства в будущем. Для мусульман, в том числе и азербайджанцев, характерно спокойное принятие реальности, которое сочетается с приоритетом семейных интересов и быта. В связи с этим этот народ не просто сплотить ради достижения общей цели. Наглядным примером, который демонстрирует совершенно разную психологию народов, является активная политика армян в Нагорном Карабахе и большая инертность азербайджанцев в Зангезуре.

Формы и механизмы участия третьей стороны в урегулировании этнополитического конфликта (обзор литературы)

Противостояние между сторонами в этнополитических конфликтах зачастую оказывается настолько напряженным, что кажется невозможной деэскалация конфликта без участия других акторов — третьей стороны, которой могут быть как «государственные/неправительственные учреждения, так и отдельные лица/группы лиц, не вовлеченные напрямую в этнополитический конфликт»¹.

Необходимо отметить, что концепция урегулирования конфликтов посредством третьей стороны основана на идее ее равноудаленности от сторон в споре. В идеальной ситуации, согласно распространенному представлению, основанному на концепции «посредничества», третья сторона должна соответствовать двум основным критериям [Карсанова 2018]:

¹ Звягельская И.Д. Специфика этнополитических конфликтов и подходы к их урегулированию. М.: Навона, 2008. С. 179.

- быть нейтральной, то есть не быть предвзятой в результате предыдущих связи с любой из сторон;
- быть беспристрастной, то есть не отдавать предпочтение ни одной из позиций, занимаемых сторонами в конкретном конфликте.

В зависимости от позиции и функций третьей стороны в этнополитическом конфликте исследователи выделяют различные идеально-типические формы. Так, один из наиболее распространенных типов классификации форм участия основан на возможностях вмешательства третьей стороны в этнополитический конфликт в качестве посредника в условиях «тихой дипломатии». Основная функция «тихой дипломатии» третьей стороны заключается в создании пространства для диалога, а также в установлении и поддержании доверия у конфликтующих сторон [Султыгов 2016]. В рамках «тихой дипломатии» выделяют следующие основные формы:

1. Содействие в качестве «бюро добрых услуг». По сути, данная форма участия не является прямым механизмом вовлечения, а включает в себя поощрение и поддержку прямого урегулирования конфликта участвующими сторонами. На более общем уровне данную форму участия можно рассматривать как охватывающую все меры, помогающие участникам прийти к конструктивному разрешению конфликта без непосредственного взятия на себя третьей стороной функции содействия или ведения переговоров. В рамках реализации данного механизма в первую очередь проводится обучение участников методам ведения переговоров, обеспечивающим «выигрышные» возможности для обеих сторон.

2. Специальные представители (чрезвычайные послы) третьей стороны — беспристрастные лиц, как правило, высокопоставленные политики, направляемые (часто по приглашению правительств государств, вовлеченных в конфликт) для снижения напряженности и разрешения разногласий. Они собирают информацию, способствуют диалогу, дают рекомендации по особо острым вопросам и предлагают профилактические мероприятия. Миссия специальных представителей целесообразна на начальной стадии конфликта, до его эскалации.

3. Содействие (фасилитация) — облегчение взаимодействия между сторонами конфликта путем активного стремления третьей стороны решить спорные вопросы путем сближения позиций конфликтующих сторон и выдвижения альтернатив. Данная форма участия лучше всего работает на самой ранней стадии конфликта, когда его причины могут быть выявлены и устранены до возникновения напряженности или насильственного разрешения конфликта. В рамках такого механизма третья сторона может сохранять свою независимость и беспристрастность, основывая свои действия и рекомендации на нормах международного права, уже признанных заинтересованными сторонами.

4. Посредничество (медиация). Как только третья сторона берет на себя решающую роль в руководстве процедурой разрешения конфликта, переговоры в рамках «челночной дипломатии» переходят границы. В данном случае третья сторона берет на себя руководство процессом урегулирования конфликта, но ответственность за содержание переговоров остается за сторонами, участвующими в конфликте. Решающим условием данной формы участия является то, что стороны конфликта должны быть готовы согласиться на ведение такого рода переговоров. При посредничестве стороны обращаются за помощью или принимают предложение помощи от внешнего субъекта, чтобы изменить свое восприятие или поведение, не прибегая к применению силы или верховенству права. Посредник (медиатор) может выступать в качестве «катализатора, просветителя, переводчика, носителя плохих новостей или “козла отпущения”».

Задачи медиатора заключаются в том, чтобы «изменить физическую среду урегулирования конфликта, повлиять на восприятие того, что поставлено на карту, и стимулировать мотивацию сторон к достижению мирного разрешения конфликта при помощи «тонкого» давления» [Феномен этнического конфликта 2018, 28]. Медиаторы должны стремиться решать проблемы и уделять первоочередное внимание улучшению отношений между конфликтующими сторонами. Однако слишком раннее вовлечение третьей стороны в конфликт может сделать посредника непопулярным среди одной или нескольких сторон конфликта, а слишком позднее может означать, что ситуация ухудшилась до такой степени, что посредничество невозможно.

5. Формальный и неформальный арбитраж. В рамках классических правовых методов урегулирования конфликта третья сторона берет на себя ответственность не только за процедуру, но и за урегулирование конфликта по существу. Она принимает решение на основе вышестоящих правовых принципов и норм, определяет победителей и проигравших в конфликте либо характер достигнутого компромисса. Конкретные различия между отдельными процедурами заключаются в том, способна ли третья сторона обеспечить выполнение своих решений единолично, или же она зависит от согласия участников конфликта.

6. Примирение. Термин «примирение» в широком смысле относится к процедурам, в которых лицо или группа лиц помогает сторонам конфликта в разрешении их разногласий. Существенной особенностью практики является то, что она основывается на обращении конфликтующих сторон к третьему лицу. Примирение отличается от посредничества тем, что его целью является именно примирение целей каждой стороны, часто путем поиска компромисса и консенсуса в разрешении конфликта. Со сторонами проводятся отдельные встречи и общение между ними осуществляется посредством «челночной дипломатии», когда третья стороны выступает единственным транслятором информации между конфликтующими сторонами. По существу, примиритель помогает сторонам конфликта самостоятельно разработать список своих целей, а затем побуждает их «выдавать» цели по одной, от наименее важных к наиболее важным для укрепления доверия. Примирители часто играют более активную роль, чем посредники, внося предложения или давая советы о наилучшем способе разрешения конфликта. В отличие от арбитража, стороны конфликта сохраняют полный контроль над процессом. Наиболее действенной данная форма участия третьей стороны проявляется до эскалации конфликта.

Помимо методов «тихой дипломатии», применяют также «силовое» посредничество. В рамках реализации данного механизма принятие решения об исходе конфликта лежит на третьей стороне. Однако урегулирование конфликта осуществляется не на основе правовых принципов и норм, а исходя из интересов третьей стороны и ее возможностей в реализации принятого решения. «Силовое» посредничество основано на принципах миротворчества, которое означает создание политических, милитаристских и гражданских механизмов для поддержания стабильного общественного порядка на территории конфликтующих сторон. Главной целью проведения миротворческих операций является гарантия стабильности любого достигнутого в ходе переговоров между конфликтующими сторонами соглашения, а также снижение вероятности эскалации конфликта. Среди задач миротворческих операций можно выделить следующие [Хазанов 2015]:

- соблюдение условий перемирия конфликтующими сторонами и содействие поддержанию правопорядка на конфликтной территории;
- обеспечение безопасности на конфликтной территории, поддержание мира путем контроля за соблюдением соглашений по прекращению огня и вывод вооруженных сил конфликтующих сторон с территории;
- охрана территории (включая военные и гражданские объекты), восстановление объектов инфраструктуры на конфликтной территории.

На практике при урегулировании этнополитических конфликтов описанные формы участия третьей стороны в большинстве случаев комбинируются.

Роль России в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта (обзор литературы)

Необходимо отметить, что к настоящему времени сложился значительный объем литературы, посвященной участию различных международных акторов, в том числе России, в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта и оценке их успешности. Так, первый посол России в Армении В.П. Ступишин определяет Армению союзником России и демонстрирует проармянскую позицию, подчеркивая особую важность суверенитета Нагорного Карабаха для национальных интересов России². Глава российской посреднической миссии по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта с 1992 по 1996 год В.Н. Казимиров «возлагает вину за его неурегулированность на противоборствующие стороны, поскольку, несмотря на различные предложения России о мирном соглашении, стороны продолжали ожесточенные боевые действия»³.

С другой стороны, российский политолог С.М. Маркедонов, занимающийся вопросами этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве в целом и на территории Кавказа в частности, утверждает, что, «в отличие от других конфликтов на Кавказе, в случае Нагорно-Карабахского конфликта власти Армении и Азербайджана ценят роль России как посредника, при этом балансирование России между поддержкой и Армении, и Азербайджана оставляет Нагорно-Карабахский конфликт в “замороженном” формате, что приводит к постоянным эскалациям»⁴.

Роль России в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта также широко обсуждается среди армянских и азербайджанских политологов. Например, аналитик фонда Civilitas Т. Акопян утверждает, что «Россия демонстрирует нейтральную позицию в отношении урегулирования конфликта, довольствуясь замороженными переговорами»⁵. Армянский политолог С. Минасян утверждает, что «у России нет видения относительно будущего статуса Нагорного Карабаха, сторона оставляет решение карабахского конфликта на неопределенное будущее» [Minasyan 2017, 133]. Т. Зульфугаров, министр иностранных дел Азербайджана в 1998–1999 гг., утверждает, что «... и Россия, и Запад называют свой контроль над любой миротворческой операцией в Нагорном Карабахе ключевым фактором, ведущим к усилению своего влияния в регионе». По его мнению, «у России была цель создать монополию на контроль, посредничество и руководство

² Ступишин В.П. Моя миссия в Армении. 1992–1994. Воспоминания первого посла России // Armenian House [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armenianhouse.org/stupishin/docs-ru/mission/contents.html> (дата обращения: 05.10.2022).

³ Казимиров В.Н. Мир Карабаху (анатомия урегулирования) // Личный сайт Владимира Казиминова [Электронный ресурс]. URL: <http://vn.kazimirov.ru/mir.htm> (дата обращения: 05.10.2022).

⁴ Маркедонов С.М. Армения — Азербайджан: старый конфликт и новая эскалация // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/armeniya-azerbaydzhan-staryy-konflikt-i-novaya-eskalatsiya/> (дата обращения: 05.10.2022).

⁵ Накобыан Т. Karabakh Diary: Green and Black: Neither War nor Peace // ANI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.anicr.am/2021/09/14/lebanon-book/> (дата обращения: 05.10.2022).

мирным процессом в Нагорном Карабахе» [Zulfugarov 2015, 39]. Более того, как утверждает автор, сохранение одностороннего подхода к посредничеству было для России важнее, чем переговоры по проблеме Нагорного Карабаха [Ibid., 40].

На основании обзора литературы можно заключить, что усилия России по урегулированию конфликта в Нагорном-Карабахе не только на протяжении тридцати лет остаются безуспешными, но и что во многом Россию устраивает замороженный статус Нагорно-Карабахского конфликта. При этом, пытаясь найти мирное решение конфликта, Россия всегда оставалась нейтральной в вопросе о статусе Нагорного Карабаха, сохраняя сбалансированные отношения с Арменией и Азербайджаном. Таким образом, актуальность дальнейшего исследования форм и механизмов участия России в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта не вызывает сомнения, как и эволюция внешней политики России в отношении данного конфликта в течение последних трех десятилетий.

Эволюция участия России в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта

Для определения роли России в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта необходимо проследить эволюцию форм и механизмов ее участия на протяжении последних тридцати лет.

1991–1994 гг. Россия одной из первых заинтересованных сторон предприняла шаги по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта, при этом признав Нагорный Карабах стороной конфликта. Так, первая попытка мирного урегулирования конфликта была предпринята общими усилиями Президента России Б.Н. Ельцина и Президента Казахстана Н. Назарбаева в сентябре 1991 года, когда была проведена посредническая миссия и подписано «Железноводское соглашение», в рамках которого рассматривались вопросы прекращения огня, участия представителей Нагорного Карабаха в переговорном процессе и собственно статуса автономии. Россия преследовала цель превратиться в гаранта стабильности и мира во всех республиках бывшего союза, в том числе на Южном Кавказе. Несмотря на то, что изначально считалось, что железнноводские переговоры принесут положительные результаты, посредническая миссия России и Казахстана не увенчалась успехом, началась эскалация конфликта, причиной которой стало крушение азербайджанского вертолета МИ-8 с 22 официальными лицами вблизи Нагорный Карабаха 20 ноября 1991 года.

После первой неудачной попытки урегулировать конфликт проблемой Нагорного Карабаха заинтересовалась ОБСЕ. В марте 1992 года была создана «Минская группа» — конференция с участием одиннадцати стран (Армения, Азербайджан, Белоруссия, Германия, Италия, Россия, США, Турция, Франция, Чехословакия (позже Финляндия) и Швеция), а также выборных представителей Нагорного Карабаха — единственный орган, наделенный международным мандатом для продвижения переговоров и мирного урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта.

Дальнейшее участие России в урегулировании конфликта в период президентства Б.Н. Ельцина можно назвать безуспешным. В первую очередь необходимо отметить, что участие России в урегулировании конфликта базировалось на двух органах власти — Министерстве иностранных дел и Министерстве обороны РФ. При этом главы этих двух ведомств проводили разную политику в отношении урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта ввиду различных внешнеполитических подходов. Так, А. Козырев (Министр иностранных дел РФ в 1992–1996 гг.) высказался за вовлечение ОБСЕ в процесс урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе. В свою очередь, П. Грачев (Министр обороны РФ в 1992–1996 гг.) отдавал

приоритет роли России в урегулировании карабахского конфликта, при этом поддерживая армян в вооруженном противостоянии, в том числе поставками необходимого вооружения [Казимиров 2015].

В целом за период с 1992 по 1994 гг. на начальных этапах процесса урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта, кроме установления сроков режима прекращения огня и проведения экстренных встреч между представителями конфликтующих сторон, ни Россия, ни «Минская группа» не смогли добиться мирного разрешения конфликта.

1994–1999 гг. Начиная с 1994 года Россия подчеркивала свою доминирующую роль в процессе урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта. Так, Министр обороны РФ П. Грачев первым инициировал обсуждение вопроса о прекращении военных действий, организовав встречу с Министрами обороны Армении (С. Саргсян) и Азербайджана (М. Мамедов) в Москве 18 февраля 1994 года. Дальнейшие действия были осуществлены путем проведения в Бишкеке 5 мая 1994 года переговоров, в рамках которых при посредничестве России и Кыргызстана представители Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха договорились о перемирии и прекращении огня. «Бишкекский протокол» был подписан посредством так называемой «факсовой дипломатии», когда по факсимильной связи было получено три отдельных соглашения о прекращении огня от каждой из сторон конфликта. Еще одним важным моментом в урегулировании конфликта стало прекращение огня без участия миротворческих сил.

Поворотным моментом в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта стал Лиссабонский саммит ОБСЕ в декабре 1996 года, в ходе которого участники «Минской группы» (при сопредседательстве России) рекомендовали три пункта урегулирования конфликта: «наивысший уровень управления Нагорного Карабаха в Азербайджане, территориальная целостность Армении и Азербайджана, а также безопасность Нагорного Карабаха»⁶. Несмотря на то, что все члены «Минской группы» согласились с предложенными пунктами, Армения воспользовалась своим правом вето, подчеркнув, что статус Нагорного Карабаха должен определяться в соответствии с принципом самоопределения [Гайдук, Смирнова 2013].

В июле 1997 года «Минская группа» под председательством Франции представила пакет решений по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта, который включал два положения: прекращение боевых действий; статус Нагорного Карабаха без установления конкретных сроков. Предложение было отвергнуто со стороны властей Нагорного Карабаха по двум основным причинам: во-первых, население Нагорного Карабаха не выражало право на самоопределение; во-вторых, Нагорный Карабах не может установить дружественные отношения с Азербайджаном [Там же]. В ноябре 1998 года «Минская группа» представила свое новое предложение по урегулированию конфликта — предложение об «общем государстве», согласно которому Азербайджан и Нагорный Карабах должны были образовать две составные части единого государства. Однако Азербайджан был против этого предложения из-за невозможности сохранения его территориальной целостности. Россия также не поддерживала предложение об «общем государстве» как механизм урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта.

Начиная с апреля 1999 годы переговоры по Нагорному Карабаху велись на уровне президентов. Во время московского саммита СНГ 1 апреля 1999 года состоялась встреча между Р. Кочаряном и Г. Алиевым, дискуссия продолжилась 26 апреля 1999 года в Вашингтоне. В рамках этих встреч было выдвинуто предложение об обмене землями — присоединение Нагорного Карабаха к Армении и контроль Мегринского района Армении со стороны Азербайджана.

⁶ Lisbon Document 1996 // OSCE [Электронный ресурс]. URL: <http://www.osce.org/mc/39539?download=true> (дата обращения: 05.10.2022).

Тем не менее подход «обмена землей» к урегулированию карабахского конфликта потерпел неудачу в апреле 2001 года после переговоров в рамках конференции «Минской группы» во Флориде, когда Г. Алиев отказался от подписания соглашения.

В целом в период с 1994 по 1999 гг. в ходе второго этапа процесса урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта было предпринято несколько серьезных шагов в направлении мирного разрешения конфронтации сторон. В то время Россия успешно использовала данный конфликт в качестве инструмента своей внешней политики. Тем не менее сохранение замороженного статуса конфликта было выгодно для России, так как власти страны воспринимали мирное разрешение Нагорно-Карабахской проблемы как возможную угрозу расширению влияния России в Южно-Кавказском регионе.

2000–2008 гг. До 2008 года открытых военных столкновений на территории Нагорного Карабаха не происходило. Новый этап переговоров по мирному урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта был ознаменован сменой власти в Армении, Азербайджане и России. Переговоры велись в рамках «Пражского процесса», основными пунктами обсуждения по которому стали проведение референдума в Нагорном Карабахе, а также определение особых условий для Кельбаджарского и Лачинского районов. В ходе «Пражского процесса» армянская сторона согласилась вывести войска из пяти районов Нагорного Карабаха, за исключением Кельбаджарского и Лачинского, принимая во внимание их стратегическую важность для Армении. Тем не менее «дело Кельбаджара» получило дальнейшее обсуждение во время встречи в Рамбуйе в 2006 году, когда Армения заявила, что выведет свои войска из Кельбаджара только после проведения референдума о статусе Нагорного Карабаха.

Далее в 2007 году в Мадриде участники Минской группы представили «Мадридские принципы», в рамках которых были разработаны основные положения мирного урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта: «возвращение территорий Нагорного Карабаха под контроль Азербайджана; предоставление Нагорному Карабаху временного статуса, гарантирующего его безопасность и самоуправление; открытие коридора между Арменией и Нагорным Карабахом; международные гарантии безопасности, включающие операцию по поддержанию мира и т.д.»⁷. Однако, несмотря на то, что Армения и Азербайджан согласились по ряду принципов, страны не пришли к общему решению относительно статуса Нагорного Карабаха.

В целом на протяжении 2000–2008 гг. Россия не проявляла каких-либо значимых попыток в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта.

2008–2012 гг. В марте 2008 года произошло крупнейшее вооруженное столкновение между конфликтующими сторонами в Нагорном Карабахе после перемирия и прекращения огня в 1994 году. На фоне данных событий, а также в условиях обострения Грузино-Осетино-Абхазского конфликта в августе 2008 года администрации нового Президента России Д.А. Медведева было важно продемонстрировать своим западным коллегам, что Нагорный Карабах — это отдельный случай, который будет урегулирован мирным путем благодаря посредническим усилиям России. Поэтому, чтобы снизить вероятность очередного крупного «взрыва» в регионе, 2 ноября 2008 года была проведена встреча президентов России, Армении и Азербайджана в замке Майендорф. Результатом этой инициативы стала «Декларация об урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта» — первое подписанное трехстороннее соглашение после прекращения огня в мае 1994 года. Президенты договорились использовать «Мадридские принципы» в качестве основы для начала мирного урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе.

⁷ OSCE Minsk Group Co-Chairs issue statement on Nagorno-Karabakh // OSCE [Электронный ресурс]. URL: <https://www.osce.org/mg/49237> (дата обращения: 05.10.2022).

Еще одним знаменательным событием в отношении карабахского урегулирования, произошедшим в период президентства Д.А. Медведева, стал саммит в Аквиле в 2009 году, в рамках которого была представлена обновленная версия «Мадридских принципов», которая представляла собой компромисс между правом на территориальную целостность и правом на самоопределение. Однако переговоры в рамках саммита не дали положительных результатов, так как армянская сторона не была готова принять Базовые принципы за основу для мирного урегулирования конфликта.

2012–2020 гг. В мае 2013 года Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров заявил, о необходимости разблокировки сложной ситуации в Нагорном Карабахе, поскольку сохранение мира и стабильности является приоритетом в рамках внешнеполитических задач. В свою очередь, В.В. Путин во время своего государственного визита в Армению 2 декабря 2013 года заявил: «Мы должны... добиться того, чтобы все спорные вопросы были решены исключительно политико-дипломатическими средствами... Россия приветствует возобновление прямых контактов между руководителями Армении и Азербайджана. Мы очень надеемся на здравый смысл и стремление к урегулированию с обеих сторон, будем всячески этому способствовать в рамках Минской группы ОБСЕ»⁸. Несмотря на заявления российских властей и попытки продолжить дипломатический процесс между противоборствующими сторонами для предотвращения возобновления боевых действий, в Нагорном Карабахе назревала эскалация конфликта.

В этом ключе «Минская группа» организовала встречу президентов Армении и Азербайджана 19 ноября 2013 года в Вене. Кроме того, на фоне эскалации конфликта в мае 2014 года В.В. Путин провел двусторонние встречи с президентами Армении и Азербайджана с целью убедить стороны найти взаимоприемлемые условия урегулирования конфликта.

Важно констатировать, что во время апрельских столкновений 2016 года Россия также активно занималась прекращением дальнейшего развития военного конфликта. Так, 2 апреля В.В. Путин призвал стороны к стабилизации ситуации и восстановлению режима прекращения огня, и 5 апреля 2016 года начальники штабов Армении и Азербайджана договорились прекратить боевые действия.

Кроме того, в июне 2016 года президент России организовал трехстороннюю президентскую встречу в Санкт-Петербурге с целью поддержания диалога между конфликтующими сторонами и укрепления режима прекращения боевых действий. 10 августа 2016 года на совместной пресс-конференции с С. Саргсяном В.В. Путин резюмировал позицию России по Нагорному Карабаху: «Россия заинтересована в снижении напряженности между Арменией и Азербайджаном... И Армения, и Азербайджан реально хотят найти выход из проблемы, с тем чтобы жить в мире, согласии, чтобы сотрудничать и развивать экономику... Нужно найти такие подходы и схемы, при которых никто бы не чувствовал себя ни победителем, ни побеждённым, чтобы это решение было выработано лидерами Армении и Азербайджана и принято обществом обеих стран»⁹. Данным заявлением В.В. Путин подчеркнул российскую доктрину сбалансированных отношений с Арменией и Азербайджаном.

2020–2022 гг. В 2020 году в Нагорном Карабахе началась эскалация конфликта — активные боевые действия начались в июле 2020 года, а затем продолжились в сентябре (Вторая Карабахская война, ставшая самой длительной и кровопролитной с момента прекращения огня в 1994 году, во время которой Азербайджан получал значительную военную и политическую поддержку

⁸ Пресс-конференция по итогам российско-армянских переговоров // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/19741> (дата обращения: 05.10.2022).

⁹ Пресс-конференция по итогам переговоров с Президентом Армении Сержем Саргсяном // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52684> (дата обращения: 05.10.2022).

со стороны Турции). Столкновения были прекращены только 9 ноября 2020 года после подписания соглашения между президентами России, Азербайджана и Армении о прекращении огня [Walt 2021]. Вторая Карабахская война 2020 года коренным образом изменила ситуацию в регионе — баланс сил сместился в сторону Азербайджана, ряд районов Нагорного Карабаха перешел под контроль Баку. Однако это не разрешило глубинных разногласий между двумя сторонами, особенно в отношении будущего статуса Нагорного Карабаха [Маслакова-Клауберг, Садыкова 2020].

Окончательное соглашение о прекращении огня во Второй Карабахской войне сопровождалось положением о размещении вдоль линии соприкосновения и Лачинского коридора российского миротворческого контингента.

Мандат, помимо оговорки о войсках и технике, гарантирует присутствие российских миротворцев сроком на 5 лет с возможностью продления по согласию обеих сторон.

В продолжение процесса урегулирования 11 января 2021 года в Москве состоялась встреча президентов России, Армении и Азербайджана, в рамках которой было подписано соглашение, одним из положений которого стало разблокирование всех экономических и транспортных коммуникаций в регионе [Waal 2021].

В ноябре 2021 года в Сочи были проведены трехсторонние переговоры, в рамках которых главы государств договорились о повышении уровня безопасности на территории Нагорного Карабаха, а также создании двусторонней комиссии по делимитации и последующей демаркации границы.

В марте 2022 года руководство Азербайджана при посредничестве «Минской группы» направило руководству Армении предложения по заключению мирного соглашения, в рамках которого были прописаны базовые принципы урегулирования, а именно: признание территориальной целостности и суверенитета сторон, неприкосновенности границ; отсутствие территориальных претензий; отказ от применения военных действий; проведение делимитации и демаркации границ; разблокирование транспортных и экономических коммуникаций и т.д.

Несмотря на подготовку Армении и Азербайджана к заключению мирного соглашения, обе стороны регулярно нарушают соглашения о прекращении огня, новая эскалация конфликта произошла в августе и сентябре 2022 года.

31 октября 2022 года прошли трехсторонние переговоры в Сочи, в рамках которых были подтверждены договоренности об обеспечении безопасности на территории Нагорного Карабаха и о дальнейших шагах к подписанию мирного договора.

В целом для азербайджанской стороны приоритетными задачами по регулированию конфликта в Нагорном Карабахе являются:

- снятие оккупации с занятых армянской стороной территорий;
- предоставление возможности беженцам вернуться на родину;
- установление мира и стабильности не только на Нагорно-Карабахских территориях, но и в Южно-Кавказском регионе в целом.

По мнению руководства Азербайджана, гарантом успешного процесса урегулирования конфликта должна стать разработка статуса Нагорного Карабаха с точки зрения международного права. Процесс определения формы государственного существования должен опираться на демократические принципы, которые включают в себя конструктивный диалог и мирные условия для переговоров.

Главным аргументом против позиции Армении со стороны Азербайджана является напоминание о принципе территориальной целостности государства, согласно которому другие страны обязаны уважать международно признанные границы. Другими словами, Армения обязана не вмешиваться в дела на территории Нагорного Карабаха, который принадлежит Азербайджану, используя в качестве повода проживание в нем армянской общины.

Позиция Армении в некоторых аспектах соответствует позиции Азербайджана, в частности в отношении обеспечения безопасности Нагорного Карабаха со стороны международного сообщества. Однако в других случаях позиция армянской стороны является камнем преткновения для дальнейшего урегулирования конфликта, в первую очередь по причине того, что Армения рассматривает вопрос о статусе Нагорного Карабаха при помощи принципа самоопределения народов, игнорируя принцип территориальной целостности Азербайджана.

В целом проблема Нагорного Карабаха на современном этапе является неразрешенной, несмотря на попытки сторон урегулировать конфликт мирным путем посредством переговорного процесса. При этом достаточно сложно с высокой точностью утверждать, какие действия нужно предпринять для урегулирования конфликта.

Заключение

Конфликт в Нагорном Карабахе является наиболее сложным и противоречивым этнополитическим конфликтом на постсоветском пространстве. Одна из причин конфликта — высокий уровень этнического национализма в регионе.

За три последних десятилетия конфликт в Нагорном Карабахе трансформировался из межэтнического противоборства в рамках единой страны — Советского Союза — в затяжной межгосударственный спор, оказывающий значительное воздействие на безопасность всего Кавказского региона. При этом эскалация противостояния между Арменией и Азербайджаном в сентябре 2020 года и дальнейшее продолжение в 2021–2022 гг. определили переход данного этнополитического конфликта на глобальный уровень — выход за пределы отдельно взятого региона.

Наиболее значимую роль в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта играет Россия, формы и механизмы участия которой были рассмотрены в настоящей статье. Было определено, что на протяжении последних тридцати лет она использовала различные переговорные и коммуникационные механизмы, направленные на мирное решение Нагорно-Карабахского конфликта. Однако в то же самое время России выгоден замороженный формат Нагорно-Карабахского конфликта, который является возможностью для сохранения дружеских отношений как с Арменией, так и с Азербайджаном, позволяет придерживаться нейтралитета в отношении любой из сторон. Выступая посредником в конфликте, Россия преследовала цель создать положительный имидж и сохранить сбалансированные отношения с противоборствующими сторонами, при этом она не смогла в полной мере контролировать ситуацию в регионе и позволила Нагорно-Карабахскому конфликту перерасти в войну. Дальнейшее мирное урегулирование конфликта в Нагорном Карабахе возможно при изменении отношения как конфликтующих сторон, так и России, выступающей в качестве посредника, к глубине конфликта и необходимости его компромиссного решения.

Список литературы:

- Гайдук В.В., Смирнова К.И. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 2(21). С. 79–87.
- Карсанова Е.С. Этнополитические конфликты: проблемы и опыт политико-правового регулирования. М.: Международный юридический институт при Минюсте РФ, 2008.
- Маслакова-Клауберг Н.И., Садыкова Э.Л. Обострение ситуации в нагорном Карабахе как геополитический вызов // Вестник института мировых цивилизаций. 2020. Т. 11. № 3(28). С. 51–57.
- Султыгов А.-Х.А. Этнополитические противоречия и формы их разрешения: исторический опыт и современные реалии. М.: Макс Пресс, 2016.
- Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Москва: ИЭА РАН, 2018.
- Хазанов Н.А. Политические практики регулирования межэтнических отношений в регионе // Регионоведение. 2015. № 2. С. 31–40.
- Minasyan S. The Nagorno-Karabakh Conflict in the Context of South Caucasus Regional Security Issues: An Armenian Perspective // Nationalities Papers. 2017. Vol. 45. Is. 1. P. 131–139. DOI: [10.1080/00905992.2016.1237938](https://doi.org/10.1080/00905992.2016.1237938)
- Waal T. The Nagorny Karabakh Conflict in Its Fourth Decade // CEPS Working Document. 2021. No. 2021-02. URL: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/the-nagorny-karabakh-conflict-in-its-fourth-decade/>
- Walt C. Azerbaijan and Armenia: The Nagorno Karabakh Conflict // Congressional Research Service. 2021. R46651. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/R46651.pdf>
- Zulfugarov T. The Obstacles to Resolution: An Azerbaijani Perspective // The Limits of Leadership. Elites and Societies in the Nagorny Karabakh Peace Process / ed. by L. Broers. London: Conciliation Resources, 2005. P. 38–41.

References:

- Gaiduk V.V., Smirnova K.I. (2021) Ethno-Political Conflicts in the Post-Soviet Area. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy*. 2021. No. 2(21). P. 79–87.
- Karsanova Ye.S. (2008) *Etnopoliticheskiye konflikty: problemy i opyt politiko-pravovogo regulirovaniya* [Ethnopolitical conflicts: Problems and experience of political and legal regulation]. Moscow: Mezhdunarodnyy yuridicheskiy institut pri Minyuste RF.
- Khazanov N.A. (2015) Political Practice of Regulation of Interethnic Relations in a Region. *Regionologiya*. No. 2. P. 31–40.
- Maslakova-Clauberg N.I., Sadykova E.L. (2020) Escalation of the Situation in Nagorno-Karabakh as a Geopolitical Challenge. *Vestnik instituta mirovykh tsivilizatsiy*. No. 3. P. 51–57.
- Minasyan S. (2017) The Nagorno-Karabakh Conflict in the Context of South Caucasus Regional Security Issues: An Armenian Perspective. *Nationalities Papers*. Vol. 45. Is. 1. P. 131–139. DOI: [10.1080/00905992.2016.1237938](https://doi.org/10.1080/00905992.2016.1237938)
- Sultygov A.-K.H.A. (2016) *Etnopoliticheskiye protivorechiya i formy ikh razresheniya: istoricheskiy opyt i sovremennyye realii* [Ethnopolitical contradictions and forms of their resolution: Historical experience and modern realities]. Moscow: Maks Press.

Tishkov V.A., Stepanov V.V. (eds.) (2018) *Fenomen etnicheskogo konflikta: mezhdistsiplinarnyy podkhod i obshchestvennyye praktiki. Opyt preduprezhdeniya i uregulirovaniya konfliktov* [The phenomenon of ethnic conflict: An interdisciplinary approach and social practices. Experience in preventing and resolving conflicts]. Moscow: IEA RAN.

Waal T. (2021) The Nagorny Karabakh Conflict in its Fourth Decade. *CEPS Working Document*. No. 2021-02. Available: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/the-nagorny-karabakh-conflict-in-its-fourth-decade/>

Walt C. (2021) Azerbaijan and Armenia: The Nagorno Karabakh Conflict. *Congressional Research Service*. R46651. Available: <https://sgp.fas.org/crs/row/R46651.pdf>

Zulfugarov T. (2005) The Obstacles to Resolution: An Azerbaijani Perspective. In: Broers L. (ed.) *The Limits of Leadership. Elites and Societies in the Nagorny Karabakh Peace Process*. P. 38-41.

Дата поступления/Received: 09.10.2022

Государственная система поддержки деятельности российских СМИ по продвижению их продукции на зарубежные информационные рынки в условиях информационных войн

Резниченко Сергей Анатольевич

Кандидат технических наук, доцент, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»; Финансовый университет при Правительстве РФ; Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, РФ.

E-mail: rsa_5@bk.ru

SPIN-код РИНЦ: [6229-0476](#)

ORCID ID: [0000-0002-1539-0457](#)

Гавришев Алексей Андреевич¹

Магистрант, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, РФ.

E-mail: alexxx.2008@inbox.ru

Аннотация

В статье на основе анализа актуальных источников, включая материалы крупнейших российских средств массовой информации (СМИ), проведен анализ государственной системы поддержки деятельности российских СМИ по продвижению их продукции на зарубежные информационные рынки в условиях информационных войн. Отмечено, что информационная война против российских СМИ за рубежом в настоящее время вышла на новый уровень. Современную государственную систему поддержки деятельности российских СМИ условно можно разделить на два вида: запретительные меры против иностранных СМИ и административные меры по стимулированию российских СМИ, работающих на зарубежном информационном рынке. В результате проведенного исследования показано, что в настоящее время, по сравнению с предыдущими годами, возросло влияние запретительных мер против иностранных СМИ для поддержки деятельности российских СМИ по продвижению их продукции на зарубежные информационные рынки. Развитие административных мер по стимулированию российских СМИ также продолжается. Предлагаются новые формы и методы, которые в перспективе должны позволить продвигать более успешно их продукцию на зарубежный информационный рынок. В заключение сделаны предложения по дальнейшему улучшению системы поддержки деятельности российских СМИ по продвижению их продукции на зарубежные информационные рынки. По мнению авторов, совокупное применение предложенных мер позволит в перспективе российским СМИ в условиях информационных войн выйти на новые зарубежные информационные рынки и закрепиться на рынках, на которых они уже присутствуют.

Ключевые слова

Средства массовой информации, зарубежный информационный рынок, информационная война, государственная система поддержки, запретительные меры, административные меры.

State Support System for Russian Mass Media Activities to Promote Their Products to Foreign Information Markets in the Context of Information Wars

Sergey A. Reznichenko

PhD, Associate Professor, National Research Nuclear University MEPhI; Financial University under the Government of the Russian Federation; Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University); Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

E-mail: rsa_5@bk.ru

ORCID ID: [0000-0002-1539-0457](#)

Aleksey A. Gavrishev²

Master's degree student, National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russian Federation.

E-mail: alexxx.2008@inbox.ru

Abstract

In this paper, based on the analysis of current sources, including materials of the largest Russian mass media, the analysis of the state system of support for the activities of Russian mass media to promote their products to foreign information markets in the context of information wars is carried out. It is noted that the information war against the Russian media abroad has now reached a new level. It is established that the modern state system of support for the activities of Russian media to promote their products to foreign information markets in the context of information wars can be divided into two types: prohibitive measures against foreign media and administrative measures to stimulate Russian media working in the foreign information market. As a result of the conducted research, it is shown that at present in comparison with previous years the influence of prohibitive measures against foreign media has increased to support the activities of Russian media to promote their products to foreign information markets. The development of administrative measures to stimulate Russian media working in the foreign information market is also continuing. New forms and methods are proposed, which in the future should make it possible to promote their products more successfully on the foreign information market. Taking into account the conducted research, proposals have been

¹ Корреспондирующий автор.

² Corresponding author.

made to further improve the system of support for the activities of Russian mass media to promote their products to foreign information markets. According to the authors, the combined application of the proposed measures will allow the Russian media in the future to enter new foreign information markets in the context of information wars and gain a foothold in the markets in which they are already present.

Keywords

Mass media, foreign information market, information war, state support system, prohibitive measures, administrative measures.

Введение

Новые технологии, пришедшие за последние десять лет на смену традиционным способам передачи массовой информации, кардинальным образом изменили очертания современного российского медиапространства. Ему стали присущи не просто возросший, а уже поистине подавляющий человека объем сообщений, активное развитие новых типов средств массовой информации (СМИ), глобальное распространение посредством интернет-технологий и т.д. [Стровский, Ильина 2013]. Новые технологические возможности, развивающиеся в информационном пространстве сегодня, вместе с тем лишь усугубили профессиональные дискуссии: изменилось ли сегодня, по сравнению с минувшими десятилетиями, качество самой массовой информации; каков охват российских СМИ и каково их влияние на мировое медиапространство; какие проблемы и препятствия существуют у отечественных СМИ [Там же].

Ответы на некоторые из этих вопросов, обозначающие актуальность указанной тематики, есть в официальных документах. В частности, в утратившей силу Доктрине информационной безопасности Российской Федерации³ было указано, что в Российской Федерации нет четкости при проведении государственной политики в области формирования российского информационного пространства, развития системы массовой информации, организации международного информационного обмена и интеграции информационного пространства России в мировое информационное пространство, что создает условия для вытеснения российских информационных агентств, СМИ с информационного рынка и деформации структуры международного информационного обмена. В условиях глобализации одной из главных причин этого была обозначена недостаточная государственная поддержка деятельности российских информационных агентств и СМИ, в частности по продвижению их продукции на зарубежный информационный рынок.

Для устранения указанных причин в 2005 году был открыт телеканал Russia Today (RT), ориентированный на международную аудиторию [Толоконникова, Будакова 2019]. Канал был создан с целью «отражать российскую позицию по главным вопросам международной политики», а также «информировать аудиторию о событиях и явлениях российской жизни»⁴. Запуск медиапредприятия, способного конкурировать со СМИ международного уровня, потребовал составления безошибочной теоретической концепции: принципы международного вещания RT стали своего рода кульминацией многолетней работы по определению места и имиджа России в контексте мирового опыта. Главный редактор телеканала RT М.С. Симоньян провела однажды любопытную параллель между национальным информационным телеканалом и Министерством обороны страны, подчеркнув, что отсутствие одного равнозначно упразднению другого. Главной особенностью телеканала в итоге считается не столько новостная сводка о жизни в России, сколько подача информации о мировых событиях под альтернативным углом [Там же, 93]. На фоне западных международных телеканалов RT резко выделяется нестандартным контентным наполнением: события одного дня могут быть освещены диаметрально

³ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 09.09.2000 № Пр-1895) // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/182535/> (дата обращения: 26.09.2022).

⁴ Имидж России собираются улучшить при помощи нового телеканала // Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2005/06/06/channel/> (дата обращения: 16.09.2022).

противоположным образом в сравнении, например, с британским информационным гигантом ВВС. На настоящий момент RT трансформировался в глобальную телевизионную сеть, включающую в себя несколько информационных телеканалов круглосуточного вещания на разных языках, видеоагентство и онлайн-порталы на нескольких языках. К десятилетию телеканала еженедельная аудитория RT достигла 68 млн зрителей в 37 странах мира. Важно отметить, что запуск телеканала RT стал лишь первым шагом на пути создания российских СМИ нового типа, ориентированных на зарубежную аудиторию. Дальнейшим шагом в данном направлении стало создание международного информационного агентства «Россия сегодня», в состав которого входит широко известное международное новостное агентство и радио Sputnik [Там же, 93–94].

Таким образом, можно заключить, что некоторые из целей в указанной области, в частности продвижение продукции российских информационных агентств и СМИ на зарубежный информационный рынок, описанные в утратившей силу Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, были частично достигнуты.

Вместе с тем в новой Доктрине информационной безопасности Российской Федерации⁵ указано, что в настоящее время отмечается тенденция к увеличению в зарубежных СМИ объема материалов, содержащих предвзятую оценку государственной политики Российской Федерации. Российские СМИ зачастую подвергаются за рубежом откровенной дискриминации, российским журналистам создаются препятствия для осуществления их профессиональной деятельности.

Здесь заметим, что в новой Доктрине нет понятия «информационное агентство», а присутствует понятие «СМИ». Статус информационного агентства определен статьей 23 Закона о СМИ⁶: на него одновременно распространяется статус редакции, издателя, распространителя и правовой режим средства массовой информации. Закрепляя статус информационного агентства, Закон о СМИ не дает определения данному термину. Специфика информационных агентств заключается в том, что информацию они распространяют не периодически, а по мере появления. Основными потребителями информации информационных агентств являются СМИ. При этом закон распространяет на информационные агентства правовой режим СМИ. Исходя из этого, в дальнейшем будем использовать понятие «СМИ», под которым в статье 2 Закона о СМИ понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием.

Кроме того, отметим такой важный документ, как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации⁷, в которой указано, что в настоящее время в некоторых странах вводятся прямые запреты на работу российских СМИ и использование российских информационных ресурсов. В связи с этим обозначена необходимость укрепления позиций российских СМИ в глобальном информационном пространстве и доведение до широких кругов мировой общественности российской точки зрения на международные процессы. В соответствии с Концепцией внешней политики Российской Федерации⁸, более подробно раскрывающей данный вопрос, добиться этого возможно в том числе развитием собственных эффективных средств информационного влияния

⁵ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646) // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71556224/> (дата обращения: 26.09.2022).

⁶ Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 «О средствах массовой информации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 26.09.2022); Рекомендации по соблюдению отдельных требований действующего законодательства Российской Федерации в сфере массовых коммуникации // Роскомнадзор [Электронный ресурс]. URL: <https://70.rkn.gov.ru/directions/p1892/p5732/p19443/> (дата обращения: 26.09.2022).

⁷ Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 26.09.2022).

⁸ Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. N 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71552062/> (дата обращения: 26.09.2022).

на общественное мнение за рубежом, содействием усилению позиций российских и русскоязычных СМИ в мировом информационном пространстве, предоставлением им необходимой для этого государственной поддержки и т.д. В этих целях предполагается более широкое использование новых информационно-коммуникационных технологий. Российская Федерация будет также добиваться формирования комплекса правовых и этических норм безопасного использования таких технологий. Россия отстаивает право каждого человека на доступ к объективной информации о событиях в мире, а также к различным точкам зрения на эти события.

СМИ в условиях информационных войн (обзор литературы)

В настоящее время не хватает созданного ранее задела для продвижения продукции российских СМИ на зарубежный информационный рынок. Кроме привычных проблем, например финансовых, также существуют и иные проблемы, которые силами и средствами самих СМИ не преодолеть. В качестве таких проблем в первую очередь следует выделить так называемые информационные войны, которые стали неотвратимой реальностью современного постиндустриального мира. В настоящее время, согласно исследованиям различных авторов, при поддержке интернета, социальных сетей и других цифровых технологий информационные войны превратились в полноценный инструмент, который позволяет преобразовывать реальность в нужном направлении для противоборствующих сторон и добиваться положительного к себе отношения со стороны мирового сообщества, успешного доведения до массовой аудитории выгодного восприятия своих позиций на мировой арене и т.д. Например, одной из основных угроз информационной безопасности России в сфере массовых коммуникаций является снижение качества национальных СМИ [Алексеев 2017]. Интересы государства и гражданского общества требуют консолидации усилий в деле создания благоприятных условий для роста авторитета и качества отечественных СМИ, их экономической самостоятельности и политической ответственности. В работе [Ахмадеев и др. 2021] проведена оценка эффективности фейковых новостей как инструмента информационной войны в восприятии молодого поколения граждан России. В результате проведенных исследований выявлено, что чаще всего, по мнению молодого поколения граждан России, ложные новости связаны с международными отношениями и внешней политикой России и направлены на определенные профессиональные структуры, конкретные институты и организации, на конкретных людей или группы людей, затрагивая ценности широких слоев населения для оказания воздействия на общественное мнение. Рассматриваются также инструменты «мягкой силы», используемые Россией в публичной дипломатии, и отмечается значение информационных средств для эффективной деятельности в данной сфере, а также рост влияния таких современных способов обмена информацией, как социальные сети [Колеватова 2016]. В другой работе говорится, что одной из особенностей современной системы международных отношений является увеличение влияния на нее информационной составляющей. На примере информационного сопровождения Россией своей внешнеполитической деятельности в условиях противоборства с США показано, что СМИ играют все большую роль для достижения внешнеполитических целей [Ковшарь 2019].

Проводятся также исследования новейших практик информационных операций в сфере информационных войн, особенностей их гибридизации, а также новейших форм и методов противодействия [Манойло 2021]. Работа Е.П. Прохорова [Прохоров 2009] посвящена исследованию вопросов обеспечения информационной безопасности в деятельности СМИ. В ней предпринята попытка системного рассмотрения проблем массово-информационной безопасности; дается определение массово-информационной безопасности, опасности и угрозы

в этой сфере, характеризуется структура деятельности в СМИ по сохранению и поддержанию массово-информационной безопасности, организационные формы, необходимые для мониторинга и преодоления опасностей и угроз, для укрепления и развития массово-информационной безопасности.

В работе [Таказов, Загоскина 2022] рассматриваются СМИ как средство продвижения политики «мягкой силы» государств, их роль и эффективность в контексте повышения имиджа государства. Процесс информационно-психологического воздействия для формирования общественного мнения с помощью СМИ и контроль информационного ресурса предстают как неотъемлемая часть политики «мягкой силы». Отмечается, что сегодня СМИ являются «мягким» инструментом публичной дипломатии, но одновременно способны осуществлять «полумягкие» способы воздействия в контексте информационных войн [Там же, 148].

Н.И. Харитонов и А.С. Максимов [Харитонов, Максимов 2022] рассматривают проблемы взаимодействия России и стран Запада в условиях гибридной войны. В результате предложен новый комплексный стратегический подход, базирующийся на инверсивной векторной модели (в рамках векторного подхода) и позволяющий решить ключевые внешнеполитические задачи России, а также даны практические рекомендации, направленные на формирование таких характеристик внешней политики РФ, как проактивность, нацеленность на активное изменение геополитической реальности в пользу интересов национальной и международной безопасности, активизацию проектной и контрибридной деятельности.

В работах зарубежных авторов [Elsawah, Howard 2020] исследуются механизмы производства политических новостей и информации телеканала RT. Путем проведения углубленных интервью с нынешними и бывшими сотрудниками RT авторы данной работы пытаются доказать, что RT зачастую используется в качестве инструмента государственной политики для вмешательства в политику других государств.

В свете ухудшения отношений России с западными государствами на примере освещения каналом RT чемпионата мира по футболу 2018 года в России и реакции аудитории, вызванной этим, показано, что разрыв в доверии был между странами частично преодолен. На основе проведенного анализа установлено, что освещение чемпионата мира создало позитивное представление о России в различных, в том числе западных, странах. Таким образом, правильное освещение международными вещательными компаниями спортивных мегасобытий даже в условиях информационных войн может создать позитивный эффект у аудитории [Crilley et al. 2022a].

Некоторые примеры происходящих в настоящее время информационных войн были подняты на форуме современной журналистики «Вся Россия — 2021» в Сочи официальным представителем российского МИД М.В. Захаровой, затронувшей тему притеснения российских журналистов на Западе⁹. По мнению Марии Захаровой, на первые случаи притеснения российских журналистов и СМИ за рубежом надо было реагировать жестче. Официальный представитель российского дипломатического ведомства привела пример: корреспондентов РИА Новости не аккредитовали на церемонию у монумента в Нью-Йорке в память жертв теракта 11 сентября 2021 года. Российские СМИ, в том числе РИА Новости, Sputnik, ТАСС и ряд других, не впервые попадают под прессинг западных стран. Кроме того, глава российской дипломатии С.В. Лавров подчеркнул, что против российских СМИ фактически объявлена война. Примером притеснения российских журналистов и СМИ за рубежом является также снятие немецкоязычного телеканала Russia Today (RT DE) с европейского вещания.

⁹ Захарова: надо было жестче реагировать на первые притеснения наших СМИ за рубежом // Вести.Ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/article/2612189> (дата обращения: 26.09.2022).

Вместе с тем информационная война против российских СМИ вышла на новый уровень весной 2022 года [Мусиева 2022; Харитоновна, Максимов 2022; Crilley et al. 2022b]. В частности, в это время западные страны (Великобритания, страны Европейского союза, Канада, США и другие) запретили вещание RT и работу агентства Sputnik на своей территории¹⁰. Кроме того, Евросоюз ввел санкции против руководителей одних из крупнейших российских СМИ, в частности ТАСС, ВГТРК, газеты «Московский комсомолец»¹¹. Ознакомиться с полным перечнем запретов и ограничений в отношении российских СМИ и журналистов за рубежом возможно на сайте МИД России¹².

Таким образом, необходима целенаправленная и комплексная государственная поддержка российских СМИ. Поэтому исследования в данной области являются актуальными.

Целью данной статьи является анализ государственной системы поддержки деятельности российских СМИ по продвижению их продукции на зарубежные информационные рынки в условиях информационных войн.

Государственная система поддержки деятельности российских СМИ по продвижению их продукции на зарубежные информационные рынки в условиях информационных войн

Проведенный анализ нормативно-правовых документов, научных работ и материалов крупнейших российских СМИ позволил условно разделить государственную систему поддержки деятельности российских СМИ по продвижению их продукции на зарубежный информационный рынок в условиях информационных войн на два вида:

- запретительные меры против иностранных СМИ;
- административные меры по стимулированию российских СМИ, работающих на зарубежном информационном рынке.

Далее рассмотрим их более подробно.

Запретительные меры против иностранных СМИ. Член Комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции А.Л. Шхагошев, комментируя случай запрета вещания RT DE, заявил о необходимости выработать новые механизмы защиты российских СМИ¹³, так как существующие механизмы не справляются с этой ситуацией. Одним из возможных направлений защиты российских массмедиа являются запретительные меры против иностранных СМИ. Известно, что СМИ — важная составляющая так называемой «мягкой силы», основной задачей которой является формирование лояльной по отношению к государству, проводящему политику «мягкой силы», политической элиты и общества государства-объекта, преподнесение политических и/или экономических трансформаций в качестве прямого интереса и выгоды. Кроме того, как было показано во многих исследованиях (см., например, [Алексеев 2017; Ахмадеев и др. 2021; Колеватова 2016]), с помощью СМИ становится возможным не только повышать собственный потенциал влияния, но и создавать негативный, а иногда и нелегитимный образ третьей стороны. Участвовавшие случаи запрета российских СМИ в некоторых государствах

¹⁰ ЕС запрещает вещание RT и работу агентства Sputnik // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/03/02/es-zapreshchaet-veshchanie-rt-i-rabotu-agentstva-sputnik.html> (дата обращения: 26.09.2022); RT прекращает производство контента в США / Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5240428> (дата обращения: 26.09.2022).

¹¹ Евросоюз ввел санкции против руководителей крупнейших российских СМИ // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/04/09/evrosioiuz-vvel-sankcii-protiv-rukovoditelej-krupnejshih-rossijskih-smi.html> (дата обращения: 26.09.2022).

¹² Репрессии в отношении российских СМИ и журналистов за рубежом // МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/press_service/journalist_help/repressions/ (дата обращения: 15.01.2023).

¹³ В Госдуме предложили создать новый механизм защиты СМИ // Парламентская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-gosdume-predlozhili-sozdat-novyy-mekhanizm-zashhity-svobodnoy-raboty-smi.html> (дата обращения: 26.09.2022).

в рамках информационных войн прямо на это указывают и ведут к тому, что СМИ таких стран, работающие в России, получают преимущество в информационном поле над российскими СМИ, работающими за рубежом. На это прямо указывают российские законодатели¹⁴: в реалиях современной геополитической обстановки СМИ становятся инструментом влияния на информационное состояние общества. Запрет или ограничение работы российских СМИ недопустимо и противоречит основополагающим принципам свободы распространения информации. В этих условиях целесообразным является нормативное закрепление государственных симметричных и оперативных контрмер на нелегитимные действия и решения, принимаемые иностранными государствами в отношении российских СМИ, осуществляющих деятельность за рубежом.

Определенные шаги в этом направлении уже сделаны. Так, в России в ответ на запретительные меры против российских СМИ за рубежом были закрыты корпункты, аннулированы аккредитации и российские визы для журналистов немецкой Deutsche Welle и канадской CBC¹⁵. Кроме того, в ответ на противоправные действия против российских СМИ за рубежом на территории России был заблокирован доступ к ряду популярных иностранных СМИ¹⁶, а корреспонденту «Би-би-си» (финансируемой государством) Саре Рейнсфорд отказали в продлении визы и аккредитации. Кроме того, для защиты прав граждан в конце 2020 года был принят закон, который направлен на борьбу с цензурой со стороны зарубежных интернет-платформ по отношению к материалам российских СМИ¹⁷. Так, Роскомнадзор с прошлого года зафиксировал уже 51 случай цензуры материалов российских СМИ и их официальных аккаунтов со стороны зарубежных интернет-площадок. В ведомстве отмечают, что наиболее часто цензуре подвергаются материалы российских СМИ (Sputnik, RT), вещающих на международную аудиторию¹⁸.

По следам происходящих событий депутаты Госдумы подготовили инициативу, согласно которой предусмотрен быстрый и симметричный ответ на недружественные действия в отношении российских СМИ за рубежом. По словам председателя комиссии Госдумы по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России В.И. Пискарева, эта инициатива позволит российским компетентным органам оперативно отреагировать и дать зеркальный ответ на недружественные действия в отношении наших СМИ за рубежом. Предложенная поправка предоставляет право Генеральному прокурору или его заместителям по согласованию с МИД России в случае выявления таких недружественных действий иностранного государства оперативно принять решение о запрете или ограничении деятельности на территории России СМИ этой страны¹⁹. По итогам рассмотрения указанной инициативы был принят ФЗ от 14.07.2022 № 277-ФЗ²⁰.

¹⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/101646-8> (дата обращения: 28.09.2022).

¹⁵ Трансляцию Deutsche Welle запретят в России в ответ на блокировку RT DE // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/02/2022/61fbd8719a7947794f8197d3> (дата обращения: 26.09.2022); МИД объявил о закрытии московского бюро канадской CBC // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/841565> (дата обращения: 26.09.2022).

¹⁶ В России заблокировали сайт Euronews // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/830473> (дата обращения: 26.09.2022); BBC возобновит работу в России // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/826959> (дата обращения: 26.09.2022).

¹⁷ Роскомнадзор сообщил о 51 случае цензуры материалов российских СМИ // Парламентская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/social/roskomnadzor-soobshhil-o-51-sluchae-cenzury-materialov-rossijskikh-smi.html> (дата обращения: 26.09.2022).

¹⁸ Роскомнадзор рассказал о случаях цензуры материалов российских СМИ // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20211124/tsenzura-1760449494.html> (дата обращения: 26.09.2022).

¹⁹ Недружественные действия в отношении российских СМИ вызовут симметричный ответ — Пискарев // РАПСИ [Электронный ресурс]. URL: http://rapsinews.ru/incident_news/20220405/307856408.html (дата обращения: 26.09.2022); Внесен законопроект о зеркальных ответных мерах на запрет российских СМИ за рубежом // Государственная Дума [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/53996/> (дата обращения: 26.09.2022).

²⁰ ФЗ от 14.07.2022 № 277-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140041?index=0> (дата обращения: 28.09.2022).

Кроме того, власти России разрабатывают дополнительный пакет санкций в отношении англосаксонских СМИ, работающих в РФ²¹. Как заявила официальный представитель МИД России М.В. Захарова, Россия даст адекватный ответ на все недружественные действия в отношении отечественных СМИ за рубежом. Одним из недавних примеров таких ответных мер является расторжение Российской Федерацией меморандума о взаимопонимании с США в области культуры, образования и СМИ²². В частности, данный меморандум должен был содействовать упрочению взаимного сотрудничества в области культуры, гуманитарных и общественных наук, образования, архивного дела и СМИ, в том числе помогая обмену и контактам между представителями СМИ двух стран.

Другим примером запретительных мер может являться так называемый закон о СМИ-иноагентах. Согласно этому закону, иноагентами могут быть признаны СМИ, получающие финансовую помощь от иностранных государств или организаций. Изменения были внесены в статью 6 закона «О средствах массовой информации». Поправки о статусе СМИ-иноагентов стали вынужденной ответной мерой на притеснение российских СМИ в США и, в частности, признание RT America иностранным агентом. Сообщается²³, что работа СМИ-иноагентов будет ограничена в обеих палатах российского парламента: Совете Федерации и Госдуме. Не исключено, что региональным парламентам также будет рекомендовано не пускать журналистов подобных изданий.

С целью совершенствования законодательства о СМИ-иноагентах группа сенаторов и депутатов внесла в Госдуму проект закона о контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием²⁴. Документ обобщает нормы российского законодательства об иноагентах. Так, уточняются понятия «иностранный агент», «иностранное влияние», «иностранный источник», «политический деятель»; определяется, кто может быть признан иноагентом; вводится единый реестр иноагентов вместо существующих четырех; определяется порядок включения и исключения из него. Как заявил сенатор А.А. Климов, указанный законопроект не только систематизирует ранее принятые правовые нормы в отношении иностранных агентов, но и вносит ряд дополнений, которые, с одной стороны, учитывают опыт их применения за десятилетний период, а с другой, позволяют ответить на новые внешние вызовы. По итогам рассмотрения указанной инициативы был принят ФЗ от 14.07.2022 № 255-ФЗ²⁵.

Обратим также внимание на такую важную проблему, как борьба с фейками в СМИ, острота которой в настоящее время вышла на новый уровень [Ахмадеев и др. 2021]. Так, только в 2020 году рабочая группа Общественной палаты РФ выявила 35 тысяч фейковых новостей в интернете, в том числе на сайтах официальных СМИ, в 2021 году их стало еще больше²⁶. Из-за этого в последние годы был принят ряд нормативных актов, направленных на борьбу с фейками. В частности, основополагающие законы об ответственности за распространение в интернете фейковых

²¹ Захарова заявила, что Москва работает над санкциями в отношении англосаксонских СМИ // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/14724609> (дата обращения: 26.09.2022).

²² Россия расторгла меморандум о взаимопонимании с США в области культуры, образования и СМИ // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/14772111> (дата обращения: 30.09.2022).

²³ Минюст определил список СМИ-иноагентов: пока их девять // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20171205/1510268451.html> (дата обращения: 26.09.2022).

²⁴ Климов: законопроект об иноагентах позволит ответить на внешние вызовы // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220524/inoagency-1790443615.html> (дата обращения: 26.09.2022).

²⁵ ФЗ от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140018?index=0> (дата обращения: 28.09.2022).

²⁶ От фейков спасут цифровая грамотность и высокие штрафы // Парламентская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/social/ot-feykov-spasut-cifrovaya-gramotnost-i-vysokie-shtrafy.html> (дата обращения: 26.09.2022).

новостей вступили в силу 29 марта 2019 года²⁷. Данные документы предусматривают блокировку недостоверных и искажающих факты (фейковых) новостей, дополняют перечень информации, доступ к которой может быть ограничен по требованию Генерального прокурора РФ или его заместителей. Законами также были введены штрафы за распространение фейковых новостей²⁸. Однако в последующем с учетом практики их правоприменения и новых вызовов, связанных с фейками, было предложено законы усовершенствовать. Так, к настоящему времени в отдельных случаях предусмотрено уголовное наказание за распространение фейков²⁹. Кроме того, заместитель председателя комиссии Общественной палаты РФ по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций А.А. Малькевич назвал важным закон о борьбе с недостоверными и искажающими факты новостями, однако отметил, что документ нуждается в доработке, в том числе с использованием иностранного опыта. Так, например, в США существует закон, согласно которому осужденные хакеры и прочие киберпреступники лишаются возможности пользоваться интернетом. Поэтому российское законодательство по борьбе с фейками с учетом происходящих в мире изменений, в том числе и в сфере цифровых технологий, следует совершенствовать.

Отдельно отмечается проблема с блогерами³⁰. Пока в России отдельного законодательства для сетевых писателей не существует. По словам А.А. Малькевича, блогеров нужно наделить правами и обязанностями СМИ, чтобы хоть как-то нивелировать ту пропасть, что есть сейчас, так как СМИ по закону отвечают за свои слова, проверяют информацию, выполняют огромное количество предписаний. Но «погоня» за блогерами вынуждает допускать все больше ошибок на страницах прессы, а общий уровень подготовки журналистов снижается. Одной из причин этого является нехватка на факультетах журналистики практиков. Поэтому этот важный вопрос тоже требует незамедлительных решений.

Для более эффективной борьбы с фейками, помимо законодательных инициатив, также было объявлено о запуске информационного ресурса «Объясняем.рф» с проверенной информацией на фоне фейков и слухов³¹. Данный сервис будет работать по аналогии с известным российским сайтом «Стопкоронавирус.рф», который предоставляет информацию о COVID-19. На портале для борьбы с фейками публикуются актуальные материалы для граждан, связанные в том числе с работой транспорта, учебных заведений, ценами на продукты и т.д. Помимо того, на нем приводятся разоблачения недостоверной информации. На ресурсе также будет доступна форма обратной связи, через которую граждане смогут направить свои вопросы. Следует заметить, что борьба с фейками — это прерогатива не только государства, но и гражданского общества. Так, крупнейшие российские IT-компании и СМИ в инициативном порядке подписали меморандум о борьбе с фейками³²: крупнейшие российские IT-компании, медиахолдинги и издания объединились для системной борьбы с недостоверной информацией в интернете и создания

²⁷ Федеральный закон «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 18.03.2019 N 31-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320401/ (дата обращения: 28.09.2022); Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 18.03.2019 N 27-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320399/ (дата обращения: 28.09.2022).

²⁸ В ОП назвали важным закон о борьбе с фейками // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13160441> (дата обращения: 26.09.2022).

²⁹ Федеральный закон от 04.03.2022 N 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410887/ (дата обращения: 26.09.2022).

³⁰ От фейков спасут цифровая грамотность и высокие штрафы // Парламентская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/social/ot-feykov-spasut-cifrovaya-gramotnost-i-vysokie-shtrafy.html> (дата обращения: 26.09.2022).

³¹ В России запустили ресурс для борьбы с фейками // Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/01/explain> (дата обращения: 26.09.2022).

³² Крупнейшие российские IT-компании и СМИ подписали в ТАСС меморандум о борьбе с фейками // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12604685> (дата обращения: 26.09.2022).

безопасной информационной среды, что отвечает требованиям настоящего времени. Данный меморандум возможно считать одним из первых шагов на пути к более эффективной и широкой борьбе с фейками в России.

Административные меры по стимулированию российских СМИ, работающих на зарубежном информационном рынке. Одной из важных мер по стимулированию российских СМИ, работающих на зарубежном информационном рынке, является их финансирование. Как сообщает РБК³³, в 2021 году на поддержку СМИ из федерального бюджета были выделены почти 102,8 млрд руб. Таким образом, формально Минфин предложил увеличить господдержку СМИ на 40%. Но по сравнению с тем, сколько средств было выделено СМИ в 2020 году (101,2 млрд руб.), предложенная в 2021 году корректировка оказалась незначительной — государство фактически сохранило размер субсидий на прежнем уровне. Как объяснил представитель МИА «Россия сегодня», цифры, касающиеся непосредственно информационного агентства, — это не увеличение, а восстановление финансирования до уровня 2020 года, так как базовые лимиты на 2021–2022 годы, запланированные ранее в проекте трехлетнего бюджета, были сильно занижены.

В настоящее время расходы на рекламу — ключевой источник доходов медиакомпаний — падают. По итогам первого полугодия 2020 года рекламодатели, по оценке Ассоциации коммуникационных агентств России, снизили свои бюджеты в целом на 9%, до 205–207 млрд руб. По итогам всего 2020 года расходы на рекламу снизятся на 5%, до 470,3 млрд руб. (по оценке агентства Zenith). Российский офис Dentsu Aegis Network в сентябре представил свой прогноз: при оптимистическом сценарии без повторного локдауна затраты на рекламу в этом году снизятся почти на 11%. Пессимистичный сценарий с новыми самоограничениями подразумевает падение рекламного рынка в 2020 году на 18% и небольшой рост в 2021. Поэтому финансовая поддержка отечественных СМИ со стороны государства является важной для отрасли.

В 2021 году российские СМИ получили следующие суммы³⁴: RT — 27,3 млрд рублей, ВГТРК — 25 млрд рублей, «Россия сегодня» — 7,6 млрд рублей, «Первый канал» — 6 млрд рублей. По планам на 2022 год российские СМИ должны получить 111,2 млрд рублей, из них телеканал RT получит 28,7 млрд рублей, ВГТРК — 25,2 млрд рублей. Еще 9,4 млрд рублей выделено холдингу «Россия сегодня», а «Первому каналу» — 6,3 млрд рублей. ТАСС получит 3,1 млрд рублей. Как видно, в текущем году предусмотрено некоторое увеличение финансирования российских СМИ.

В качестве другого примера административных мер по стимулированию российских СМИ, работающих на зарубежном информационном рынке, можно рассмотреть меру, предложенную в Общественной палате³⁵. В частности, предлагается снять с государственных СМИ обязательства тратить бюджетные средства через официальные госзакупки, так как проведение всех обязательных процедур требует значительных временных ресурсов. Необходима либо их временная приостановка, либо пересмотр законов, связанных с проведением госзакупок государственными СМИ.

³³ Власти отказались от снижения господдержки СМИ на фоне пандемии // РБК [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/17/09/2020/5f61f7899a7947687f22edc1 (дата обращения: 26.09.2022).

³⁴ Там же.

³⁵ Российским СМИ не хватает свободы бюджета // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5239569> (дата обращения: 26.09.2022).

Следует также отметить меры, представляемые самими СМИ. Так, Союз журналистов России (СЖР) направил в правительство и Госдуму свои предложения по срочной поддержке российских СМИ³⁶. В Союзе отметили, что в текущих условиях российские массмедиа оказались на грани выживания, поскольку у подавляющего большинства редакций рекламные доходы упали более чем в два раза. Для многих изданий бесперебойное обеспечение производственных процессов становится все более трудно исполнимой задачей. СЖР, в частности, предлагает властям взять под контроль повышение тарифов операторов связи, в том числе и спутниковой связи; обеспечить контроль над ростом цен, вплоть до моратория на рост цен на бумагу отечественного производства; приостановить налоговые проверки и в 2022–2023 гг. ввести упрощенную процедуру ускоренного переоформления или продления вещательных лицензий. Кроме того, Союз предложил разрешить рекламу пива во всех зарегистрированных СМИ, а также рекламу отпускаемых по рецептам лекарственных препаратов во всех зарегистрированных печатных и сетевых СМИ и ряд других шагов, которые помогут СМИ пережить трудные времена.

Еще одним примером таких мер может являться использование так называемых Русских домов, созданных при посольствах РФ в зарубежных странах³⁷. Сообщается, что Россотрудничество намерено содействовать продвижению цифровых образовательных площадок на русском языке за рубежом. Об этом сообщил заместитель руководителя агентства Д.В. Поликанов, выступая на встрече с экспертами бизнес-платформы Общероссийского народного фронта. По его словам, Россотрудничество выделяет три основных направления, в которых важно использовать цифровые образовательные площадки на русском языке: работа с соотечественниками, подготовка детей к поступлению в российские вузы и обучение взрослых. Русские дома по всему миру готовы рассказывать об образовательных проектах на своих онлайн-ресурсах, предоставлять площадки для офлайн-мероприятий и реализовывать совместные акции, например диктанты, олимпиады, марафоны.

Следует обратить внимание на активность российских СМИ в отечественных соцсетях: она значительно увеличилась после запрета в России иностранных социальных сетей³⁸. Например, в марте 2022 года количество просмотров платформы «Смотрим» ВГТРК превысило 100 миллионов впервые с момента ее запуска. СМИ следует обратить большее внимание на отечественные соцсети, так как они имеют широкие возможности по продвижению продукции российских СМИ как на внутренний, так и на международный рынок.

В качестве еще одной меры рассмотрим следующую. Интерфакс сообщает³⁹, что Минцифры подготовило законопроект, по которому СМИ, учрежденные государственными органами или организациями, освободят от обязанности отчитываться об иностранном финансировании, так как через них невозможны попытки влияния извне для формирования «искаженной картины политической действительности». Речь идет о поправках, которые дополняют список исключений в статье 19.2 закона «О СМИ» (уведомление о получении редакцией СМИ, вещателем или издателем денежных средств от иностранных источников): «СМИ, учредителями которых выступили федеральные органы госвласти или учрежденные ими организации или организации, основная деятельность которых финансируется за счет средств (субсидий), предоставленных из федерального бюджета». Сейчас все СМИ, кроме зарубежных и созданных по международным

³⁶ СЖР предложил властям поддержать СМИ, разрешив рекламу пива // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/839774> (дата обращения: 26.09.2022).

³⁷ Россотрудничество будет продвигать цифровые образовательные площадки за рубежом // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12162869> (дата обращения: 26.09.2022).

³⁸ Российские СМИ рассказали, как работают без иностранных соцсетей // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220408/sotsseti-1782554305.html> (дата обращения: 26.09.2022).

³⁹ Российские госСМИ освободят от отчетности об иностранном финансировании // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/768548> (дата обращения: 26.09.2022).

договорам России, должны раз в квартал отчитываться об иностранном финансировании. Это требование ввели, чтобы граждане России могли знать «о подготовке коммерческими СМИ» материалов «на средства иностранных организаций, представляющих опасность для интересов российского общества и государства в условиях, когда в ряде стран усилилось давление на российские СМИ, путем раскрытия сведений о получаемых доходах». «Вместе с тем попытки влиять извне на российское информационное пространство с целью предвзятого информирования и создания искаженной картины политической действительности могут иметь место только в отношении коммерческих СМИ, не имеющих государственного финансирования (субсидий) и установленных органами государственной власти приоритетных целей и видов деятельности таких СМИ», — пояснили в Минцифры⁴⁰.

Заключение

Анализ нормативно-правовых документов, научных работ и материалов крупнейших российских СМИ позволил провести анализ государственной системы поддержки деятельности российских СМИ по продвижению их продукции на зарубежный информационный рынок в условиях информационных войн. Отмечено, что информационная война против российских СМИ за рубежом в настоящее время вышла на новый уровень, и установлено, что государственную систему поддержки деятельности российских СМИ условно можно разделить на два вида: запретительные меры против иностранных СМИ и административные меры по стимулированию российских СМИ, работающих на зарубежном информационном рынке.

В результате показано, что в настоящее время, по сравнению с предыдущими годами, возросло влияние запретительных мер против иностранных СМИ для поддержки деятельности российских СМИ по продвижению их продукции на зарубежный информационный рынок. Развитие административных мер по стимулированию российских СМИ также продолжается. Предлагаются новые формы и методы, которые в перспективе должны позволить продвигать более успешно их продукцию на зарубежный информационный рынок

С учетом сказанного и проведенных исследований, по мнению авторов, для дальнейшего улучшения продвижения продукции российских СМИ на зарубежный информационный рынок в условиях информационных войн необходимо сделать следующее:

- 1) принять на государственном уровне отсутствующие в настоящее время отдельные нормативные документы стратегического и тактического содержания, которые бы подробно регламентировали вопросы государственной системы поддержки деятельности российских СМИ по продвижению их продукции на зарубежный информационный рынок на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу;
- 2) развивать законодательство в области запретительных мер против иностранных СМИ, поддержки отечественных СМИ, а также в области борьбы с фейками и других смежных областях;
- 3) закрепить за Генеральной прокуратурой Российской Федерации (по согласованию с Министерством иностранных дел Российской Федерации) область, связанную с запретительными мерами против иностранных СМИ. Наделить Генеральную прокуратуру Российской Федерации соответствующими правами и обязанностями;

⁴⁰ Российские госСМИ освободят от отчетности об иностранном финансировании // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/768548> (дата обращения: 26.09.2022).

- 4) закрепить за Министерством иностранных дел Российской Федерации область, связанную с административными мерами по стимулированию российских СМИ, работающих на зарубежном информационном рынке. Наделить Министерство иностранных дел Российской Федерации соответствующими правами и обязанностями;
- 5) закрепить за Роскомнадзором (по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Министерством иностранных дел Российской Федерации) область, связанную с запретительными мерами против иностранных СМИ и административными мерами по стимулированию российских СМИ, работающих на зарубежном информационном рынке, в части инфокоммуникационных технологий. Наделить Роскомнадзор соответствующими правами и обязанностями;
- 6) создать координационный совет по вопросам государственной системы поддержки деятельности российских СМИ по продвижению их продукции на зарубежный информационный рынок, в состав которого включить Генеральную прокуратуру Российской Федерации, Министерство иностранных дел Российской Федерации, Министерство финансов Российской Федерации, Роскомнадзор, представителей крупнейших СМИ и другие заинтересованные организации. Наделить данный совет соответствующими правами и обязанностями;
- 7) кратно увеличить финансирование отечественных СМИ, работающих на зарубежном информационном рынке, и убрать излишние административные преграды для их работы;
- 8) развивать российские аналоги западных цифровых платформ для СМИ;
- 9) во всех международных организациях, в которых состоит Российская Федерация, на систематической основе поднимать тему притеснения СМИ западными странами;
- 10) разработать международный основополагающий нормативный документ, направленный на защиту СМИ от притеснений, и способствовать его широкому внедрению в мировую практику;
- 11) пересмотреть с учетом текущей ситуации международные договоры, связанные с тематикой СМИ, в том числе двухсторонние договоры со странами Запада;
- 12) расширять охват международных информационных рынков, в частности следует обратить более широкое внимание на страны СНГ, Азии, Центральной и Южной Америки, Африки;
- 13) поддерживать деловые отношения официальных лиц Российской Федерации с представителями иностранных СМИ, в том числе и СМИ западных стран;
- 14) обновить образовательные программы по журналистике и смежным областям с учетом произошедших за последние годы изменений в информационной сфере.

Хотя, конечно, список мер для поддержки деятельности российских СМИ по продвижению их продукции на зарубежный информационный рынок не ограничен представленным, однако совокупное применение указанных мер, по мнению авторов, позволит в перспективе российским СМИ в условиях информационных войн выйти на новые зарубежные информационные рынки и закрепиться на рынках, на которых они уже присутствуют.

Список литературы:

Алексеев Г.В. Безопасность в системе государственного регулирования распространения массовой информации // Управленческое консультирование. 2017. № 7. С. 8–19. DOI: [10.22394/1726-1139-2017-7-8-19](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-7-8-19)

Ахмадеев К.Н., Бреслер М.Г., Манойло А.В. Эффективность fake news как инструмента информационной войны в восприятии поколения Z // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 3. С. 8–32. DOI: [10.18384/2224-0209-2021-3-1084](https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-3-1084)

- Ковшарь М. Эффективность информационного сопровождения Россией своей внешнеполитической деятельности в условиях противоборства с США // *Международная жизнь*. 2019. № 8. С. 50–59.
- Колеватова Т.С. Современные средства информации в публичной дипломатии России // *Власть*. 2016. Т. 24. № 1. С. 51–56.
- Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность (II) // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2021. № 2. С. 110–148. DOI: [10.18384/2224-0209-2021-2-1075](https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-2-1075)
- Мусиева Д.М. «Гибридная война» коллективного Запада против России // *Информационные войны*. 2022. № 2(62). С. 29–35.
- Прохоров Е.П. Обеспечение информационной безопасности в деятельности СМИ. М.: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2009.
- Стровский Д.Л., Ильина О.В. Предисловие // *СМИ в условиях информационной глобализации: Материалы Международной научно-практической конференции*. Екатеринбург: Урал. фед. ун-т, 2013. С. 6–8.
- Таказов В.Д., Загоскина К.С. СМИ как инструмент продвижения политики «мягкой силы» // *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*. 2022. № 3. С. 148–151.
- Толоконникова А.В., Будакова Д.О. Роль телеканала RT в формировании международного имиджа России // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2019. № 5. С. 89–119. DOI: [10.30547/vestnik.journ.5.2019.89119](https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2019.89119)
- Харитоновна Н.И., Максимов А.С. Взаимодействие России с ключевыми геополитическими оппонентами в условиях гибридной войны: комплексный стратегический подход // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2022. № 95. С. 108–123. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-95-108-123](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-95-108-123)
- Crilley R., Gillespie M., Kazakov V., Willis A. 'Russia isn't a Country of Putins!': How RT Bridged the Credibility Gap in Russian Public Diplomacy during The 2018 FIFA World Cup // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2022a. Vol. 24. Is. 1. P. 136–152. DOI: [10.1177/13691481211013713](https://doi.org/10.1177/13691481211013713)
- Elsawah M., Howard P.N. «Anything that Causes Chaos»: The Organizational Behavior of Russia Today (RT) // *Journal of Communication*. 2020. Vol. 70. Is. 5. P. 623–645. DOI: [10.1093/joc/jqaa027](https://doi.org/10.1093/joc/jqaa027)
- Crilley R., Gillespie M., Vidgen B., Willis A. Understanding RT's Audiences: Exposure Not Endorsement for Twitter Followers of Russian State-Sponsored Media // *The International Journal of Press/Politics*. 2022b. Vol. 27. Is. 1. P. 220–242. DOI: [10.1177/1940161220980692](https://doi.org/10.1177/1940161220980692)

References:

- Alekseev G.V. (2017) Security in Media Governing System. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye*. No. 7. P. 8–19. DOI: [10.22394/1726-1139-2017-7-8-19](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-7-8-19)
- Akhmadeev K.N., Bresler M.G., Manoilo A.V. (2021) The Effectiveness of Fake News as an Information War Tool in the Perception by Generation Z. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. No 3. P. 8–32. DOI: [10.18384/2224-0209-2021-3-1084](https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-3-1084)
- Crilley R., Gillespie M., Kazakov V., Willis A. (2022a) 'Russia isn't a Country of Putins!': How RT Bridged the Credibility Gap in Russian Public Diplomacy during The 2018 FIFA World Cup. *The British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 24. Is. 1. P. 136–152. DOI: [10.1177/13691481211013713](https://doi.org/10.1177/13691481211013713)
- Crilley R., Gillespie M., Vidgen B., Willis A. (2022b) Understanding RT's Audiences: Exposure Not Endorsement for Twitter Followers of Russian State-Sponsored Media. *The International Journal of Press/Politics*. Vol. 27. Is. 1. P. 220–242. DOI: [10.1177/1940161220980692](https://doi.org/10.1177/1940161220980692)

- Elsawah M., Howard P.N. (2020) "Anything that Causes Chaos": The Organizational Behavior of Russia Today (RT). *Journal of Communication*. Vol. 70. Is. 5. P. 623–645. DOI: [10.1093/joc/jqaa027](https://doi.org/10.1093/joc/jqaa027)
- Kharitonova N.I., Maksimov A.S. (2022) Russia's Interaction with Key Geopolitical Opponents in Hybrid War: An Integrated Public Administration Strategic Approach. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 95. P. 108–123. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-95-108-123](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-95-108-123)
- Kovshar' M. (2019) Effektivnost' informatsionnogo soprovozhdeniya Rossiyei svoey vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti v usloviyakh protivoborstva s SShA [The effectiveness of Russia's information support of its foreign policy activities in the face of confrontation with the United States]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 8. P. 50–59.
- Kolevatova T.S. (2016) Modern Mass Media in Public Diplomacy of Russia. *Vlast'*. Vol. 24. No. 1. P. 51–56.
- Manoilov A.V. (2021) Information Warfare and New Political Reality (II). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. No. 2. P. 110–148. DOI: [10.18384/2224-0209-2021-2-1075](https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-2-1075)
- Musieva D.M. (2022) "Hybrid War" of the Collective West against Russia. *Informatsionnyye voyny*. No. 2(62). P. 29–35.
- Prokhorov E.P. (2009) *Obespecheniye informatsionnoy bezopasnosti v deyatel'nosti SMI* [Ensuring information security in the activities of the media]. Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki MGU imeni M. V. Lomonosova.
- Strovskiy D.L., Il'ina O.V. (2013) Predislovie [Preface]. *SMI v usloviyakh informatsionnoy globalizatsii: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Ekaterinburg: Ural. fed. un-t. P. 6–8.
- Takazov V.D., Zagoskina K.S. (2022) Mass Media as A Promotion Tool "Soft Power" Policy. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. No. 3. P. 148–151.
- Tolokonnikova A.V., Budakova D.O. (2019) The Role of RT Television Channel in Forming Russia's Global Image. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. No. 5. P. 89–119. DOI: [10.30547/vestnik.journ.5.2019.89119](https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2019.89119)

Дата поступления/Received: 03.10.2022

Проблемы управления: теория и практика
Administrative problems: theory and practice

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-96-163-176

От пропаганды к публичной дипломатии: история появления и развития
оригинального концепта

Наумов Александр Олегович

Доктор исторических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.
E-mail: naumovao@my.msu.ru
SPIN-код РИНЦ: [2905-0930](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=2905-0930)
ORCID ID: [0000-0002-8366-5934](https://orcid.org/0000-0002-8366-5934)

Белюсова Марина Владимировна

Ассистент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва РФ.
E-mail: Belousova@spa.msu.ru
SPIN-код РИНЦ: [3509-2108](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=3509-2108)
ORCID ID: [0000-0002-2260-8522](https://orcid.org/0000-0002-2260-8522)

Андреева Наталья Вадимовна

Аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.
E-mail: AndreevaNV@spa.msu.ru
SPIN-код РИНЦ: [7679-4469](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=7679-4469)
ORCID ID: [0000-0003-2821-6025](https://orcid.org/0000-0003-2821-6025)

Аннотация

Статья анализирует трансформацию технологий распространения информации и осуществления внешнеполитического влияния от применения методов пропаганды к зарождению и становлению концепции публичной дипломатии. Авторы изучают историю появления термина и эволюцию института внешнеполитической пропаганды со времен Древнего мира до конца XIX века, отдельно останавливаются на особенностях развития внешнеполитической пропаганды в первой половине прошлого столетия, подробно рассматривают переход от внешнеполитической пропаганды к публичной дипломатии во второй половине XX века, а также дальнейшую эволюцию данного концепта. Новизна исследования заключается в том, что трансформация понятия «пропаганда» рассматривается в общен историческом контексте; кроме того, в статье проводится сравнительный анализ пропаганды и публичной дипломатии и устанавливаются их основополагающие различия. Публичная дипломатия представляет собой инструмент, применяемый как правительствами, так и частными акторами, для формирования положительного образа страны-субъекта посредством вещания, культурного экспорта, организации обменов и прочего в общественной среде стран-адресатов. Теоретически основой публичной дипломатии является достоверная информация, способная вызвать доверие у аудитории, в то время как пропаганда применяется в первую очередь в краткосрочных целях и направлена на манипуляцию общественным сознанием с помощью искажения или одностороннего освещения фактов. Несмотря на то, что современная научная мысль предлагает ряд критериев для размежевания пропаганды и публичной дипломатии, отличить использование последней от применения пропагандистских методов на практике — сложная и трудновыполнимая задача. Авторы приходят к выводу, что концепция публичной дипломатии представляет собой одновременно производное от феномена пропаганды и научную попытку отмежеваться от нее, однако в современных условиях геополитической турбулентности провести четкую грань между ними становится все сложнее.

Ключевые слова

Пропаганда, публичная дипломатия, «мягкая сила», Ватикан, США, Первая мировая война, Вторая мировая война, холодная война, Гарольд Лассуэлл, Эдмунд Галлион, Джозеф Най, Николас Калл.

From Propaganda to Public Diplomacy: The Emergence and Development of
an Original Concept

Alexander O. Naumov

DSc (Historical Sciences), Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: naumovao@my.msu.ru
ORCID ID: [0000-0002-8366-5934](https://orcid.org/0000-0002-8366-5934)

Marina V. Belousova

Assistant, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: Belousova@spa.msu.ru
ORCID ID: [0000-0002-2260-8522](https://orcid.org/0000-0002-2260-8522)

Natalia V. Andreeva

Postgraduate Student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: AndreevaNV@spa.msu.ru
ORCID ID: [0000-0003-2821-6025](https://orcid.org/0000-0003-2821-6025)

Abstract

The article analyses the transformation of how information is disseminated and influence in foreign policy starting with the use of propaganda methods to the emergence of the concept of public diplomacy. The authors study the evolution of the propaganda in foreign policy from the Ancient world to the end of the 19 century, separately dwell on the specifics of propaganda in foreign policy in the first half of the 20 century and consider in detail the transition from applications of propaganda technologies in foreign policy to public diplomacy in the second half of the 20 century and the further evolution of this concept. The novelty of the research relates, firstly, to the fact that the transformation of propaganda technologies is considered in a general historical context. Secondly, the authors conduct a comparative analysis of propaganda and public diplomacy and establish their fundamental differences. Public diplomacy is a tool used by both governments and private actors to shape a positive image of the subject country through broadcasting, cultural exports, organization of exchanges and other things in the public environment of the recipient countries. Theoretically, the public diplomacy rests on unbiased information that is at the same time trustworthy, while propaganda is used primarily for short-term purposes and is aimed at manipulating public consciousness through distortion or one-sided coverage of facts. Despite the fact that modern scientific discourse offers a number of criteria for separating propaganda and public diplomacy, distinguishing the use of the latter from the application of propaganda methods in practice seems to be a difficult task. The authors conclude that the concept of public diplomacy is both a derivative of the phenomenon of propaganda and a scientific attempt to dissociate from it, however, in modern conditions, it is becoming increasingly difficult to draw a clear line between them.

Keywords

Propaganda, public diplomacy, soft power, Vatican, USA, World War I, World War II, cold war, Harold Lasswell, Edmund Gullion, Joseph Nye, Nicholas Cull.

Введение

Текущая трансформация глобального миропорядка связана с перераспределением сфер влияния между крупнейшими акторами международного пространства. Видоизменяются инструменты влияния как на национальные правительства, так и на общественность со стороны элит, конкурирующих за расширение материальной и идеологической базы. Пропаганда как магистральная форма оказания воздействия на целевые аудитории для реализации стратегий в интересах субъектов, которые контролируют ее распространение, также претерпела существенные изменения, начало которым было положено после Второй мировой войны.

Малоизвестно, но факт: до XVI века латинское слово «пропаганда» (от лат. *propagare* — «рассаживать», «распространять», «увеличивать») относилось исключительно к области биологии и означало размножение растений и животных. Лишь в конце XVI – начале XVII веков благодаря усилиям Ватикана этот термин получил приближенный к современному значению смысл, подразумевавший буквально «то, что следует распространять». В английском языке слово «пропаганда» впервые появилось в 1718 году [Fellows 1959, 182], однако в западном мире оно не имело широкого распространения вплоть до Первой мировой войны. Появление термина «публичная дипломатия» в середине 1960-х годов напрямую соотносилось с данным понятием и было обусловлено в первую очередь стремлением отойти от негативной коннотации слова «пропаганда». В связи с этим была разработана специальная концепция, которая подразумевала комплекс внешнеполитических мер, направленных на изучение и информирование зарубежного общественного мнения с целью формирования положительного отношения к государству, осуществляющего проекты в области публичной дипломатии.

Если рассматривать распространение информации с целью оказания влияния на целевую аудиторию как смысловое ядро публичной дипломатии, то можно предположить, что ее появление является дублированием концепции пропаганды, исходя из наиболее нейтрального определения последней как «средства для распространения или продвижения конкретных идей» [Garth, O'Donnell 2012, 2]. Тем не менее между публичной дипломатией и пропагандой существует немало различий, порой кардинальных. Ведущий западный специалист в области публичной дипломатии Н. Калл в 2019 году метко заметил, что подвергать сравнению эти два термина — «публичная дипломатия» и «пропаганда» — то же самое, что сравнивать кристально чистый горный ручей с огромным и бурлящим океаном. «Оба они являются водой, из чего следует, что это одно и то же, но их природа совершенно различна, — отмечает ученый. — Первая, публичная

дипломатия, чиста и жизнеутверждающая; вторая, пропаганда, мощна, неукротима, и ее нельзя пить. Одно трудно найти, другое вездесуще, но все же они имеют пересечения. Как река катится к морю, так и публичная дипломатия всегда катится вниз по склону к пропаганде» [Cull 2019, 8].

Целью данной статьи является изучение эволюции феномена пропаганды, анализ обстоятельств появления из ее недр концепции публичной дипломатии и ее дальнейшее развитие. Стоит отметить, что в отечественном научном дискурсе исследование проблем, связанных с различными аспектами публичной дипломатии, превратилось в последнее время в весьма популярное и динамично развивающееся направление. Только в 2021–2022 годах вышло в свет несколько серьезных теоретических работ на эту тему [Власов 2021; Артамонова 2021; Цыганов 2021; Власов 2022], а число страновых исследований идет на десятки, если не сотни. Тем не менее вопрос трансформации пропаганды в публичную дипломатию в общеисторическом контексте, как и проведение сравнительного анализа между ними, ранее не проводилось.

История появления термина и эволюция института внешнеполитической пропаганды

Организованные формы и методы внешнеполитических коммуникаций стали появляться еще в эпоху Древнего мира. С рождением первых государственных образований их правители овладевали искусством использовать символы своих держав и самих себя для того, чтобы повысить способность демонстрировать собственную мощь. Пожалуй, мало кто может сравниться в этом с Александром Македонским, создавшим гигантскую державу, простиравшуюся от Балканского полуострова до горных вершин Гиндукуша. В качестве примера использования методов пропаганды в недолгий период правления великого завоевателя можно привести его чеканенный на монетах портрет, который был тщательно разработан в соответствии с лучшими пропагандистскими традициями того времени. Несмотря на то, что Александр был изображен как среднестатистический человек, его растрепанные волосы и поднятый подбородок ассоциировались с силой льва, а устремленные за горизонт глаза создавали ассоциацию с богами [Stewart 1933, 72]. В целом и в Древней Греции, и в еще большей степени в Древнем Риме вопросам внешнеполитической пропаганды уделялось значительное внимание.

Следующий важный этап в эволюции института внешнеполитической пропаганды наступил в эпоху Реформации и религиозных войн в Европе (в это же время в Старом свете началась настоящая информационно-коммуникативная революция, связанная с развитием книгопечатания). В XVI веке, как известно, Римско-католическая церковь пыталась удержать свои пошатнувшиеся позиции в Европе и заполучить новых приверженцев за океаном. Для решения этой многотрудной задачи в 1539 году видным деятелем Контрреформации И. Лойолой был создан проект «Общество Иисуса», вошедший в историю под названием Ордена иезуитов. В соответствии с уставом целью Ордена была «защита и распространение веры для продвижения душ в христианской жизни и учении посредством публичных проповедей, лекций и любого другого служения» [The Constitutions of the Society of Jesus and Their Complementary Norms 1996, 66]. Деятельность иезуитов по «пропаганде веры» (в буквальном переводе с латыни именно так звучала формулировка «распространение веры») была направлена на возвращение в лоно католической церкви отпавших от нее лиц с помощью исповедей, организации убежищ для сирот, бесплатных столовых и т.д. [McManamon 2013, 80–82]. В 1570-х годах для координации миссионерской деятельности Папа Римский Григорий XIII учредил Комиссию кардиналов по распространению веры. Полная же институционализация термина «пропаганда» произошла в 20-е годы XVII века:

в 1622 году Папа Григорий XV основал в Риме Священную Конгрегацию по распространению веры, а спустя пять лет его преемник Урбан VIII учредил Коллегию пропаганды для подготовки миссионеров.

Стоит отметить, что уже тогда термин «пропаганда» стал приобретать в определенной части западно-христианской цивилизации негативную коннотацию, так как протестанты рассматривали его в контексте противостояния с католической церковью. Более того, в ходе борьбы со Святым престолом протестантские государства начали обращаться к практике разъяснения другим европейским странам собственной внутри- и внешнеполитической деятельности. Отметим, например, первого штатгальтера Голландии и Зеландии Вильгельма Оранского, пытавшегося аргументировано доказать право Соединенных провинций на восстание против Испании. Известно, что в 1580 году он отправил испанскому королю Филиппу II весьма дерзкое послание, в котором объяснял свои действия с точки зрения универсальных принципов свободы и осуждал злодеяния испанцев на родине и за границей. Документ, на самом деле написанный капелланом Вильгельма, был опубликован на латыни, французском, голландском, английском и немецком языках и явно был нацелен на аудиторию далеко за пределами королевского двора в Мадриде. Опираясь на реформаторские государственно-правовые концепции и теории монархомахов, Вильгельм заявил о праве на сопротивление государю-тирану вплоть до его низложения, подчеркнув, что только сам народ может определять свою участь. В заключение «Отец Отечества», как его прозвали в Нидерландах, открыто заявил о своем неповиновении испанскому монарху и объявил того вне закона [Parmiter 1967, 259–262].

В Англии после свержения и казни короля Карла I в 1649 году правительство О. Кромвеля также пыталось объяснить за это и другие действия за пределами страны. Для этого поэт Дж. Мильтон был назначен секретарем Государственного совета, и его написанные на латыни произведения в пользу правительства Кромвеля получили широкое распространение в Европе. В то время, когда большинство монархов оправдывали свою внешнюю и внутреннюю политику расплывчатыми ссылками на «Книгу королей», Мильтон привел хорошо обоснованную аргументацию в защиту парламентской, а позже и кромвелевской политики [Fallon 1933, 177–178].

Нельзя не отметить и деятельность борцов за независимость североамериканских колоний, в 1776 году опубликовавших Декларацию независимости, содержание которой апеллировало к тому факту, что все люди созданы равными, все они наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, в частности правом на жизнь, свободу и стремление к счастью. В документе легитимировалась независимость Соединенных Штатов, перечислялись претензии к королю Великобритании Георгу III и провозглашались определенные естественные и юридические права, включая право на революцию [Armitage 2007, 26–27].

Новый период в развитии внешнеполитической пропаганды связан с Наполеоновскими войнами. По приказу Бонапарта действия на поле боя активно поддерживались журналистской деятельностью: французская пресса преувеличивала успехи и приуменьшала неудачи наполеоновской армии, а также по согласованию с органами государственной власти использовала дезинформацию относительно перемещения войск и их численности, планов военного руководства и другие методы, чтобы ввести в заблуждение противника. Знаменитая фраза «кто владеет информацией, тот владеет миром» также появилась в эпоху Наполеоновских войн; она приписывается барону Н. Ротшильду, сделавшему целое состояние на спекуляции информацией вокруг битвы при Ватерлоо летом 1815 года.

С начала XIX века выкристаллизовывалась еще одна тенденция в развитии данного феномена: трансформация самого смысла термина «пропаганда» от сугубо религиозного к военно-политическому. В 1824 году, например, выступая в Конгрессе США на тему национально-освободительного восстания в Греции, член Палаты представителей Д. Вебстер использовал это понятие именно в таком ключе, заявив: «Возможно, было бы неправильно назвать эту революцию викторианской, проявлением духа крестовых походов и пропаганды». В 1852 году американский президент М. Филмор отмечал, что «патриоты Революции знали, что эта нация не может стать пропагандистом свободы, пока не поднимется против объединенных сил Европы» [Fellows 1959, 182–183].

В последней четверти XIX века важной составляющей внешней политики стало продвижение привлекательного образа собственного государства. Во многом это произошло благодаря деятельности французского правительства: поражение во франко-прусской войне 1870–1871 годов пошатнуло авторитет Парижа на мировой арене и вынудило его прибегнуть к альтернативным методам восстановления своего влияния. Наиболее подходящим инструментом для этого представлялась популяризация элементов национальной культуры, в особенности преподавание французского языка и литературы за рубежом, включая колонии, что должно было способствовать достижению геополитических целей страны. Даже султан считавшейся в конце XIX – начале XX вв. отсталой по европейским меркам Османской империи Абдул-Хамид II пытался с целью улучшения имиджа своей державы применять различные пропагандистские приемы. Его стратегия включала, например, предоставление коллекций фотографий крупным западным библиотекам. Когда же подобные усилия не принесли желаемых результатов, агенты султана просто подкупили западных журналистов, чтобы они публиковали исключительно «правильные новости» о стремительно деградировавшей империи [Deringel 1998, 136–138].

Развитие внешнеполитической пропаганды в первой половине XX века

С начала XX века началась глобальная трансформация механизмов внешнеполитической пропаганды. Она была обусловлена технологическими прорывами в сфере информационного обеспечения — появлением телеграфа, печатной машинки, телефона и радио. Их применение приобрело поистине международный размах, став неотъемлемым элементом внешней политики, с помощью которых идеологически легитимировались войны и осуществлялась общественная мобилизация внутри страны на противостояние внешним угрозам.

Происходила и дальнейшая трансформация самой сути термина «пропаганда» в сторону военно-политической интерпретации, катализатором чего, безусловно, выступили две мировые войны. Так, в ходе Первой мировой войны было положено начало современным методам пропаганды посредством печатной продукции, пропагандистских открыток, фотографий и кинофильмов. Была сделана первая попытка мобилизовать все общество для ведения тотальной войны, причем одним из ключевых элементов пропаганды было создание образа врага [Sanders, Taylor 1982, 209]. Для данного исторического периода в западных странах был характерен также процесс становления и развития государственных учреждений, официально уполномоченных осуществлять внешнеполитическую пропаганду. При этом большая часть пропагандистских материалов времен Первой мировой войны содержала в себе откровенные преувеличения и ложь, что не могло не усиливать негативное восприятие самого термина «пропаганда».

Именно в первой половине XX века появились и наиболее известные теории политической пропаганды. Работы У. Липпмана [Липпман 2004], Э. Бернейса [Бернейс 2010], Г. Лассуэла [Лассуэлл 2021] стали основополагающими в изучении манипулирования общественным мнением.

В послевоенный период в исследованиях Ж. Эллюля и Н. Хомского появляются первые серьезные теоретические модели пропаганды (см., например, [Herman, Chomsky 2002]). Отметим, что эти ученые являются создателями как научных основ теории коммуникации и информационного общества, так и первыми исследователями внутривластной и внешнеполитической пропаганды.

В это время на Западе были предприняты первые попытки дать научное определение термину «пропаганда» и определить суть данного феномена. По словам Г. Лассуэлла, например, «пропаганда — это управление коллективными установками посредством манипулирования различными символами» [Lasswell 1927, 627]. Автор убежден, что такое явление невозможно классифицировать по этическим признакам, так как оно является лишь одним из механизмов политического воздействия в попытке изменить воззрения людей независимо от их воли. Г. Лассуэл также подчеркивал, что пропаганда не может обойтись лишь одним рациональным сознанием, она также подразумевает эмоциональное воздействие со стороны индивида [Ibid., 629]. В 1940 году во введении к очередному докладу созданного тремя годами ранее в Нью-Йорке Института анализа пропаганды говорилось: «Пропаганда есть метод, прием, обуславливающий поведение. Он не представляет собой ничего нового в человеческих делах, кроме совершенствования техники и присвоения новых инструментов для воздействия на врага. Пропаганда, без сомнения, всегда существовала и будет существовать до тех пор, пока люди будут умудряться формулировать новые цели и намерения» [Lindernan, Miller 1940, 7]. В том же году американский исследователь Х. Чайлдс использовал следующее определение: «Пропаганда — это имя существительное. Имеется в виду сам пропагандируемый материал. Пропагандировать — значит распространять не людей, животных или растения, а идеи, принципы и доктрины. Распространять идеи — значит продвигать, распространять, передавать и увеличивать их» [Childs 1940, 75]. Спустя четыре года его соотечественник К. Янг определил пропаганду как «более или менее преднамеренное и систематическое использование символов, главным образом посредством внушения и связанных с ними психологических техник. С этой целью происходят изменения контроля мнений, идей и ценностей и в конечном счете изменения действий в соответствии с заранее определенными направлениями... Существенным психологическим элементом пропаганды является внушение» [Young 1944, 505–507]. Наконец, в 1948 году первопроходец в области когнитивной и социальной психологии, коммуникационных исследований и пропаганды американский ученый Л. Дуб предложил следующее определение: «Пропагандой можно назвать попытку воздействовать на личности и контролировать поведение людей в целях, относящихся к ненаучным или имеющим сомнительную ценность в обществе в определенное время» [Doob 1948, 240].

В плане изучения феномена пропаганды нельзя, к сожалению, обойти вниманием и опыт нацистской Германии. Ее идеолог Й. Геббельс апробировал систему «тотальной пропаганды» на общественных массах еще в 1930-е годы, но наибольшего размаха она достигла в ходе Второй мировой войны. Главный пропагандист Третьего рейха полагал, что пропаганда наиболее эффективна в том случае, если объекты, на которые направлено влияние, уверены, что действуют по собственной воле, искренне веря в идею, поданную субъектом воздействия [Kater 1990, 233–243]. Отметим, что разработанное и испробованное национал-социалистами понимание силы привлекательных для целевой аудитории образов в определенной степени затем легло в основу концепции публичной дипломатии, созданной в США в 1960-е годы.

Вообще, в годы Второй мировой войны пропаганда заняла особое место в политике воюющих сторон, став важнейшим инструментом массового воздействия на население как собственных государств, так и союзных и вражеских держав. В странах-участницах мирового

конфликта внешнеполитической пропагандой занимались специализированные структуры, имевшие гигантские бюджеты и широкие полномочия. В СССР на этой ниве в первую очередь работало Советское информационное бюро (Совинформбюро), в Великобритании — Департамент пропаганды и Британская широковещательная корпорация («Би-Би-Си»), в Германии — более десятка различных ведомств во главе с печально известным Имперским министерством народного просвещения и пропаганды и т.д. Совинформбюро, например, было образовано уже через два дня после нападения гитлеровской Германии на СССР, и его первоочередной задачей была подача основных внутриполитических и международных новостей в тех форматах, которые соответствовали идеологической линии Москвы. Разумеется, основное содержательное наполнение составляли военные репортажи и прочий контент, соотносящийся с боевыми действиями, но уже в 1944 году в составе Совинформбюро был организован специальный отдел, занимавшийся пропагандой на зарубежные страны [Наумов 2019, 106].

В целом методы ведения внешнеполитической пропаганды в этот драматический период человеческой истории стали более одиозными, чем в годы Первой мировой войны, а технологии значительно продвинулись вперед: если в 1914–1918 годах пропаганда в основном состояла из распространения печатной продукции, то в ходе Второй мировой войны появились и широко распространились новые каналы коммуникации, включая радио и телевидение, что позволило доносить пропагандистскую информацию до населения посредством выступлений политических лидеров, фильмов, песен и даже мультипликации [Долженкова 2021, 77].

Вторая половина XX века: от внешнеполитической пропаганды к публичной дипломатии

Наступившая в конце 1940-х годов эпоха холодной войны была отмечена развитием инструментов массового психологического воздействия. Одной из ключевых задач в противостоянии двух сверхдержав стало распространение привлекательных образов страны-субъекта в среде гражданского общества государств, принадлежавших к лагерю противника, равно как и дискредитация их официальной идеологии. Воздействие осуществлялось с привлечением всех доступных информационно-коммуникативных средств: создавались особые радиостанции, финансировался выпуск специальной литературы и периодических изданий на иностранных языках, реализовывались многолетние операции спецслужб по идентификации и вербовке нелояльных режиму противоборствующего государства граждан, которые впоследствии становились рупорами пропаганды страны-субъекта, и т.д.

Особенно преуспели в этом Соединенные Штаты Америки. И именно там в самый разгар холодной войны произошло отмежевание публичной дипломатии от пропаганды. Тогда это был лишь хитрый геополитический ход с целью изобретения более привлекательного синонима, своего рода эвфемизма для термина «пропаганда», во многом вызывавшего у населения отрицательные ассоциации с нацистским, а затем и с коммунистическим режимами. В условиях биполярного противостояния было необходимо, чтобы новый концепт содержательно соответствовал существовавшим форматам оказания влияния на зарубежные аудитории, но при этом закреплял некую разделительную линию между идеологической деятельностью стран капиталистического и социалистического лагеря.

Классическую концепцию публичной дипломатии разработал декан Школы права и дипломатии имени Флэтчера (Университет Тафтса) Э. Галлион в 1965 году. Он писал: «Публичная дипломатия имеет дело с влиянием общественных отношений на формирование и осуществление внешнеполитической деятельности. Она охватывает аспекты международных

отношений, находящиеся вне традиционной дипломатии; культивирование правительствами общественного мнения в других странах; взаимодействие частных групп и интересов одной страны с другой; освещение внешней политики и ее воздействие на принятие политических решений; взаимодействие между тем, кто занимается межкультурными коммуникациями. Центральным моментом для публичной дипломатии является транснациональный поток информации и идей» [Waller 2007, 23].

Несмотря на то, что понятие публичной дипломатии, в отличие от пропаганды, изначально получило положительную окраску, оба они достаточно долго считались взаимозаменяемыми, и лишь с течением времени в научной мысли и общественно-политическом дискурсе сформировалось определенное понимание того, что принято считать пропагандой, а что — публичной дипломатией. Пропаганда стала пониматься как введение в заблуждение путем дезинформации и искажения фактов, а публичная дипломатия — как распространение позитивной и правдивой информации, основанной на реальных данных, что считалось более действенным, чем дезинформация. В этой связи глава Информационного агентства США Э. Мерроу в период администрации Дж. Кеннеди следующим образом сформулировал новую стратегию информационного воздействия Вашингтона на мировой арене: «Правда — это лучшая пропаганда, а ложь — худшая. Чтобы выглядеть убедительно, наши слова должны звучать правдоподобно; чтобы звучать правдоподобно, они должны исходить из уст людей, внушающих доверие; чтобы внушать доверие, мы должны быть правдивыми. Все очень просто» [Ibid., 158].

Трансформация концепции публичной дипломатии в постбиполярную эпоху

Новый толчок к развитию концепции публичной дипломатии пришелся на конец XX – начало XXI вв. и был связан с введением в научный оборот профессором Гарвардского университета Дж. Наем термина «мягкая сила», который стал использоваться для описания внешнеполитической деятельности, направленной на формирование привлекательного образа страны-субъекта в общественной среде стран-реципиентов с привлечением трех основных источников: культуры, системы политических ценностей и внешней политики [Nye 1990]. В рамках своей концепции Най определил, что публичная дипломатия — это инструмент, применяемый как правительствами, так и частными акторами, для мобилизации указанных выше ресурсов посредством вещания, субсидирования культурного экспорта, организации обменов и т.д. [Nye 2008, 95].

Основной целью реализации «мягкосиловых» стратегий в постбиполярную эпоху, по мнению ученого, должно было стать закрепление статуса США как единственной сверхдержавы. Поскольку привлечение ресурсов культуры и политических ценностей демократического лагеря доказало свою эффективность в осуществлении задачи по разрушению СССР (на что Дж. Най неоднократно указывал в своем магистральном труде «“Мягкая сила“: средства достижения успеха в мировой политике» [Nye 2004]), предполагалось, что основная функция публичной дипломатии в эпоху однополярного мира заключалась в продвижении ценностной системы, ориентированной на американские интересы. Параллельно активно развивались процессы, связанные с информационно-коммуникативной революцией, сопровождавшейся распространением доступа к средствам массовой коммуникации среди широкой общественности.

Данные обстоятельства ознаменовали новый этап трансформации концепции публичной дипломатии. Во-первых, одним из наиболее интересных проявлений информационной революции стал феномен «парадокса множества», подразумевавший, что огромные информационные

потоки ведут к недостатку внимания и сфокусированности на данных, имеющих первостепенное значение [Nye 2002, 68]. В этой связи именно расстановка приоритетов, а не информация сама по себе становится ограниченным ресурсом, и тот, кто привлекает внимание общественности, получает доступ к власти. По мнению Дж. Ная, политическая борьба сосредотачивается на получении доверия к своим действиям и дискредитации действия конкурентов; доверие же формирует авторитет по отношению к действиям основного актора и сплачивает вокруг него аудитории, внутренняя целостность которых подкрепляется по мере упрочнения авторитета центрального игрока [ibid., 68–69]. Таким образом, основной целью публичной дипломатии стало формирование и распространение нарративов, вызывающих доверие. Авторитетный исследователь феномена пропаганды и автор многочисленных трудов в этой области Н. Сноу в 2008 году справедливо отмечала: «Я смотрю на дипломатию с точки зрения критического подхода к изучению международных коммуникаций... События не просто происходят как точки в истории, они являются толчком к формированию конкурирующих нарративов, где правда не так важна, как то, вызывают ли эти нарративы доверие, или нет»¹.

Во-вторых, в начале 2000-х годов развитие информационно-коммуникативных технологий позволило отказаться от монологической формы подачи информации, в рамках которой пользователи не имели возможность выразить свое отношение к прочитанному или увиденному контенту. Принципы двусторонней коммуникации, открытости и интерактивности легли в основу двух новых концепций: публичной дипломатии 2.0 и новой публичной дипломатии. Отличительной особенностью публичной дипломатии 2.0 стало появление активного диалога между отправителем сообщения и его получателем. Новая публичная дипломатия, в свою очередь, постулировала, что непрофессиональные участники информационного пространства — неправительственные организации, бизнес-сообщества и даже индивидуальные пользователи — получили возможность размещать контент в социальных сетях и других новых медиа, за счет чего количество акторов публичной дипломатии резко возросло. Как отмечает Н. Сноу, целевые аудитории современного информационного пространства являются проактивными потребителями, взаимодействуют в рамках обмена идеями с отправителем сообщений, который может оказаться как сотрудником по связям с общественностью крупных компаний или государственных учреждений, так и главой неправительственной организации. «Сегодня гражданский блоггер — это такой же представитель публичной дипломатии, как и заместитель руководителя отдела по связям с общественностью министерства иностранных дел», — справедливо пишет Сноу².

Таким образом, с начала XXI века публичная дипломатия все больше превращалась в самостоятельную концепцию, причем как в теоретическом, так и в эмпирическом плане. В 2019 году уже упоминавшийся Н. Калл предпринял попытку подвести некий итог научной дискуссии, выделив сразу восемь основных различий между публичной дипломатией и пропагандой. Во-первых, публичная дипломатия, в отличие от пропаганды, осуществляется через двустороннюю коммуникацию; во-вторых, публичная дипломатия работает с подлинной информацией, пропаганда же утаивает значительную ее часть, обращая внимание лишь на те аспекты, которые ей выгодны; в-третьих, публичная дипломатия направлена на изучение объекта воздействия, а пропаганда лишь использует объект в своих целях; в-четвертых, публичная дипломатия оказывает также и влияние на общество субъекта коммуникации, пропаганда же предназначена только

¹ Snow N. Public Diplomacy and Propaganda: Rethinking Diplomacy in the Age of Persuasion // E-International Relations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-ir.info/2012/12/04/public-diplomacy-and-propaganda-rethinking-diplomacy-in-the-age-of-persuasion/> (дата обращения: 11.11.2022).

² Там же.

для того, чтобы изменить поведение целевых аудиторий; в-пятых, публичная дипломатия использует гибкие подходы, а пропаганда связана жесткой повесткой дня; в-шестых, публичная дипломатия выступает по отношению к объекту с уважительных позиций, в то время как пропаганда стремится убедить получателя информации в его невежестве и/или неправильных взглядах; в-седьмых, публичная дипломатия открыта для каких-либо изменений, пропаганда — нет; наконец, публичная дипломатия руководствуется этическими принципами, принципы пропаганды же далеки от морали и этики [Cull 2019, 13].

Тем не менее, несмотря на, казалось бы, однозначность критериев разделения пропаганды и публичной дипломатии в теоретической плоскости, возникновение огромного многообразия информационных площадок и акторов, принимающих участие в формировании соответствующего контента, все еще затрудняет процесс разграничения использования методов пропаганды и публичной дипломатии на практике. Помимо этого, среди ученых на сегодняшний день нет единого мнения относительно оценки применения пропагандистских методов, что ставит под вопрос традиционное разделение на «хорошую» публичную дипломатию и «плохую» пропаганду. Ветеран дипломатической службы США Д. Браун в связи с этим писал: «Должна ли предоставляемая информация быть нейтральной, без попыток повлиять на аудиторию, или она должна быть представлена с пропагандистской целью побуждения к действию?»³. Однозначного ответа на этот во многом ключевой вопрос, особенно в нынешних геополитических условиях, дать крайне затруднительно.

Заключение

Концепция публичной дипломатии представляет собой одновременно производное от феномена пропаганды и научную попытку отмежеваться от нее. Технологии пропаганды, которые применялись еще в Древней мире, окончательно вошли в обиход в дискурсе Римско-католической церкви в Раннее Новое время, в первую очередь для координации миссионерской деятельности. Параллельно с этим пропагандистские приемы использовали и противники Святого престола: протестантские государства обращались к внешним аудиториям, прибегая к практике разъяснения другим европейским странам собственных внутри- и внешнеполитических инициатив. В ходе Наполеоновских войн Париж внедрил пропагандистскую инновацию: для поднятия патриотического духа среди французов и дезинформации противника с помощью прессы умышленно искажались факты о военных событиях в пользу войск Бонапарта.

Конец XIX – начало XX вв. был ознаменован научно-техническим прогрессом, что привело к мощному развитию внешнеполитической пропаганды. В дальнейшем произошла трансформация содержательного наполнения термина «пропаганда» в сторону военно-политической интерпретации, катализатором которой выступили две мировые войны. В связи с масштабированием применения технологий пропаганды возникла необходимость теоретического обоснования этого феномена, авторами которого выступили прежде всего американские ученые. Они же стали пионерами в области определения понятия «пропаганда» в современном понимании этого термина.

Концепция публичной дипломатии также была разработана в США в разгар холодной войны благодаря Э. Галлиону. Размежевание между пропагандой и публичной дипломатией произошло, поскольку представлялось необходимым обозначить дистанцию между внешнеполитической

³ Brown J. The Purposes and Cross-Purposes of American Public Diplomacy // American Diplomacy [Электронный ресурс]. URL: <https://americandiplomacy.web.unc.edu/2002/08/the-purposes-and-cross-purposes-of-american-public-diplomacy/> (дата обращения: 11.11.2022).

работой с общественностью других стран, которую осуществляли Соединенные Штаты Америки и их союзники, и аналогичной деятельностью, проводимой государствами социалистического лагеря. Впоследствии был сформулирован набор характеристик, позволявших отличить пропаганду от публичной дипломатии. В частности, для технологий пропаганды свойственен односторонний поток информации, зачастую искаженной, в то время как публичная дипломатия подразумевает открытую коммуникацию с целевой аудиторией на основе реальных фактов и объективно верифицируемых гипотез.

После окончания холодной войны цели и задачи публичной дипломатии трансформировались в соответствии с логикой однополярного мира. Большой вклад в эволюцию данной концепции внес Дж. Най, который предложил считать публичную дипломатию в первую очередь как эффективный инструмент наращивания «мягкой силы» США для сохранения их гегемонии, опирающейся на привлекательность американской культуры, политических ценностей и принципов внешней политики. В рамках стратегии удержания глобального лидерства США появились и новые концепции внутри самой публичной дипломатии — публичная дипломатия 2.0 и новая публичная дипломатия. Кроме того, стремительное развитие информационно-коммуникативных технологий кардинально изменило характер взаимодействия между субъектами публичной дипломатии и ее адресатами, а также создало конкурентное поле между методами применения публичной дипломатии и пропаганды, которые на практике бывает сложно различить по причине многообразия форматов, акторов и генерируемой миллионами источников информации.

Внесли свои коррективы в этот процесс и геополитические факторы. В начале третьего десятилетия XXI века противостояние между коллективным Западом и новыми центрами современного мира вышло на качественно новый уровень, характеризующийся в том числе ожесточенной борьбой в информационном пространстве. В этих условиях грань между пропагандой и публичной дипломатией становится все более зыбкой...

Список литературы:

- Артамонова У.В. Направления и формы реализации публичной дипломатии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 2. С. 49–56. DOI: [10.20542/afij-2021-2-49-56](https://doi.org/10.20542/afij-2021-2-49-56)
- Бернейс Э. Пропаганда. Москва: Hippo Publishing, 2010.
- Власов А.В. Современные технологии публичной дипломатии // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 11. С. 3308–3314. DOI: [10.35775/PSI.2021.75.11.038](https://doi.org/10.35775/PSI.2021.75.11.038)
- Власов А.В. Влияние использования публичной дипломатии на обеспечение информационной безопасности государства // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 1. С. 236–240. DOI: [10.35775/PSI.2022.82.1.026](https://doi.org/10.35775/PSI.2022.82.1.026)
- Долженкова Е. Эволюция методов пропаганды во время Второй мировой войны // Российское право онлайн. 2021. № 2. С. 76–79.
- Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне. Москва: ИНИОН РАН, 2021.
- Липпман У. Общественное мнение. Москва: Институт Фонда Общественное мнение, 2004.
- Наумов А.О. От Советского Союза к Российской Федерации. Эволюция отечественной системы «мягкой силы» и публичной дипломатии // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2019. № 2. С. 102–117.

- Цыганов В.Е. Публичная дипломатия: технологии, функции и особенности применения // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 12. С. 3761–3767. DOI: [10.35775/PSI.2021.76.12.042](https://doi.org/10.35775/PSI.2021.76.12.042)
- Armitage D. The Declaration of Independence: A Global History. Cambridge: Harvard University Press, 2007.
- Childs H. An Introduction to Public Opinion. New York: Wiley, 1940.
- Cull N. Public Diplomacy. Foundations for Global Engagement in the Digital Age. Cambridge: Polity Press, 2019.
- Deringel S. The Well-Protected Domains: Ideology and the Legitimation of Power in the Ottoman Empire, 1876–1909. London: I.B. Tauris, 1998.
- Doob L.W. Public Opinion and Propaganda. New York: Henry Holt and Company, 1948.
- Fallon R.T. Milton in Government. University Park: Pennsylvania State University Press, 1933.
- Fellows E. 'Propaganda': History of a Word // American Speech. 1959. Vol. 34. Is. 3. P. 182–189. DOI: [10.2307/454039](https://doi.org/10.2307/454039)
- Garth J., O'Donnel V. Propaganda and Persuasion. Thousand Oaks: SAGE, 2012.
- Herman E.S., Chomsky N. Manufacturing Consent. The Political Economy of the Mass Media. New York: Pantheon Books, 2002.
- Kater M. Inside Nazis. The Goebbels Diaries, 1924–1941 // Canadian Journal of History. 1990. Vol. 25. Is. 2. P. 233–243. DOI: [10.3138/cjh.25.2.233](https://doi.org/10.3138/cjh.25.2.233)
- Lasswell H.D. The Theory of Political Propaganda // The American Political Science Review. 1927. Vol. 21. Is. 3. P. 627–631. DOI: [10.2307/1945515](https://doi.org/10.2307/1945515)
- Lindernan E., Miller C. Introduction to Harold Lavine and James Wechsler. War Propaganda and the United States. New Haven: Yale University Press, 1940.
- McManamon J. The Text and Contexts of Ignatius Loyola's "Autobiography". New York: Fordham University Press, 2013.
- Nye J. Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 80. P. 153–171. DOI: [10.2307/1148580](https://doi.org/10.2307/1148580)
- Nye J. The Information Revolution and American Soft Power // Asia-Pacific Review. 2002. Vol. 9. Is. 1. P. 60–76. DOI: [10.1080/13439000220141596](https://doi.org/10.1080/13439000220141596)
- Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.
- Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. Is. 1. P. 94–109. DOI: [10.1177/0002716207311699](https://doi.org/10.1177/0002716207311699)
- The Constitutions of the Society of Jesus and Their Complementary Norms: A Complete English Translation of the Official Latin Texts / ed. by V. Padberg. St. Louis: The Institute of Jesuit Sources, 1996.
- Parmiter de G. The King's Great Matter: A Study of Anglo-Papal Relations 1527–1534. London: Longmans, 1967.
- Taylor P. Ethics and International Propaganda // The Handbook of Global Communication and Media Ethics. Volume II / ed. by R. Fortner, P. Fackler. New Jersey: Wiley-Blackwell, 2011. P. 912–932.
- Waller M. The Public Diplomacy Reader. Washington: The Institute of World Politics Press, 2007.
- Young K. Social Psychology. New York: Crofts, 1944.

References:

- Armitage D. (2007) *The Declaration of Independence: A Global History*. Cambridge: Harvard University Press.
- Artamonova U.V. (2021) Fronts and Forms of Public Diplomacy. Analiz i prognoz. *Zhurnal IMEMO RAN*. No. 2. P. 49–56. DOI: [10.20542/afij-2021-2-49-56](https://doi.org/10.20542/afij-2021-2-49-56)
- Bernays E. (2010) *Propaganda*. Moscow: Hippo Publishing.
- Childs H. (1940) *An Introduction to Public Opinion*. New York: Wiley.
- Cull N. (2019) *Public Diplomacy. Foundations for Global Engagement in the Digital Age*. Cambridge: Polity Press.
- Tsyganov V.E. (2021) Public Diplomacy: Technologies, Functions, Features of Application. *Voprosy politologii*. Vol. 11. No. 12. P. 3761–3767. DOI: [10.35775/PSI.2021.76.12.042](https://doi.org/10.35775/PSI.2021.76.12.042)
- Deringel S. (1998) *The Well-Protected Domains: Ideology and the Legitimation of Power in the Ottoman Empire, 1876–1909*. London: I. B. Tauris.
- Dolzhenkova E. (2021) Propaganda Methods Evolution during World War II. *Rossiyskoye pravo onlayn*. No. 2. P. 76–79.
- Doob L.W. (1948) *Public Opinion and Propaganda*. New York: Henry Holt and Company.
- Fallon R.T. (1933) *Milton in Government*. University Park: Pennsylvania State University Press.
- Fellows E. (1959) 'Propaganda': History of a Word. *American Speech*. Vol. 34. Is. 3. P. 182–189. DOI: [10.2307/454039](https://doi.org/10.2307/454039)
- Garth J., O'Donnel V. (2012) *Propaganda and Persuasion*. Thousand Oaks: SAGE.
- Herman E.S., Chomsky N. (2002) *Manufacturing Consent. The Political Economy of the Mass Media*. New York: Pantheon Books.
- Kater M. (1990) Inside Nazis. The Goebbels Diaries, 1924–1941. *Canadian Journal of History*. Vol. 25. Is. 2. P. 233–243. DOI: [10.3138/cjh.25.2.233](https://doi.org/10.3138/cjh.25.2.233)
- Lasswell H.D. (1927) The Theory of Political Propaganda. *The American Political Science Review*. Vol. 21. Is. 3. P. 627–631. DOI: [10.2307/1945515](https://doi.org/10.2307/1945515)
- Lasswell G. (2021) *The Theory of Political Propaganda*. Moscow: INION RAN.
- Lindernan E., Miller C. (1940) *Introduction to Harold Lavine and James Wechsler. War Propaganda and the United States*. New Haven: Yale University Press.
- Lippman U. (2004) *Public Opinion*. Moscow: Institut Fonda Obshchestvennoye mneniye.
- McManamon J. (2013) *The Text and Contexts of Ignatius Loyola's "Autobiography"*. New York: Fordham University Press.
- Naumov A.O. (2019) Ot Sovetskogo Soyuza k Rossiyskoy Federatsii. Evolyutsiya otechestvennoy sistemy «myagkoy sily» i publichnoy diplomatii [From the Soviet Union to the Russian Federation: The evolution of the national system of soft power and public diplomacy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. No. 2. P. 102–117.
- Nye J. (1990) Soft Power. *Foreign Policy*. No. 80. P. 153–171. DOI: [10.2307/1148580](https://doi.org/10.2307/1148580)
- Nye J. (2002) The Information Revolution and American Soft Power. *Asia-Pacific Review*. Vol. 9. Is. 1. P. 60–76. DOI: [10.1080/13439000220141596](https://doi.org/10.1080/13439000220141596)
- Nye J. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.

Nye J. (2008) Public Diplomacy and Soft Power. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 616. Is. 1. P. 94–109. DOI: [10.1177/0002716207311699](https://doi.org/10.1177/0002716207311699)

Padberg V. (ed.) (1996) *The Constitutions of the Society of Jesus and Their Complementary Norms: A Complete English Translation of the Official Latin Texts*. St. Louis: The Institute of Jesuit Sources

Parmiter de G. (1967) *The King's Great Matter: A Study of Anglo-Papal Relations 1527–1534*. London: Longmans.

Taylor P. (2011) Ethics and International Propaganda. In: Fortner R., Fackler P. (eds.) *The Handbook of Global Communication and Media Ethics*. Volume II. New Jersey: Wiley-Blackwell. P. 912–932.

Vlasov A.V. (2021) Modern Technologies of Public Diplomacy. *Voprosy politologii*. Vol. 11. No. 1. P. 3308–3314. DOI: [10.35775/PSI.2021.75.11.038](https://doi.org/10.35775/PSI.2021.75.11.038)

Vlasov A.V. (2022) Impact of the Use of Public Diplomacy on Ensuring the Information Security of the State. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy*. Vol. 12. No. 1. P. 236–240. DOI: [10.35775/PSI.2022.82.1.026](https://doi.org/10.35775/PSI.2022.82.1.026)

Waller M. (2007) *The Public Diplomacy Reader*. Washington: The Institute of World Politics Press.

Young K. (1994) *Social Psychology*. New York: Crofts.

Дата поступления/Received: 22.01.2023

Стратегия цифровой экономики Digital economy strategy

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-96-177-192

Инновационная цифровая образовательная экосистема как база перехода к Индустрии 4.0

Исаева Айгуль Эрнстовна

Аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: isaeva115@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [2275-8207](https://elibrary.ru/2275-8207)

Аннотация

В статье рассматривается инновационная цифровая образовательная экосистема как база для формирования основополагающих условий, повышающих конкурентоспособность университетов, организаций и территорий. Социуму предстоит пройти через кардинальные трансформации образовательной парадигмы, в результате чего университеты возьмут на себя решающую роль во внедрении инноваций и коммерциализации научно-технических разработок. В статье также показана роль трансформационных процессов в Индустрии 4.0, которые для своего успешного функционирования требуют реформирования образовательных экосистем в высших учебных заведениях. Экосистемный подход к образованию в перспективе должен стать более эффективным и действенным по сравнению с традиционными иерархическими моделями, которые преимущественно существуют в настоящее время. В статье определены элементы инновационной цифровой образовательной экосистемы и механизмы взаимодействия ее участников между собой. Автором предлагается концептуальная модель экосистемы цифрового образования, которая основывается на базе учебно-производственных кластеров, как универсальной модели взаимодействия сложных нелинейных систем. В качестве основы подобной экосистемы выступает инновационная платформа, которая обеспечивает регулирование множества горизонтальных коммуникаций в виде исследовательских центров, инновационных лабораторий, а также школ стартапов. Исследование проводилось с применением таких методов, как системный подход, компетентностный подход и теория инновационного развития, концепция открытых инноваций, кластерная концепция, концепция национальных инновационных систем, концепции тройной и четверной спирали. В результате исследования сделаны выводы относительно использования инновационной цифровой образовательной экосистемы как универсальной модели для развития цифрового образования.

Ключевые слова

Образовательная экосистема, Индустрия 4.0, университет, инновации, цифровизация образования, инновационная платформа.

Innovative Digital Educational Ecosystem as a Basis for Transition to Industry 4.0

Aigul E. Isaeva

Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: isaeva115@mail.ru

Abstract

The article considers an innovative digital educational ecosystem as a basis for creating conditions that increase the competitiveness of universities, organizations and territories. The society will have to go through a radical transformation of the educational paradigm, as a result of which universities will take on a decisive role in introducing innovations and commercializing scientific and technical developments. The role of transformational processes in Industry 4.0 is shown, requiring the reform of educational ecosystems in universities. The ecosystem approach to education must become more efficient and effective than traditional hierarchical models. The elements of an innovative digital educational ecosystem and the mechanisms of interaction between its participants are determined. The author proposes a conceptual model of the digital education ecosystem based on educational and production clusters as a universal model for the interaction of complex nonlinear systems. The basis of the ecosystem is an innovative platform that regulates many horizontal communications in the form of research centers, innovation laboratories, startup schools. The methods used are a systematic approach, a competence-based approach and the theory of innovative development, the concept of innovative implementation, a cluster concept, the concept of using search engines, the detection of the Triple and Quadruple Helix. As a result of the study, the relative use of the innovative digital educational ecosystem as a universal model for the development of universal education is shown.

Keywords

Educational ecosystem, Industry 4.0, university, innovations, digitalization of education, innovation platform.

Введение

Инновации, гибкость и способность адаптироваться к изменениям являются ключевыми факторами роста и создания стоимости в условиях Четвертой промышленной революции. Суть этих изменений заключается в том, что сегодняшний материальный мир сливается с виртуальным, создавая новые киберфизические комплексы, объединенные в единую цифровую экосистему.

Поскольку навыки, требуемые на рынке труда, быстро меняются, обучение на протяжении всей жизни должно стать одной из основных потребностей для Индустрии 4.0. В настоящее время высшие учебные заведения развитых стран стали важнейшей инфраструктурой для инновационного развития государств, приобрели стратегическое значение в формировании интеллектуального капитала.

Образование и развитие человеческого капитала необходимы для быстрого и устойчивого роста в России, однако доля человеческого капитала в национальном богатстве остается небольшой. Роль человеческого капитала России как движущей силы экономического роста по-прежнему относительно слаба и оказывает незначительное влияние на экономический рост из-за низкого уровня цифровой конкурентоспособности.

Ускорение развития технологий и информационный взрыв вызвали острую необходимость переосмысления традиционной системы образования. Требования Индустрии 4.0 делают необходимым обогащение академических программ междисциплинарными конструкциями, которые научат студентов синтезировать информацию и критически мыслить. Концепция общества 5.0 (Super Smart Society)¹, целью которой является модернизация общества и экономики за счет человеческого капитала, призвана адаптировать людей к жизни в мире цифровых технологий и больших данных.

Таким образом, актуальность адаптации образования к требованиям Индустрии 4.0 очевидна. Поэтому целью статьи является обоснование концепции образовательной парадигмы, основанной на принципах инновационной цифровой образовательной экосистемы в условиях глобализации мировой экономики.

Инновационная образовательная среда

Многие зарубежные и отечественные ученые посвятили свои исследования обоснованию концепции инновационной образовательной среды и формированию такой среды в высших учебных заведениях; они рассматривали образовательную среду как образовательную экосистему [Соловьева, Третьяков 2018; Moor 1993; Moor 2006; Quan, Wang 2017; Kleiner 2018].

Современные исследования синергии образования 4.0 и Индустрии 4.0 обсуждаются в работе [Singh 2021]. Автор отмечает, что системы образования, которые не могут расти теми же темпами, что и промышленность, ограничивают доступ к навыкам, необходимым для развития процветающей экономики, и негативно влияют на глобальную производительность.

STEM-технологии (science, technology, engineering and mathematic — наука, технология, инженерия и математика) — это один из способов решения проблем, возникающих в Индустрии 4.0. Американская стратегия STEM-образования² определяет основные направления

¹ Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/129505/> (дата обращения: 10.09.2022).

² Charting a Course for Success: America's Strategy for STEM Education. A report by the Committee on STEM Education of the National Science & Technology Council // Energy.gov [Электронный ресурс]. URL: <https://www.energy.gov/sites/default/files/2019/05/f62/STEM-Education-Strategic-Plan-2018.pdf> (дата обращения: 03.09.2022).

внедрения и использования STEM-технологий как научно-технического потенциала, определяющего экономическое развитие страны. STEM-образование и информационные технологии являются инструментами адаптации к цифровой трансформации мировой экономики. Влияние STEM-образования на формирование квалифицированных специалистов с навыками XXI века, требуемыми Индустрией 4.0, рассматривается в работе [Idin 2018].

В то же время отсутствуют научно обоснованные рекомендации по формированию инновационной образовательной среды как условия подготовки квалифицированных кадров для цифровой трансформации экономики и общества. Модель цифровой образовательной экосистемы не определена, бизнес-модель современного университета как центра инноваций и предпринимательства не построена.

Концептуальные основы цифровой образовательной экосистемы

Современные тенденции развития экономики и общества: глобализация, урбанизация, цифровизация, усиление международной конкуренции, социальные и экологические проблемы — обусловили необходимость поиска ответов на эти вызовы. За последнее десятилетие различные страны разрабатывали национальные стратегии инновационного развития, ориентируясь на внедрение передовых цифровых технологий: в Германии это стратегия Индустрии 4.0, в США — Промышленный Интернет, в Сингапуре — «Умная нация», в Китае — «Сделано в Китае», в Японии — «Общество 5.0» [Kleiner 2018].

Развитие цифровых технологий меняет современный мир и отношения в нем. Торговля, обмен информацией и обычные человеческие контакты все больше становятся цифровыми, стирая границы между нациями и реализуя идею цифрового общества и глобальной цифровой экономики [Society 5.0: A People-Centric Super-Smart Society 2020].

Цифровые тенденции, определяющие цифровую трансформацию экономики и общества и основанные на информационно-коммуникационных технологиях, заключаются в следующем³:

- развитию Интернета вещей;
- применении технологий искусственного интеллекта и машинного обучения;
- аналитике больших данных, которая становится основным источником конкурентоспособности;
- цифровых преобразованиях как отдельных предприятий, так и целых секторов;
- экономике совместного использования;
- виртуализации ИТ-систем;
- распределенной технологии блокчейна;
- услуге визуального и голосового поиска;
- облачных вычислениях, грид-вычислениях и квантовых вычислениях;
- технологиях автономных роботизированных систем и технологиях автоматизации роботизированных процессов;
- технологиях человеко-машинного интерфейса.

Рассмотрим более подробно влияние основных цифровых тенденций на развитие Общества 5.0, человеческого капитала и формирование компетенций, необходимых для Индустрии 4.0 (Таблица 1).

³ Top Tech Trends for 2021. Predictions based on our Experience in Industry 4.0 // BIND 40 [Электронный ресурс]. URL: <https://bind40.com/2020/12/15/industry40-technology-trends/> (дата обращения: 04.09.2022).

Таблица 1. Требования к образованию Индустрии 4.0⁴

Цифровая тенденция	Реализация направления в Индустрии 4.0	Необходимые компетенции выпускников университетов
Интернет вещей	Умное оборудование, умные автомобили и офисы, умные дома, умные города.	Умение применять полученные теоретические знания и практические навыки в моделировании, проектировании, разработке и обслуживании систем автоматизации, управлении ими и интеграции их в информационно-технологические системы с использованием современных микропроцессорных технологий, прикладного программного обеспечения и коммуникационных технологий.
Технологии искусственного интеллекта	Современные функциональные возможности искусственного интеллекта и инструментов машинного обучения используются для распознавания речи, жестов и изображений, контент- и финансового анализа, в медицинской и технической диагностики.	Умение извлекать данные, машинное обучение, компьютерное зрение, распознавание образов и обработка естественного языка.
Роботизированные технологии для автоматизации технологических процессов	Применение робототехники в производстве, торговле, транспорте, здравоохранении, спасательных работах, образовании, сельском хозяйстве, военном деле в виде коботов (коллаборативных роботов, которые могут работать с людьми), дронов, мобильных и медицинских роботов.	Способность решать задачи автоматизации производства, создания новых систем автоматизации на основе интеллектуальных роботизированных систем, использования систем управления и устройств на микропроцессорах и микрокомпьютерах, автоматизированных технологических систем, компьютеризированных административных, социальных систем и компьютерных сетей.
Большие данные	Структурированные или неструктурированные наборы данных большого объема характеризуются объемом, скоростью, разнообразием, достоверностью, изменчивостью и ценностью. Они используются для статистики, анализа, прогнозирования и принятия решений.	Возможность хранить, обрабатывать и предоставлять доступ к большим данным, анализировать большие данные; искать возможные закономерности в базах данных; прогнозировать тенденции на основе полученных данных.

Развитие Интернета вещей может повлиять на глобальные цели устойчивого развития. Сегодня Интернет вещей — это коммуникационная сеть интеллектуальных объектов (вещей), оснащенных соответствующими технологиями для взаимодействия друг с другом и с окружающей средой, предназначенная для сбора и обработки информации, обмена знаниями и выполнения различных действий в зависимости от установленных сценариев.

Вклад искусственного интеллекта в мировую экономику перспективно оценивается в размере 15,7 млрд долларов США к 2030 году⁵. Правительство России утвердило концепцию развития искусственного интеллекта до 2024 года⁶. Основными направлениями концепции являются:

- совершенствование среднего, высшего образования и повышение квалификации для подготовки квалифицированных специалистов в области искусственного интеллекта;
- стимулирование исследований в этой области, в том числе за счет грантов;

⁴ Составлено автором по [Шевякова и др. 2020].

⁵ Science & Technology Organization: Science & Technology Trends 2020–2040 // NATO [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/4/pdf/190422-ST_Tech_Trends_Report_2020-2040.pdf (дата обращения: 08.09.2022).

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 N 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360681/_7f2affb15ff9b9d6f75a9aa566d1b0646b3d2e94/ (дата обращения: 08.09.2022).

- повышение уровня кибербезопасности и совершенствование законодательства в этой области;
- использование технологий искусственного интеллекта в области обороны, государственного управления и т.д.

По прогнозам исследовательской компании ABI Research, рынок роботов к 2030 году достигнет 277 млрд долларов⁷. Сервисная робототехника переживает бум: заводы внедряют инновационные технологии, а машины с искусственным интеллектом помогают промышленникам экономить от 15% до 90% эксплуатационных расходов. Несмотря на интеллектуальный потенциал, исследовательскую базу и обширную систему роботизированного образования для детей и подростков, в российской промышленности наблюдается низкий уровень роботизации. Индустрия 4.0 требует образования для подготовки специалистов с высоким уровнем компьютерной, электротехнической и системно-технической подготовки.

Экосистемный подход к цифровой трансформации экономики

Экосистемы можно определить как динамично развивающиеся сообщества, состоящие из акторов разных секторов, которые совместно развивают компетенции в области инноваций, с которыми они работают в логике сотрудничества и конкуренции. Концепция экосистем позволяет нам рассматривать взаимосвязи между составляющими компонентами. Бизнес-экосистема — это сеть различных организаций, участвующих в предоставлении определенного продукта. Каждый член экосистемы влияет на других и подвергается их влиянию, постоянно создавая развивающиеся отношения или услуги посредством конкуренции и сотрудничества. Образование как социальная система представляет собой органичную, сложную и целостную систему. Все факторы (учебное заведение, научно-педагогический коллектив, учащиеся) органически связаны, демонстрируя последовательность и противоречия, динамическое равновесие и дисбаланс. Социально-экономическая экосистема представляет собой локализованный комплекс организаций, бизнес-процессов, инновационных проектов и инфраструктурных образований, способных к долгосрочному независимому функционированию за счет циркуляции ресурсов [Adner 2017].

По нашему мнению, состав и функции элементов национальной экосистемы промышленных инноваций выглядят следующим образом:

- область управления инновационным циклом включает различные кластеры и ассоциации, агентства по развитию, инновациям и инвестициям;
- область инноваторов включает организации, которые обычно генерируют инновации: университеты, лаборатории, конструкторские бюро крупных компаний, научно-исследовательские институты или стартапы;
- в зону инкубации входят организации, создающие возможности для инкубации и акселерации инноваторов: инкубаторы и акселераторы, неформальные частные инвесторы (бизнес-ангелы), различные фонды, донорские организации и т.д.;
- область опыта и тестирования является идеальной для быстрой апробации и вывода инноваций на рынок. В него входят организации, которые способствуют быстрому тестированию, апробации и сертификации новых инновационных продуктов и решений.

⁷ Robotics Industry Set for Seismic Change as Growth Shifts from Fixed Automation to Mobile Systems in Enterprise // ABIresearch [Электронный ресурс]. URL: <https://www.abiresearch.com/press/robotics-industry-set-seismic-change-growth-shifts-fixed-automation-mobile-systems-enterprise/> (дата обращения: 11.09.2022).

По состоянию на сегодняшний день только ИТ-индустрия России соответствует требованиям стратегии Индустрии 4.0. В России в ИТ-индустрии функционирует около ста тысяч организаций, при этом доля ИТ-услуг составляет чуть более двух процентов от общемирового объема. Существующие экосистемы, в которых задействованы лучшие молодые таланты страны, в подавляющем большинстве работают не на отечественных клиентов, а на мировые рынки.

Для реализации концепции цифровой экономики и общества, концепции развития искусственного интеллекта в России, стратегии устойчивого развития требуются квалифицированные кадры, которые будут отвечать потребностям рынка и постоянно адаптироваться к быстро меняющимся мировым технологиям.

Концепция кластерной модели образования

Значительное отставание России в развитии образования, прикладной науки и коммерциализации научных результатов указывает на необходимость создания производственных, образовательных и научных центров, направленных на интеграцию образования, науки и высокотехнологичного бизнеса, в частности ИТ-индустрии. Необходима разработка новых механизмов взаимодействия образования и сферы производства, поскольку ситуация на рынке образовательных услуг не соответствует положению на рынке труда. Образовательно-производственный кластер может быть организационной формой взаимодействия образовательных и производственных учреждений.

Кластеры представляют собой сложные динамичные системы сетевого типа, в которых юридически независимые партнеры развивают интерактивные отношения сотрудничества. Мы предлагаем рассматривать образовательно-производственный кластер как сеть заинтересованных социальных партнеров для разработки и тестирования инноваций, связанных с непрерывным политехническим, технологическим образованием, для подготовки будущих профессиональных кадров для стратегически значимых и наукоемких отраслей промышленности.

Основными целями такого сетевого партнерства являются:

- минимизация затрат на разработку образовательного продукта;
- максимальное повышение качества образовательного продукта;
- привлечение высококвалифицированных кадров для участия в образовательном процессе;
- проектно-ориентированное обучение по технологическому процессу компаний, участвующих в кластере, для быстрой адаптации выпускников университетов к производственному процессу предприятий.

Кластер реализует универсальную модель сотрудничества, известную как модель тройной спирали, являющуюся открытым сообществом автономных, географически близких и функционально различных партнеров [Etzkowitz, Leydesdorff 1995]. Сотрудничество понимается как механизм взаимодействия, когда участники сотрудничества постоянно обмениваются знаниями, взаимно используют свои активы и координируют свои решения. Принцип сотрудничества графически представляется в виде тройной спирали. Благодаря непрерывному взаимодействию государства, науки (университетов) и бизнеса в кластерной системе накапливаются новые знания, которые распространяются в ходе коммуникаций между всеми экономическими агентами,

придают системе целостность и динамическую устойчивость. Чем лучше развита партнерская среда сети, чем больше в ней формируется локальных тройных спиралей, тем выше инновационный потенциал национальной экономики и тем шире ее возможности для устойчивого саморазвития.

Функциональное переплетение науки, бизнеса и правительства в модели тройной спирали порождает два эффекта: снижение неопределенности при принятии решений за счет повышения адаптивности участников сети к постоянным изменениям в окружающей среде и постоянное создание новых объектов и знаний. Таким образом, в сетевых структурах возникает уникальная синергия конкурентных преимуществ, на которую указывает кластерная концепция М. Портера [Porter 2008].

Поскольку текущие глобальные вызовы растут ускоренными темпами, ситуация требует новых участников инновационного процесса. В отличие от сотрудничества по тройной спирали, сотрудничество по четверной спирали опирается на четвертую спираль — гражданское общество. Это сотрудничество могло бы обеспечить более быстрый обмен знаниями и позволить быстрее найти лучшее и более устойчивое решение. Важнейшим системообразующим элементом является ресурс знаний, который преобразуется в инновации и ноу-хау и внедряется в общество и экономику. Таким образом, модель четверной спирали визуализирует коллективное взаимодействие и обмен знаниями в рамках образования, экономики, политики и гражданского общества [Carayannis, Grigoroudis 2016].

В настоящее время в России преобладают парные форматы общения, где государство присутствует в качестве постоянного участника. Бизнес и наука строят свои отношения не напрямую, а опосредованно через ведомства и чиновников. В результате блокируется развитие инновационного процесса и диверсификация экономики.

Экосистемы в образовании

Явление образовательной экосистемы пока только занимает свое место в современной педагогической науке и практике. Понятие «экосистема» впервые было использовано британским экологом А. Тенсли в 1935 году, однако до сих пор не сформировалось его общее определение. Сегодня в естественных науках под экосистемой понимают биологическую систему, включающую сообщества живых организмов (биоценоз), среду их обитания (биотоп) и процессы обмена веществами и энергией между ними. Рассмотрим аналогию с образовательной экосистемой в системе образования, в которой все субъекты интегрированы: ученики, родители, педагоги и администраторы (биоценоз) — и взаимодействуют между собой и с компонентами экосистемы (биотоп). Концепция образовательной экосистемы пришла в российское образование из США в самом начале XXI века и получила широкое распространение в педагогической среде. Тем не менее сам экосистемный подход в области образования сегодня окончательно не сформирован, терминология в этой сфере только начинает утверждаться.

Концепция образовательной экосистемы предполагает транзит от модели аккумуляции знаний к модели постоянного обновления и использования знаний. Осуществляется сдвиг парадигмы образования в направлении осознания необходимости обучения в течение всей жизни.

Образовательная экосистема создает связи между формальным и неформальным образованием, действующими поставщиками образования и его новыми субъектами, между «провайдерами услуг» (главным образом педагогами) и «пользователями услуг» (в основном учащимися).

Образовательные экосистемы обеспечивают переход к совершенно новой модели обучения, которая заменяет индустриальный механистический подход. Главенствующая ныне парадигма образования была построена около двухсот лет назад в интересах национальных государств и усиливающегося сектора массового промышленного производства. В рамках старой парадигмы социум сохранял приверженность стандартам и сдерживал креативность, воспитывал лояльных граждан и послушных работников. Однако мир шагнул в цифровую эпоху и столкнулся с новыми задачами и вызовами, которые явились драйверами трансформаций системы образования. Перечислим такие вызовы.

Автоматизация рынка труда. На первый план все чаще выступают профессиональные качества, недоступные машинам: креативность, эмоциональный интеллект, умение сотрудничать. Перспективные профессиональные области будущего также ассоциируют с человекоориентированными услугами и навыками. Однако классические образовательные программы этому не обучают. Они направлены на выработку так называемых «жестких навыков» (hard skills), то есть прикладных узкопрофессиональных знаний и умений.

Быстрота обновления информации. «Жесткие навыки», формируемые традиционными образовательными программами, быстро устаревают. Следовательно, необходимо формировать прежде всего метанавыки, которые позволят людям при необходимости быстро осваивать требуемые прикладные узкопрофессиональные навыки. Для этого сфера образования должна быть очень тесно взаимосвязана с той отраслью, где выпускники будут работать. Классическая же система образования базируется на стандартах, которые формируют устаревшие прикладные навыки, поскольку их изменение — это медленная бюрократическая процедура. И, если образование не находится в тесном контакте с отраслью, она не в состоянии своевременно реагировать на инновации.

Демографические изменения и уход старых профессий. Концепция обучения в течение всей жизни привела к тому, что сегодня вместе могут обучаться люди разных поколений. Очевидно, что и одинаковые подходы к обучению неприменимы к учащимся разного возраста и с разным опытом. В данной ситуации требуются гибкие персонифицированные подходы.

Цифровизация образования. Классические учебная среда и учебные процессы теряют актуальность. Педагог больше не является главным источником информации, любая информация стала легко доступной. Следовательно, роль преподавателей должна трансформироваться.

Глобальные проблемы. Их решение требует коллективных усилий, а для этого необходим развитый навык сотрудничества. Однако традиционная система образования делает акцент на личные достижения, что фактически формирует конкуренцию, а не сотрудничество.

Инновационная образовательная экосистема как база Образования 4.0

Современные темпы информатизации, повсеместная цифровизация системы образования и трансформация ее парадигмы приводят к изменениям в подходах к обучению. Стремительные тенденции в образовании и активное развитие новых информационно-коммуникационных технологий актуализируют комплексные подходы к обучению. Четвертая промышленная революция, которая внедряет искусственный интеллект и киберфизические системы в человеческую жизнь, требует трансформации системы образования сегодня. При выходе на рынок труда большинство учащихся средних школ будут выполнять работу, которой сегодня еще не существует. В таких условиях жизненно важными становятся навыки, которые будут востребованы Индустрией 4.0. Форум «Образование 4.0», инициированный Платформой Всемирного экономического форума 2019 года, предложил системные изменения в разработке и внедрении перспективных моделей

качественного образования. Отчет Всемирного экономического форума 2019 года выявил восемь ключевых выводов о формировании моделей образования 4.0: «навыки глобального гражданства, навыки инноваций и творчества; технологические навыки; навыки межличностного общения; индивидуальное и самостоятельное обучение; доступное и инклюзивное обучение; проблемное и совместное обучение; обучение на протяжении всей жизни и обучение, ориентированное на учащихся»⁸.

Реализация этих важнейших характеристик Образования 4.0 должна предоставить учащимся следующие возможности: учиться в разное время в разных местах; использовать инструменты, адаптируемые к возможностям учащегося; использовать различные формы обучения; участвовать в реальных и лично значимых проектах; применять инструменты, которые позволят оценивать возможности студентов на каждом этапе; определять содержание и продолжительность учебных курсов; выбирать наставника; развивать межличностное и критическое мышление, а также творческий подход к работе.

Будущее экономического роста во многом зависит от квалифицированных инженерных кадров, подготовка которых должна начинаться на уровне средней школы. Затем это должно быть продолжено в колледжах и университетах путем поддержки и активного внедрения STEM-образования. STEM-образование можно считать универсальной моделью качественной подготовки школьников и студентов к профессиональной деятельности в Индустрии 4.0. STEM-образование реализует следующие задачи⁹:

- развитие интереса к науке и технике;
- применение полученных знаний в реальной жизни;
- развитие критического мышления;
- расширение междисциплинарных связей посредством интегрированного обучения;
- укрепление уверенности в себе;
- развитие навыков командной работы;
- внедрение инноваций.

Суть STEM-обучения заключается в комплексном изучении научных, технологических, инженерных и математических дисциплин. Современные информационно-коммуникационные технологии стимулируют учебную, исследовательскую, интеллектуальную и творческую деятельность студентов, развивая их познавательный интерес и формируя предметные компетенции, создавая при этом соответствующие условия для развития специализированной подготовки. Если в STEM-образование включены инновационные, художественные дисциплины, в частности промышленный дизайн, архитектура и промышленная эстетика, это приводит к образованию STEAM.

Мы предлагаем экосистемный подход к образованию, учитывающий требования Индустрии 4.0, принципы Образования 4.0, подхода STEM /STEAM к обучению и стратегии Общества 5.0. Реализация этого подхода может продемонстрировать большую эффективность по сравнению с традиционными иерархическими моделями. Мы определяем следующие

⁸ Schools of the Future. Defining New Models of Education for the Fourth Industrial Revolution // World Economic Forum [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Schools_of_the_Future_Report_2019.pdf (дата обращения: 13.09.2022).

⁹ Charting a Course for Success: America's Strategy for STEM Education. A report by the Committee on STEM Education of the National Science & Technology Council // Energy.gov [Электронный ресурс]. URL: <https://www.energy.gov/sites/default/files/2019/05/f62/STEM-Education-Strategic-Plan-2018.pdf> (дата обращения: 03.09.2022).

количественные целевые показатели для цифровой трансформации системы образования в инновационную образовательную экосистему:

- обеспечение финансовой стабильности и диверсификации источников финансирования университета за счет улучшения ресурсного обеспечения и диверсификации структуры доходов;
- рост доходов университета в результате развития экономической независимости, инвестиционной привлекательности и ответственности университета;
- повышение качества приема в высшее учебное заведение и увеличение численности университетского контингента в результате реформирования содержания и управления образовательными процессами и генерирования инновационных образовательных идей и решений в контексте глобального сотрудничества;
- увеличение научного и образовательного вклада в отраслевую и региональную экономику за счет эффективности и результативности исследовательской деятельности в важнейших областях;
- улучшение показателей инновационной активности за счет трансфера технологий и взаимодействия с Индустрией 4.0;
- повышение PR-активности и присутствия в международном информационном пространстве за счет увеличения индекса Хирша, количества статей, индексируемых в Scopus и Web of Science, доходов от исследований;
- разработка адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ и установление связей с ведущими отечественными и зарубежными организациями;
- повышение качества исследований и человеческих ресурсов;
- повышение качества функций обслуживания студентов и сотрудников университета до мировых стандартов за счет цифровизации всех внутренних процессов и повышения эффективности системы управления;
- вовлечение общественных ассоциаций и бизнес-ассоциаций и представителей работодателей в управление развитием университета;
- создание благоустроенного кампуса в соответствии с международными стандартами;
- повышение уровня внутренней операционной эффективности.

Новые форматы обучения в инновационной образовательной экосистеме используют цифровые технологии, основанные на методах искусственного интеллекта. Мы предлагаем адаптировать учебную программу к способностям и возможностям учащихся, используя соответствующие средства информационно-коммуникационных технологий. Например, интерактивные интеллектуальные учебники будут оснащены встроенным искусственным интеллектом. Предлагаются деловые игры и бизнес-кейсы, которые можно использовать для оценки компетенций студентов в режиме реального времени и формирования рекомендаций относительно направлений их развития. Учащиеся должны использовать интеллектуальные технологии, основанные на ИКТ и базах знаний, чтобы повысить свою мотивацию к обучению и творческой работе. Они будут использовать интеллектуальные рекомендательные системы, основанные на знаниях и онтологиях, для построения индивидуальных образовательных траекторий. Новые образовательные инструменты, информационные ресурсы и ИКТ должны дать учащимся возможность развивать весь спектр компетенций, навыков и знаний и раскрыть творческий потенциал учащихся.

Мы основываем инновационную образовательную экосистему на модели четверной спирали, которая объединяет производство знаний в форме интеллектуального капитала, создавая экономический, политический, правовой, социальный и информационный капитал. Инновации — это продукт такой системы. Согласно модели четверной спирали, предлагаемая инновационная

образовательная экосистема состоит из следующих субъектов взаимодействия: промышленности, государства, образования и науки, общества. Мы представляем структуру концептуальной модели цифровой инновационной образовательной экосистемы в виде таких компонентов (Таблица 2).

Таблица 2. Концептуальная модель инновационной цифровой образовательной экосистемы¹⁰

Регулирующий и ресурсный фреймворк				
Государство	Среднее образование	Технопарки	Онлайн-курсы	Бизнес
Федеральные органы власти	Детские сады	Университеты	Корпоративное обучение	Компании
Региональные органы власти	Кванториумы	Научные академии	Инклюзивное обучение	Бизнес-ангелы
Местные органы власти	Родительские комитеты	Центры компетенций	Центры сертификации	Инкубаторы и акселераторы
				Фонды
				Банки
Общество				
Массмедиа		Культуры		Общественные организации
Профильные ассоциации		Политические организации		Гражданское общество

Являясь заказчиками образования, бизнес-компании формируют требования к качеству и количеству специалистов. Компании участвуют в трудоустройстве выпускников, как партнеры образования они определяют структуру и содержание образовательных программ. Компании в качестве инвесторов используют различные формы общественной и гражданской активности в организации образования и управлении им, внедряют механизм внешнего контроля качества образования.

Государство выступает заказчиком образования по потребностям страны и реализует государственную политику в сфере образования; создает правовые, финансовые, материальные и другие условия для функционирования образования, в основном обеспечивая бюджетное финансирование государственного заказа на образование; реализует свою миссию через министерства, в том числе образования и науки, финансов, культуры, цифрового развития и т.д.

Образовательные учреждения различного уровня, включая дошкольные учреждения, школы, колледжи, институты, университеты, представляют образование. Основная миссия — разностороннее развитие личности ребенка на основе выявления его талантов и способностей, формирование у школьников и студентов желания и способности учиться на протяжении всей жизни, развитие навыков практического и творческого применения полученных знаний.

Национальная академия наук, отраслевые академии и научно-исследовательские центры представляют научную область. Основной миссией является получение новых и углубление существующих фундаментальных и прикладных знаний в области естественных, технических, социальных и гуманитарных наук, осуществление научной поддержки государственной политики во всех сферах общественной жизни.

Профильные ассоциации, средства массовой информации, культурные, политические организации, общественные организации и т.д. представляют общество. Основная миссия — способствовать развитию и углублению сотрудничества между образованием и промышленностью, сотрудничеству с государственными и общественными структурами по развитию образования и науки.

¹⁰ Составлено автором по [Яковлева, Каменских 2021].

Модель Университета 4.0 разрабатывается в рамках кластерной модели, основанной на модели четверной спирали. Мы полагаем, что критическими элементами Университета 4.0 должны быть Индустрия 4.0, Технология 4.0, Образование 4.0, Учебная программа 4.0, Студент 4.0 и Общество 5.0

Индустрия 4.0 — это термин, обозначающий новую эру интеллектуального производства, вызванную развитием цифровизации и робототехники. Центральное видение этой концепции — «умные фабрики», к которым будет подключена киберфизическая система. Эти заводы будут использовать новые технологии, известные как Технология 4.0. Тенденции развития Индустрии 4.0 требуют новых знаний и навыков, которые будут сформированы в Образовании 4.0 путем внедрения новых Образовательных программ 4.0. Интернет сделал учащихся практически независимыми от учителей в получении интересующей их информации и знаний. Поэтому образовательная среда должна стать интернет-активной, она должна быть привлекательной для учащихся и адаптироваться к конкретной личности — Студенту 4.0.

Чтобы реализовать модель Университета 4.0 в соответствии с требованиями цифровой инновационной образовательной экосистемы, сам университет должен стать подсистемой образовательной экосистемы. Мы выделяем следующие виды деятельности, на которых университет должен сосредоточиться:

- создание системы управления знаниями;
- проведение научных исследований и сотрудничество с предприятиями в рамках договорных соглашений;
- передача технологий и создание ценности посредством университетских исследований;
- построение долгосрочных стратегических партнерских отношений с компаниями;
- разработка образовательных ресурсов для обучения и развития учащихся;
- разработка информационных технологий для построения индивидуальных образовательных траекторий обучающихся;
- поддержка академической мобильности студентов;
- поддержка наставничества.

Для обеспечения деятельности университета мы предлагаем цифровую модель университета для реализации информационно-коммуникационных платформ (Рисунок 1).

<p>Платформа управления знаниями</p> <p>Средства получения, оценки, распространения, хранения, трансформации знаний. Интеллектуальные активы. Образовательные программы. Образовательные стандарты. Базы знаний. Педагогические методы.</p>	<p>Платформа образовательных сервисов</p> <p>Глобальные образовательные ресурсы. Образовательные сервисы. Системы оценки качества обучения, система оценки когнитивных способностей. Портфолио студентов.</p>	<p>Платформа формирования индивидуальной образовательной траектории</p> <p>Система оценки способностей, мотивации, возможностей. Разработка универсального учебного плана. Определение форм, средств, методов обучения.</p>	<p>Платформа предпринимательских технологий</p> <p>Школа стартапов. Венчурные фонды.</p>
<p>Цифровой университет 4.0</p>			
<p>Научно-исследовательские платформы</p> <p>Сеть взаимодействия между университетами. Сеть взаимодействия между учеными.</p>	<p>Платформа взаимодействия с компетентными преподавателями</p> <p>Корпоративное обучение, вакансии, требования работодателей, проектные предложения, стажировки и практики.</p>	<p>Виртуальная платформа академической мобильности</p> <p>Виртуальный университет. Виртуальный клуб. Виртуальный студент. Виртуальный преподаватель.</p>	<p>Тьюторско-менторская цифровая платформа</p> <p>Смарт чат-боты. Умные интерактивные учебники.</p>

Рисунок 1. Информационные и коммуникационные платформы цифрового университета¹¹

Платформа для построения индивидуальной образовательной траектории реализует информационные технологии для поддержки разработки персонального учебного плана, выбора форм, методов и технологий обучения. Платформа образовательных услуг позволит внедрить информационные технологии для оценки качества образования, формирования индивидуального портфолио образования студента, оценки его когнитивных способностей и определения его профессиональной ориентации. Глобальная платформа обучения обеспечит доставку контента для электронного обучения. Платформа виртуальной академической мобильности позволит студентам реализовать свои предпочтения при обучении в университетах-партнерах. Платформа для взаимодействия с компаниями-работодателями будет генерировать информацию о вакансиях и требованиях, предлагать резюме, тестировать проекты для трудоустройства, корпоративного обучения и стажировок. Платформа управления знаниями может базироваться на моделях управления знаниями, например модели управления знаниями Э. Караянниса, с расширением архитектуры системы производства знаний на инновационную сеть и кластеры знаний [Carayannis, Campbell 2010].

Цифровая платформа педагога-наставника обеспечит интерфейс для общения в процессе консультаций, методической помощи, индивидуального сотрудничества и т.д. Взаимодействие исследователей будет осуществляться на исследовательской платформе, а передача технологий — через платформу для взаимодействия компаний. Платформа инновационной технологической среды будет поддерживать стартапы и предпринимательство.

Мы полагаем, что Университет 4.0 должен быть преобразован в сетевой университет в соответствии с требованиями кластерной модели. Организационная структура Университета 4.0 должна быть преобразована в матричную структуру с прочными горизонтальными связями. Наряду с кафедрами учебный процесс предлагается осуществлять в исследовательских центрах,

¹¹ Составлено автором по [Цяо 2020].

которые могут быть созданы как исследовательские центры университетов или факультетов или как центры при компаниях, с которыми сотрудничает университет. Поскольку модель Университета 4.0 основана на кластерной модели, университет должен стать инновационным бизнес-учреждением.

Достижение целей, поставленных в стратегии цифровой трансформации образовательной экосистемы, путем создания и внедрения цифровых инструментов и технологий для преподавания и управления образованием должно продемонстрировать эффективность реформы. Однако изучение экономической эффективности преобразования системы образования в инновационную образовательную экосистему как особого сектора национальной экономики, распространяющего и производящего новые знания и формирующего интеллектуальный капитал, выходит за рамки данной статьи.

Заключение

Нами выдвинута гипотеза об экосистемном подходе к образованию для развития цифровой экономики и общества. На сегодняшний день в России нет полноценных цифровых образовательных экосистем. На государственном уровне рассматривается Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, которая определяет индустриальную экосистему как основу для развития инноваторов и инноваций на рынках высокотехнологичных промышленных сегментов. При этом следует отметить, что цифровые инновации в образовании внедряются медленно и несистемно. Поэтому актуально создавать цифровые образовательные экосистемы, которые обеспечат индивидуальные академические траектории обучения, проектно-ориентированную методологию обучения и соответствующие компетенции для цифровой экономики.

Рассмотренная модель экосистемы промышленных инноваций показывает, что только ИТ-сектор в России соответствует требованиям стратегии Индустрии 4.0.

При этом доказано, что экосистемный подход к образованию может проявлять большую эффективность и результативность по сравнению с традиционными иерархическими моделями.

Кроме того, раскрыты компоненты инновационной образовательной экосистемы и механизмы взаимодействия между ее субъектами. Создана концептуальная модель экосистемы цифрового образования на основе образовательных и производственных кластеров.

Направление будущей работы мы видим в разработке платформ для рассматриваемой экосистемы, в частности разработке рекомендательной системы для построения индивидуальных образовательных траекторий для студента, платформы для взаимодействия компаний с университетом.

Список литературы:

Соловьева М.Е., Третьяков А.Л. Формирование инновационного образовательного пространства современной высшей школы // Гуманитарное пространство. Международный альманах. 2018. Т. 7. № 3. С. 451–456.

Цяо Л. Исследование цифровой трансформации российских региональных вузов в современных условиях // Педагогическое образование в России. 2020. № 3. С. 59–66. DOI: [10.26170/ro20-03-06](https://doi.org/10.26170/ro20-03-06)

Шевякова А.Л., Петренко Е.С., Уразбеков А.К. Вызовы Индустрии 4.0 системе образования: возможные изменения в формировании компетенций // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 9. С. 2079–2096. DOI: [10.18334/ce.14.9.110825](https://doi.org/10.18334/ce.14.9.110825)

Яковлева Э.Н., Каменских Н.А. Стратегическая модель инновационной экосистемы университета // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2021. № 2. С. 71–77.

Adner R. Ecosystem as Structure: An Actionable Construct for Strategy // Journal of Management. 2017. Vol. 43. Is. 1. P. 39–58. DOI: [10.1177/0149206316678451](https://doi.org/10.1177/0149206316678451)

Carayannis E., Grigoroudis E. Quadruple Innovation Helix and Smart Specialization: Knowledge Production and National Competitiveness // Foresight and STI Governance. 2016. Vol. 10. Is. 1. P. 31–42. DOI: [10.17323/1995-459x.2016.1.31.42](https://doi.org/10.17323/1995-459x.2016.1.31.42)

Carayannis E., Campbell D.F.J. TripleHelix, Quadruple Helix and Quintuple Helix and How to Do Knowledge, Innovation and the Environment Relate to Each Other? // International Journal of Social Ecology and Sustainable Development. 2010. Vol. 1. Is. 1. P. 41–69. DOI: [10.4018/jesd.2010010105](https://doi.org/10.4018/jesd.2010010105)

Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Triple Helix-University-Industry-Government Relations: A Laboratory for Knowledge-Based Economic Development // EASST Review. 1995. Vol. 14. Is. 1. P. 14–19.

Idin S. An Overview of STEM Education and Industry 4.0 // Research Highlights in STEM Education / ed. by M. Shelley, S.A. Kiray. Ames: ISRES Publishing, 2018. P. 194–208.

Kleiner G.B. Socio-Economic Ecosystems in the Light of the Systems Paradigm // System Analysis in Economics — 2018: Proceedings of the V International research and practice conference–biennale (21–23 November 2018). Moscow: Prometheus publishing house. P. 4–12. DOI: [10.33278/SAE-2018.eng.004-012](https://doi.org/10.33278/SAE-2018.eng.004-012)

Moor J.F. Predators and Prey: A New Ecology of Competition // Harvard Business Review. 1993. Vol. 71. Is. 3. P. 75–86.

Moor J.F. Business Ecosystems and the View from the Firm // The Antitrust Bulletin. 2006. Vol. 51. Is. 1. P. 31–75. DOI: [10.1177/0003603X060510010](https://doi.org/10.1177/0003603X060510010)

Porter M. Clusters and Competition: New Agendas for Companies, Governments, and Institutions // Porter M. On Competition. Boston: HBS Publishing, 2008. P. 213–299.

Quan S.J., Wang Yu.L. Study of the Structure and Characteristics of the Higher Education Ecosystem in Hong Kong // Journal of Higher Education Management. 2017. Is. 11. Is. 06. P. 117–124. DOI: [10.13316/j.cnki.jhem.20171027.017](https://doi.org/10.13316/j.cnki.jhem.20171027.017)

Society 5.0. A People-centric Super-Smart Society / ed. by Hitachi-UTokyo Laboratory. Tokyo: Springer, 2020.

Singh M.K.M. A Synergized Education 4.0 Ecosystem Sustainably Aligned with Industry 4.0 // University-Industry Collaboration Strategies in the Digital Era / ed. by D. Günay, T. Asunakutlu, O. Yildiz. Hershey: IGI Global, 2021. P. 283–299.

References:

Solovyova M.E., Tretyakov A.L. (2018) Formation of Innovative Educational Space of Modern Higher School. *Humanity Space. International Almanac*. Vol. 7. No. 3. P. 451–456.

Shevyakova A.L., Petrenko E.S., Urazbekov A.K. (2020) Industry 4.0 Challenges to the Education System: Possible Changes in the Competencies Creation. *Kreativnaya ekonomika*. Vol. 14. No. 9. P. 2079–2096. DOI: [10.18334/ce.14.9.110825](https://doi.org/10.18334/ce.14.9.110825)

Yakovleva E.N., Kamenskih N.A. (2021) Strategic Model of the University's Innovation Ecosystem. *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta*. No. 2. P. 71–77.

Qiao L. (2020) Research of Digital Transformation Russian of Regional Universities under Modern Conditions. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii*. No. 3. P. 59–66. DOI: [10.26170/po20-03-06](https://doi.org/10.26170/po20-03-06)

Adner R. (2017) Ecosystem as Structure: An Actionable Construct for Strategy. *Journal of Management*. Vol. 43. Is. 1. P. 39–58. DOI: [10.1177/0149206316678451](https://doi.org/10.1177/0149206316678451)

Carayannis E., Grigoroudis E. (2016) Quadruple Innovation Helix and Smart Specialization: Knowledge Production and National Competitiveness. *Foresight and STI Governance*. Vol. 10. Is. 1. P. 31–42. DOI: [10.17323/1995-459x.2016.1.31.42](https://doi.org/10.17323/1995-459x.2016.1.31.42)

Carayannis E., Campbell D.F.J. (2010) Triple Helix, Quadruple Helix and Quintuple Helix and How to Do Knowledge, Innovation and the Environment Relate to Each Other? *International Journal of Social Ecology and Sustainable Development*. Vol. 1. Is. 1. P. 41–69. DOI: [10.4018/jsesd.2010010105](https://doi.org/10.4018/jsesd.2010010105)

Etzkowitz H., Leydesdorff L. (1995) The Triple Helix-University-Industry-Government Relations: A Laboratory for Knowledge-Based Economic Development. *EASST Review*. Vol. 14. Is. 1. P. 14–19.

Idin S. (2018) An Overview of STEM Education and Industry 4.0. In: Shelley M., Kiray S.A. (eds.) *Research Highlights in STEM Education*. Ames: ISRES Publishing. P. 194–208.

Kleiner G.B. (2018) Socio-Economic Ecosystems in the Light of the Systems Paradigm. System Analysis in Economics — 2018: Proceedings of the V International research and practice conference-biennale (21–23 November 2018). Moscow: Prometheus publishing house. P. 4–12. DOI: [10.33278/SAE-2018.eng.004-012](https://doi.org/10.33278/SAE-2018.eng.004-012)

Moor J.F. (1993) *Predators and Prey: A New Ecology of Competition*. Harvard Business Review. Vol. 71. Is. 3. P. 75–86.

Moor J.F. (2006) Business Ecosystems and the View from the Firm. *The Antitrust Bulletin*. Vol. 51. Is. 1. P. 31–75. DOI: [10.1177/0003603X060510010](https://doi.org/10.1177/0003603X060510010)

Porter M. (2008) *Clusters and Competition: New Agendas for Companies, Governments, and Institutions*. In: Porter M. On Competition. Boston: HBS Publishing. P. 213–299.

Quan S.J., Wang Yu.L. (2017) Study of the Structure and Characteristics of the Higher Education Ecosystem in Hong Kong. *Journal of Higher Education Management*. Is. 11. Is. 06. P. 117–124. DOI: [10.13316/j.cnki.jhem.20171027.017](https://doi.org/10.13316/j.cnki.jhem.20171027.017)

Hitachi-UTokyo Laboratory (eds.) (2020) *Society 5.0. A People-centric Super-Smart Society*. Tokyo: Springer Open, 2020.

Singh M.K.M. (2021) A Synergized Education 4.0 Ecosystem Sustainably Aligned with Industry 4.0. In: Günay D., Asunakutlu T., Yildiz O. (eds.) *University-Industry Collaboration Strategies in the Digital Era*. Hershey: IGI Global. P. 283–299.

Дата поступления/Received: 12.09.2022

Активизация инновационной деятельности образовательных организаций в цифровой экономике

Гумерова Гюзель Исаевна

Доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ.

E-mail: GI.Gumerova@fa.ru

SPIN-код РИНЦ: [4426-5494](#)

ORCID ID: [0000-0002-5198-7576](#)

Шаймиева Эльмира Шамилевна¹

Доктор экономических наук, профессор, заведующий научно-исследовательской лабораторией менеджмента знаний, факультет менеджмента и инженерного бизнеса, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), Казань, РФ.

E-mail: shaimieva@ieml.ru

SPIN-код РИНЦ: [5592-5270](#)

ORCID ID: [0000-0002-9588-0199](#)

Аннотация

В работе исследуются вопросы активизации инновационной деятельности образовательных организаций системы высшего образования в цифровой экономике на основе особенностей построения инновационной деятельности, использования инструментов в процессе цифровизации образовательных процессов. Объект работы — инновационная деятельность образовательных организаций системы высшего образования; предмет — инструменты активизации инновационной деятельности образовательных организаций в цифровой экономике. Исследование направлено на изучение особенностей управления инновационной деятельностью образовательных организаций; особенностей организации инновационной деятельности образовательных организаций и управления ею на основе менеджмента объектов интеллектуальной собственности (ОИС); процессов цифровизации в инновационной деятельности образовательных организаций. К методам исследования относятся анализ, синтез, классификация, системно-функциональный подход. В результате подтверждена гипотеза исследования, заключающаяся в проверке подхода на основе менеджмента ОИС как результата инновационной деятельности образовательной организации высшего образования, когда ОИС служат основой построения инновационной деятельности вуза; подтверждена гипотеза исследования в части, касающейся выявления новых ОИС в процессе цифровизации образовательных организаций; результаты Национального рейтинга российских университетов «Интерфакс» показал взаимосвязь показателей рейтинга и ОИС; выявлены общее и различия в результатах Национального рейтинга российских университетов «Интерфакс» по параметру «Инновации» и рейтинга «Индекс изобретательской активности российских университетов — 2022» аналитического центра «Эксперт»; сформулировано понятие «цифровизация образовательной организации», под которым понимается совокупность процессов виртуализации активов, управления и уберизации образовательных, управленческих процессов; сформирована схема возможностей цифровых платформ и цифровых ресурсов в инновационной деятельности образовательных организаций с учетом процессов цифровизации и уберизации; исследованы вопросы инструментария активизации инновационной деятельности университета (внешние и внутренние) в цифровой экономике; исследованы вопросы мотивации преподавателей, обучающихся вуза в период цифровизации на основе использования инструментов дизайн-мышления, что позволяет создавать ОИС на основе принципов человекоцентричности, социально значимых проектов.

Ключевые слова

Инновационная деятельность, образовательные организации, цифровизация образовательной деятельности, объекты интеллектуальной собственности, цифровая экономика.

Activation of Educational Organizations' Innovative Activity in Digital Economy

Guzel I. Gumerova

DSc (Economics), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

E-mail: GI.Gumerova@fa.ru

ORCID ID: [0000-0002-5198-7576](#)

Elmira Sh. Shaimieva²

DSc (Economics), Professor, Head of Scientific and Research Laboratory of Management of Knowledge, Faculty of Management and Engineering Business, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russian Federation.

E-mail: shaimieva@ieml.ru

ORCID ID: [0000-0002-9588-0199](#)

Abstract

In this paper, the issues of activation of innovative activity of educational organizations of the higher education system in the digital economy are investigated on the basis of the features of building innovative activity, the use of tools in the process of educational processes digitalization. The object of the research includes innovative activity of educational organizations of the higher education system; the subject covers tools for activating innovative activities of educational organizations in the digital economy. The research

¹ Корреспондирующий автор.

² Corresponding author.

defines features of innovation management of educational organizations; reveals organization and management of innovation activities of educational organizations based on the management of intellectual property objects as well as digitalization processes in the innovation activities of educational organizations. Research methods are analysis, synthesis, classification, system-functional approach. As a result, the hypothesis of the study was partly confirmed, which consists in verifying the approach based on the management of the intellectual property objects as a result of the innovative activity of an educational organization of higher education, when the intellectual property objects serve as the basis for building the university innovative activity; the hypothesis of the study was confirmed in part, which consists in identifying new intellectual property objects in the process of digitalization of educational organizations; the results of the National Rating of Russian Universities by Interfax showed the relationship between the rating indicators and intellectual property objects; the commonalities and differences in the results of the Interfax National Rating of Russian Universities on the parameter "Innovation" and the rating "Index of inventive activity of Russian universities — 2022" of the AC "Expert" are revealed; the concept of "Digitalization of an educational organization" is formulated, which means a set of processes of asset virtualization, management and uberization of educational, managerial processes; a scheme of the possibilities of digital platforms and digital resources in the innovation activities of educational organizations has been formed, taking into account the processes of digitalization and uberization; the issues of tools for activating university innovation activities (external and internal) in the digital economy have been investigated; the issues of motivation of teachers studying at the university during the period of digitalization based on the use of tools design thinking, which allows creating an intellectual property objects based on the principles of human-centricity, socially significant projects.

Keywords

Innovative activity, educational organizations, digitalization of educational activities, intellectual property. objects, digital economy.

Введение

Управление конкурентоспособностью образовательных организаций (системы высшего образования) в цифровой экономике осуществляется на основе: использования новейших инструментов, которые предлагают информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) цифровой экономики; сущности цифровой экономики как «сетевой экономики»; подходов построения и управления инновационной деятельностью университетов [Тимирясова 2020; Бикеев 2007]. Объектом настоящего исследования является инновационная деятельность образовательных организаций (системы высшего образования). Предметом выступают инструменты активизации инновационная деятельность образовательных организаций (системы высшего образования) в цифровой экономике.

В работе проводится исследование особенностей управления инновационной деятельностью образовательной организации; рассматривается организация инновационной деятельности образовательных организаций и управление ею на основе менеджмента объектов интеллектуальной собственности (ОИС); анализируются процессы цифровизации в инновационной деятельности образовательных организаций. Методами исследования являются анализ, синтез, классификация, системно-функциональный подход.

В рамках работы выдвинута следующая гипотеза: (а) подход на основе менеджмента объектов интеллектуальной собственности (ОИС) как результата инновационной деятельности образовательной организации высшего образования служит основой построения инновационной деятельности вуза; (б) в период цифровизации образовательной организации (в результате виртуализации его активов, управления, uberизации его образовательных, управленческих процессов) данный подход позволяет получать новые виды ОИС, что, в свою очередь, служит дальнейшей активизации инновационной деятельности вуза в цифровой экономике.

Аналитической базой исследования являются труды российских, зарубежных исследователей, результаты Национального рейтинга российских университетов «Интерфакс» (2022 г.), результаты рейтинга «Индекс изобретательской активности российских университетов-2022» аналитического центра «Эксперт» (2022 г.), проекта «Модель повышения инновационной открытости крупных компаний» Агентства стратегических инициатив (АСИ) (2019 г.).

Анализ трудов исследователей как основа разработанности исследуемой темы

Вопросы типологии университетов как образовательных систем, развития инновационной деятельности в различных типах университетов исследуются в работе О.И. Пономаревой. В работе выделены следующие типы университетов в глобальном масштабе: Университет 1.0, 2.0, 3.0, 4.0, креативный, сетевой, фронтир, новый исследовательский (актуален для практики США), тьюторская модель, атлантическая модель (США, Англия, Ирландия), континентальная модель (Германия, Нидерланды, Швейцария)³, инновационно-предпринимательская модель. Данные виды университетов рассмотрены автором с точки зрения активизированного в конкретном типе университета человеческого потенциала [Пономарева 2019].

В другом исследовании авторы, опираясь на актуальную с 2018 г. классификацию российских вузов с «...разделением ... на федеральные, научно-исследовательские, опорные и другие ...», ставят вопрос о конкурентоспособности российских вузов на международном образовательном рынке [Петрищев и др. 2018, 230–231]. Такая постановка исследовательского вопроса, согласно авторам работы, требует анализа бизнес-моделей университетов, разработки новых методов оценки результативности партнерства российских университетов с зарубежными вузами. Авторами сформирована пятиуровневая шкала оценки степени международной альянсоспособности университета на основе типологии бизнес-моделей Остервальдера-Пинье. В каждом из пяти уровней (групп) бизнес-моделей авторами выделены конкретные образовательные, языковые программы, которые, на наш взгляд, можно рассматривать как инструменты инновационной деятельности университета.

Н.И. Наумкин, Е.П. Грошева, Н.Н. Шекшаева в своем исследовании рассматривают кафедру (технического) университета как «первоэлементность» инновационной системы [Наумкин и др. 2018]. Авторы отмечают такие инструменты активизации региональных инновационных систем, как «инновационный ваучер» (опыт Чешской Республики); методы стандартизации в сферах управления инновациями (опыт Европейского союза); стратегия «имовации»⁴ (опыт Китая, Индии). На основе предложенного авторами «...системного, субстратного и структурированного научных подходов...» показаны выдающиеся результаты кафедры в виде инновационных продуктов в областях «...неодушевленных (материальных и нематериальных) и одушевленных инновационных продуктов...» [Там же, 480–483].

В работе Э.Ю. Мизюровой, К.А. Рокитянской показано содержание и использование сквозных технологий цифровой экономики — виртуальной и дополненной реальности — в образовательном процессе университета, в том числе для повышения квалификации преподавателей [Мизюрова, Рокитянский 2021]. В исследовании А.И. Чучалина выявлены особенности использования подходов при разработке инноваций в области STEM:IT⁵ в технических вузах⁶. Здесь отмечено отсутствие (недостаток) мотивации у преподавателей в управлении такими проектами на основе мультидисциплинарных команд. Необходимо отметить также отсутствие задачи защиты инновации как ОИС в патентных ведомствах в данных междисциплинарных STEM:IT-командах [Чучалин 2022].

В результате рассмотренные работы представлены нами в разрезе, раскрывающем предмет настоящего исследования, а именно: построение инновационной системы/инновационной деятельности, инструменты инновационной системы/инновационной деятельности, ОИС как

³ Согласно Пономаревой О.И., данная модель сравнима с современной моделью российского образования.

⁴ Данная стратегия включает два показателя: сетевую инновационную систему и подход к использованию знаний.

⁵ Science, Technology, Engineering, Mathematics и Information Technology.

⁶ «...При подготовке в вузах специалистов в области естественных наук, техники и технологий, математики и IT с различным уровнем образования и квалификации (бакалавриат, магистратура, аспирантура) ...» [Чучалин 2022, 79–80].

результат инновационной системы/инновационной деятельности, научная деятельность, особенности построения, управления и активизации инновационной деятельности в цифровой экономике (Таблица 1).

Таблица 1. Исследование вопросов инновационной деятельности в цифровой экономике в трудах российских исследователей⁷

	Сущность исследования	Исследование вопросов инновационной деятельности в цифровой экономике				
		Построение инновационной системы/инновационной деятельности	Инструменты инновационной системы/инновационной деятельности	ОИС как результат инновационной системы/инновационной деятельности, подлежащий регистрации в патентном ведомстве (или зарегистрированный)	Научная деятельность (НИРС, НИОКР, ФИ, ПИ)	Особенности построения, управления и активизации инновационной деятельности в цифровой экономике
Пономарева О.И.	Человеческий капитал, типология университетов	-	-	-	+	-
Петрищев П.В., Масюк Н.Н., Бушуевой М.А.	Методы оценки результативности партнерства российских университетов с зарубежными вузами; пятиуровневая шкала оценки уровня международной альянсоспособности университета	-	+	-	-	-
Мизюрова Э.Ю., Рокитянская К.А.	Творческие способности, цифровая образовательная среда, виртуальная и дополненная реальности	-	+	-	-	+
Наумкин Н. И., Грошева Е. П., Шекшаева Н. Н.	Инновационная система кафедры технического университета, результаты инновационной деятельности кафедры, инновационный продукт	+	+	+	+	+
Чучалин А.И.	Подготовка STEM:IT-профессионалов, инновации, междисциплинарная командная работа, 3D-команда	+	+	-	+	+

На основе этих трудов применительно к предмету нашего исследования нами выделены следующие виды образовательных учреждений: технические вузы (технико-технологические, инженерно-технические и др.); естественно-научные (медицинские, биофизические и др.); нетехнические (социо-гуманитарные, педагогические и др.); вузы по подготовке специалистов креативных индустрий (например, академии балета, институты кинематографии, академии живописи и др.). Данная типология образовательных организаций на основе компетентного подхода позволяет сформулировать особенности организации инновационной деятельности, которые заключаются в следующих положениях:

⁷ Составлено авторами на основе: [Пономарева 2019; Петрищев и др. 2018, 230–231; Наумкин и др. 2018; Мизюрова, Рокитянский 2021; Чучалин 2022].

- 1) обеспечение материально-технической базой согласно соответствующим стандартам деятельности тех областей, для которых ведется подготовка обучающихся;
- 2) продолжительность подготовки результата инновационной деятельности (ОИС) согласно соответствующим стандартам деятельности тех областей, для которых ведется подготовка обучающихся;
- 3) виды ОИС в зависимости от типологии вуза: в технических, естественно-научных вузах — доминирование объектов патентного права (изобретение, полезная модель, промышленный образец), в нетехнических вузах — объектов авторского права (программы для ЭВМ, базы данных);
- 4) подготовка обучающихся в условиях цифровизации обучения: особенности использования цифровых образовательных платформ согласно соответствующим стандартам обучения [Кузнецов, Энговатова 2016].

Нормативно-правовое обеспечение инновационной деятельности образовательных организаций опирается на ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁸, где сформулирована сущность экспериментальной и инновационной деятельности образовательных организаций⁹. Под инновацией в настоящем исследовании понимается «инновация... завершенная... в течение последних трех лет ...которая значительно отличается от продуктов, производившихся организацией ранее, внедренные в практику новые или усовершенствованные бизнес-процессы, которые значительно отличаются от предыдущих...»¹⁰.

Национальный рейтинг университетов «Интерфакс» для построения и совершенствования системы инновационной деятельности университета

Вопросы анализа методик и проведения международных рейтингов университетов, в частности Глобального агрегированного рейтинга, исследованы в работе [Болотов и др. 2021]. С 2010 г. по настоящее время реализуется исследовательский проект [Национальный рейтинг университетов](#) (далее — Национальный рейтинг «Интерфакс»), разработчиком выступает Группа «Интерфакс» [Гумерова и др. 2022]. Одной из целей данного рейтинга является «...повышение конкурентоспособности российской системы образования, научных исследований и технологического предпринимательства...»¹¹.

Построение инновационной деятельности в вузе на основе показателей рейтинга «Интерфакс»: взаимодействие показателей с ОИС; базовые показатели и показатели продвинутого уровня

В целях использования методики Национального рейтинга «Интерфакс» в настоящем исследовании проведены следующие работы в два этапа:

1-й этап: выделение показателей Национального рейтинга «Интерфакс», включающих ОИС (Таблица 2).

⁸ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 01.01.2023).

⁹ Согласно Закону, инновационная деятельность ориентирована на совершенствование научно-педагогического, учебно-методического, организационного, правового, финансово-экономического, кадрового, материально-технического обеспечения системы образования и осуществляется в форме реализации инновационных проектов и программ организациями, осуществляющими образовательную деятельность, и иными действующими в сфере образования организациями, а также их объединениями; экспериментальная деятельность направлена на разработку, апробацию и внедрение новых образовательных технологий, образовательных ресурсов и осуществляется в форме экспериментов, порядок и условия проведения которых определяются Правительством Российской Федерации.

¹⁰ Приказ Росстата от 30.07.2021 N 463 (ред. 29.07.2022) «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки, инноваций и информационных технологий». Раздел 2. Инновационная активность организации // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_393667/ (дата обращения: 01.01.2023).

¹¹ Национальный рейтинг // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=1&year=2022&page=1> (дата обращения: 01.01.2023).

2-й этап: формирование базовых показателей и показателей продвинутого уровня для построения системы инновационной деятельности образовательной организации по параметру «Инновации» /«Предпринимательство». Согласно Национальному рейтингу «Интерфакс», его составляющими являются образование, бренд, исследование, социализация, сотрудничество, инновации. В Таблице 2 нами показано, какие блоки данного рейтинга включают в себя взаимодействие с ОИС.

Таблица 2. Национальный рейтинг университетов «Интерфакс»: составляющие рейтинга, наличие объектов интеллектуальной собственности¹²

Составляющая рейтинга	Показатели составляющей рейтинга	ОИС согласно Гражданскому Кодексу РФ, Ч. 4
1. Образование	О1. Спектр реализуемых образовательных программ 1 уровня массовой подготовки кадров высокой квалификации (Б и С)	-
	О2. Качество абитуриентов	-
	О3. Научно-методическая работа НПП	-
	О4. Образовательные услуги в 2021 году	-
	О5. Организация практики	-
	О6. Работа с школами и школьниками	-
2. Бренд	Б1. «Селекция элит» (академической, госуправления, бизнеса)	-
	Б2. Web-коммуникации университета с целевыми аудиториями	-
	Б3. Медиаактивность университета	+
	Б4. Восприятие исследований университета международным академическим сообществом	-
	Б5. Восприятие исследований университета русскоязычным академическим сообществом	-
3. Исследования	И1. Спектр реализуемых образовательных программ (ОП) 2 и 3 уровней подготовки исследовательских кадров высшей квалификации (магистратура, аспирантура / ординатура / ассистентура, докторантура)	-
	И2. Вклад в формирование научно-образовательной элиты страны	+
	И3. Вычислительные системы и моделирование	+
	И4. Научная продуктивность авторов университета по данным международной наукометрии	+
	И5. Цитируемость статей авторов университета по данным международной наукометрии	+
	И6. Научная продуктивность авторов университета по данным национальной наукометрии	+
	И7. Цитируемость статей авторов университета по данным национальной наукометрии	+
	И8. Финансирование НИОКР в 2021 году	-
3. Социализация	С1. Средний уровень зарплат НПП	-
	С2. Непрерывное образование (LLL)	-
	С3. Качество кампуса	-
	С4. Участие университета в разработке и реализации программ социально-экономического развития страны, региона, города	+
	С5. Развитие социальной сферы университета (социальные программы)	-

¹² Составлено авторами на основе: Национальный рейтинг университетов // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=1&year=2022&page=1> (дата обращения: 01.01.2023).

4. Сотрудничество ¹³ (интернационализация)	M1. Иностранцы граждане в контингенте обучающихся в вузе (2021/22 учебный год)	-
	M2. Международное и межрегиональное сотрудничество университета в 2021 г.	+
	M3. Глобальные коммуникации университета	+
	M4. Научно-исследовательское сотрудничество университета с зарубежными и отечественными университетами и исследовательскими организациями	+
	M5. Образовательные программы (курсы) на иностранных языках	+
	M6. Международные НПР	+
5 Инновации	П1. Технологическое (инновационное) предпринимательство в университете	+
	П2. Портфель патентов университета	+
	П3. Сотрудничество университета с высокотехнологичными компаниями; проводимые университетом испытания	+
	П4. Инновационная инфраструктура университета, предприятия университета, социальное предпринимательство	+
	П5. НИОКР университета	+
	П6. Базовые кафедры университета	+
ИТОГО: 5 блоков	36 показателей	19 показателей

На основе Таблицы 2 становятся очевидными следующие положения:

- 19 показателей из 36 Национального рейтинга «Интерфакс» связаны с ОИС;
- все составляющие показателя «Инновации» рейтинга «Интерфакс» связаны, по мнению авторов настоящего исследования, с ОИС. Отсюда считаем обоснованным авторский подход к выявлению особенностей инновационной деятельности образовательных организаций на основе менеджмента ОИС.

На 2-м этапе нами сформированы базовые показатели и показатели продвинутого уровня для построения системы инновационной деятельности образовательной организации по параметру «Инновации» / «Предпринимательство» Национального рейтинга «Интерфакс». Методика формирования рейтинга по указанному параметру включает следующие показатели: технологическое (инновационное) предпринимательство в университете (П1); портфель патентов университета (П2); сотрудничество университета с высокотехнологичными компаниями; проводимые университетом испытания (П3); инновационная инфраструктура университета, предприятия университета, социальное предпринимательство (П4); НИОКР университета (П5); базовые кафедры университета (П6)¹⁴.

Показатели П2, П4, П5, П6 рассматриваются нами в качестве базовых показателей для построения системы инновационной деятельности образовательной организации, так как являются ее основой.

Показатели П1, П3 рассматриваются в качестве показателей продвинутого уровня для построения системы инновационной деятельности образовательной организации. Это связано с повышенными требованиями к компетенциям сотрудников, профессорско-преподавательского состава (ППС) университета, в том числе в области менеджмента ОИС, в реализации данных показателей в практике вуза. Под повышенными требованиями к менеджменту ОИС, в частности, понимаются следующие: 1) способность проведения аудита ОИС в портфеле вуза в рамках проводимых вузом НИОКР, которые оформляются «...как договоры услуг или договоры на научно-исследовательские работы...»; 2) оптимизация портфеля патентов, в том числе за счет

¹³ До 2021 г. включительно данный показатель именовался «интернационализация».

¹⁴ Национальный рейтинг университетов. Методика исследования // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=1&year=2022&page=1> (дата обращения: 01.01.2023).

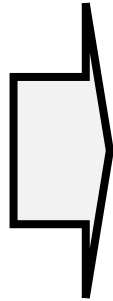
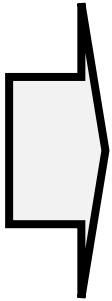
уменьшения нагрузки по патентным пошлинам; 3) развитие стратегии продвижения технических решений вуза на рынках БРИКС, Ближнем Востоке; 4) использование технологий блокчейн для определения и защиты авторства для рынка Китая¹⁵.

Организация инновационной деятельности образовательных организаций и управление ею на основе менеджмента объектов интеллектуальной собственности

Развивая настоящим собственное исследование в области подхода на основе менеджмента ОИС в части международного сотрудничества, а также опираясь на анализ рассмотренных работ, полагаем, что построение системы инновационного менеджмента на основе менеджмента ОИС в образовательных организациях позволяет получать результаты, представленные в Таблице 3 [Гумерова и др. 2022]¹⁶.

ОИС, рассматриваемые как ценность инновационной системы вуза, представлены университетами, занимающими лидирующие позиции в Национальном рейтинге «Интерфакс», на их информационных порталах. В частности, на официальных сайтах Московского физико-технического университета¹⁷, Национального ядерного университета «МИФИ»¹⁸, Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Дальневосточного федерального университета¹⁹ можно отметить отдельные страницы порталов, раскрывающие порядок регистрации, перечень ОИС данных вузов за конкретные периоды; сайт инновационной инфраструктуры, включающей студенческую активность в области создания и регистрации ОИС.

Таблица 3. Организация инновационной деятельности образовательных организаций и управление ею на основе менеджмента объектов интеллектуальной собственности: результаты на основе менеджмента ОИС²⁰

Виды исследовательских работ		Результат		Виды работ (результатов) на основе ОИС
НИРС, НИОКР, ФИ, ПИ (ППС, обучающихся, сотрудников вуза)		Получение ОИС		1. Продвижение ОИС на научных конкурсах, выставках.
				2. Защита ОИС как результата инновационной (интеллектуальной) деятельности в патентных ведомствах различных стран.
				3. Получение грантов (международного, федерального, регионального уровней), где требуется в заявке наличие ОИС.
				4. Использование ОИС на внутренних и внешних цифровых платформах: ЭОС, ЭБС, цифровых образовательных платформах (ЮРАЙТ, КНОРУС, ИНФРА-М и др.).

¹⁵ Рейтинг «Индекс изобретательской активности российских университетов» — 2022 // Эксперт [Электронный ресурс]. URL: <https://acexpert.ru/publications/rating/reiting-indeks-izobretatelskoi-aktivnosti-rossiiskikh-universite> (дата обращения: 01.01.2023).

¹⁶ Необходимо отметить, что возможности электронных образовательных системах (ЭОС), электронно-библиотечных системах (ЭБС), цифровых образовательных платформах (ЮРАЙТ, КНОРУС, ИНФРА-М) используются университетами в процессе их цифровизации. Этот вопрос является составной частью настоящего исследования и рассматривается ниже.

¹⁷ Отдел по интеллектуальной собственности // МФТИ [Электронный ресурс]. URL: <https://mipt.ru/science/patent/> (дата обращения: 01.01.2023).

¹⁸ Защита интеллектуальной собственности // МИФИ [Электронный ресурс]. URL: <https://mephi.ru/science/zaschita-intellektualnoy-sobstvennosti/> (дата обращения: 01.01.2023).

¹⁹ Объекты интеллектуальной собственности // ДВФУ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dvfu.ru/science/scientific-infrastructure/intellectual-property/> (дата обращения: 01.01.2023).

²⁰ Составлено авторами на основе [Корниенко, Рыжикова 2019]. Примечание: НИРС — научно-исследовательская работа студентов; НИОКР — научно-исследовательские опытно-конструкторские работы, ОИС — объекты интеллектуальной собственности; ПИ — прикладные исследования, ППС — профессорско-преподавательских состав; ФИ — фундаментальные исследования; ЭОС — электронные образовательные системы; ЭБС — электронно-библиотечные системы.

Наличие портфеля действующих патентов интеллектуальной собственности университетов подтверждает их готовность как корпораций знаний быть участниками инновационно-технологических процессов в макрорегионах в качестве разработчиков, исполнителей на основе процессов капитализации знаний [Кузнецов, Энговатова 2016; Корниенко, Рыжикова 2019]. Университеты-патентообладатели при наличии соответствующих институциональных условий во внешней среде и эффективного менеджмента ОИС внутри в мировой практике (на примере ведущих университетов Китая) «...не только формируют патенты, но и получают лицензионные отчисления и успешно создают спин-оффы, привлекающие венчурные инвестиции...» [Кузнецов, Энговатова 2016, 5]. Обладание патентами на ОИС в период создания, развития NBIC²¹-индустрий (в том числе, роботехники) в сочетании с эффективным менеджментом ОИС позволил китайским ведущим университетам занимать лидирующие места в рейтинге «Топ-10 держателей патентов в области робототехники среди университетов и частных исследовательских организаций, с 1995 г. по н. в.» [Там же, 5–7].

В российской практике с 2016 г. аналитический центр «Эксперт» проводит рейтинг «Индекс изобретательской активности российских университетов» в связи с реализацией программы «5 — 100», главной целью которой является повышение конкурентоспособности российских вузов, вхождение в топ-100 университетов мира²². С 2018 г. функционирует АНО «Платформа Национальной технологической инициативы» (далее — Платформа НТИ), одна из задач которой — «...количественный и качественный рост технологических компаний с глобальными амбициями...»²³.

Нами проведен сравнительный анализ результатов Национального рейтинга «Интерфакс» (по параметру «Инновации») и рейтинга «Индекс изобретательской активности российских университетов — 2022» АЦ «Эксперт» (далее — рейтинг «Эксперт») (Таблица 4).

В результате сравнительного анализа результатов нами был выделен блок Б, где представлены университеты, позиции которых значительно отличаются от позиции (1–10) в анализируемых результатах рейтинга «Интерфакс» и «Эксперт». Сравнительный анализ результатов двух рейтингов показывает, что:

- количество участников рейтинга «Интерфакс» в 2022 году — 358 вузов²⁴, рейтинга «Эксперт» — 107 вузов;
- у 5 университетов из 10 позиции в рейтингах «Интерфакс» и «Эксперт» совпали в анализируемом диапазоне (1–10).

Причины различий в результатах рейтингов находятся, на взгляд авторов, в методиках проведения рейтингов; значимости иных составляющих рейтинга «Интерфакс», которые оказывают влияние на конечный результат в рейтинге.

²¹ NBIC-индустрии: нано- био-, информационные и когнитивные индустрии.

²² Рейтинг публикационной и изобретательской активности университетов России—2021 // Эксперт [Электронный ресурс]. URL: <https://acexpert.ru/publications/rating/rejting-publikacionnoy-i-izobretatelskoy-aktivnost-1#metod> (дата обращения: 01.01.2023); Оценка изобретательской активности строится на анализе деятельности университетов в области патентования разработок. Анализируемые в рамках рейтинга показатели разделены на три блока: «Исходные условия» (вес — 10%), «Качество» (30%) и «Востребованность» (60%). Подробнее о методике, ее изменениях см. Рейтинг «Индекс изобретательской активности российских университетов-2022 // Эксперт [Электронный ресурс]. URL: <https://acexpert.ru/publications/rating/rejting-indeks-izobretatelskoi-aktivnosti-rossiiskikh-universite> (дата обращения: 01.01.2023).

²³ Распоряжение Правительства РФ от 3 ноября 2018 г. N 2400-р «Об учреждении автономной некоммерческой организации «Платформа Национальной технологической инициативы» // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71997678/> (дата обращения: 01.01.2023); Полезные материалы / экосистема НТИ // Платформа НТИ [Электронный ресурс]. URL: <https://platform.nti.work/materials> (дата обращения: 01.01.2023).

²⁴ Национальный рейтинг университетов // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: https://academia.interfax.ru/ru/rating/s/?rating=1&year=2022&page=1#_rating_modal (дата обращения: 01.01.2023).

Таблица 4. Позиция ведущих российских университетов в Национальном рейтинге «Интерфакс» (показатель «Инновации») и рейтинге «Индекс изобретательской активности российских университетов — 2022» АЦ «Эксперт»²⁵

Национальный рейтинг «Интерфакс», параметр «Инновации», 2022		Рейтинг «Индекс изобретательской активности российских университетов — 2022» АЦ «Эксперт»	
Позиция в рейтинге	вуз	Позиция в рейтинге	вуз
БЛОК А			
ПОЗИЦИЯ (1-10) УНИВЕРСИТЕТОВ В РЕЙТИНГАХ «ИНТЕРФАКС» И «ЭКСПЕРТ»			
1	Московский физико-технический институт (государственный университет)	1	Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
2	Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»	2-3	Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»
3	Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»	2-3	Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
4	Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова	4-5	Университет ИТМО (НИУ)
5	Томский национальный исследовательский политехнический университет	4-5	Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
6	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого	6-7	Сколковский институт науки и технологий
7	Томский национальный исследовательский государственный университет	6-7	Казанский (Приволжский) федеральный университет
8	Университет ИТМО	8-9	Санкт-Петербургский государственный университет
9	Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана	8-9	Национальный исследовательский университет «МЭИ»
10	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	10-11	Белгородский государственный университет
		10-11	Томский национальный исследовательский государственный университет
	...		...
БЛОК Б			
ПОЗИЦИИ В РЕЙТИНГАХ «ИНТЕРФАКС» И «ЭКСПЕРТ» УНИВЕРСИТЕТОВ, ПОЗИЦИИ КОТОРЫХ ЗНАЧИТЕЛЬНО ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ПОЗИЦИИ (1-10) В РЕЙТИНГАХ «ИНТЕРФАКС» И «ЭКСПЕРТ»			
13	Казанский (Приволжский) федеральный университет	12-13	Московский физико-технический институт (государственный университет)
16	Национальный исследовательский университет «МЭИ»	21-22	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
28-29	Санкт-Петербургский государственный университет	23-24	Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
28-29	Белгородский государственный университет ²⁶	27-32	Национальный исследовательский Томский политехнический университет
36	Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина	-	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
-	Сколковский институт науки и технологий		

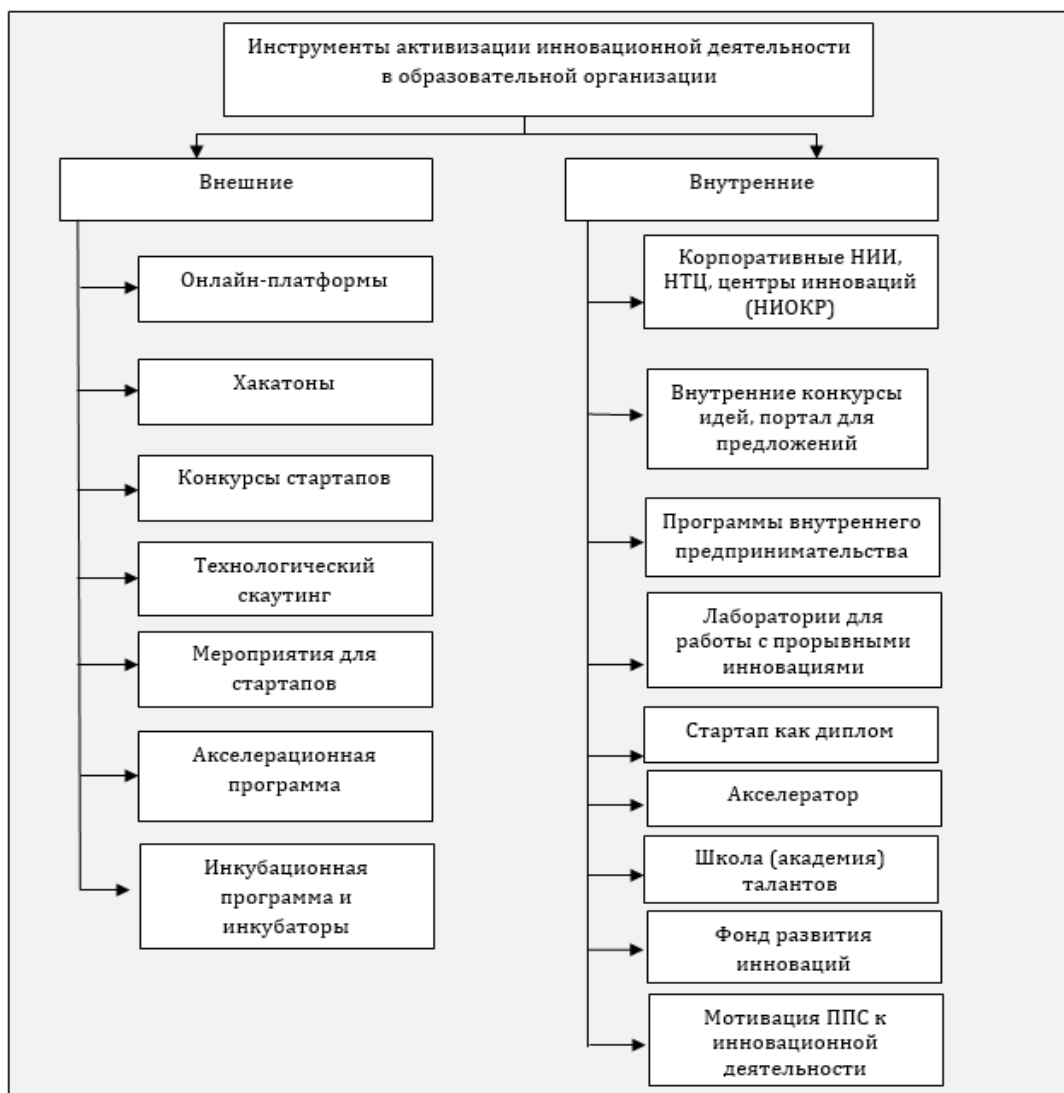
²⁵ Составлено авторами на основе: Национальный рейтинг университетов. Инновации // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/ratings/?rating=8&year=2022&page=1> (дата обращения: 01.01.2023); Рейтинг «Индекс изобретательской активности российских университетов-2022 // Эксперт [Электронный ресурс]. URL: <https://acexpert.ru/publications/rating/reiting-indeks-izobretatelskoi-aktivnosti-rossiiskikh-universite> (дата обращения: 01.01.2023); Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/university/14/?page=ratings> (дата обращения: 20.11.2022); Санкт-Петербургский государственный университет // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/university/5/?page=ratings> (дата обращения: 20.11.2022). Примечание: курсивом жирным шрифтом выделены университеты, чьи позиции в двух рейтингах совпадают в диапазонах (1-10); — аналитический центр; «-» — данный вуз не является участником рейтинга (участие университета в рейтинге на основе имеющихся материалов авторами не выявлено).

²⁶ Не выявлен в Национальном рейтинге «Интерфакса» с названием, использованным в рейтинге АЦ «Эксперт», а именно: «Белгородский государственный университет». Здесь представлены показатели вуза с его наименованием, использованным в рейтинге «Интерфакса». Белгородский государственный национальный исследовательский университет // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/university/381/?page=ratings> (дата обращения: 01.01.2023).

Существуют ли иные модели, подходы, инструменты по активизации инновационной деятельности вуза, которые формируют ее особенность в цифровой экономике и не имеют прямой «привязки» к ОИС?

Модели и инструменты инновационной деятельности вуза в цифровой экономике: внешние и внутренние (на основе проекта «Модель повышения инновационной открытости» Агентства стратегических инициатив), платформы НТИ

Рассматривая университет как корпорацию знаний на основе результатов проекта АСИ, ценности ОИС на информационных порталах ведущих университетов, мы усовершенствовали виды инструментов активизации инновационной деятельности университетов (Рисунок 1).

Рисунок 1. Инструменты активизации инновационной деятельности в образовательной организации: внешние и внутренние²⁷

Направления внутренних инструментов активизации инновационной деятельности университетов могут совпадать с программами Инфраструктурных центров 1.0 Платформы НТИ: AutoNet, Кружковое движение, AeroNet, HealthNet, EnergyNet, TechNet, NeuroNet²⁸.

²⁷ Составлено авторами на основе: [Тимирысова 2020; Бикеев 2007; Голубев и др. 2012; Шульгин и др. 2016]; Фонд развития инноваций // УрФУ [Электронный ресурс]. URL: <https://inno.urfu.ru/project/fond/> (дата обращения: 01.01.2023); Акселератор КИУ // КИУ [Электронный ресурс]. URL: <https://ieml.ru/studentam/akselerator-kiu/> (дата обращения: 01.01.2023); Акселерационная программа // Финансовый университет [Электронный ресурс]. URL: <http://project.fa.ru/> (дата обращения: 01.01.2023).

²⁸ Полезные материалы / экосистема НТИ // НТИ [Электронный ресурс]. URL: https://platform.nti.work/_materials (дата обращения: 01.01.2023).

Инструменты вовлечения ППС в инновационную деятельность университета: РБС ППС, концепция дизайн-мышления

Вовлечение ППС в инновационную деятельность университета на основе менеджмента ОИС и без осуществляется на основе действующих рейтинго-балльных систем ППС (РБС ППС) вузов, которые включают результаты учебно-методической, научно-исследовательской работы и другие области образовательной деятельности университета как корпорации знаний [Ильиных 2011]. Данные РБС ППС констатируют факт результата (например, создание ОИС), происходит накопление баллов. Таким образом, РБС ППС — это в первую очередь активный инструмент вовлечения ППС в инновационную деятельность вуза. Результативность использования РБС ППС в инновационной деятельности вуза как одного из факторов данного процесса, стартовавшего в российской практике ориентировочно с 2011 гг., отражается в рейтингах «Интерфакс», АЦ «Эксперт», международных рейтингах конкурентоспособности российских университетов.

Использование методик бережливого управления в инновационной деятельности университета в условиях развития цифровой экономики имеет свою специфику, а также более широкий диапазон поставленных задач, в том числе в области возможностей вовлечения в инновационную деятельность ППС, обучающихся [Антонова 2013]. Концепция дизайн-мышления, развитие которой началось в 2004 г. в Стэнфордском университете, является ответом на изменения в экономике и финансовых практиках: переход от «общества потребления» к «обществу впечатлений» потребовал формирования новых методик создания продуктов, которые способны гибко реагировать в ситуации неопределенности [Фазылзянова 2020; Фазылзянова и др. 2020]. Методология дизайн-мышления — это гибкие структуры (agile organisation), открытые инновации (open innovation), бережливый старт-ап (lean start up); одним из принципов дизайн-мышления является человекоцентричность, то есть ориентированность на внутреннего клиента (сотрудника) и внешнего клиента (потребителя) [Хомусткий, Андреев 2017]. Ключевыми понятиями концепции дизайн-мышления являются те, которые используются во внутренних и внешних инструментах активизации инновационной деятельности (Рисунок 1): подход Scrum, подход Agile, подход Customer development, подход Lean Start up [Голубев и др. 2019]. В процессе использования инструментов дизайн-мышления руководитель команды по созданию инновационного продукта опирается на мультидисциплинарные команды, визуализацию, создание прототипов (промежуточных) результатов инновационной деятельности [Там же]. В работе С.А. Дмитриевой отмечается, что зарубежные компании (IBM и General Electric, китайские компании) активно используют инструменты дизайн-мышления в работе с цифровыми платформами [Дмитриева 2018]²⁹. Необходимо выделить преимущества инструментов и философии дизайн-мышления для их использования в инновационной деятельности университета:

- 1) философия дизайн-мышления — развитие философии бережливого управления в цифровой экономике на основе возможностей ИКТ;
- 2) философия и инструменты дизайн-мышления представляют собой геймовые формы вовлечения в НИР обучающихся (в частности, визуализация промежуточных результатов, создание прототипов продуктов) [Чучалин 2022; Аксенова и др. 2019];
- 3) возможность создания НИР-проектов с высокой социальной значимостью для предприятия, вуза, региона, страны;

²⁹ С 2019 г. с принятием «Казанской декларации о человекоцентричности» стартовал процесс в области исследования индекса человекоцентричности («Индекс человекоцентричности компаний»). Участниками исследовательской инициативы являются: Высшая школа экономики, Бостонская консалтинговая группа, Корпоративная Академия Ростам, Директор по персоналу, Совет ТПП по устойчивому развитию бизнеса, корпоративной социальной ответственности и волонтерству. Источник: Человекоцентричный подход к сотрудникам и трудовым отношениям // Росатом [Электронный ресурс] URL: <https://research.rosatomimpact.com/#principles> (дата обращения: 01.01.2023).

- 4) дизайн-мышление — это источник постоянных изменений, инноваций для внутреннего и внешнего клиента (потребителя) организации (вуза);
- 5) возможность использования идей концепции совместного потребления (Sharing economy) как составляющей цифровой экономики в создании социально значимых проектов [Трачук, Линдер 2015].

Отсюда результатами инновационной деятельности на основе дизайн-мышления, по мнению авторов, являются: повышение профессиональных компетенций ППС; создание ОИС на основе инструментов дизайн-мышления (с человекоцентричным характером); создание социально значимых проектов в масштабах региона, страны.

Цифровизация образовательных организаций: виртуализация активов, уберизация процесса

Для проверки второй части гипотезы нашего исследования (в период цифровизации образовательной организации (в результате виртуализации его активов, управления, уберизации его образовательных, управленческих процессов) данный подход позволяет получать новые виды ОИС, что, в свою очередь, служит дальнейшей активизации инновационной деятельности вуза в цифровой экономике) нами исследован вопрос цифровизации образовательной организации как составной части ее инновационной деятельности в цифровой экономике.

Процессы цифровизации системы образования осуществляются в рамках «...комплекса мероприятий, нацеленных на достижение национальных целей в части цифрового развития сферы высшего образования...»³⁰.

В исследовании Э.М. Ахметшина, В.Л. Васильева внимание уделено вопросам доступа к ресурсам цифрового университета в цифровой экономике, сформирован перечень стейкхолдеров, функций цифрового университета [Ахметшин, Васильев 2022]. В работе А.С. Сейтбаткаловой, С.С. Таменовой представлен показатель эффективности цифрового университета: количество выпускников с цифровыми компетенциями [Сейтбаткалова, Таменова 2022]. В исследовании Е.В. Дудышевой, Л.А. Мокрецовой представлены цифровые ресурсы, которые используются в процессе формирования университета как экосистемы в цифровой экономике, на основе кейсов показаны возможности развития данной экосистемы [Дудышева, Мокрецова 2021]. М.А. Головчин рассматривает вопросы цифровизации высшего образования в аспекте формируемых институциональных ловушек, возникающих в результате (в частности) интернет-связи в образовательном процессе, использования онлайн-платформ, наличия необходимой для цифрового обучения э-инфраструктуры, пропускных способностей и серверных мощностей [Головчин 2021].

Под цифровизацией образовательной организации в настоящем исследовании понимается совокупность процессов виртуализации активов, управления и уберизации образовательных, управленческих процессов (Рисунок 2). Использование концепции совместного потребления в цифровых платформах актуальна для э-библиотек, когда за стоимость по подписке вуз получает доступ к массиву э-информации э-издательств, не владея всеми печатными вариантами данных ОИС; далее актуальность проявляется в формировании соответствующих экосистем [Кобылко 2022].

³⁰ Цифровизация образования // Министерство науки и высшего образования РФ [Электронный ресурс]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/colleges_councils/kollegialnye-organy/digitalcouncil/digitalobr/ (дата обращения 01.01.2023).

Применительно к объекту и предмету настоящего исследования мы не ставим задачей исследование уровня виртуализации и уберизации образовательных организаций. Однако на основе сформулированного нами процесса цифровизации образовательной организации представляется возможным показать возможности цифровых платформ и цифровых ресурсов в инновационной деятельности образовательных организаций с учетом процессов виртуализации и уберизации (Рисунок 3).

Цифровые платформы и цифровые ресурсы в инновационной деятельности образовательных организаций, представленные на Рисунке 2, способствуют получению следующих результатов:

- 1) созданию новейших ОИС благодаря возможностям цифровых издательских (образовательных)³¹ платформ (медиакурсы³², гибкие курсы³³);
- 2) возможности прохождения тестов в онлайн-режиме (до 15 попыток сдачи)³⁴;
- 3) возможности участия в научных конкурсах изданий федерального уровня;
- 4) техническим возможностям по цитированию, работе ОИС с цифровых платформ в целом для ППС, обучающихся вуза.

Рисунок 2. Цифровизация образовательных организаций: виртуализация активов, уберизация процесса³⁵

³¹ Цифровая платформа является образовательной при наличии соответствующей лицензии.

³² Медиакурс — новый формат учебника, который содержит дополнительные видео- и аудиоматериалы по теме книги. Конструктор гибких курсов // ЮРАЙТ [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/info/courses> (дата обращения: 01.01.2023).

³³ Гибкий курс — это инструмент, с помощью которого преподаватель можете собрать свой курс как конструктор. Источник: Конструктор гибких курсов // ЮРАЙТ [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/info/courses> (дата обращения: 01.01.2023).

³⁴ Конструктор гибких курсов // ЮРАЙТ [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/info/courses> (дата обращения: 01.01.2023).

³⁵ Составлено авторами на основе [Уорнер, Витцель 2005].

Необходимо отметить, что виртуальные активы — ОИС ППС, представленные в электронно-образовательных системах образовательных организаций, отображают различные аспекты инновационной деятельности: результаты ОИС (с различной индексацией в РИНЦ, elibrary или без индексации), мотивацию ППС (РБС ППС), участие в конкурсах в качестве авторов, научных руководителей (РБС ППС). Информационные порталы-партнеры цифровых издательских образовательных платформ позволяют продвигать издания ППС на российском образовательном рынке с использованием различных акций и возможностей ресурсов, что свидетельствует о специализации участников процесса цифровизации образовательных организаций (Рисунок 3).

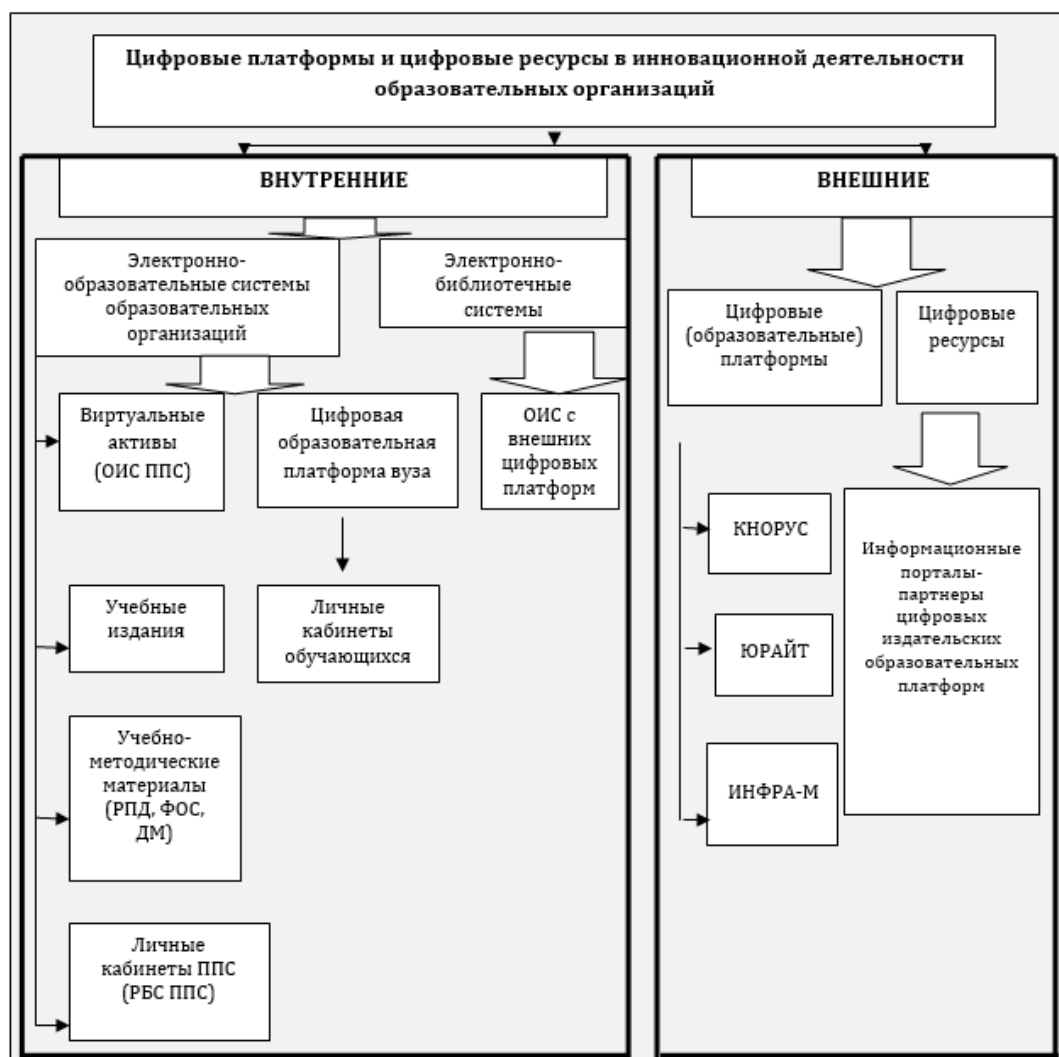

Рисунок 3. Цифровые платформы и цифровые ресурсы в инновационной деятельности образовательных организаций³⁶

Выводы: особенности инновационной деятельности образовательных организаций

В завершение исследования можно сделать следующие выводы:

Подтверждена гипотеза исследования в части (а), заключающаяся в проверке подхода на основе менеджмента ОИС как результата инновационной деятельности образовательной организации высшего образования, когда ОИС служат основой построения инновационной деятельности вуза: проанализированные методики и итоги Национального рейтинга российских

³⁶ Составлено авторами. Примечание: ДМ — диагностические материалы; ОИС — объекты интеллектуальной собственности; ППС — профессорско-преподавательский состав; РПД — рабочие программы дисциплин; РБС — рейтинго-балльная система; ФОС — фонд оценочных средств.

университетов «Интерфакс» показал взаимосвязь показателей рейтинга с ОИС (19 показателей из 36); сравнительный анализ результата Национального рейтинга российских университетов «Интерфакс» по параметру «Инновации» и рейтинга «Индекс изобретательской активности российских университетов—2022» АЦ «Эксперт» показал, что российские университеты занимают ведущие позиции в этих двух рейтингах в диапазонах позиций (1–10) одновременно (это актуально для пяти вузов из десяти); сравнительный анализ результата Национального рейтинга российских университетов «Интерфакс» по параметру «Инновации» и рейтинга «Индекс изобретательской активности российских университетов—2022» АЦ «Эксперт» показал имеющиеся различия в двух рейтингах.

Подтверждена также гипотеза исследования в части (б), заключающаяся в выявлении новых ОИС в процессе цифровизации образовательных организаций: сформулировано понятие «цифровизация образовательной организации», под которым понимается совокупность процессов виртуализации активов, управления и уберизации образовательных, управленческих процессов; сформирована схема возможностей цифровых платформ и цифровых ресурсов в инновационной деятельности образовательных организаций с учетом процессов цифровизации и уберизации. Данная схема позволяет сформулировать выводы по возможностям данных цифровых платформ и цифровых ресурсов.

Кроме того, усовершенствованы инструменты активизации инновационной деятельности университета как корпорации знаний (внешние и внутренние), актуальные для цифровой экономики. Исследованы вопросы мотивации ППС, обучающихся вуза в период цифровизации на основе действующих РБС ППС; использования инструментов дизайн-мышления, что позволяет создавать ОИС на основе принципов человекоцентричности, социально значимых проектов. Вопросы вовлечения ППС в инновационную деятельность университета различных типов в процессе цифровизации представляется возможным решать на основе использования принципов человекоцентричности, что является областью отдельного исследования.

Список литературы:

Аксенова Л.Н., Хасанова М.Л., Руднев В.В., Дмитриев М.С. Игровые технологии как вид проблемного обучения и средство активизации деятельности студентов // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 3–1. С. 83–87.

Антонова И.И. Бережливое производство: системный подход к его внедрению на предприятиях Республики Татарстан. Казань: Познание, 2013.

Ахметшин Э.М., Васильев В.Л. Подходы к управлению ресурсами современного университета в условиях цифровизации // E-Management. 2022. Т. 5. № 2. С. 4–14. DOI: [10.26425/2658-3445-2022-5-2-4-14](https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-2-4-14)

Болотов В.А., Мотова Г.Н., Наводнов В.Г. Глобальный агрегированный рейтинг вузов: российский след // Высшее образование в России. 2021. Т 30. № 3. С. 9–25. DOI: [10.31992/0869-3617-2021-30-3-9-25](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-3-9-25)

Бикеев И.И. Модель организации научной работы в молодом вузе // Высшее образование в России. 2007. № 9. С. 52–58.

Голубев Н., Назаров А., Козлов А., Ходырева Ю., Хомик А. Модель повышения инновационной открытости крупных компаний. М.: Агентство стратегических инициатив, 2019.

Головчин М.А. Институциональные ловушки цифровизации российского высшего образования // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 3. С. 59–75. DOI: [10.31992/0869-3617-2021-30-3-59-75](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-3-59-75)

Гумерова Г.И., Хюзиг С., Шеве Г., Бутнева А.Ю., Шаймиева Э.Ш. Формирование организационно-управленческого подхода на основе менеджмента объектов интеллектуальной собственности в области международного научного сотрудничества // Государственное управление. Электронный вестник 2022. № 91. С. 45–65. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-91-45-65](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-91-45-65)

Дмитриева С.А. Дизайн-мышление как новая парадигма корпоративных финансов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 3. С. 112–115.

Дудышева Е.В., Мокрецова Л.А. Построение образовательной экосистемы инноваций в региональном педагогическом университете в условиях цифровизации // Преподаватель XXI век. 2021. № 3–1. С. 21–33. DOI: [10.31862/2073-9613-2021-3-21-33](https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-3-21-33)

Ильиных И.Н. Мотивация достижения как важная психологическая составляющая успешной инновационной деятельности преподавателя высшей школы // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. № 21–1. С. 134–140.

Кузнецов Е.Б., Энговатова А.А. «Университеты 4.0»: точки роста экономики знаний в России // Инновации. 2016. № 5(211). С. 3–9.

Кобылко А.А. Перспективы развития бизнес-экосистем: конкуренция, сотрудничество, специализация // Russian Journal of Economics and Law. 2022 Т. 16. № 4. С. 728–744. DOI: [10.21202/2782-2923.2022.4.728-744](https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.728-744)

Корниенко О.А., Рыжикова Т.Н. Генезис инновационной экосистемы как системы производства знаний и национальной конкурентоспособности // Инновации в менеджменте. 2019. № 3(21). С. 38–45.

Мизюрова Э.Ю., Рокитянская К.А. Современные технологии в развитии творческих способностей обучающихся // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 8(198). С. 185–190. DOI: [10.34835/issn.2308-1961.2021.8.p185-190](https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2021.8.p185-190)

Наумкин Н.И., Грошева Е.П., Шекшаева Н.Н. Исследование инновационной подсистемы университетской кафедры как субстрата региональной инновационной системы // Регионология. 2018. Т. 26. № 3. С. 474–493. DOI: [10.15507/2413-1407.104.026.201803.474-493](https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.474-493)

Пономарева О.И. Роль современных моделей университетов в формировании человеческого капитала // ЦИТИСЭ. 2019. № 5(22). С. 344–353. DOI: [10.15350/24097616.2019.5.31](https://doi.org/10.15350/24097616.2019.5.31)

Петрищев П.В., Масюк Н.Н., Бушуева М.А. Методы оценки результативности партнерства российских университетов с зарубежными вузами // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 3(24). С. 229–232.

Сейтбаткалова А.С., Таменова С.С. Особенности цифровизации в системе развития университетов // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. 2022. № 2(25). С. 108–111.

Тимирясова А.В. Устойчивое развитие университета — условие процветания региона и страны // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 5. С. 105–116. DOI: [10.31992/0869-3617-2020-29-5-105-116](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-5-105-116)

Трачук А.В., Линдер Н.В. Трансформация бизнес-моделей электронного бизнеса в условиях нестабильной внешней среды // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2015. № 2. С. 58–71. DOI: [10.17747/2078-8886-2015-2-58-71](https://doi.org/10.17747/2078-8886-2015-2-58-71)

Уорнер М., Витцель М. Виртуальные организации: новые формы ведения бизнеса в XXI веке. М.: Хорошая книга, 2005.

Фазылзянова Г.И. Дизайн-мышление как философия и методология цифрового общества // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2020. № 1(25). С. 101–108. DOI: [10.24151/2409-1073-2020-1-101-108](https://doi.org/10.24151/2409-1073-2020-1-101-108)

Фазылзянова Г.И., Соколова Т.Ю., Балалов В.В. Методология дизайн-мышления как креативный ресурс развития современной системы образования // Педагогический журнал. 2020. Т. 10. № 1–1. С. 415–427. DOI: [10.34670/AR.2020.1.46.165](https://doi.org/10.34670/AR.2020.1.46.165)

Хомутский Д.Ю., Андреев Г.С. Формирование компетенций инновационного лидерства на основе модели дизайн-мышления // Управление человеческим потенциалом. 2017. № 2. С. 86–90.

Чучалин А.И. Подготовка в вузе STEM:ИТ-профессионалов к инновационной деятельности в 3D-командах // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 8–9. С. 79–96. DOI: [10.31992/0869-3617-2022-31-8-9-79-96](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-8-9-79-96)

Шульгин Д.Б., Кортов С.В., Терлыга Н.Г. Опыт формирования системы управления интеллектуальной собственностью в УРФУ // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 2(102). С. 72–83.

References:

Aksenova L.N., Khasanova M.L., Rudnev V.V., Dmitriev M.S. (2019) Gaming Technology as a Type of Problem-Based Learning and a Means of Revitalizing Students. *Sovremennye naukoemkie tehnologii*. No. 3–1. P. 83–87.

Antonova I.I. (2013) *Berezhlivoye proizvodstvo: sistemnyy podkhod k yego vnedreniyu na predpriyatiyakh Respubliki Tatarstan* [Lean production: A systematic approach to its implementation at enterprises of the Republic of Tatarstan]. Kazan: Poznaniye.

Akhmetshin E.M., Vasiliev V.L. (2022) Approaches to Resource Management of a Modern University in the Context of Digitalization. *E-Management*. Vol. 5. No. 2. P. 4–14. DOI: [10.26425/2658-3445-4](https://doi.org/10.26425/2658-3445-4)

Bolotov V.A., Motova G.N., Navodnov V.G. (2021) Global Aggregated Ranking of HEIs: Russian Footprint. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. Vol. 30. No. 3. P. 9–25. DOI: [10.31992/0869-3617-2021-30-3-9-25](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-3-9-25)

Bikeev I.I. (2007) Model' organizatsii nauchnoy raboty v molodom vuze [Model of the organization of scientific work in a young university]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. No. 9. P. 52–58.

Chuchalin A.I. (2022) University Training of STEM-IT Professionals to Innovation Activity in 3D-Teams. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. Vol. 31. No. 8–9. P. 79–96. DOI: [10.31992/0869-3617-2022-31-8-9-79-96](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-8-9-79-96)

Dmitrieva S.A. (2018) Design-Thinking as a New Paradigm of Corporate Finance. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta*. No 3. P. 112–115.

Dudysheva E.V., Mokretsova L.A. (2021) Building an Educational Ecosystem of Innovations in a Regional Pedagogical University within of Digitalization. *Prepodavatel' XXI vek*. No. 3–1. P. 21–33. DOI: [10.31862/2073-9613-2021-3-21-33](https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-3-21-33)

Ilyinykh I.N. (2011) Motivatsiya dostizheniya kak vazhnaya psikhologicheskaya sostavlyayushchaya uspezhnoy innovatsionnoy deyatel'nosti prepodavatelya vysshey shkoly [Motivation of achievement as an important psychological component of successful innovative activity of a high school teacher]. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*. No. 21–1. P. 134–140.

Fazulzianova G.I. (2020) Design Thinking as a Philosophy and Methodology of Digital Society. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya*. No. 1(25). P. 101–108. DOI: [10.24151/2409-1073-2020-1-101-108](https://doi.org/10.24151/2409-1073-2020-1-101-108)

Fazylzyanova G.I., Sokolova T.Yu., Balalov V.V. (2020) Methodology of Design Thinking as a Creative Resource for the Development of the Modern Education System. *Pedagogicheskiy zhurnal*. Vol. 10. No. 1–1. P. 415–427. DOI: [10.34670/AR.2020.1.46.165](https://doi.org/10.34670/AR.2020.1.46.165)

Golubev N., Nazarov A., Kozlov A., Khodyreva Yu., Khomik A. (2019) *Model' povysheniya innovatsionnoy otkrytosti krupnykh kompaniy* [Model of rising innovative openness of big companies]. Moscow: Agentstvo strategicheskikh initsiativ.

Golovchin M.A. (2021) Institutional Traps of Digitalization of Russian Higher Education. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. Vol. 30. No. 3. P. 59–75. DOI: [10.31992/0869-3617-2021-30-3-59-75](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-3-59-75)

Gumerova G.I., Khyuzig S., Sheve G., Butneva A.Yu., Shaimieva E.S. (2022) Formation of Organizational and Managerial Approach Based on Management of Intellectual Property Objects in the Field of International Scientific Cooperation. *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik*. No. 91. P. 45–65. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-91-45-65](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-91-45-65)

Khomutsky D.Yu., Andreev G.S. (2017) Formirovaniye kompetentsiy innovatsionnogo liderstva na osnove modeli dizayn-myshleniya [Formation of innovative leadership competencies based on the design thinking model]. *Upravleniye chelovecheskim potentsialom*. No. 2. P. 86–90.

Kobylko A.A. (2022) Prospects of Developing Business Ecosystems: Competition, Cooperation, Specialization. *Russian Journal of Economics and Law*. Vol. 16. No. 4. P. 728–744. DOI: [10.21202/2782-2923.2022.4.728-744](https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.728-744)

Kornienko O.A., Ryzhikova T.N. (2019) The Genesis of the Innovation Ecosystem as a System of Knowledge Production and National Competitiveness. *Innovatsii v menedzhmente*. No. 3(21). P. 38–45.

Kuznetsov E.B., Engovatova A.A. (2016) «University 4.0»: Knowledge Economy Growth Drivers in Russia. *Innovatsii*. No. 5(211). P. 3–9.

Mizyurova E.Yu., Rokityanskaya K.A. (2021) Modern Technologies in the Development of Students' Creative Abilities. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. No. 8(198). P. 185–190. DOI: [10.34835/issn.2308-1961.2021.8.p185-190](https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2021.8.p185-190)

Naumkin N.I., Grosheva E.P., Shekshaeva N.N. (2018) Research of the Innovation Subsystem of the University Department as a Substrate of the Regional Innovative System. *Regionologiya*. Vol. 26. No. 3. P. 474–493. DOI: [10.15507/2413-1407.104.026.201803.474-493](https://doi.org/10.15507/2413-1407.104.026.201803.474-493)

Ponomareva O.I. (2019) The Role of Modern Models of Universities in the Formation of Human Capital. *TSITIS·E*. No. 5(22). P. 344–353. DOI: [10.15350/24097616.2019.5.31](https://doi.org/10.15350/24097616.2019.5.31)

Petrishchev P.V., Masyuk N.N., Bushuevoy M.A. (2018) Method of Estimation of the Effectiveness of the Partnership Russian Universities with Foreign Educational Organizations. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye*. Vol. 7. No. 3(24). P. 229–232.

Seitbatkalova A.S., Tamenova S.S. (2022) Features of Digitalization in the University Development System. *Forum. Seriya: Gumanitarnyye i ekonomicheskiye nauki*. No. 2(25). P. 108–111.

Shoulgin D.B., Kortov S.V., Terlyga N.G. (2016) The Experience of Forming Intellectual Property Management System at URFU. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. No. 2(102). P. 72–83.

Timiryasova A.V. (2020) Sustainable Development of the University as a Prerequisite of Region's and Country's Prosperity. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. Vol. 29. No. 5. P. 105–116. DOI: [10.31992/0869-3617-2020-29-5-105-116](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-5-105-116)

Trachuk A.V., Linder N.V. (2020) Transformation of Business Models of Electronic Business in Conditions of Unstable External Environment. *Strategicheskiye resheniya i risk-menedzhment*. No. 2. P. 58–71. DOI: [10.17747/2078-8886-2015-2-58-71](https://doi.org/10.17747/2078-8886-2015-2-58-71)

Warner M., Witzel M. (2005) *Managing in Virtual Organizations*. Moscow: Dobraya kniga.

Дата поступления/Received: 07.01.2023

Подготовка управленческих кадров
Administration personnel training

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-96-212-233

Факторы готовности к написанию и защите диссертационных работ

Зайцева Татьяна Вячеславовна

Доктор экономических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой управления персоналом, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: zaytv@spa.msu.ru

SPIN код РИНЦ: [6358-5492](#)

ORCID ID: [0000-0001-8213-4907](#)

Суворова Анна Александровна

Эксперт проектного офиса по программе РТТН (МБИР), частное учреждение по обеспечению научного развития атомной отрасли «Наука и инновации»; советник проектного офиса по управлению тематическим планированием, АО «Наука и инновации», Госкорпорация по атомной энергии «Росатом», Москва, РФ.

E-mail: AnnaSuvorova@rosatom.ru

SPIN код РИНЦ: [3607-2509](#)

ORCID ID: [0000-0002-1283-4681](#)

Аннотация

Потребность российской науки в новых идеях и свежем взгляде на сложившиеся теоретические воззрения и технологии обусловила интерес авторов к факторам, влияющим на желание специалистов писать и защищать научные работы на соискание научных степеней. Многими учеными научная деятельность воспринимается как высокая цель и амбициозные задачи, решая которые они не только создают новый научный результат, но также получают интеллектуальное и эстетическое удовольствие. В этом контексте научная деятельность предстает даже не средством достижения цели, а самой целью. Так, высокотехнологичная и наукоемкая атомная отрасль фактом существования способствует не только достижению своей прямой цели — производству электроэнергии, но способствует развитию научного знания, концентрации усилий на прорывных направлениях исследований в различных областях, начиная от материаловедения и заканчивая экологией. В то же время обозначилась тенденция падения интереса со стороны квалифицированных кадров отрасли к написанию и защите диссертаций. Нежелательные последствия такого явления побудили авторов к проведению исследования по выявлению факторов, стимулирующих или тормозящих интерес к научной деятельности сотрудников научного дивизиона отрасли. В ходе обобщения отечественных и зарубежных источников, а также проведения исследования с применением методов математической статистики, опроса и интервью было выявлено, что готовность к защите диссертационных работ субъектов исследовательской деятельности в организациях научного дивизиона Госкорпорации по атомной энергии «Росатом» представляет собой комплексную систему с разными уровнями, включая личностный, функциональный и предметно-деятельный (профессиональный).

Ключевые слова

Мотивация к научной деятельности, молодые ученые, исследовательская работа, защита диссертационных работ, диссертация, стимулирование труда работников научного дивизиона.

Motivational Factors for Writing and Defending Scientific Papers

Tatiana V. Zaytseva

DSc (Economics), Professor, Deputy Head of Human Resource Management Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: zaytv@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0001-8213-4907](#)

Anna A. Suvorova

Expert of the project office for the Development of equipment, technologies and scientific research comprehensive program, Science and Innovations — Nuclear Industry Scientific Development, Private Enterprise; Advisor, Joint-stock company “Science and Innovations”, State Atomic Energy Corporation “Rosatom”, Moscow, Russian Federation.

E-mail: AnnaSuvorova@rosatom.ru

ORCID ID: [0000-0002-1283-4681](#)

Abstract

The need of Russian science for new ideas and a fresh look at the prevailing theories and technologies has stimulated the authors' interest in the factors influencing motivation to obtaining scientific degrees. When carrying out scientific activities, scientists not only create a new scientific result, but also get intellectual and aesthetic satisfaction. In this context, scientific activity appears both as means to achieve the goal, and also as the goal itself. Therefore, the functioning of the high-tech and science-intensive nuclear industry contributes not only to achieving its direct goal — the production of electricity, but also facilitates the development of scientific knowledge, concentration of efforts on breakthrough areas of research in various fields from materials science to ecology. At the same time, there has been a tendency to decrease the motivation of qualified industry personnel in writing and defending dissertations. The undesirable consequences of this phenomenon prompted the authors to conduct a study to identify factors that stimulate or inhibit interest in scientific activity among employees of Rosatom State Corporation. Through overviewing of Russian

and foreign scientific papers, as well as conducting research using methods of mathematical statistics, surveys and interviews, it was revealed that the motivation for the defense of dissertations of agents of research activity is a complex system with different levels, including personal, functional and the level of substantive activity (professional).

Keywords

Motivation for scientific activity, young scientists, research work, defense of dissertations, dissertation, stimulating the work of scholars and scientists.

Введение

Очевидно, что без сильной науки и талантливых ученых сложно справиться с сегодняшними и будущими вызовами. Для того, чтобы одаренная молодежь шла в науку и делала нашу страну лучше, нужно понимание причин интереса к научной деятельности, а также последующая адресная поддержка.

Наука — это не только технологические, но и экономические, социальные и политические преимущества. Фундаментальные открытия во все времена переворачивали жизнь человечества. Выигрывала та страна, которая первая правильно реагировала на вызовы эпох. В то же время внимание российской власти к поддержанию и развитию отечественной науки после распада СССР резко снизилось. Сократились или вовсе исчезли инвестиции в материальную базу, преподаватели высшей школы и научные работники из социальной элиты опустили в группы малообеспеченных граждан, научная деятельность утратила свой социальный престиж.

Год науки вернул внимание к развитию российского научного потенциала, который удалось сохранить в алгоритмах, коде, а главное — в людях. В настоящее время роль науки как производительной силы возрастает вместе с общественным прогрессом, предоставляется возможность усилить работу в сфере технологий в целях поступательного национального развития.

Обмен мнениями, преемственность в передаче накопленного опыта, непрерывные усилия должны множиться и расширяться, чтобы молодые ученые продолжали делать прорывные разработки в нашей стране. Усиление соответствующего блока подготовки можно достичь, включая в образовательные программы учебные дисциплины, позволяющие получить компетенции в области прикладных исследований. Этому также будет способствовать привлечение к преподаванию специалистов из индустрии. Совместные научно-деловые проекты институтов развития, российских университетов и организаций, в том числе научных организаций государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» (далее— Госкорпорация «Росатом»), должны входить в постоянную рабочую повестку соответствующих учреждений высшего образования. Междисциплинарный диалог и дальнейшее взаимопроникновение научных направлений на различных образовательных форумах поможет исследователям и студентам увидеть новые перспективы применения компетенций и реализации своих жизненно-образовательных маршрутов.

Не менее важно сохранять поддержку молодых специалистов после того, как они завершили обучение и приступили к профессиональной деятельности в наукоемких отраслях. Требуется не только оперативное снабжение исследовательских процессов, современные приборы, но также программы стимулирования труда квалифицированных кадров и признания их заслуг. Так, при концентрировании усилий для сохранения и прибавления кадрового потенциала особое внимание необходимо уделить трем компонентам: вовлечь, поддержать и обеспечить.

Сегодня любая корпорация, которая основывается на технологических решениях, поддерживает институты развития, главный ресурс которых — люди, а повышение престижа профессии ученого — ключевой ориентир. Организации научного дивизиона Госкорпорации «Росатом» «Наука и инновации» не являются исключением и показывают, что молодые люди могут быть успешными в этой отрасли и как профессионалы, и как исследователи.

Современные условия в институтах/организациях научного дивизиона Госкорпорации «Росатом» предъявляют высокие требования к личностным и профессиональным качествам сотрудников. Несоответствие этих качеств тем задачам, которые стоят перед сотрудниками, влияет на эффективность выполнения профессиональной деятельности. Отмечается рост числа сотрудников на руководящих должностях без соответствующей ученой степени, происходит профессиональная деформация, что в конечном счете может привести к неукомплектованности штатов и другим системным проблемам в организациях научного дивизиона и отдельных подразделениях.

Кроме того, сегодня достаточно много девушек и женщин работают в атомной отрасли наравне с мужчинами, успешно выполняют свои обязанности. Однако при приеме женщин на работу в организации научного дивизиона Госкорпорации «Росатом» возникают вопросы относительно их готовности к научной деятельности в естественнонаучных областях.

Целью данной работы является выявление факторов, стимулирующих или блокирующих деятельность сотрудников научного дивизиона Госкорпорации по атомной энергии «Росатом» разного пола и разного возраста по написанию и защите диссертаций на соискание степеней кандидата или доктора наук.

Для достижения цели исследования авторами обработаны статистические данные, накопленные в организациях научного дивизиона госкорпорации «Росатом» за последние 10 лет, а также проведены опросы и интервью сотрудников.

Теоретическая разработанность проблемы

Когда говорят о «готовности к деятельности», будь то научной или профессиональной, в современной литературе выделяют два основных подхода: личностный и функциональный.

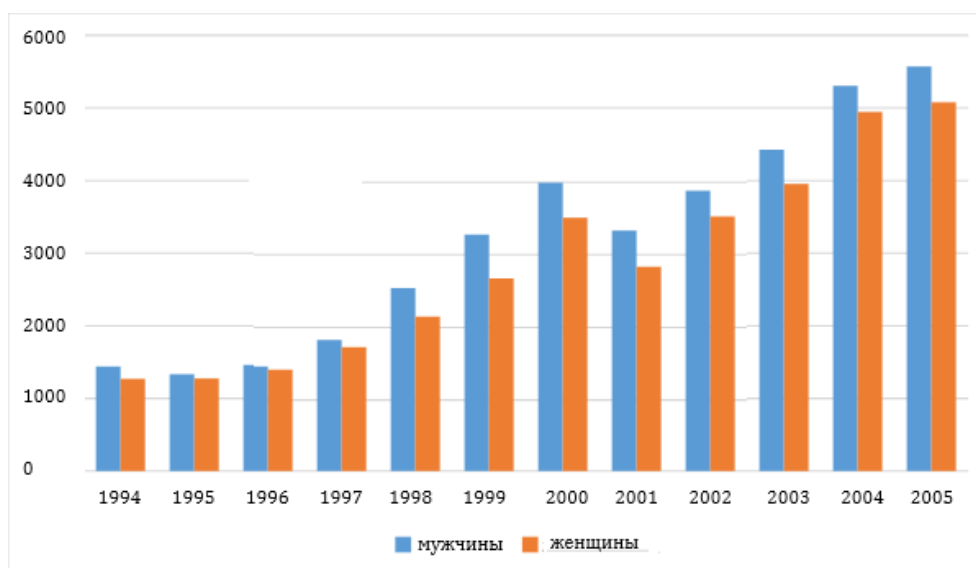
В рамках личностного подхода готовность к деятельности рассматривается как проявление индивидуальных, личностных и индивидуальных особенностей и качеств человека в их целостности, обеспечивающее человеку возможность эффективного выполнения своих функций [Лаптева, Корнилова 2020; Лабынцева 2020; Орехова 2019; Грачев 2011]. Сюда, например, можно отнести такие индивидуальные параметры, как здоровье, личностный параметр (прошлый опыт), параметр индивидуальности (способности) и др. Не имея возможности рассмотреть все параметры по категориям индивид — личность — индивидуальность (согласно современным психологическим исследованиям, их может быть более 100¹), авторы сосредоточили свое внимание на тех из них, которые упоминаются исследователями при обсуждении готовности к научной деятельности в качестве основных.

Особое место среди индивидуальных свойств и качеств человека в контексте настоящего исследования отводят таким параметрам, как пол и возраст. Воспроизводство и наращивание кадрового потенциала невозможно без активного привлечения молодежи к научной деятельности [Аллахвердян 2018; Stephens et al. 2014]. А.М. Аблажей указывает на высокую значимость привлечения молодежи в науку, называя следующие важные причины: во-первых, согласно мнению

¹ Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007.

экспертов, которые участвовали в опросе, в «аспирантуру поступают наиболее талантливые и мотивированные выпускники вузов» [Аблажей 2018, 119]; во-вторых, молодое поколение ученых приносит в науку свежий взгляд и новые подходы; в-третьих, у молодых сотрудников еще какое-то время после окончания вуза сохраняется привычка к реализации научно-исследовательской деятельности, поэтому подготовка диссертационного исследования не требует от них существенной перестройки [Там же, 120–121; Аблажей 2022]. Поэтому при обсуждении влияния возраста на показатели защиты диссертаций в настоящем исследовании была выдвинута гипотеза о том, что молодые сотрудники (недавние выпускники вузов) чаще защищают диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, чем их коллеги, работающие в атомной отрасли более продолжительное время. Более точная локализация временных интервалов наиболее вероятной защиты научной работы позволит сформулировать четкие рекомендации сотрудникам кадрового блока по разработке и применению программ поддержки молодых сотрудников в зависимости от их стажа работы в Госкорпорации «Росатом».

Влияние пола субъекта научной деятельности на научные достижения и результаты также часто становится объектом научных исследований. В масштабной работе В.Ф. Пугач, посвященной статистико-социологическому анализу аспирантуры в РФ за 1994–2005 гг., было показано, что женщины защищают диссертации реже мужчин [Пугач 2007].

Рисунок 1. Динамика защит диссертаций на соискание степени кандидата наук в 1994–2005 гг. мужчинами и женщинами²

И если в 1994–1997 гг. эта разница была минимальной, то в последующие годы она усилилась. Согласно исследованию А.С. Кельсиной, аналогичные пропорции сохраняются и в наши дни (Таблица 1).

² Составлено авторами по [Пугач 2007].

Таблица 1. Женщины в составе исследователей РФ за период 2010–2019 гг.³

Год	Численность аспирантов			Численность исследователей			Из них с ученой степенью					
	всего	из них женщин		всего	из них женщин		кандидата наук			доктора наук		
		чел.	%		чел.	%	всего	из них женщин		всего	из них женщин	
								чел.	%		чел.	%
2010	157 437	72 765	46,2	368 915	153 863	41,7	78 325	30 898	39,4	26 789	6 113	22,8
2015	109 936	52 564	47,8	379 411	152 929	40,3	83 487	34 923	41,8	28 046	7 216	25,7
2016	98 352	47 200	48,0	370 379	148 336	40	80 958	33 862	41,8	27 430	7 142	26
2017	93 523	43 953	47,0	359 793	142 290	39,5	77 251	32 265	41,8	26 076	6 816	26,1
2018	90 823	41 020	45,2	347 854	136 431	39,2	75 042	31 503	42	25 288	6 729	26,6
2019	84 265	37 375	44,3	348 221	136 074	39	75 068	31 594	42	24 844	6 747	27

В качестве объяснения причин данных различий авторы указывают на разницу в мотивации. Согласно исследованиям, женщины при реализации научной деятельности руководствуются по большей части внешними мотивами [Карпов, Разина 2013; Разина 2012]. Получив должность старшего преподавателя или защитив кандидатскую диссертацию, они, как правило, ограничиваются этим, их мотивация научной деятельности иссякает. У мужчин, наоборот, преобладает внутренняя мотивация, поэтому после защиты кандидатской диссертации многие из них продолжают стремиться к новым научным достижениям. Как показывает статистика [Кельсина 2022]⁴, на фоне приблизительно равного количества мужчин и женщин среди исследователей и преподавателей в вузах, мужчин-кандидатов и особенно докторов наук по-прежнему больше.

Гендерные вопросы не являются новыми и для атомной отрасли. Исследования гендерных различий в профессиональной деятельности неоднозначны и порождают ряд социальных мифов и стереотипов. Так, принято считать, что атомная отрасль по характеру скорее мужская и женщинам не подходит, то есть они не могут справляться с обязанностями так же хорошо, как и мужчины. В данной работе для проверки выдвигается гипотеза о том, что работники мужского пола организаций научного дивизиона Госкорпорации «Росатом» защищают больше диссертаций и чаще сохраняют стремление к новым научным достижениям в виде защиты докторской диссертации, чем работники женского пола.

С точки зрения функционального подхода готовность к деятельности — это определенное состояние, психологическая и социальная установка, характеризующая поведение личности [Долженко и др. 2019]. Помимо наличия установки, готовность к деятельности в функциональном подходе предполагает наличие у субъекта образа конечного результата, представлений о будущих действиях и концентрации усилий на их выполнение. Она также включает в себя различного рода мотивы, постановку задач, модели вероятного поведения, определение способов деятельности, оценку возможностей в их соотношении с предстоящими трудностями и необходимостью достижения определенного результата [Кислова и др. 2011].

Обсуждая мотивацию к научной деятельности, исследователи указывают на такие ее характеристики, как сила (от начальной до высокой), тип направленности (широкая внутренняя — и на результат, и на саморазвитие личности; узкая внешняя — только на результат, позволяющий получить материальные и социальные блага), степень проявленности (только знаемая или

³ Источник: [Кельсина 2022, 4].

⁴ См. также: Остапенко А.Б. Статусно-ролевые позиции преподавателей вузов как проявление гендерной асимметрии деятельности: на примере г. Хабаровска: дис... канд. социол. наук. Хабаровск., 2011.

реально действующая) [Орехова 2019]. Разницу между внутренней и внешней мотивацией активного исследовательского поведения конкретизируют другие исследования. Например, коллективы авторов в качестве основной характеристики внутренней мотивации обозначают осознанное желание заниматься научной деятельностью, а в рамках внешней мотивации, помимо вышеуказанного, говорят о значимости примеров других [Долженко и др. 2019]⁵.

Интерес представляет типология мотивов научной деятельности, предложенная О.И. Лаптевой и А.Г. Корниловой, в которой рассматривается 6 групп мотивов: преобразовательные, коммуникативные, утилитарные, кооперативные, конкурентные, мотивы личностного роста (Рисунок 2).

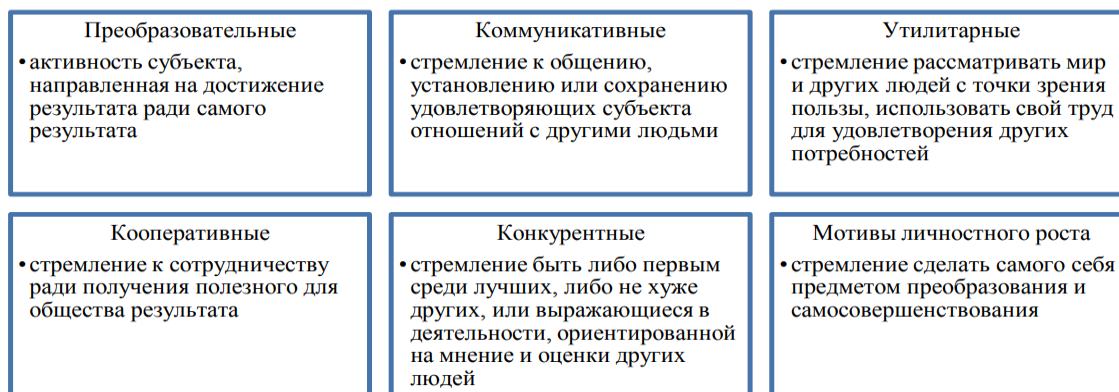

Рисунок 2. Мотивы научной деятельности⁶

Особенности мотивации к научной деятельности сотрудников научного дивизиона Госкорпорации были выявлены и обобщены в настоящей работе с применением методов раздаточного анкетирования и углубленных интервью. Понимание основных движущих сил участия в научной деятельности поможет сформулировать рекомендации, которые позволят расширить арсенал применяемых стимулов, а также устранить искусственные барьеры на данном пути.

При обсуждении факторов, влияющих на предрасположенность к научной деятельности, ученые выделяют: творческую направленность личности; интерес к определенной науке; желание понять некоторое явление самому и объяснить его сущность другим; желание принести пользу обществу; желание «оставить свой след в истории», стремление достичь определенного социального статуса; желание реализовать собственный потенциал; материальное благополучие [Лабынцева 2020; Патутина 2021].

В качестве еще одного из важнейших факторов готовности к научной деятельности называют способность к саморазвитию. По мнению авторов, способность к саморазвитию, а также организационно-управленческие умения (самопланирование, самоорганизация, самоконтроль) повышают сознательность научной деятельности, тем самым увеличивая мотивацию к ней [Молоканова 2019; Новикова 2019]. Другие исследования указывают на важность, наряду с наличием высокого уровня теоретических знаний, умений общего характера, необходимых для успеха любой деятельности, что в результате может привести к появлению возможности формирования потребности в научном исследовании и его результатах. По мнению экспертов⁷,

⁵ См. также: Индикаторы науки: 2017: статистический сборник. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017.

⁶ Источник: [Лаптева, Корнилова 2020].

⁷ Яковец Т.Я. Комплекс условий формирования готовности студентов вуза к самообразованию: автореф. дис... канд. пед. наук. Курган, 1999.

помимо обязательного тестирования знаний по областям, связанным с направлением подготовки, целесообразно оценивать и некоторый набор личностных характеристик аспиранта или молодого ученого, например, таких как критическое восприятие действительности, склонность к анализу, умение работать с большими объемами информации, обобщать, трудиться в команде исследователей и т.д. Были выделены также предпосылки расширения возможностей профессионального развития выпускников аспирантур вне стен университета, а именно в сфере производства и передачи знаний в коммерческих и государственных организациях, в которых есть потребность в исследовательских и аналитических компетенциях [Бедный и др. 2017]. Данные такой оценки могут быть использованы и на неакадемическом рынке труда, в том числе в Госкорпорации «Росатом».

В научной деятельности традиционными этапами являются поступление в аспирантуру (или соискательство), защита кандидатской и докторской диссертаций. Такие формальные этапы зачастую обязательны в карьере любого ученого, и желание их пройти заставляет субъекта научной деятельности работать интенсивней, воздействует на иерархию мотивов и их силу⁸.

Аспирантура является основным инструментом в подготовке научных кадров как для высшей школы, так и для профильных организаций. Механизм мотивации молодого ученого к поступлению в аспирантуру — это формирование отношений и связей, которыми определяется переход от его потребностей к возможностям реализовать собственные интересы посредством целенаправленного научно-исследовательского (поискового) поведения⁹. «Штучная» подготовка научных кадров в аспирантуре, по сравнению с «массовой», может решить проблему качества подготовки специалистов высшей научной квалификации [Воронов 2020].

Попытки выяснить мотивы поступления в аспирантуру, карьерных стратегий аспирантов в академической среде делались в работах нескольких авторов. Так, Е.В. Михалкина и Л.С. Скачкова среди преимуществ аспирантуры выделяют следующие: свободу выбора направлений исследований и самого рода занятий, постоянную работу над собой с целью увеличения инвестиций в человеческий капитал, потребность постоянного развития, расширение среды коммуникации за счет академической мобильности (участие в конференциях, научных школах, сообществах), ценность управления профессиональным и личным временем [Михалкина, Скачкова 2018]. В исследовании зарубежных ученых выделены пять основных мотивов для поступления в аспирантуру: развитие карьеры, отсутствие удовлетворенности текущей работой, личные причины, интерес к исследованиям, а также неопределенные мотивы [Churchill, Sanders 2007; Schmidt, Hunter 1998]. Интересен подход к установлению мотивационных «профилей», которые побуждают принять решение о развитии в аспирантуре: «традиционный» (вступление в научные круги), «продвинутый вход» (профессиональное продвижение), «непрерывное развитие» (повышение квалификации), «переход» (вход в новую карьеру) и «самореализация» (самосовершенствование) [Gill, Норре 2009].

Несмотря на всю важность поддержания и развития института аспирантуры как кузницы научных кадров, данные Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, опубликованные РБК в августе 2021 г., говорят о драматическом снижении числа аспирантов. Так, в 2020 году по сравнению с 2010 годом число аспирантов снизилось вдвое, количество выпускающихся с защитой диссертации и остающихся в дальнейшем в науке в 2019 году составило

⁸ Скрауч О.Н. Молодые ученые как социальная группа: к вопросу мотивации научной деятельности: автореф. дис... канд. социол. наук. Тюмень, 2013.

⁹ Соломанидина Т.О., Соломанидин В.Г. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016.

10%, а в 2020 году — 9% от общего числа поступивших в аспирантуру¹⁰. Как подчеркивает в интервью РБК проректор по учебной и методической работе Финансового университета при Правительстве России Е. Каменева, «аспирантура (является ли она третьим уровнем образования или нет) должна заканчиваться защитой научного исследования — диссертации — и присвоением выпускнику аспирантуры ученой степени... Без такого финала обучение в аспирантуре не имеет никакого смысла»¹¹. Примечательно, что при введении формата подготовки кадров высшей квалификации, не предполагающего обязательной процедуры получения научной степени кандидата наук, количество защитившихся по итогам обучения достигло минимального к тому моменту значения — 12,7%. Осложняет ситуацию то, что немалая часть современных аспирантов преследует глубоко утилитарные цели: одни стремятся избежать призыва в армию, другие — обзавестись кандидатскими дипломами, чтобы занять высокооплачиваемое, как правило чиновничье, место, а третьи — уехать за рубеж на заработки [Аблажей 2018, Вечканов 2011].

Важно, что большая доля выпускников, которые закончили аспирантуру вуза, начали и продолжают работать в том же университете, укрепляя лишь университетскую иерархию. Кроме того, согласно исследованиям, в диссертационных советах вузов в основном защищаются сотрудники самого вуза [Стриханов и др. 2003, Стриханов, Шереги 2006]. Поэтому так важно развивать иные формы подготовки и защиты научных работ, а именно соискательство, а также проведение научных исследований с последующей защитой их результатов в рамках научно-исследовательских институтов и организаций. Развитие именно этих форм способствует подготовке молодых исследователей, которые проводят свои изыскания одновременно с осуществляемой профессиональной деятельностью. Такая форма научно-исследовательских работ порождает не только научно-исследовательский результат в виде постановки и проверки гипотез, но также рационализаторские идеи и предложения. Когда в 2013 году аспирантуру сделали третьей ступенью высшего образования, забрав ее из послевузовского профессионального, научные организации вынуждены были закрыть свои аспирантуры. В то же время к 2005 году на НИИ приходилось 10,4% всех защит диссертаций на соискание степени кандидата наук [Пугач 2007]. Та же тенденция отмечена и в более поздних работах. Например, А.М. Аблажей указывает, что в 2010 году на долю НИИ приходилось 12% от общего числа защищенных аспирантов [Аблажей 2021]. Однако затем, согласно исследованию НИУ ВШЭ, проведенному в 2018 года, за первые пять лет с момента реформы количество организаций, имевших в России аспирантуру, сократилось в 1,3 раза¹². Перед научными и профессиональными организациями встала сложнейшая задача поиска новых путей подготовки научных кадров, в том числе через содействие написанию и защите диссертаций без отрыва от основной работы. Это также задело и научно-исследовательскую деятельность Госкорпорации «Росатом». Встала задача выработки дополнительных мер по стимулированию специалистов организаций научного дивизиона Госкорпорации «Росатом» к написанию и защите научных работ без поступления в аспирантуру при совмещении научно-исследовательской деятельности с профессиональной.

Преимущества получения формализованной научной степени отмечается во многих работах. Авторы указывают не только на положительные изменения самооценки, рост социального и профессионального статуса, но также на повышение доходов и новые карьерные перспективы [Великанов, Трапьянок 2020; Довейко, Стеценко 2016; Разина 2017; Разина 2018].

¹⁰ Аспирантура-2021: пять изменений, которых ждут преподаватели вузов // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/612494579a7947a830fc688e> (дата обращения: 20.11.2022).

¹¹ Там же.

¹² Игра на выживание. Руководители научных организаций о реформе аспирантуры // IQ HSE [Электронный ресурс]. URL: <https://iq.hse.ru/news/283623388.html?ysclid=184avrctcxq458732717> (дата обращения: 12.09.2022).

Таким образом, большинство авторов объясняют готовность к деятельности (в нашем исследовании научной) через совокупность индивидуальных, личностных и индивидуальных качеств и свойств, а также сопровождающих их процессов. При обсуждении готовности к ведению научной деятельности на первый план выходят такие индивидуальные свойства, как пол и возраст. Среди личностных свойств и особенностей индивидуальности указывают на склонность к научной деятельности (в терминах способностей, например, способность к саморазвитию), прошлый опыт (в контексте настоящего исследования речь больше идет о стаже работы). Через призму функционального подхода при определении готовности к научной деятельности и защите научных работ на первый план выходят мотивационные особенности личности, обеспечивающие актуализацию потенциальных возможностей человека.

Важность формальных условий осуществления научной деятельности (аспирантура в вузе или исследования в научной организации) указывает на необходимость дополнить факторы готовности к научной деятельности особенностями организации профессиональной деятельности [Никитина 2010]. Таким образом, обобщив все вышесказанное, авторы настоящей работы пришли к выводу, что готовность к защите диссертационных работ субъектов исследовательской деятельности представляет собой комплексную систему с разными уровнями, включая личностный, функциональный и предметно-деятельный (профессиональный).

Теоретическая рамка исследования

В организациях научного дивизиона Госкорпорации «Росатом» под понятием научного персонала подразумевают персонал научно-исследовательских и конструкторских подразделений, обладающий ключевыми научными компетенциями (независимо от наличия ученой степени), имеющий соответствующее образование, непосредственно участвующий в процессах научно-исследовательских (НИР) и опытно-конструкторских работ (ОКР). К научному персоналу относятся:

- научные работники — специалисты предприятия, чья творческая деятельность, осуществляемая на систематической основе, направлена на увеличение суммы научных знаний и поиск новых областей применения этих знаний, а также занятых оказанием прямых услуг, связанных с выполнением НИОКР; могут относиться работники патентных служб, группы ученого секретаря;
- исследователи — работники, профессионально занимающиеся НИОКР и непосредственно создающие новые продукты, процессы, методы и системы, а также управляющие указанными видами деятельности.

В эту категорию включается также административно-управленческий персонал, осуществляющий непосредственное руководство исследовательским процессом (руководители научных организаций и подразделений, выполняющих НИР). Критерий, позволяющий отличить научные исследования и разработки от сопутствующих им видов деятельности, — наличие в исследованиях и разработках значительного элемента новизны.

В нашем исследовании под молодым ученым понимается работник организации научного дивизиона «Наука и инновации» Госкорпорации «Росатом» до 35 лет, кандидат наук или работник без степени, аспирант или соискатель с горизонтом защиты пять лет.

Актуальность исследования заключается в необходимости восполнить падение интереса исследователей к особенностям защит научных работ вне стен вузов после реформы института аспирантуры. Не менее важно осмыслить новые реалии осуществления научной деятельности

научными работниками в организациях научного дивизиона. Это поможет научным организациям управлять деятельностью молодых ученых с четким пониманием их ожиданий и тех условий, которые прямо или косвенно способны сказываться на их научных результатах.

Эмпирическая база и методология исследования

Эмпирическую базу настоящего исследования составил агрегированный массив данных результатов научной деятельности организаций научного дивизиона Госкорпорации «Росатом», в том числе сведения о защитах научных работ, накопленные с 2012 по 2022 гг., а также результаты анкетного опроса сотрудников научного дивизиона (мужчины и женщины) в категории «научный персонал», имеющих различный возраст, стаж работы в атомной отрасли и занимающих различные должности. Дополнительные сведения были получены с применением углубленных интервью.

Среди использованных методов исследования можно назвать методы математической статистики, групповой анкетный опрос и интервью. Групповой анкетный опрос проводился дистанционно при помощи онлайн-платформы «[Мой голос](#)». Анкетирование включало применение методик ранжирования, закрытых и открытых вопросов. Выбранный метод обеспечивает быстроту получения информации и простоту обработки результатов, сравнительно большую систематичность и высокую точность, меньшую предвзятость исследователя, а также позволяет охватить широкую аудиторию.

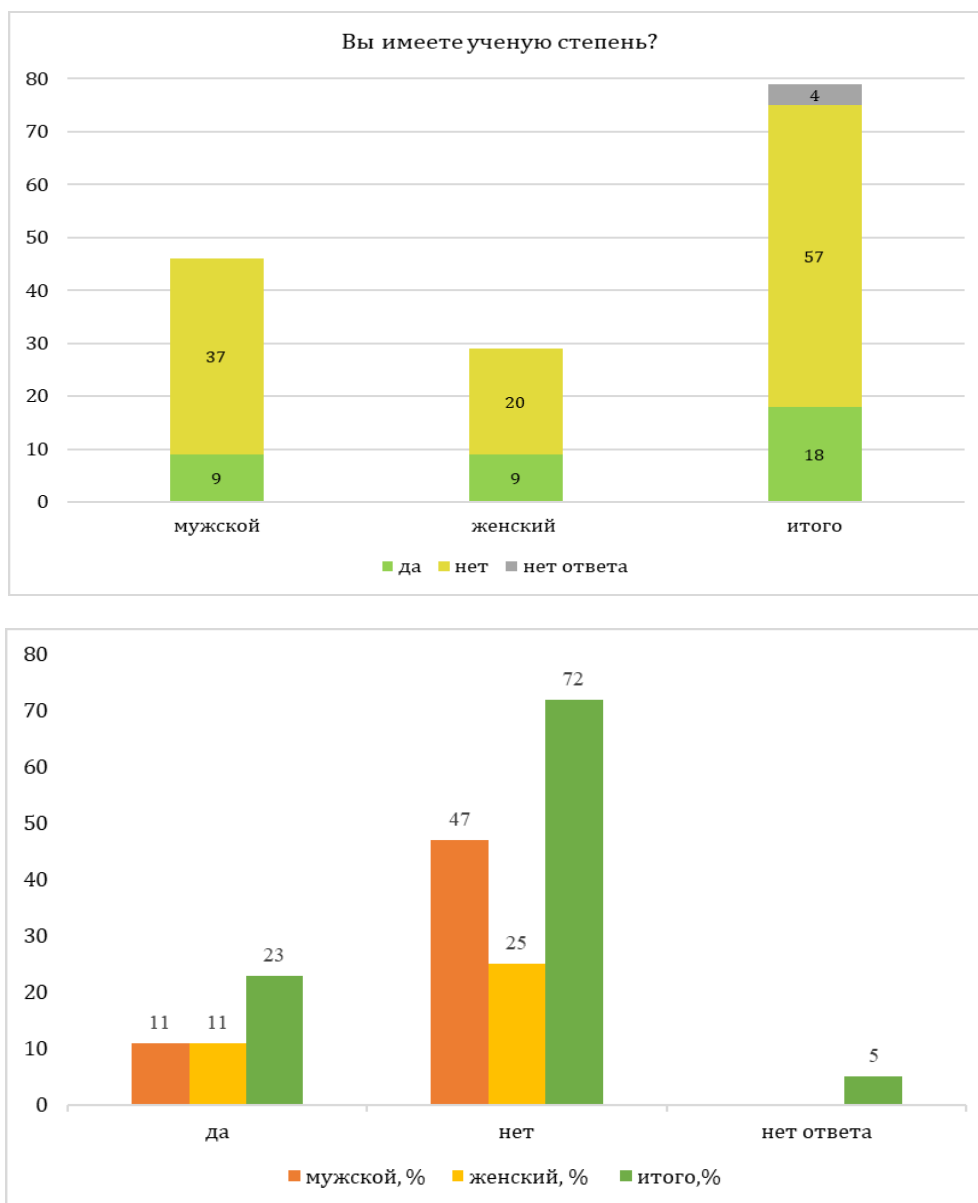
Исследование проводилось в два основных этапа: интервью и анкетирование. На первом этапе было проведено 4 углубленных интервью с сотрудниками научного дивизиона, имеющими научные степени. Основной задачей данного этапа было выделение ключевых факторов и условий, которые влияют на готовность к научной деятельности в виде написания и защиты диссертационных работ. Полученные ответы помогли сформулировать вопросы анкеты и возможные варианты ответов для выявления степени значимости каждого фактора. При составлении анкеты для раздаточного анкетирования каждый вопрос анкеты имел как готовые варианты ответов, так и опцию «другое» для того, чтобы респонденты могли предложить свои варианты.

Характеристика выборки

На момент написания статьи (май 2022 года) в научном дивизионе Госкорпорации «Росатом» в категории «научный персонал» работали 1775 сотрудников, среди них 1288 (73%) мужчин и 487 (27%) женщин. 603 сотрудника научного дивизиона в возрасте от 22 до 93 лет имеют степень кандидата и доктора наук (484 кандидата, 119 докторов). Среди них 510 (85%) мужчин и 93 (15%) женщины.

Анкетный опрос «Факторы готовности к написанию и защите научно-исследовательских работ» проводился в августе 2022 года посредством онлайн-платформы «Мой голос». Опрос проходил в режиме полной анонимности и носил добровольный характер. Ответы были получены от 79 респондентов (из них 48 мужчин и 31 женщина), что составляет 4% от общего списочного состава сотрудников категории «научный персонал» и 13% от общего количества сотрудников, имеющих степень. К сожалению, часть анкет оказалась заполнена не полностью, о чем будет отдельно указываться ниже, из-за чего общее количество ответов на некоторые вопросы колеблется от 62 до 68. Из опрошенных 79 человек ученую степень доктора или кандидата технических наук имеют 18 человек (24% от опрашиваемых, или 3% от общего количества сотрудников, имеющих степень), остальные 57 сотрудников (76%) не имеют ученой степени, но намерены защититься

в ближайшие 3 года, так как уже имеют научно-исследовательские работы в разной степени готовности. Распределение по гендерному признаку, а также наличию ученых степеней показано на Рисунке 3.

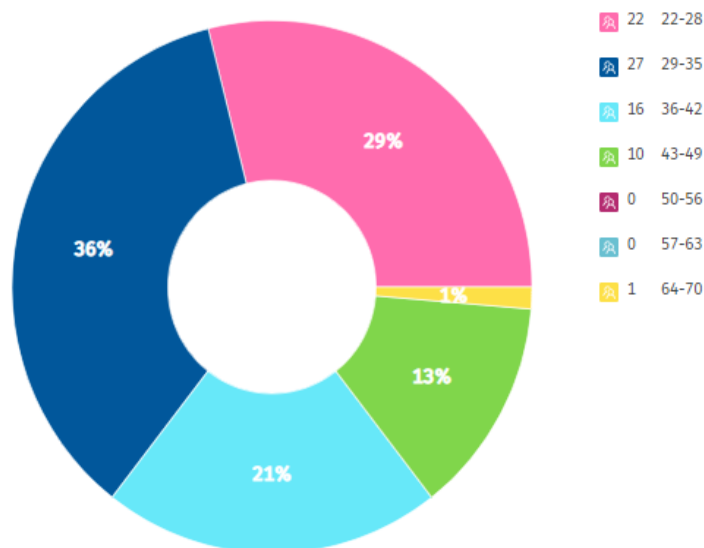

Рисунок 3. Характеристика выборки анкетного опроса «Факторы готовности к написанию и защите научно-исследовательских работ» по гендерному признаку и наличию /отсутствию научной степени¹³

Как видно из Рисунка 3, пропорции по наличию научной степени среди опрошенных респондентов сложились в пользу женщин: каждая третья опрошенная женщина указала на наличие ученой степени, среди мужчин научная степень присутствовала у каждого пятого из опрошенных.

В опросе приняли участие респонденты нескольких возрастных групп (см. Рисунок 4). Самой многочисленной (36%) оказалась группа 29–35 лет, на втором месте (29%) — группа сотрудников в возрасте 22–28.

¹³ Здесь и далее рисунки составлены авторами на основе проведенного исследования. Здесь и далее все показатели считаются в % от числа респондентов данной категории, давших ответы на указанный вопрос.

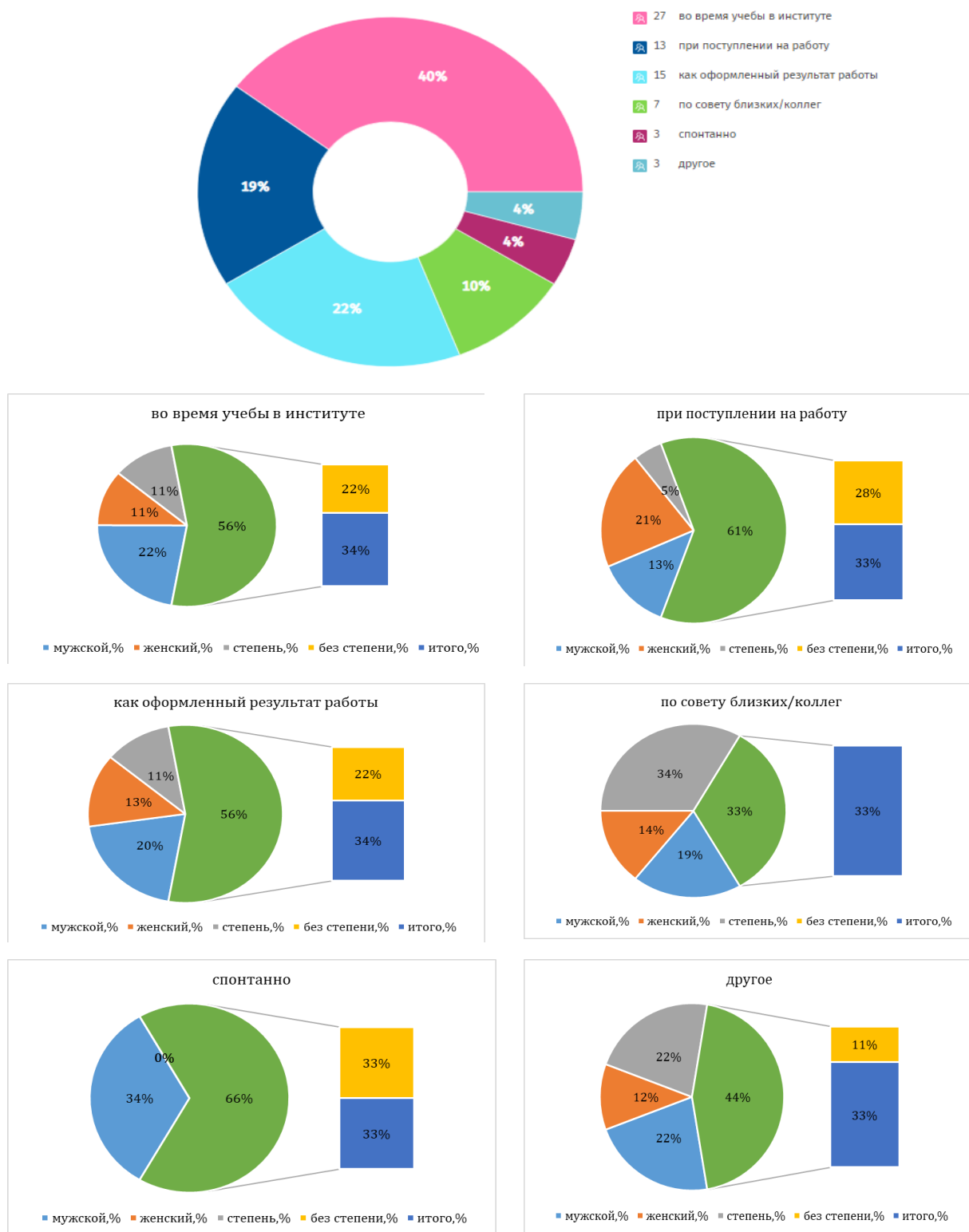
Рисунок 4. Характеристика выборки анкетного опроса «Факторы готовности к написанию и защите научно-исследовательских работ» по возрастному признаку

Таким образом, полученную выборку можно считать репрезентативной как по объему, так и по составу участников.

Обсуждение результатов

Всего в опросе было задано 7 вопросов, часть из которых имела характер множественного выбора, а часть давала возможность предложить собственные варианты ответов в рубрике «другое».

На первый вопрос «Решение получить степень пришло к Вам...» с вариантами ответов: в институте, при поступлении на работу, как оформленный результат работы, по совету близких/коллег, спонтанно, другое — ответили 68 респондентов. Распределение ответов можно посмотреть на Рисунке 5.

Рисунок 5. Распределение ответов на вопрос «Решение получить степень пришло к Вам...»

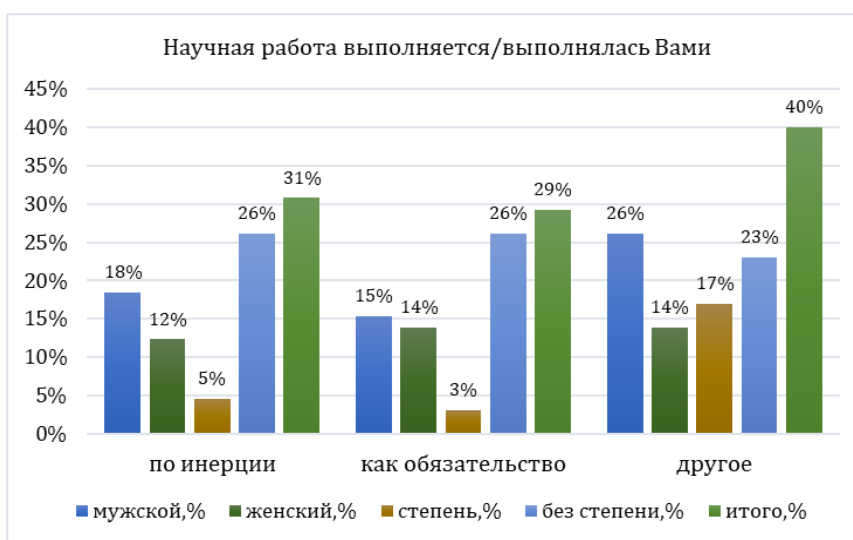
Согласно ответам, почти к половине опрошиваемых решение получить степень пришло во время обучения в институте. Интересно, что мужчины чаще проявляют прагматичность, намереваясь оформлять результаты своих работ по основному виду деятельности в виде диссертации, чем женщины, но эти отличия не столь значительные. Влияние близких или коллег на решение защищать диссертацию представлено у мужчин и женщин одинаково. А вот спонтанное принятие решения о защите у женщин-респондентов не встречается вовсе. Можно также отметить

заметное количество респондентов, находящихся в стадии подготовки диссертации и избравших своей стратегией превращение в диссертационное исследование результатов работы по основному виду профессиональной деятельности.

В то же время на втором месте по влиянию на решение начать работу над диссертацией располагается ответ «при поступлении на работу». Такой результат можно считать положительным, так как он указывает на некое административное влияние со стороны руководства Госкорпорации «Росатом» на стимулирование сотрудников к защитам. Однако процент таких ответов все же еще остается низким.

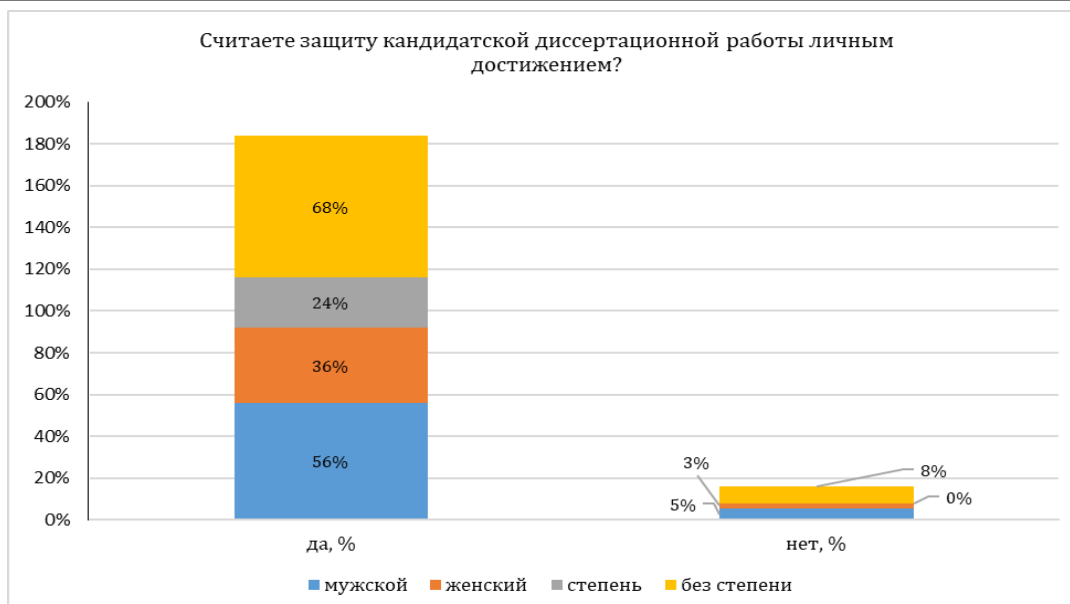
При ответе на вопрос «Научная работа выполняется/выполнялась Вами...» предлагались следующие варианты ответов: как обязательство, по инерции, другое. Подобные варианты ответов были предложены на основании обработки результатов углубленных интервью, когда опрошенные говорили о «привычке учиться» после окончания вуза, что и приводило к написанию диссертации «по инерции». Обязательства в качестве ответов назывались в том случае, если респонденты в момент устройства на работу в рамках «психологического контракта» с работодателем обещали обязательно защититься. Распределение ответов можно увидеть на Рисунке 6.

Рисунок 6. Распределение ответов на вопрос «Научная работа выполняется/выполнялась Вами...»

Показанные результаты убедительно свидетельствуют, что как «привычка учиться», так и «психологический контракт» играют важную роль в повышении количества защищающихся научных сотрудников.

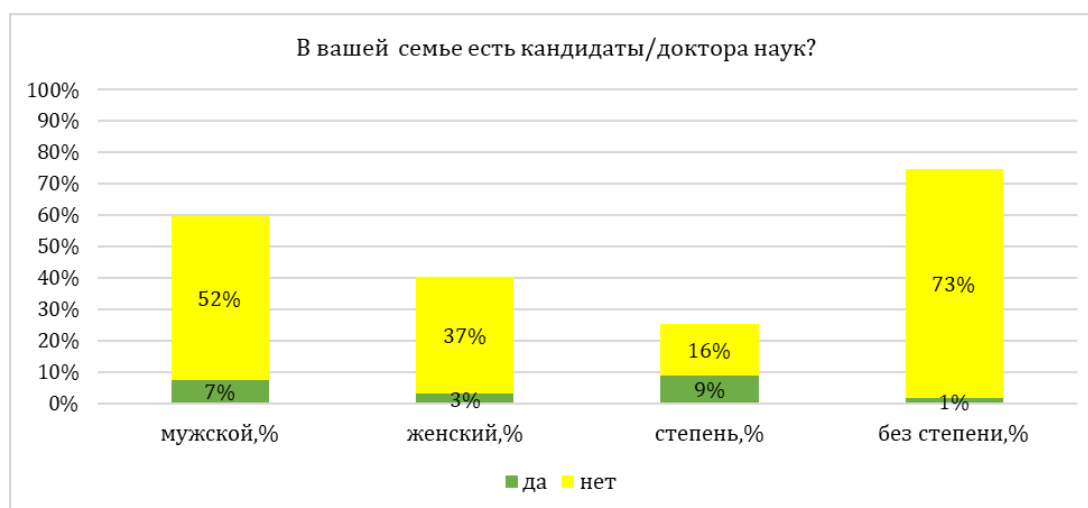
Следующий вопрос касался представлений опрошенных о степени своей самостоятельности в процессе подготовки и защиты диссертации и звучал как: «Считаете защиту кандидатской диссертации личным достижением?». Вопрос подразумевал два варианта ответа. Результаты представлены на Рисунке 7.

Рисунок 7. Распределение ответов на вопрос «Считаете защиту кандидатской диссертации личным достижением?»

Еще раз напомним, что респонденты без степени — это сотрудники, которые имеют незащищенную диссертацию в разной степени готовности. Ответ на этот вопрос был особенно важен для исследования, так как иллюстрировал отсутствие или наличие организационной поддержки в процессе защиты. Как видно из рисунка, 92% от всех, кто дал ответы на этот вопрос, считают защиту диссертации своим личным достижением. Таким образом, организационная поддержка со стороны Госкорпорации не просматривается.

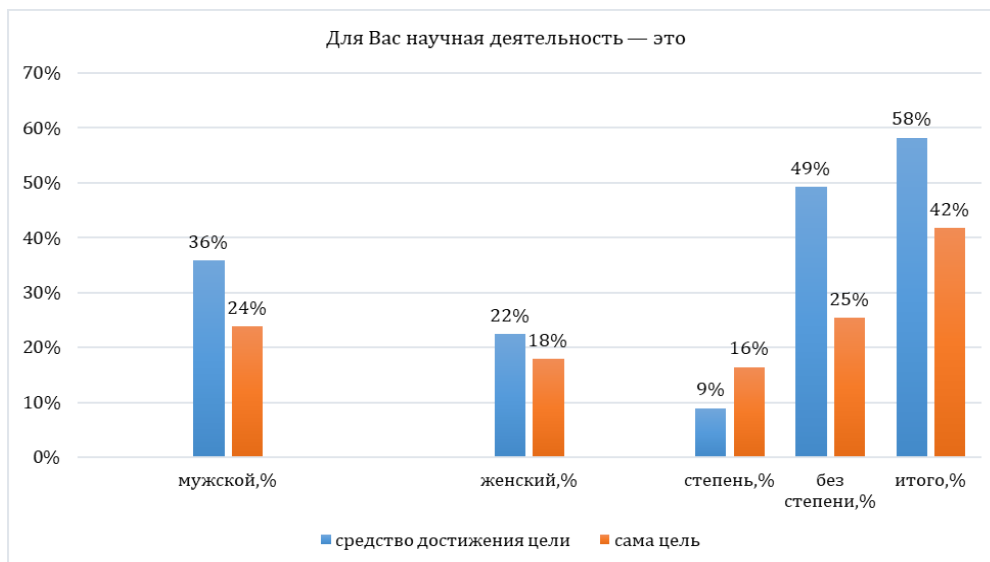
Еще одна гипотеза исследования касалась влияния семейных традиций на уровень защищаемости респондентов. Вопрос звучал так: «В вашей семье есть кандидаты или доктора наук?». Результаты ответов на данный вопрос можно увидеть на Рисунке 8.

Рисунок 8. Распределение ответов на вопрос «В вашей семье есть кандидаты или доктора наук?»

Результаты ответов не подтвердили гипотезу о значимом влиянии семейных традиций и вдохновляющего примера родственников на уровень защищаемости респондентов. В то же время среди уже защитившихся сотрудников доля тех, кто имеет родственников с научной степенью, заметно выше.

Наибольший интерес представляют ответы на вопросы о мотивах респондентов к защите диссертаций. В этот блок попали вопросы: «Для Вас научная деятельность — это...» с вариантами ответов «средство достижения цели» и «сама цель», а также «Перечислите, пожалуйста, Ваши стимулы к получению ученой степени». Оба вопроса были сформулированы как по результатам исследований других авторов, так и по результатам углубленных интервью. Ответы на первый из вопросов этого блока можно увидеть на Рисунке 9.

Рисунок 9. Распределение ответов респондентов на вопрос «Для Вас научная деятельность — это...»

Указанные результаты подтверждают тезис других исследователей о том, что научная работа может выступать источником радости сама по себе, предоставляя возможность наслаждаться самим научно-исследовательским процессом. И, хотя число тех, кто рассматривает научную деятельность как средство для достижения цели, преобладает, разница не является существенной. Обращает на себя внимание также тот факт, что те респонденты, которые находятся в процессе написания диссертационной работы, более склонны воспринимать научно-исследовательскую деятельность как источник удовольствия, чем те, кто уже защитил диссертацию. Не менее интересными выглядят данные о заметной большей склонности мужчин к утилитарному восприятию научной деятельности по сравнению с женщинами.

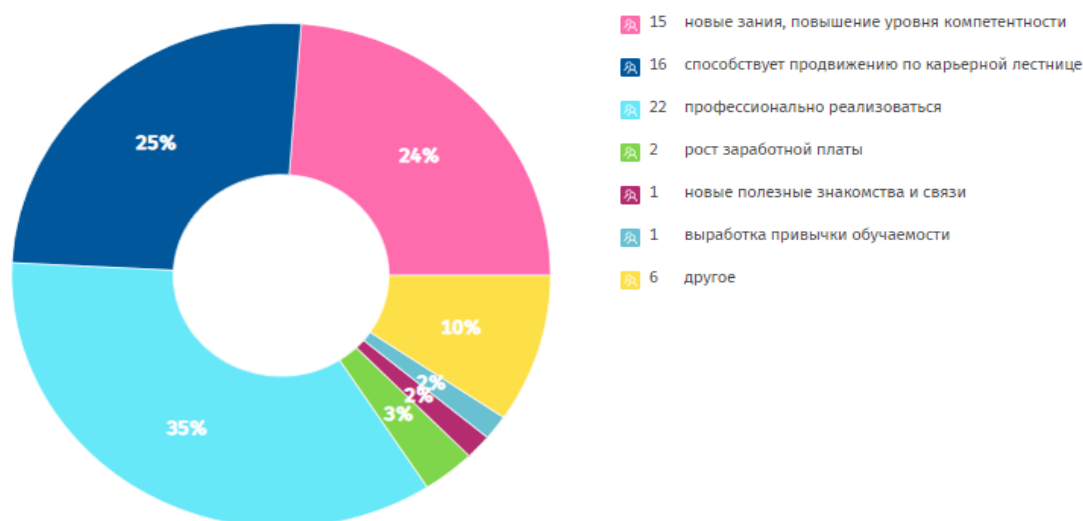
При формулировке вопроса «Назовите, пожалуйста, Ваш основной стимул к получению ученой степени» варианты ответов были подобраны на основании обобщения обзора литературных источников и предварительных углубленных интервью. Всего респондентам предлагалось выбрать из пяти вариантов ответов: «достижение — стремление к высоким целям и сложным задачам», «материальная составляющая — бонус к заработной плате», «познание — работать над диссертацией интересно», «престиж — обладателем ученой степени быть почетно, «гарантии — социальное положение обладателя ученой степени стабильно». Распределение ответов можно увидеть на Рисунке 10.

Рисунков 10. Распределение ответов респондентов на вопрос «Назовите, пожалуйста, Ваш основной стимул к получению ученой степени»

Как видно из полученных ответов, наиболее действенным стимулом к написанию и защите научно-исследовательских работ выступает мотив достижения. Данный результат можно трактовать двояко. С одной стороны, отрадно видеть, что большинством сотрудников научного дивизиона Госкорпорации «Росатом», которые приняли участие в опросе, движет внутренняя мотивация. С другой стороны, малые веса фактора материального вознаграждения, престижа, гарантий косвенно указывают на их малую задействованность в структуре мотивации. Можно предположить, что данные типы вознаграждения слабо представлены в действующей структуре компенсации, что, конечно, снижает возможности руководства Госкорпорации «Росатом» по применению управленческих рычагов по стимулированию процесса защит.

Сформулированные выше предположения подтверждают и ответы на следующий вопрос: «Какую пользу Вы ожидаете или уже получили от ученой степени?». Ответы на этот вопрос также были подобраны на основании исследований других авторов и результатов углубленных интервью. Распределение ответов представлено на Рисунке 11.

Рисунок 11. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какую пользу Вы ожидаете или уже получили от ученой степени?»

В ответах на этот вопрос, также, как и при ответах на вопросы 8 и 9, преобладают указания на компоненты внутренней мотивации (новые знания, профессиональная реализация). Компоненты внешней мотивации (продвижение по карьерной лестнице и особенно рост заработной платы) существенно отстают в степени их доступности для опрошенных респондентов.

Выводы и рекомендации

Полученные результаты исследования показывают, что наиболее перспективной стратегией подготовки и защиты научно-исследовательских работ среди действующих сотрудников научного дивизиона Госкорпорации «Росатом» является оформление результатов своей повседневной работы в виде диссертации. Из сказанного следует, что количество защищаемых диссертаций можно увеличить, обеспечив сотрудникам методическую (курсы повышения квалификации по подготовке и написанию диссертационных работ, методические семинары и т.п.) и организационную поддержку (помощь в подготовке документов к защите) по основному виду работы. Можно также рекомендовать разработать руководство по накоплению, обобщению и оформлению результатов ежедневной профессиональной деятельности в виде продуктов научно-исследовательского труда с использованием доступных технологий.

Поддержка молодых сотрудников в их привычке учиться в случае их прихода в Госкорпорацию «Росатом» со студенческой скамьи также способствует росту расположенности к защита диссертаций. Подобная поддержка может быть оформлена в виде назначения научных руководителей, составления плана научно-исследовательской работы, компенсации затрат на научные публикации. Введение обещания защитить диссертацию в «психологический контракт» в момент найма в Госкорпорацию «Росатом» также приносит свои положительные плоды. Это, с одной стороны, дисциплинирует вновь нанятых сотрудников, с другой — помогает ставить и реализовывать личные цели, которые совпадают с интересами Госкорпорации.

Тот факт, что научно-исследовательская работа многими сотрудниками, принявшими участие в опросе, воспринимается как цель сама по себе, позволяет сформулировать рекомендацию о перестройке производственных процессов в научном дивизионе Госкорпорации «Росатом» таким образом, чтобы расширить возможности самостоятельных поисковых работ как в рамках производственных заданий, так и для удовлетворения личного научного интереса. Этому немало способствует своевременное обновление материально-технической базы в части новейшего оборудования и технологий.

Особую диагностическую важность имели ответы на вопрос о том, является ли защита диссертации личным достижением сотрудников. Подавляющее большинство сотрудников указали на то, что защита — это только их личное достижение. Подобные ответы ясно указывают на субъективное ощущение отсутствия организационной поддержки в процессе подготовки и защиты диссертации. Такая поддержка может быть оказана в самых различных формах: начиная от изменения структуры рабочего времени и заканчивая различными инструментами развития персонала.

Совокупность полученных результатов показала наличие недоработок в административной поддержке и стимулировании научного персонала Госкорпорации «Росатом» к защита диссертаций. Можно предположить, что руководство Госкорпорации слабо использует управленческие механизмы для стимулирования роста защищаемых научных работ. В частности, речь в первую очередь идет о дополнительных стимулирующих выплатах, карьерном росте,

введении почетных должностей, гарантирующих занятость, и т.п. В то же время собранные данные помогают наметить ключевые направления в изменении кадровой политики Госкорпорации «Росатом» и формировании первоочередного списка мер по улучшению ситуации с защищаемостью.

Список литературы:

Аблажей А.М. Институт аспирантуры в постсоветский период: сравнительный анализ (часть 1) // Философия образования. 2018. № 4(77). С. 114–126. DOI: [10.15372/PHE20180411](https://doi.org/10.15372/PHE20180411)

Аблажей А.М. Сравнительная оценка состояния академической аспирантуры (середина 2000-х – конец 2010-х годов) // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19. № 3. С. 55–67. DOI: [10.25205/2541-7517-2021-19-3-55-67](https://doi.org/10.25205/2541-7517-2021-19-3-55-67)

Аблажей А.М. Реформирование академического сектора науки в оценках научного сообщества // ЭКО. 2022. № 8(578). С. 173–192. DOI: [10.30680/ECO0131-7652-2022-8-173-192](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-8-173-192)

Аллахвердян А.Г. Динамика развития российской науки: кадровый и гендерный анализ // Наукоевческие исследования. 2018. С. 16–25. DOI: [10.31249/scis/2018.00.02](https://doi.org/10.31249/scis/2018.00.02)

Бедный Б.И., Рыбаков Н.В., Сапунов М.Б. Российская аспирантура в образовательном поле: междисциплинарный дискурс // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 125–134. DOI: [10.7868/S0132162517090148](https://doi.org/10.7868/S0132162517090148)

Великанов В.В., Трапянок Н.Г. Современная аспирантура: особенности формирования новой генерации ученых (по материалам социологических опросов) // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2020. № 3. С. 233–236.

Вечканов Г.С. Кадровый научный потенциал: вопросы эффективной подготовки // Экономика образования. 2011. № 2. С. 48–54.

Воронов А.С. Развитие научно-исследовательского потенциала молодежи и популяризация науки среди школьников, студентов и молодых ученых России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 78. С. 198–228. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10040](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10040)

Грачев Ю.А. Понятие «готовности к деятельности» в системе современного психолого-педагогического знания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 4(52). С. 172–175.

Довейко А.Б., Стеценко А.И. Аспиранты: мотивации, удовлетворенность, проблемы // Актуальные проблемы социологии культуры, образования, молодежи и управления: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург, 24–25 февраля 2016 года. Екатеринбург: ФГАОУ ВПО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. С. 307–312.

Долженко Р.А., Карпилянский В.А., Хади Р.А., Диденко А.С. Мотивация молодых ученых к научно-исследовательской деятельности в российских региональных вузах // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 9. С. 122–153. DOI: [10.17853/1994-5639-2019-9-122-153](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-9-122-153)

Карпов А.В., Разина Т.В. Половые особенности мотивации научной деятельности преподавателей вузов // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 4(26). С. 91–97.

Кельсина А.С. Женщины в науке: российский и региональный аспекты // Непрерывное образование: XXI век. 2022. № 1(37). С. 93–104. DOI: [10.15393/j5.art.2022.7430](https://doi.org/10.15393/j5.art.2022.7430)

Кислова И.В., Михайловский В.Г., Савченко С.Л. Анализ подходов к пониманию готовности к деятельности // Социальные отношения. 2011. № 2(3). С. 11–20.

Лабынцева И.С. Особенности мотивации научной деятельности современных аспирантов // Вопросы педагогики. 2021. № 6–1. С. 210–216.

Лаптева О.И., Корнилова А.Г. Мотивация студентов технических специальностей к научной деятельности // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/10PDMN620.pdf>

Михалкина Е.В., Скачкова Л.С. Почему выпускники аспирантуры не выбирают работу в университетах? // Terra Economicus. 2018. Т. 16. № 4. С. 116–129. DOI: [10.23683/2073-6606-2018-16-4-116-129](https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-4-116-129)

Молоканова Е.А. Факторы формирования способности к саморазвитию у студентов вуза // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 180. С. 24–30. DOI: [10.20310/1810-0201-2019-24-180-24-30](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-180-24-30)

Никитина Н.Б. Становление и профессионализм психолога // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2010. № 2(22). С. 70–75.

Новикова И.Ю. Синергетический подход в образовательном процессе // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2019. Т. 11. № 4(46). С. 61–66. DOI: [10.7442/2071-9620-2019-11-4-61-66](https://doi.org/10.7442/2071-9620-2019-11-4-61-66)

Орехова В.И. Ценностно-нормативный подход к изучению мотивации научно-исследовательской деятельности аспирантов // Среднее профессиональное образование. 2019. № 6. С. 35–38.

Патутина С.Ю. Формирование мотивации к научно-исследовательской деятельности у студентов вузов // Кадровик. 2021. № 12. С. 117–124.

Пугач В.Ф. Подготовка кадров в аспирантуре России на рубеже XX–XXI веков (статистико-социологический анализ). М.: Федеральный институт развития образования (ФИРО), 2007.

Разина Т.В. Половые особенности мотивации научной деятельности студентов, собирающихся поступать в аспирантуру // Альма Матер: Вестник высшей школы. 2012. № 6. С. 30–35.

Разина Т.В. Динамика мотивации научной деятельности после защиты докторской диссертации // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2017. Т. 20. С. 54–65.

Разина Т.В. Изменения мотивации научной деятельности в контексте стрессовых состояний, вызванных защитой диссертации // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики / под ред. А.А. Обознова, А.Л. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 369–392.

Стриханов М.Н., Шереги Ф.Э. Наука в России: социологический анализ. М.: ЦСП, 2006.

Стриханов М., Трубецков Д., Короновский А., Храмов А. Анализ и прогноз изменений научно-педагогического потенциала высшей школы // Высшее образование в России. 2003. № 3. С. 3–17.

Churchill H., Sanders T. Getting Your PhD: An Insiders' Guide. London: Sage Publications, 2007.

Gill T., Hoppe U. The Business Professional Doctorate as an Informing Channel: A Survey and Analysis // International Journal of Doctoral Studies. 2009. Vol. 4. P. 27–57. DOI: [10.28945/44](https://doi.org/10.28945/44)

Schmidt F.L., Hunter J.E. The Validity and Utility of Selection Methods in Personnel Psychology // Psychological Bulletin. 1998. Vol. 124. Is. 2. P. 262–274. DOI: [10.1037/0033-2909.124.2.262](https://doi.org/10.1037/0033-2909.124.2.262)

Stephens N.M., Hamedani M.G., Destin M. Closing the Social-Class Achievement Gap: A Difference-Education Intervention Improves First-Generation Students' Academic Performance and All Students' College Transition // Psychological Science. 2014. Vol. 25. Is. 4. DOI: [10.1177/0956797613518349](https://doi.org/10.1177/0956797613518349)

References:

- Ablazhey A.M. (2018) Post-Graduate Studies in the Post-Soviet Russia: Comparative Analysis (Part 1). *Filosofiya obrazovaniya*. No. 4(77). P. 114–126. DOI: [10.15372/PHE20180411](https://doi.org/10.15372/PHE20180411)
- Ablazhey A.M. (2021) Comparative Evaluation of the Condition of Academic Graduate School (Middle 2000s–Late 2010s). *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. Vol. 19. No. 3. P. 55–67. DOI: [10.25205/2541-7517-2021-19-3-55-67](https://doi.org/10.25205/2541-7517-2021-19-3-55-67)
- Ablazhey A.M. (2022) Reforming the Academic Sector of Science as Evaluated by the Academic Community. *EKO*. No. 8(578). P. 173–192. DOI: [10.30680/ECO0131-7652-2022-8-173-192](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-8-173-192)
- Allakhverdyan A.G. (2018) Dinamika razvitiya rossiyskoy nauki: kadrovyy i gendernyy analiz [Dynamics of the development of Russian science: personnel and gender analysis]. *Naukovedcheskiye issledovaniya*. P. 16–25. DOI: [10.31249/scis/2018.00.02](https://doi.org/10.31249/scis/2018.00.02)
- Bednyi B.I., Rybakov N.V., Sapunov M.B. (2017) Doctoral Education in Russia in the Educational Field: An Interdisciplinary Discourse. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 9. P. 125–134. DOI: [10.7868/S0132162517090148](https://doi.org/10.7868/S0132162517090148)
- Churchill H., Sanders T. (2007) *Getting Your PhD: An Insiders' Guide*. London: Sage Publications.
- Dolzhenko R.A., Karpilianskii V.A., Hady R.A., Didenko A.S. (2019) Young Scientists' Motivation for the Research Activity in Russian Regional Universities. *Obrazovaniye i nauka*. Vol. 21. No. 9. P. 122–153. DOI: [10.17853/1994-5639-2019-9-122-153](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-9-122-153)
- Doveyko A.B., Stetsenko A.I. (2016) Aspiranty: motivatsii, udovletvorennost', problemy [Postgraduate students: motivation, satisfaction, problems]. *Aktual'nyye problemy sotsiologii kul'tury, obrazovaniya, molodezhi i upravleniya: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem*. Ekaterinburg, 24–25 February 2016. Ekaterinburg: Ural'skiy federal'nyy universitet im. pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina. P. 307–312.
- Gill T., Hoppe U. (2009) The Business Professional Doctorate as an Informing Channel: A Survey and Analysis. *International Journal of Doctoral Studies*. Vol. 4. P. 27–57. DOI: [10.28945/44](https://doi.org/10.28945/44)
- Grachev Yu.A. (2011) The Concept of «Readiness for Activity» in System of the Modern Psychology-pedagogical Knowledge. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, No. 4(52). P. 172–175.
- Karpov A.V., Razina T.V. (2013) Gender Features of the Higher School Teachers' Scientific Research Motivation. *Vestnik YarGU, Seriya: Gumanitarnyye nauki*. No. 4(26). P. 91–97.
- Kel'sina A.S. (2022) Women in Science: Russian and Regional Dimensions. *Neprreryvnoye obrazovaniye: XXI vek*. No. 1(37). P. 93–104. DOI: [10.15393/j5.art.2022.7430](https://doi.org/10.15393/j5.art.2022.7430)
- Kislova I.V., Mihailovsky V.G., Savchenko S.L. (2011) Analysis of Approaches to Understanding of the Willingness to Work. *Sotsial'nyye otnosheniya*. No. 2(3). P. 11–20.
- Labyntseva I.S. (2021) Osobennosti motivatsii nauchnoy deyatel'nosti sovremennykh aspirantov [Features of motivation of scientific activity of modern graduate students]. *Voprosy pedagogiki*. No. 6–1. P. 210–216.
- Lapteva O.I., Kornilova A.G. (2020). Motivation of Students of Technical Specialties for Scientific Activity. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. Vol. 8. No. 6. Available: <https://mir-nauki.com/PDF/10PDMN620.pdf>
- Mikhalkina E.V., Skachkova L.S. (2018) Why Do Not PhD Students Choose Job in Universities? *Terra Economicus*. Vol. 16. No. 4. P. 116–129. DOI: [10.23683/2073-6606-2018-16-4-116-129](https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-4-116-129)
- Molokanova E.A. (2019) Factors of Formation Self-Development Abilities among University Students. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. Vol. 24. No. 180. P. 24–30. DOI: [10.20310/1810-0201-2019-24-180-24-30](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-180-24-30)

- Nikitina N.B. (2010) Formation and professionalism of the psychologist. *Gumanitarnyj vector*. No. 2. P. 70–74.
- Novikova I.Yu. (2019) Synergetic Approach in Educational Process. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyy aspekt*. Vol. 11. No. 4(46). P. 61–66. DOI: [10.7442/2071-9620-2019-11-4-61-66](https://doi.org/10.7442/2071-9620-2019-11-4-61-66)
- Orekhova V.I. (2019) Tsennostno-normativnyy podkhod k izucheniyu motivatsii nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti aspirantov [Value-normative approach to the study of motivation of research activities of graduate students]. *Sredneye professional'noye obrazovaniye*. No. 6. P. 35–38.
- Patutina S.Yu. (2021) Formirovaniye motivatsii k nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti u studentov vuzov [Formation of motivation for research activities among university students]. *Kadrovik*. No. 12. P. 117–124.
- Pugach V.F. (2007) *Podgotovka kadrov v aspiranture Rossii na rubezhe XX-XXI vekov (statistiko-sotsiologicheskij analiz)* [Postgraduate training in Russia at the turn of the XX-XXI centuries (statistical and sociological analysis)]. Moscow: Federal'nyy institut razvitiya obrazovaniya (FIRO).
- Razina T.V. (2012) *Polovyye osobennosti motivatsii nauchnoy deyatel'nosti studentov, sobirayushchikhsya postupat' v aspiranturu* [Sexual features of the motivation for the scientific activity of students who are going to enter graduate school]. Al'ma Mater: Vestnik vysshey shkoly. No. 6. P. 30–35.
- Razina T.V. (2017) Dinamika motivatsii nauchnoy deyatel'nosti posle zashchity doktorskoy dissertatsii [Dynamics of motivation of scientific activity after the defense of a doctoral dissertation]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*. Vol. 20. P. 54–65.
- Razina T.V. (2018) Izmeneniya motivatsii nauchnoy deyatel'nosti v kontekste stressovykh sostoyaniy, vyzvannykh zashchitoy dissertatsii [Changes in the motivation of scientific activity in the context of stressful conditions caused by the defense of a dissertation]. In: Oboznov A.A., Zhuravlev A.L.(eds.) *Aktual'nyye problemy psikhologii truda, inzhenernoy psikhologii i ergonomiki*. Moscow: Institut psikhologii RAN. P. 369–392.
- Schmidt F.L., Hunter J.E. (1998) The Validity and Utility of Selection Methods in Personnel Psychology. *Psychological Bulletin*. Vol. 124. Is. 2. P. 262–274. DOI: [10.1037/0033-2909.124.2.262](https://doi.org/10.1037/0033-2909.124.2.262)
- Stephens N.M., Hamedani M.G., Destin M. (2014) Closing the Social-Class Achievement Gap: A Difference-Education Intervention Improves First-Generation Students' Academic Performance and All Students' College Transition. *Psychological Science*. Vol. 25. Is. 4. DOI: [10.1177/0956797613518349](https://doi.org/10.1177/0956797613518349)
- Strikhanov M.N., Sheregi F.E. (2006) *Nauka v Rossii: sotsiologicheskij analiz* [Science in Russia: sociological analysis]. Moscow: TsSP.
- Strikhanov M., Trubetskov D., Koronovskiy A., Khramov A. (2003) Analiz i prognoz izmeneniy nauchno-pedagogicheskogo potentsiala vysshey shkoly [Analysis and forecast of changes in the scientific and pedagogical potential of higher education]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*. No. 3. P. 3–17.
- Vechkanov G.S. (2011) Personnel Research Potential: Efficient Preparation of the Questions. *Ekonomika obrazovaniya*. No. 2. P. 48–54.
- Velikanov V.V., Trapianok N.G. (2020) Modern Postgraduate Studies: Features of Formation of New Generation of Scientists (according to Materials of Opinion Polls). *Vestnik Belorusskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii*. No. 3. P. 233–236.
- Voronov A.S. (2020) Development of Young People Research Potential and Popularization of Science Among Schoolchildren, Students and Young Scientists in Russia. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 78. P. 198–228. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10040](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10040)

Дата поступления/Received: 11.01.2023